

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
1969

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПОЛЬШѢ,

ВЪ 1673 — 1677 ГОДАХЪ.

Popov, A. N.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПОЛЬШѢ

ВЪ

1673 — 1677 ГОДАХЪ.

═

НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ОТНОШЕНІЙ ДРЕВНЕЙ РОССІИ КЪ

ЕВРОПЕЙСКИМЪ

ДЕРЖАВАМЪ.

СОЧ.

А. Попова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

Е Ч

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 7 Декабря 1853 года.

Цензоръ *Н. Ахматовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ

ГЕНЕРАЛЪ АДМИРАЛУ ФЛОТА,

Предсѣдателю Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ.

Съ благоговѣніемъ посвящаетъ

сочинитель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПОЛЬШѢ,

ВЪ 1673 — 1677 ГОДАХЪ.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПОЛЬШѢ,

ВЪ 1673 — 1677 ГОДАХЪ.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПОЛЬШѢ

ВЪ

1673 — 1677 годахъ.

=

НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ОТНОШЕНІЙ ДРЕВНЕЙ РОССІИ КЪ

ЕВРОПЕЙСКИМЪ

ДЕРЖАВАМЪ.

СОЧ.

А. Попова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ком
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 7 Декабря 1853 года.

Ценсоръ *Н. Ахматовъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ

ГЕНЕРАЛЪ АДМИРАЛУ ФЛОТА,

Предсѣдателю Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ.

Съ благоговѣніемъ посвящаетъ

сочинитель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА XIII.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Исторія сношеній Московскаго Государства съ другими державами принадлежитъ къ числу предметовъ почти совершенно не обработанныхъ наукою. Н. М. Карамзинъ собралъ много свѣдѣній, но только о первой половинѣ Московскаго періода, между тѣмъ какъ сношенія наши съ другими государствами развились по преимуществу въ последнюю. Замѣчательнѣйшее въ этомъ отношеніи время составляетъ государствованіе Царя Алексѣя Михайловича. Трудолюбивый ученый по Русской исторіи, Бантышъ-Каменскій составилъ полное извлеченіе изъ статейныхъ списковъ и другихъ посольскихъ дѣлъ, хранящихся въ главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; но его сочиненіе доселѣ не издано.

Не покушаясь обработать полную исторію нашей древней дипломатіи, намъ удалось составить нѣсколько разсказовъ объ отдѣльныхъ эпохахъ и происшествіяхъ сей исторіи.—Предлагаемое сочиненіе представляетъ одинъ изъ такихъ разсказовъ. Излагая предметъ новый въ нашей ученой Литтературѣ, по источникамъ большею частію рукописнымъ, мы дорожили каждымъ фактомъ, каждымъ особеннымъ взглядомъ и словомъ живописующими время. Быть можетъ отъ того разсказъ и сдѣлался многосложенъ: слишкомъ много вошло въ него мелкихъ происшествій и случаевъ изъ

частной жизни, изъ которыхъ значительная часть могла быть опущена въ полной учено-обработанной исторіи нашей Дипломатіи. Но это не исторія, а разсказъ объ отдѣльномъ произшествіи — первомъ постоянномъ Русскомъ посольствѣ въ Польшѣ; большая часть изложенныхъ въ немъ фактовъ новы и потому уже можно было не сокращать ихъ.

Главнѣйшими источниками для этого сочиненія послужили слѣдующія рукописи:

1) Статейный списокъ стольника В. М. Тяпкина. Рукопись въ 4-у, писанная современною скорописью на 812 листахъ.—Внизу листовъ по тетрадямъ скрѣплена: «сія (листъ 1) — книга (21) — резиденція (41)—Василья (61)—Михайлова (81)— сына (101) — Тяпкина (121) — домовая (141) — стольника (161) — Владиміра (181) — Даниловича (201) — Воробина (221) — подписана (241) рукою (291) — его (281) властною (301) — лѣта (321) — Господня (341) — 1701-го (361) Мая (381) — въ 15 день (401)». Сія рукопись принадлежала П. Ѳ. Карабанову, а въ настоящее время хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Московскіе послы, посланники и даже гонцы, возвращаясь изъ чужихъ государствъ, обязаны были представлять подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ съ историческимъ разсказомъ о своемъ путешествіи.—Такіе отчеты назывались статейными списками. Упомянутая рукопись есть

черновой оригиналъ статейнаго списка Тяпкина, съ которой бѣловой противень, по обычаю, онъ вѣроятно представилъ по возвращеніи изъ Польши въ Москву въ Посольскій приказъ. Во многихъ тѣстахъ этой рукописи находятся приписки рукою самого Тяпкина и отмѣтки на поляхъ: «писать въ бѣловой» или «не писать въ бѣловой». Очевидно эта рукопись принадлежала ему и послужила оригиналомъ для того списка который онъ представилъ въ Посольскій приказъ. Дѣла Посольскаго приказа, и въ числѣ ихъ огромное собраніе статейныхъ списковъ хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ; но статейнаго списка посольства Тяпкина въ Польшу тамъ не находилось. Эта рукопись дополняетъ собраніе статейныхъ списковъ Архива и замѣчательна, кромѣ содержанія, тѣмъ именно, что она черновая съ отмѣтками самого посла.

Находясь въ продолженіе долгаго времени внѣ Россіи, Тяпкинъ велъ постоянную переписку съ окольничьимъ и потомъ бояриномъ (съ Іюля 1675 г.) Матвѣевымъ, и сообщалъ ему извѣстія о произшествіяхъ которыхъ былъ свидѣтелемъ, о слухахъ, своихъ разговорахъ служебныхъ и даже частныхъ, если считалъ ихъ по чему-либо важными, и прилагалъ къ своимъ извѣстіямъ списки съ документовъ, писемъ имъ получаемыхъ или извѣстій заграничныхъ. Часть этихъ писемъ съ приложеніями значительно дополняетъ извѣстія заключающіяся въ его статейномъ спискѣ; они со-

хранились въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ двухъ томахъ:

II, Отписки къ оберегателю Польскихъ дѣлъ боярину А. С. Матвѣеву посланника и полковника Василья Тяпкина изъ Польши 1676 г. въ 4-у, на 449 листахъ, № 179.

III, Подъ такимъ же заглавіемъ письма 1677 года. Рукопись въ 4-у, на 157 листахъ.

Въ книги переплетены подлинныя письма съ приложеніями, начинающіяся съ 10 Декабря 1675 года и продолжающіяся по 30 Іюня 1677 года.

Статейный списокъ Тяпкина, представляя въ хронологическомъ порядкѣ полную исторію дѣйствій нашего посланника въ Польшѣ, почти въ продолженіе пяти лѣтъ, послужилъ главнымъ источникомъ для издаваемаго сочиненія. Письма Тяпкина за послѣдніе два года его посольства значительно дополнили вторую половину разсказа, вмѣстѣ съ другими, такъ же рукописными источниками, указанными въ примѣчаніяхъ.

Не считаемъ нужнымъ упоминать объ источникахъ печатныхъ, какъ въ отношеніи къ Русской такъ и Польской исторіи этого времени; они тоже указаны въ примѣчаніяхъ.

Позволяемъ себѣ думать что издаваемый разсказъ будетъ любопытенъ читателямъ, по многимъ совершенно новымъ свѣдѣніямъ, — и потому надѣяться что они снисходительно простятъ разскащика за недостатки и справятъ ихъ.

ГЛАВА I.

Въ 1672-мъ году, 7-го Апрѣля въ пасмурный и дождливый день по улицамъ Парижа разъѣзжали въ торжественной одеждѣ глашатые съ трубачами, объявляя на всѣхъ перекресткахъ и площадяхъ что Король Французскій, недовольный въ отношеніи къ нему поведеніемъ соединенныхъ Голландскихъ Штатовъ, начинаетъ съ ними войну на сушѣ и на морѣ. Объявленіе не поразило новостію Парижанъ; они давно знали о намѣреніяхъ Короля, знали и всѣ государства Европы, начинавшія уже смотрѣть недовѣрчиво на честолюбивые замыслы Людовика XIV. Не менѣе другихъ знала и сама Голландія, но кажется менѣе всѣхъ вѣрила въ возможность войны, потому что вовсе не приготовилась къ отпору.

Въ послѣдней четверти XVII столѣтія всѣ остатки средневѣковой жизни во Франціи, феодальное дворянство, отдѣльное управленіе городовъ, подчинились окончательно Королевской власти, въ лицѣ Людовика XIV возведенной до высокой степени силы и блеска. Но властолюбивый Король желалъ распространить и на дѣла всей Европы, исключительное свое вліяніе. Имперія, занятая постоянно отраженіемъ нападеній со стороны Турціи и возмущеніемъ Венгріи, слабое правительство Испанское послѣ смерти Филиппа IV и при его малолѣтнемъ преемникѣ, не могли съ достаточною силою противудѣйствовать честолюбивымъ замысламъ Короля Французскаго,

хранились въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ двухъ томахъ:

II. Отписки къ оберегателю Польскихъ дѣлъ боярину А. С. Матвѣеву посланника и полковника Василья Тяпкина изъ Польши 1676 г. въ 4-у, на 149 листахъ. № 179.

III. Подъ такимъ же заглавіемъ письма 1677 года. Рукопись въ 4-у, на 157 листахъ.

Въ книги переплетены подлинныя письма съ приложеніями, начинающіяся съ 10 Декабря 1675 года и продолжающіяся по 30 Іюня 1677 года.

Статейный списокъ Тяпкина, представляя въ хронологическомъ порядкѣ полную исторію дѣйствій нашего посланника въ Польшѣ, почти въ продолженіе пяти лѣтъ, послужилъ главнымъ источникомъ для издаваемаго сочиненія. Письма Тяпкина за послѣдніе два года его посольства значительно дополнили вторую половину разсказа, вмѣстѣ съ другими, такъ же рукописными источниками, указанными въ примѣчаніяхъ.

Не считаемъ нужнымъ упоминать объ источникахъ печатныхъ, какъ въ отношеніи къ Русской такъ и Польской исторіи этого времени; они тоже указаны въ примѣчаніяхъ.

Позволяемъ себѣ думать что издаваемый разсказъ будетъ любопытенъ читателямъ, по многимъ совершенно новымъ свѣдѣніямъ, — и потому надѣяться что они снисходительно простятъ разсказщика за недостатки и справятъ ихъ.

ГЛАВА I.

Въ 1672-мъ году, 7-го Апрѣля въ пасмурный и дождливый день по улицамъ Парижа разъѣзжали въ торжественной одеждѣ глашатые съ трубачами, объявляя на всѣхъ перекресткахъ и площадяхъ что Король Французскій, недовольный въ отношеніи къ нему поведеніемъ соединенныхъ Голландскихъ Штатовъ, начинаетъ съ ними войну на сушѣ и на морѣ. Объявленіе не поразило новостію Парижанъ; они давно знали о намѣреніяхъ Короля, знали и всѣ государства Европы, начинавшія уже смотрѣть недовѣрчиво на честолюбивые замыслы Людовика XIV. Не менѣе другихъ знала и сама Голландія, но кажется менѣе всѣхъ вѣрила въ возможность войны, потому что вовсе не приготовилась къ отпору.

Въ послѣдней четверти XVII столѣтія всѣ остатки средневѣковой жизни во Франціи, феодальное дворянство, отдѣльное управленіе городовъ, подчинялись окончательно Королевской власти, въ лицѣ Людовика XIV возведенной до высокой степени силы и блеска. Но властолюбивый Король желалъ распространить и на дѣла всей Европы, исключительное свое вліяніе. Имперія, занятая постоянно отраженіемъ нападеній со стороны Турціи и возмущеніемъ Венгріи, слабое правительство Испанское послѣ смерти Филиппа IV и при его малолѣтнемъ преемникѣ, не могли съ достаточною силою противу дѣйствовать честолюбивымъ замысламъ Короля Французскаго,

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПОЛЬШѢ,

ВЪ 1673 — 1677 ГОДАХЪ.

Popov, A. N.

РУССКОЕ

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПОЛЬШѢ

ВЪ

1673 — 1677 ГОДАХЪ.

═

НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ОТНОШЕНІЙ ДРЕВНЕЙ РОССІИ КЪ

ЕВРОПЕЙСКИМЪ

ДЕРЖАВАМЪ.

СОЧ.

А. Попова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

ECB

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Коми
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 7 Декабря 1853 года.

Ценсоръ *Н. Ахматовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ

ГЕНЕРАЛЪ АДМИРАЛУ ФЛОТА,

Предсѣдателю Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ.

Съ благоговѣніемъ посвящаетъ

сочинитель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Исторія сношеній Московскаго Государства съ другими державами принадлежитъ къ числу предметовъ почти совершенно не обработанныхъ наукою. Н. М. Карамзинъ собралъ много свѣдѣній, но только о первой половинѣ Московскаго періода, между тѣмъ какъ сношенія наши съ другими государствами развились по преимуществу въ послѣднюю. Замѣчательнѣйшее въ этомъ отношеніи время составляетъ государствованіе Царя Алексѣя Михайловича. Трудолюбивый ученый по Русской исторіи, Бантышъ-Каменскій составилъ полное извлеченіе изъ статейныхъ списковъ и другихъ посольскихъ дѣлъ, хранящихся въ главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; но его сочиненіе доселѣ не издано.

Не покушаясь обработать полную исторію нашей древней дипломатіи, намъ удалось составить нѣсколько разсказовъ объ отдѣльныхъ эпохахъ и произшествіяхъ сей исторіи.—Предлагаемое сочиненіе представляетъ одинъ изъ такихъ разсказовъ. Излагая предметъ новый въ нашей ученой Литтературѣ, по источникамъ большею частію рукописнымъ, мы дорожили каждымъ фактомъ, каждымъ особеннымъ взглядомъ и словомъ живописующими время. Быть можетъ отъ того разсказъ и сдѣлался многосложенъ: слишкомъ много вошло въ него мелкихъ произшествій и случаевъ изъ

частной жизни, изъ которыхъ значительная часть могла быть опущена въ полной учено-обработанной исторіи нашей Дипломатіи. Но это не исторія, а разсказъ объ отдѣльномъ произшествіи — первомъ постоянномъ Русскомъ посольствѣ въ Польшѣ; большая часть изложенныхъ въ немъ фактовъ новы и потому уже можно было не сокращать ихъ.

Главнѣйшими источниками для этого сочиненія послужили слѣдующія рукописи:

1) Статейный списокъ стольника В. М. Тяпкина. Рукопись въ 4-у, писанная современною скорописью на 812 листахъ.—Внизу листовъ по тетрадямъ скрѣплена: «сія (листъ 1) — книга (21) — резиденція (41)—Василья (61)—Михайлова (81)—сына (101) — Тяпкина (121) — домовая (141) — стольника (161) — Владиміра (181) — Даниловича (201) — Воробина (221) — подписана (241) рукою (291) — его (281) властною (301) — лѣта (321) — Господня (341) — 1701-го (361) Мая (381) — въ 15 день (401)». Сія рукопись принадлежала П. Ѳ. Карабанову, а въ настоящее время хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Московскіе послы, посланники и даже гонцы, возвращаясь изъ чужихъ государствъ, обязаны были представлять подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ съ историческимъ разсказомъ о своемъ путешествіи.—Такіе отчеты назывались статейными списками. Упомянутая рукопись есть

черновой оригиналъ статейнаго списка Тяпкина, съ которой бѣловой противень, по обычаю, онъ вѣроятно представилъ по возвращеніи изъ Польши въ Москву въ Посольскій приказъ. Во многихъ тѣстахъ этой рукописи находятся приписки рукою самого Тяпкина и отмѣтки на поляхъ: «писать въ бѣловой» или «не писать въ бѣловой». Очевидно эта рукопись принадлежала ему и послужила оригиналомъ для того списка который онъ представилъ въ Посольскій приказъ. Дѣла Посольскаго приказа, и въ числѣ ихъ огромное собраніе статейныхъ списковъ хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ; но статейнаго списка посольства Тяпкина въ Польшу тамъ не находилось. Эта рукопись дополняетъ собраніе статейныхъ списковъ Архива и замѣчательна, кромѣ содержанія, тѣмъ именно, что она черновая съ отмѣтками самого посла.

Находясь въ продолженіе долгаго времени внѣ Россіи, Тяпкинъ велъ постоянную переписку съ окольничьимъ и потомъ бояриномъ (съ Іюля 1675 г.) Матвѣевымъ, и сообщалъ ему извѣстія о происшествіяхъ которыхъ былъ свидѣтелемъ, о слухахъ, своихъ разговорахъ служебныхъ и даже частныхъ, если считалъ ихъ по чему-либо важными, и прилагалъ къ своимъ извѣстіямъ списки съ документовъ, писемъ имъ получаемыхъ или извѣстій заграничныхъ. Часть этихъ писемъ съ приложеніями значительно дополняетъ извѣстія заключающіяся въ его статейномъ спискѣ; они со-

хранились въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ двухъ томахъ:

II, Отписки къ оберегателю Польскихъ дѣлъ боярину А. С. Матвѣеву посланника и полковника Василья Тяпкина изъ Польши 1676 г. въ 4–у, на 449 листахъ, № 179.

III, Подъ такимъ же заглавіемъ письма 1677 года. Рукопись въ 4–у, на 157 листахъ.

Въ книги переплетены подлинныя письма съ приложеніями, начинающіяся съ 10 Декабря 1675 года и продолжающіяся по 30 Іюня 1677 года.

Статейный списокъ Тяпкина, представляя въ хронологическомъ порядкѣ полную исторію дѣйствій нашего посланника въ Польшѣ, почти въ продолженіе пяти лѣтъ, послужилъ главнымъ источникомъ для издаваемаго сочиненія. Письма Тяпкина за послѣдніе два года его посольства значительно дополнили вторую половину разсказа, вмѣстѣ съ другими, такъ же рукописными источниками, указанными въ примѣчаніяхъ.

Не считаемъ нужнымъ упоминать объ источникахъ печатныхъ, какъ въ отношеніи къ Русской такъ и Польской исторіи этого времени; они тоже указаны въ примѣчаніяхъ.

Позволяемъ себѣ думать что издаваемый разсказъ будетъ любопытенъ читателямъ, по многимъ совершенно новымъ свѣдѣніямъ, — и потому надѣяться что они снисходительно простятъ разскащика за недостатки и справятъ ихъ.

ГЛАВА I.

Въ 1672-мъ году, 7-го Апрѣля въ пасмурный и дождливый день по улицамъ Парижа разъѣзжали въ торжественной одеждѣ глашатые съ трубачами, объявляя на всѣхъ перекресткахъ и площадяхъ что Король Французскій, недовольный въ отношеніи къ нему поведеніемъ соединенныхъ Голландскихъ Штатовъ, начинаетъ съ ними войну на сушѣ и на морѣ. Объявленіе не поразило новостію Парижанъ; они давно знали о намѣреніяхъ Короля, знали и всѣ государства Европы, начинавшія уже смотрѣть недовѣрчиво на честолюбивые замыслы Людовика XIV. Не менѣе другихъ знала и сама Голландія, но кажется менѣе всѣхъ вѣрила въ возможность войны, потому что вовсе не приготовилась къ отпору.

Въ послѣдней четверти XVII столѣтія всѣ остатки средневѣковой жизни во Франціи, феодальное дворянство, отдѣльное управленіе городовъ, подчинились окончательно Королевской власти, въ лицѣ Людовика XIV возведенной до высокой степени силы и блеска. Но властолюбивый Король желалъ распространить и на дѣла всей Европы, исключительное свое вліяніе. Имперія, занятая постоянно отраженіемъ нападеній со стороны Турціи и возмущеніемъ Венгріи, слабое правительство Испанское послѣ смерти Филиппа IV и при его малолѣтнемъ преемникѣ, не могли съ достаточною силою противудѣйствовать честолюбивымъ замысламъ Короля Французскаго,

Англія при Карлѣ II была враждебна Франціи въ лицѣ Парламента, но онъ постоянно находился въ борьбѣ съ Королемъ, который сочувствовалъ Людовику XIV и при помощи его силы и денегъ надѣялся вновь утвердить Латинскую Церковь въ своихъ владѣніяхъ. Мелкія государства Германіи были на сторонѣ того кто былъ сильнѣе, платилъ больше денегъ и еще болѣе обѣщалъ; Франціи была щедра на подкупы и еще щедрѣе на обѣщанія; Французское золото съ избыткомъ награждало придворныхъ всѣхъ государствъ Европейскихъ, а дипломатія хитро и ловко опутывала ихъ въ свои сѣти. Блескъ роскоши и просвѣщенія, господствовавшій при дворѣ Французскомъ, давалъ и умственное преимущество Франціи предъ остальною Европою и въ свой чередъ служилъ орудіемъ ея политическимъ замысламъ. Одна Голландія, получившая значеніе по богатству пріобрѣтенному торговлею, осмѣливалась явно противудѣйствовать видамъ Людовика XIV.

Меркантильное направленіе, господствовавшее въ это время въ политической экономіи, заставляло Францію съ завистію смотрѣть на богатства Голландіи. Обширный флотъ Соединенныхъ Штатовъ, съ которымъ не могъ еще помѣриться силою Англійскій, въ ея рукахъ послужилъ-бы орудіемъ для окончательнаго покоренія Испаніи и, можетъ быть, униженія Англіи и другихъ сѣверныхъ государствъ, Швеціи и Даніи. Но кромѣ внѣшнихъ причинъ, были и внутреннія, подъ вліяніемъ которыхъ рано или поздно должна была вспыхнуть война между обоими государствами. Республиканская и протестантская Голландія была ненавистна строго монархической и Латинской по вѣроисповѣданію Франціи.

Хотя Церковь Король Французскій понималъ иначе нежели Папа, — вліяніе главы Латинской Церкви стѣсняло его дѣйствія и онъ постоянно стремился къ образованію независимой и народной Церкви, подчиняя такимъ образомъ требова-

нія церковныя видамъ государственнымъ; однакоже онъ считалъ себя ея представителемъ и защитникомъ.

Государственное устройство Голландіи допускало значительную свободу книгопечатанія. Тамъ постоянно появлялись сочиненія противъ Людовика XIV-го. Война начатая имъ съ Испаніею, хотя окончилась и выгоднымъ для него Ахенскимъ миромъ, по которому часть Фландріи присоединилась къ Франціи, однакоже онъ долженъ былъ заключить миръ въ слѣдствіе вмѣшательства Голландіи, составившей тройной союзъ съ Швеціею и Англіею противъ Франціи. Это послѣднее дѣйствіе Голландіи рѣшило окончательно Французскаго Короля на войну съ нею. Но прежде нежели Людовикъ XIV началъ военныя дѣйствія, онъ искалъ союзниковъ. Его дипломаты объѣзжали всѣ дворы Европейскіе, оправдывая намѣренія Короля, уговаривая если не соединенно дѣйствовать противъ Голландіи, то по крайней мѣрѣ не мѣшать Франціи. Они успѣли почти всѣхъ преклонить на свою сторону. Испаніи Людовикъ обѣщалъ часть, городовъ Голландскихъ въ замѣнъ потерянныхъ ею во Фландріи, Имперіи половину Испанскихъ владѣній, которыя также намѣревался завоевать, увѣряя впрочемъ что войну съ Голландіею начинаетъ вовсе не съ цѣлію завоеванія, но только чтобы наказать ее за оскорбленія. Швецію труднѣе всѣхъ было отторгнуть отъ тройнаго союза и преклонить на свою сторону; но и тутъ подѣйствовало золото. Она обѣщала не помогать Голландіи, удерживая за собою однакоже право посредствомъ переговоровъ помирить съ нею Короля Французскаго. Король Англійскій не только отступилъ отъ союза, но хотѣлъ соединить свои войска и флотъ съ французскими. Людовикъ XIV обѣщалъ ему помочь въ намѣреніи утвердить вновь Латинскую Церковь въ Англіи и уступить часть городовъ Голландскихъ, представляя свой союзъ съ нимъ священнымъ, какъ

союзъ двухъ монарховъ исповѣдующихъ Латинскую вѣру противъ народа иновѣрнаго.

Но политическія сношенія съ Турціею, достигнувшею въ это время высшей степени могущества, обнаруживали особенный взглядъ Людовика XIV на христіанство. Въ это время хотя и рѣже, но по прежнему изъ Рима еще слышался голосъ, призывавшій Государей Европы, къ крестовому походу противъ Турокъ, но ему не внимали: вопросы Церковные не возбуждали уже прежняго участія. Взятіе Кандіи заставило вновь содрогнуться Европу, но не смотря на то Французскій Король, помогавшій Венеціи противъ Турокъ, вдругъ заключилъ съ ними миръ и даже возбудилъ Султана къ войнѣ противъ Польши. Онъ былъ не доволенъ ею за то, что сеймъ избирательный въ 1669-мъ году, вмѣсто кандидата имъ предложеннаго, избралъ Королемъ Михаила Корибута Вишневецкаго. Его бракъ съ сестрою Императора, Елеонорою, точно также не соотвѣтствовалъ видамъ Людовика XIV. Имперія была постояннымъ врагомъ Франціи, союзъ съ Польшею придавалъ ей новую силу. За то онъ обратилъ на Польшу огромныя силы Турокъ, которыя уже готовы были обрушиться на Имперію, помогая Венгріи, чего въ свой чередъ также желалъ Король Французскій. Онъ содѣйствовалъ возмущенію Венгровъ противъ Имперіи, начавшемуся по случаю преслѣдованія протестантовъ. — Но разгромивъ Польшу, войска Турецкія легко могли обратить оружіе въ послѣдствіи и противъ Имперіи, а между тѣмъ нужно было принудить Польшу войти въ виды своей политики.

Онъ достигъ своей цѣли. Сильная партія въ Польшѣ, не довольная слабымъ и унизительнымъ правленіемъ Михаила, подъ предводительствомъ Примаса охотно подчинилась его вліянію. Она рѣшилась свергнуть съ престола Михаила и избрать племянника Французскаго Короля Герцога de Longueville (Графа de Saint-Pol). Королева Елеонора сама участвовала въ загово-

рѣ, Императоръ его поддерживалъ съ тѣмъ чтобъ его сестра вышла замужъ за новаго Короля.

Всѣ, болѣе значительныя Европейскія государства, соединились съ Франціею; одинъ только курфюрстъ Бранденбургскій объявилъ себя прямо защитникомъ Голландіи.

При такихъ обстоятельствахъ, войска Французскія вторгнулись въ Голландію, а Турецкія въ Польшу. Споры двухъ партій, Оранской и демократической, въ Голландіи не дали ей возможности приготовиться къ отпору сильнаго врага. Вражда едва не доходившая до междоусобія, между панами, шляхтою и Королемъ, ничтожество Михаила, поставили Польшу въ положеніе совершенно беззащитное противъ огромнаго войска Турецкаго. Защитникомъ Голландіи явился молодой Вильгельмъ Оранскій, избранный Штатгальтеромъ, Польши — уже испытанный воинъ, Великій Гетманъ Коронный Янъ Собѣсскій, оба съ ничтожными силами въ сравненіи съ силою враговъ. Голландія и Польша почти въ одно и тоже время обратились съ просьбою о помощи къ Россіи. Въ это время, когда во всей Европѣ загоралась война положеніе Россіи было трудное, въ слѣдствіе двухъ происшествій: заключенія Андрусовскаго договора и возмущенія Стеньки Разина.

Малороссія присоединенная къ Великой Россіи или такъ называвшемуся въ то время Государству Московскому, въ слѣдствіе обстоятельствъ, раздѣлилась на двѣ половины; это раздѣленіе было утверждено договоромъ Андрусовскимъ 1667 года. Днѣпръ послужилъ границею; страна по сю сторону присоединилась къ Россіи; Заднѣпровье оставлено за Польшею; Запорожье признано отчасти самостоятельнымъ владѣніемъ, находящемся однакоже подъ покровительствомъ обѣихъ державъ. Это раздѣленіе послужило поводомъ къ тому, что во всей Малороссіи водворились безпорядки и смятенія, скоро превратившіяся въ кровопролитную войну междоусобную. Народъ ненавидѣлъ

Поляковъ такъ долго его угнетавшихъ, питалъ отвращеніе и ужасъ къ Туркамъ, Мусульманамъ и грабителямъ. Присоединившись къ Россіи уже съ первыхъ временъ, Малороссіяне, привыкшіе къ безпорядочной вольницѣ, тяготились порядкомъ государственнымъ, который желало водворить Московское правительство. Присутствіе Русскихъ войскъ въ Малороссіи, впрочемъ необходимыхъ для сохраненія внутренняго порядка и защиты отъ Татаръ и Поляковъ, Русскіе воеводы по городамъ, чины Московскіе, которыми жаловали старшинъ Казацкихъ, боярство Гетмана Брюховецкаго — все это не любо было Малороссіянамъ. Повсюду, господствовало смущеніе, возбуждаемое сильнѣе и сильнѣе недоброжелателями Россіи; говорили, что она хочетъ не только уничтожить всѣ права Малороссіи, но даже уступить ее Польшѣ. При такомъ состояніи умовъ объяленъ былъ Андрусовскій договоръ. Раздѣленіе страны на части, уступка одной изъ нихъ Полякамъ, сильно взволновали Малороссіянъ. Но всего болѣе имъ было непріятно то, что Кіевъ только временно оставался во власти Россіи и чрезъ два года долженъ былъ возвращенъ быть Польшѣ.- Начались возмущенія; Дорошенко, гетманъ заднепровской Украйны, поддался Турціи; его примѣру хотѣлъ послѣдовать Брюховецкій, но вскорѣ погибъ. Вновь избранный Гетманомъ Многогрѣшный, предлагая Царю вновь принять себя въ подданство со всею, подвластною ему Малороссіею, просилъ—«первопрестольнаго града царства русскаго, изъ котораго на всю Россію излилась благодать Божія, на которомъ зиждется вся Украйна» — не отдавать Полякамъ. Хотя въ Глуховскихъ статьяхъ (1669 года), составленныхъ при утвержденіи Россіею Гетманомъ Многогрѣшнаго и отвѣчали полномочные Московскіе что Россія не можетъ нарушить договора, поводъ къ заключенію котораго дали сами Малороссіяне своими возмущеніями; однакоже на второмъ Андрусовскомъ съѣздѣ бояре Московскіе объявили Полякамъ что Россія, впро-

чемъ временемъ, не можетъ возвратить Кіева, опасаясь чтобы Дорошенко не отдалъ его во власть Турокъ. Но въ статьяхъ Конотопскихъ (1672 года), утверждавшихъ избраніе Малороссійскимъ Гетманомъ Самойловича, уже прямо постановлено было что Россія никогда не возвратитъ Кіева Польшѣ. Уступивъ требованіямъ Малороссіи и впрочемъ собственному своему желанію, только въ слѣдствіе объстоятельствъ отложенному до времени, Россія ставила себя въ положеніе враждебное къ Польшѣ въ то время, когда не могла разсчитывать на полную преданность Малороссіи, должна была опасаться войны съ Татарами и Турками, возбуждаемыми къ войнѣ Дорошенкомъ. Трудное положеніе еще болѣе усилило въ это время новое происшествіе: разбойничья шайка, предводимая казакомъ Стенькою Разинымъ, разнесла повсюду пожары, опустошенія и взволновала пространство Россіи отъ Яика до Симбирска, Тамбова, Нижняго Новагорода и далѣе вверхъ по Волгѣ. Хотя дѣйствія Русскихъ войскъ скоро успокоили возстаніе, однакоже возмущеніе Стеньки Разина и волненія въ Малороссіи значительно истощили силы Россіи въ то время, когда предстояла нужда дѣйствовать съ особенною силою, когда зачиналась всеобщая война въ Западной Европѣ и война Поляковъ съ Турками. Россія должна была принять участіе въ дѣлахъ другихъ державъ. Когда Голландія и Польша обратились къ ней съ просьбою о помощи, Царь Алексѣй Михайловичь охотно принялъ прошенія и той и другой. Онъ писалъ къ Королю Французскому и Англійскому, предлагая имъ прекратить войну несправедливую. Желая помочь Польшѣ, по условіямъ Андрусовскаго договора, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезопасить Малороссію и Кіевъ, находившійся въ рукахъ у Русскихъ, Царь отправилъ пословъ ко всѣмъ дворамъ Европейскимъ, предлагалъ имъ составить общій союзъ и соединить свои войска съ Польскими и Русскими для отрѣженія «общаго врага всего христіанства» — Турецкаго Султана. Всѣ дворы

отговорились *несостоятельностію учинить оный союзъ,»* кромѣ Курфюрста Бранденбургскаго и Швеціи.[1] Они обѣщали прислать нарочныхъ пословъ въ Москву для составленія договора о совокупномъ противъ Турокъ дѣйствіи.

Между тѣмъ войска Французскія вошли въ Голландію; при знаменитой переправѣ черезъ Рейнъ былъ убитъ Герцогъ Лонгевиль въ то время, когда паны Польскіе уже съѣхались въ Данцигѣ ожидая его прибытія. Намѣренія свергнуть Михаила съ престола не удалось. Пока враждебная ему Партія пріискивала новаго кандидата, Елеонора помирилась съ мужемъ, Императоръ обѣщалъ ему защиту. Успѣхи Французскаго оружія и присоединеніе къ Франціи завоеванныхъ городовъ обнаруживали намѣренія Короля завоевать Голландію и принудили Государей Европы измѣнить свои отношенія къ Франціи. Испанія поняла наконецъ что послѣ завоеванія Голландіи и тѣ области которыми она еще владѣла въ Бельгіи достанутся въ руки Франціи, составила союзъ съ Соединенными Штатами и предписала своимъ войскамъ дѣйствовать противъ Французскихъ. Въ слѣдъ за Испаніею Императоръ послалъ на Рейнъ часть войскъ, сначала для наблюденія, и потомъ по рѣшенію сейма, собраннаго въ Регенсбургѣ, съ цѣлію воевать съ Французами. Курфюрстъ Бранденбургскій усилилъ свой вспомогательный отрядъ, а Голландцы въ свой чередъ увеличили войско Принца Вильгельма. Попытки къ мирнымъ соглашеніямъ, нѣсколько разъ предпринимаемыя Швеціею, не удались отъ неумѣренныхъ тре-

---

[1] Грам. Браденбург. Курф. отъ 11-го Февр. привезенная Мейезіусомъ 28-го Марта 1674 г. Грамота Шведскаго Короля отъ 3-го Генваря, привезенная гонцомъ Емел. Украинцовыхъ 12 Авг. 1673. Въ слѣдъ за тѣмъ Ноября 24 прибылъ Бранденб. посолъ Іоакимъ Скультетъ, съ которымъ и заключенъ былъ договоръ Нояб. 29. См. въ Моск. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ-дѣла о сношеніяхъ съ Бранд. и Швеціею этихъ лѣтъ. Дворц. Разр. III, стр. 912 и 913.

бованій Людовика XIV. Англійскій парламентъ, послѣ неудачныхъ дѣйствій флота, соединеннаго съ Французскимъ, противъ Голландскаго, принудилъ Короля, при посредствѣ Испаніи, заключить миръ съ Соединенными Штатами.

Такимъ образомъ война, начатая Франціею съ одною Голландіею, вдругъ превратилась въ войну почти со всею Европою. Людовикъ XIV принужденъ былъ оставить всѣ завоеванные города, кромѣ одного Мастрихта, и придвинуть войска къ своимъ границамъ.

Въ то время когда войска Французскія собирались выступить изъ Голландіи, Польша почти была завоевана Турками. Гетманъ Дорошенко вмѣстѣ съ Крымскими Татарами занялъ всю Украйну, принадлежавшую Польшѣ, войска Султана взяли Каменецъ и осадили Львовъ. Блистательныя побѣды Собѣскаго съ горстью войскъ надъ отдѣльными отрядами, не могли остановить разрушительнаго хода Турецкихъ силъ. Король долго не вѣрилъ что Турки воюютъ Польшу, полагая что его враги разсѣеваютъ ложный слухъ и повѣрилъ тогда, какъ не осталось никакихъ средствъ къ защитѣ. Безъ вѣдома Рѣчи Посполитой онъ поспѣшилъ заключить, постыдный для Польши, миръ въ Бунжановѣ (1672 Октября 22), по которому уступилъ Турціи Каменецъ и всю Украйну, обѣщался платить дань и поставилъ Польшу въ положеніе государства подвластнаго Султану.

Между тѣмъ въ продолженіи этого времени Россія дѣйствовала въ Украйнѣ. Гетманъ Самойловичь, желая доказать преданность, прислалъ въ Москву двухъ малолѣтныхъ сыновей своихъ на жительство съ протопопомъ Нѣжинскимъ Симеономъ Адамовичемъ. Онъ находился при нихъ въ качествѣ наставника, а въ тоже время имѣлъ порученіе втайнѣ предложить Царской Думѣ политическія предположенія Гетмана.[2] Самойловичь

[2] Онъ прибылъ въ Москву Марта 7-го, 7181 года. Малоросс. дѣла въ Сенат. Разр. Архивѣ № 21, рукопись.

жаловался на Поляковъ и особенно на гарнизонъ Диммерскій, производившій разбои въ окрестностяхъ Кіева, извѣщалъ о набѣгахъ Татаръ на Украйну. Въ слѣдствіе войны Турокъ съ Поляками, Татары, приглашенные въ помощь Дорошенкомъ нападали отдѣльными шайками и на Украйну Русскую.[3] Незадолго предъ тѣмъ Царь уже предписалъ Гетману послать отрядъ войскъ на Кайдакъ, для наблюденія за Татарами, въ Запорожье боевые снаряды и приготовить на Днѣпрѣ флотилію морскихъ лодокъ, которую также спустить къ Сѣчѣ. Исполнивъ два первые приказанія, Гетманъ увѣдомлялъ что невозможно мимо владѣній Дорошенки бозопасно провесть флотилію въ Запорожье.[4] Успѣхи Турокъ въ Польшѣ напугали всю Малороссію, ожидали что Дорошенко поведетъ ихъ на Кіевъ. Гетманъ просилъ у Царя *нарядъ*, нѣсколько пушекъ, говоря: «понеже совершенно чрезъ сіи времена не имѣли есть,» и поручалъ протопопу Адамовичу предложить Царю, чтобъ предписалъ ему соединится съ Кн. Ромодановскимъ и идти весною на Крымъ. Если же по какимъ либо обстоятельствамъ походъ на Крымъ окажется невозможнымъ, то дозволить имъ «домашняго непріятеля, а подданнаго Турскаго Султана, Дорошенко, со всѣми его людьми и городами, подвесть подъ его Царскаго Величества высокоподержавную руку въ подданство; а если того учинить не захочетъ, то на него бъ идти войною».[5] Прибывшій въ это время Польскій гонецъ Іеронимъ Комаръ[6], отъ Короля Михаила, съ просьбою о помощи, вѣсти сообщенныя какъ самимъ Гетманомъ, такъ и Архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ о состояніи Польши, заставили Московской дворъ приступить къ рѣшитель-

---

[3] Письмо Гетмана къ Царю отъ 18 Февраля. Тамъ же.

[4] Письмо Гетмана къ Царю отъ 25 Февр. 1573. Тамъ же.

[5] Статьи т. е. наказъ какъ дѣйствовать противъ Дорошенка, посланный къ Кн. Ромодановскому въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Тамъ же.

[6] Дворц. Разряды, III. стр. 838.

нымъ дѣйствіямъ въ Малороссіи. Нарочно собранная Дума рѣшила, по просьбѣ Короля Михаила, отпустить въ Запорожье Кошеваго Сѣрко.[7] Онъ находился въ это время въ Москвѣ, куда былъ взятъ въ слѣдствіе подозрѣній въ недоброжелательствѣ къ Россіи. Патріархъ и бояре уговаривали его быть вѣрнымъ Царю и взявъ съ него присягу отпустили въ Сѣчу. Царь дозволилъ Полякамъ закупить хлѣбъ въ Русской Украйнѣ[8] и повелѣлъ Князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, начальствовавшему въ это время Русскими войсками, находившимися въ Малороссіи, дѣйствовать вмѣстѣ съ Гетманомъ Самойловичемъ. Въ граматѣ къ Гетману Царь писалъ что его предположеніе идти войною на Крымъ, необходимо «нынѣ до времени оставить,» что же касается до дѣйствій противъ Дорошенка, то предписывалъ походъ, согласно съ его предположеніемъ. Съ этою цѣлію было предписано Князю Ромодановскому изъ Бѣлгорода немедленно выступить къ Сунжѣ, со всѣми находящимися при немъ войсками, а тѣмъ которые распущены велѣть собираться тудаже какъ можно скорѣе. О своемъ походѣ онъ долженъ былъ извѣстить Гетмана Самойловича и просить его назначить мѣсто свиданія для переговоровъ о совокупныхъ дѣйствіяхъ. Гетману въ свой чередъ предписывалось, тоже по совѣщаніи съ Княземъ Ромодановскимъ, рѣшить какимъ бы образомъ «Дорошенко со всѣмъ его посполитствомъ привесть въ подданство подъ высокодержавную руку Его Царскаго Величества.» Для того Дума предложила послать грамату къ Дорошенку, въ которой приглашала его добровольно отложиться отъ Турокъ и вступить въ подданство Россіи. Эта грамота была отправлена къ Князю Ромодановскому, которому, по соединеніи съ Гетманомъ, поручалось идти къ Днѣпру,

---

[7] Письмо Адамовича къ Гетману Самойловичу, изъ Москвы отъ 10 и Царск. грамата къ Гетману отъ 20 Марта. Малор. дѣла Сен. Разр. Архива. № 21.

[8] Письмо Гетмана къ Царю отъ 21 Мая. Тамъ же

стать лагеремъ на берегу и отправить ихъ съ нарочными гонцами къ Чигиринскому Гетману. Гонцамъ поручалось говорить что Царь принимаетъ его въ подданство изъ подъ «ига Мусульманскаго», по желанію имъ самимъ прежде изъявленному, готовъ оставить его заднѣпровскимъ Гетманомъ, если онъ присягнетъ въ вѣрности. Условія подданства заднѣпровской Малороссіи поручено было, по совѣщанію съ Дорошенкомъ, составить Кн. Ромодановскому и Гетману Самойловичу. Вести переговоры съ Дорошенкомъ поругались «осторожно и развѣдывая гораздо, чтобъ отъ него какія прелести и лукавства не было.» Въ тоже время посланы были къ Князю Ромодановскому отдѣльныя граматы къ каждому изъ полковниковъ, признававшихъ власть Чигиринскаго Гетмана, съ тѣмъ чтобъ отправить ихъ по назначенію въ тоже время какъ будетъ послана грамата къ Дорошенку. Царь приглашалъ ихъ въ свое подданство вмѣстѣ съ Гетманомъ или однихъ, если Дорошенко останется Турецкимъ подданнымъ; въ послѣднемъ случаѣ имъ дозволялось избрать новаго Гетмана или признать власть Самойловича.[9] Въ Царской грамата къ Іосифу Тукальскому, Митрополиту находившемуся въ Чигиринѣ, изъявлялось удивленіе какъ могъ Дорошенко покориться Масульманамъ. Онъ изъявлялъ желаніе вступить въ подданство Русское, но тогда нельзя было принять его, какъ подданнаго Польскаго Короля, союзника Россіи. Въ настоящее же время, какъ подданнаго Турецкой Имперіи, враждебной какъ Россіи, такъ и всему христіанству, Царь призываетъ его соединиться съ государствомъ единовѣрнымъ.[10] Митрополиту поручалось уговаривать къ тому Дорошенка, а въ то же время Лазарю Барановичу[11] и потомъ Архимандриту

[9] Царская грамата къ Князю Ромодановскому отъ 10 марта къ Гетману отъ 11 марта. Тамъ же.

[10] Царская грамата отъ 17 марта Тамъ же.

[11] Царск. грам. отъ 17 апрѣля. Письмомъ отъ Апр. 27 Лазарь Барановичь увѣдомилъ о томъ что писалъ уже къ Тукальскому. Тамъ же.

Кіевской Печерской Лавры Гизелю поручалось написать увѣщательныя посланія къ самому Іосифу Тукальскому[12].

Въ то время какъ производились распоряженія о походѣ на Турецкаго Гетмана, заднѣпровскій Гетманъ, покорный Польшѣ, самъ изъявлялъ желаніе вступить въ подданство Россіи. Онъ обратился съ просьбою къ воеводѣ Кіевскому Князю Трубецкому отправить его гонца въ Москву съ письмомъ къ Царю. Воевода исполнилъ его желаніе и гонецъ Ханенка пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ гонцемъ отъ Князя Трубецкаго и привезъ прошеніе своего Гетмана. Но Ханенко, изъявляя желаніе принять подданство, хотѣлъ быть Гетманомъ всего Заднѣпровья. Поэтому Князю Трубецкому предписано было объявить Ханенку, чтобъ онъ старался напередъ сдѣлаться Гетманомъ всего Заднѣпровья. Когда будетъ избранъ вмѣсто Дорошенка, тогда и Царь приметъ его въ подданство и «указъ свой пошлетъ.» Но какъ до сего времени онъ не имѣетъ этого званія, потому о личномъ своемъ желаніи вступить въ подданство ему поручалось снестись съ Гетманомъ Самойловичемъ.[13] Врочемъ эти сношеніи скоро были прерваны походомъ Ханенка противъ Турокъ, по предписанію Польскаго Короля.

Между тѣмъ, исполняя предписаніе Царское, Князь Ромодановскій и Гетманъ съѣхались для свиданія въ Сумы и послѣ трехъдневныхъ совѣщаній предположили немедленно выступить въ походъ и соединить свои войска у Лозвицы и Глинска.

---

[12] Цар. грамата отъ 5 іюня. Тамъ же.

[13] Цар. грамата къ Кн. Трубецкому и Гетману отъ 30 апрѣля. Гонецъ Ханенка 17 апр. выѣхалъ изъ Кіева. Въ прошеніи къ Царю Ханенко писалъ: «сице желаетъ душа моя подъ державою свѣтлою единаго свѣтозарнаго Монарха, православнаго благочестія рачителя, за которое мы всѣ головами своими и кровію печатлѣемъ нонѣшнее наше рукописаніе и молимъ да незабвенно будетъ предъ твоимъ Цар. Вел. и скоро благоволитъ бы извѣствующе намъ чрезъ сего листа отдатца.» Тамъ же.

Въ концѣ Апрѣля Князь Ромодановской выступилъ изъ Бѣлгорода къ Сунжѣ,[14] а Гетманъ въ началѣ Мая изъ Батурина и остановился между Ромнами и Краснымъ, ожидая прибытія Черниговскаго и Стародубскаго полковъ; ихъ походъ былъ замедленъ переправою чрезъ Десну, равно и сбору войскъ Князя Ромодановскаго препятствовалъ разливъ рѣки Семи. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Русскія войска, хотя и не въ полномъ количествѣ соединились съ Малороссійскими за Лозвицею, близъ урочища называемаго Лебединыя Озера и потомъ стали станомъ въ 10 верстахъ отъ Пирятина у рѣчки Бѣлоцерковки.[15] По взаимному согласію Воевода и Гетманъ рѣшились отправить передовой отрядъ къ Каневу. Еще до начала похода Гетманъ просилъ А. С. Матвѣева ускорить присылку лодокъ изъ Кіева, для переправы войскъ подъ Каневымъ чрезъ Днѣпръ, о чемъ онъ еще писалъ и въ грамотѣ къ Царю,[16] а Князь Ромодановскій усилить его войска. Князю Трубецкому предписано было отправить къ Воеводѣ часть войскъ изъ Кіева, а по Днѣпру флотилію. Послѣднее предписаніе было исполнено, но перваго не могъ исполнить Кіевской Воевода, по незначительному количеству находившихся при немъ войскъ.[17]

Іюня 10 выступилъ изъ стана передовой отрядъ къ Днѣпру, 250 Русскихъ Рейтаровъ подъ начальствомъ полковника Свромичевскаго, 100 Кадомскихъ Казаковъ, 300 Черкасъ и два Малороссійскихъ полка съ полковниками Переяславскимъ Дмитріемъ Раича и Нѣжинскимъ Филиппомъ Уманцемъ. Подойдя къ Каневу имъ поручено было видиться съ тамошнимъ полковникомъ Лизогубомъ, признававшимъ Гетман-

---

[14] Письмо Кн. Ромодановскаго отъ 26 Апр. Тамъ же,

[15] Письма Кн. Ромодановскаго отъ Мая 28 и отъ 2 Іюня.

[16] Письмо Кн. Ромодановскаго отъ 11 Мая,

[17] Цар. граматы къ Гетману отъ 30 Мая и отъ того же числа Кн. Трубецкому.

ство Дорошенка и вступить съ нимъ въ перговоры. Но переговоры однакоже окончились неудачно, какъ и самый походъ. Днѣпръ былъ въ сильномъ разливѣ, Гетманъ и Воевода не считали возможнымъ переправлять войска на другой берегъ. Кромѣ того въ станѣ, соединенныхъ Русскихъ и Малороссійскихъ войскъ, получено было въ это время извѣстіе о взятіи Турками Каменца, движеніи самого Султана ко Львову, безпорядкахъ господствовавшихъ въ Польшѣ и наконецъ о набѣгахъ Татарскихъ даже на Русскую Малороссію. Самойловичъ немедленно отправилъ Харьковскаго полковника подъ Каломыкъ встрѣтить Татаръ, а самъ съ Воеводою, отозвавъ передовые отряды отъ Канева, рѣшился отступить. Воевода двинулся къ Сунжѣ, а Гетманъ къ Гадячу.[18]

Когда граматы Самойловича и князя Ромодановскаго съ извѣстіями о послѣдствіяхъ похода дошли до Москвы, Царь и Дума были крайне недовольны дѣйствіями Гетмана и Воеводы, находили что они поступали вопреки предписаній, несмотря на потвержденія. Еще въ то время, какъ Самойловичъ и князь Ромодановскій собирались отправить передовые отряды къ Каневу, въ Москву дошелъ слухъ что они думаютъ идти за Днѣпръ съ немногими избранными полками, имъ было писано чтобы дѣйствовали осторожно и не отступали отъ данныхъ имъ наставленій[19]. Хотя и подозрѣвали Самойловича, но въ Царской граматѣ въ слѣдъ за выговоромъ, за неосторожныя дѣйствія, сказано: «только въ вину мы Великій Государь то изволили положить на боярина нашего и Воеводу Князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, для того что ты на Гетманствѣ учи-

---

[18] Письма Кн. Ромодановскаго отъ 2 и 17 Іюня, и Гетмана отъ 17 Іюня. Съ извѣстіями объ окончаніи похода отъ Гетмана пріѣхалъ гонцомъ Есаулъ Лубенскаго полка, Степанъ Петровскій; Іюня 27.

[19] Царск. грамота отъ 19 Мая.

нился вновѣ и сіе наше дѣло учинилось первое; «а впредь бы тебѣ быть въ такихъ дѣлѣхъ опасну, а наша милость всегда къ тебѣ неотмѣнна будетъ[20].» Гонцу, отправленному въ слѣдъ за тѣмъ въ Малороссію, поручалось такъ же говорить что въ Москвѣ въ неудачѣ похода обвиняютъ Воеводу, а «тайнымъ обычаемъ» повелѣвалось развѣдывать почему Гетманъ отступилъ отъ Днѣпра[21]. Дѣйствительно можно было подозрѣвать Самойловича: онъ не только не послалъ граматъ Царскихъ къ Дорошенку, но и увѣщательныхъ писемъ Лазаря Барановича къ Іосифу Тукальскому, отговариваясь тѣмъ, что Дорошенко немедленно отправилъ бы ихъ къ Султану. Причина такого рода дѣйствій Гетмана вѣроятно таже, почему и начатые въ слѣдъ за тѣмъ переговоры съ Дорошенкомъ, чрезъ Князя Трубецкаго и Архимандрита Гизеля, такъ же не удались. Тукальскій отвѣчалъ Гизелю что въ настоящее время уже поздо начинать переговоры о подданствѣ, а Дорошенко сказалъ гонцу князя Трубецкаго: «для одной украйны потребно и Гетмана одного[22].» Тоже мнѣніе раздѣлялъ и Самойловичь. Еще въ то время когда въ Москвѣ готовили предписаніе ему и Воеводѣ о походѣ къ Днѣпру, протопопъ Адамовичь ему писалъ, что въ Москвѣ

---

[20] Царск. граматы къ Гетману отъ 3 Іюля и къ Ромодановскому отъ тогоже числа.

[21] Переводчикъ Лаврецкій и подъячій Щеголевъ отправлены были изъ Москвы 20 Іюля.

[22] Отъ Апрѣля 15 князь Трубецкій прислалъ въ Москву письма Дорошенка и Тукальскаго къ Гизелю. Тукальскій просилъ помирить Царя и Короля съ Дорошенкомъ, онъ посылалъ гонца изъ Кіева, который 25 Іюня выѣхалъ и прибылъ въ Чичиринъ 28, но его отпустили безъ всякаго удовлетворенія. Отъ 20 Іюня въ Цар. грам. къ Гизелю отправлены были статьи, на которыхъ могъ быть принятъ въ подданство Дорошенко. Эти статьи Лаврецкой и Щеголевъ должны были показать прежде Самойловичу, который прочтя ихъ сказалъ, что нельзя надѣяться чтобъ Дорошенко принялъ подданство.

вообще очень расположены къ нему, особенно Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; но полагаютъ однакоже оставить Дорошенка заднѣпровскимъ Гетманомъ, если онъ добровольно вступитъ въ подданство Россіи[23]. Но въ Москвѣ знали преданность Самойловича и не желали лично его скорбить и еще болѣе нерасположеніемъ къ Гетману волновать Украйну, въ которой и такъ уже враги Россіи и новаго Гетмана распускали различные ложные слухи. Когда, напримѣръ, изъ Москвы отпустили на Запорожье Сѣрка, въ Малороссіи прошелъ слухъ что возвратили изъ ссылки бывшаго Гетмана Демьяна Многогрѣшнаго и вновь посылаютъ его въ Малороссію на мѣсто Самойловича[24].

Въ одно время съ извѣстіями изъ Малороссіи о походѣ на Дорошенка въ Москву пришли вѣсти о несчастномъ состояніи Польши и успѣхахъ Турокъ. Опасаясь ихъ нашествія и на Русскую Украйну объявленъ былъ указъ о томъ, чтобы ратные люди готовились къ походу, Князю Ромодановскому и Гетману велѣно было находиться въ готовности по первому приказанію идти вновь на непріятеля. Если Турки пойдутъ на Кіевъ, то самъ Царь собирался выступить противъ нихъ. Въ Путивлѣ уже предписано было готовить «Государскій дворъ и всѣ дворцовые обиходы и запасы». «Но пріуготовляючи нашъ Царскаго Величества походъ, какъ писалъ Царь Алексѣй Михайловичь, къ Князю Ромодановскому, со многими ратными, конными и пѣшими людьми, отпущенъ будетъ ближній бояринъ и Воевода, намѣстникъ Тверской, Князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ.»

Воеводы Кіевскій, Бѣлгородскій и Гетманъ Самойловичь просили усилить войска въ Малороссійскихъ городахъ. Въ слѣдствіе сего и составлено было новое росписаніе Воеводъ по

---

[23] Письмо отъ 10 Марта.

[24] Письма Самойловича къ Матвѣеву и Адамовичу отъ 19 Марта. Цар. грам. къ Самойловичу о томъ, чтобъ не вѣрилъ слухамъ, отъ 10 Апрѣля.

городамъ, войска усилены, а Кіевъ велѣно было укрѣплять[25]. Россія готовилась къ походу противъ Турокъ въ то время, какъ Польскій Король поспѣшилъ заключить съ нами постыдный миръ.

Не смотря на миръ, Собѣсскій разбилъ Татаръ подъ Колушемъ, Бѣлая Церковь не впустила Турокъ въ свои стѣны, хотя по договору была уступлена Портѣ со всею Украйною, сеймъ не призналъ договора и рѣшилъ продолжать войну. Послѣ того прибывшій въ Польшу изъ Москвы нарочный гонецъ Протопоповъ увѣдомилъ о побѣдахъ, одержанныхъ Русскими войсками надъ отдѣльными отрядами Дорошенка и подъ Перекопомъ надъ Крымцами. Король, въ отправленной съ нимъ граматѣ къ Царю, снова и униженно просилъ о помощи. Но заключенный имъ миръ оскорблялъ Царя, прямо нарушая условія Андрусовскаго договора, по которому Польша обязалась не заключать мира съ Турками иначе, какъ вмѣстѣ съ Россіею. Въ отвѣтной къ Королю граматѣ онъ упрекалъ его за заключеніе постыднаго мира, но узнавъ что сеймъ рѣшилъ продолжать войну, вновь обѣщалъ свою помощь.[26]

Князю Ромодановскому и Гетману Самойловичу было предписано идти на Дорошенка,[27] который вновь вступилъ въ пере-

---

[25] Дворц. Разряды. III. стр. 897. 898. Цар. грам. къ Гетману, Кн. Ромодановскому и Кн. Трубецкому отъ 3 Іюля.

[26] Книги посол. сношеній съ Польш. сравн. Theatrum Europ. Frankfort am M. 1682 г. Vol XI. стр. 433—336. Апр. 18 Протопоповъ прибылъ въ Варшаву. Отъ 20-го Апр. грамата Короля къ Царю. Отвѣтъ Царскій привезъ въ Варшаву 18 Мая гонецъ Максимъ Бурцевъ. Король благодарилъ за обѣщаніе помощи въ грам. отъ 22 Іюня 1673.

[27] Дворц. Разряды. III стр. 909. 910. 911. Ноября въ 22 день указалъ В. Г. быть на своей государевой службѣ въ Бѣлгородскомъ разрядѣ съ бояриномъ и Воеводою Кн. Гр. Гр. Ромодановскимъ въ товарищахъ столникомъ: сыну его Кн. Михаилу Ромодановскому, да Ив. Ив Вердеревскому. .. и по прежнему быть въ

говоры съ Королемъ Михаиломъ, обѣщаясь отложиться отъ Турокъ и вступить въ подданство Польское.[28]

Такимъ образомъ почти по всей Европѣ гремѣла война; Франція и Турція находилась только въ дружескихъ отношеніяхъ между собою, всѣ другія государства смотрѣли на нихъ недовѣрчиво или прямо враждебно. Одни подданные Людовика XIV добродушно удивлялись какъ ничтожные Голландцы, толпа купцовъ, какъ величали ихъ Парижане осмѣливаются даже съ оружіемъ въ рукахъ противоборствовать Людовику XIV.

Внутренній разладъ въ королевствѣ Польскомъ продолжался болѣе прежняго, партіи враждовали, войска собирались медленно и въ количествѣ незначительномъ. Едва только къ осени удалось Собѣскому составить 30 тысячный отрядъ, который онъ повелъ прямо къ Хотину, на укрѣпленный Турецкій лагерь съ 80 т. войска. Въ началѣ Ноября онъ одержалъ блистательную побѣду и взялъ Хотинъ. Въ это время въ трехъ, миляхъ отъ Каменца, какъ разсказывалъ потомъ Воеводѣ Кіевскому пришедшій оттуда мѣщанинъ, «видѣли какъ по рѣкѣ шла кровь рѣкою, по поламъ съ водою три дни, и того люди смотрѣли и смотря плакали.»[29] Послѣ взятія Хотина ничего не было легче какъ занять Каменецъ; но наканунѣ побѣды скончался въ Львовѣ Король Михаилъ. Вѣсть о его смерти разстроила войско, Гетманъ Пацъ немедленно отправился въ Варшаву и увлекъ съ собой Литовскіе отряды.

товарищахъ околничему Петру Дмитріевичу Скуратову.... быти имъ межъ себя безъ мѣстъ.... иттить въ Малороссійскіе города къ Гетману Самойловичу и съ Гетманомъ вмѣстѣ иттить за Днѣпръ на заднѣпровскаго Гетмана Петрушку Дорошенка и на Черкасъ войною. стр. 912 и 914; Ноября 24 и Декабря 11 отпущены вновь назначенные товарищи къ Кн. Ромодановскому изъ Москвы.

[28] Отписка Кіев. Воеводы въ Москву 1672 года, Іюля 14. Малор, дѣла Кн. №. 21, Моск. Сен. Архива.

[29] Синбир. Сборникъ. Малоросс. дѣла № 38.

граматою и подъячіе, за ними шли пѣшкомъ стрѣльцы съ бер
дышами.

По пріѣздѣ къ дому по обычаю посольскому были три встрѣч
резиденту и каждый разъ встрѣчники говорили рѣчь, извѣщ
что Примасъ королевства Польскаго ожидаетъ его «съ лю
бовію.»

Среди зала встрѣтилъ посланника Примасъ, окруженный се
наторами[4]. Спросивъ отъ лица Царя о здоровьѣ Примаса и с
наторовъ, посланникъ говорилъ рѣчь, къ которой изложилъ ч
Царь отправилъ его къ Королю Михаилу, но получивъ изв
стіе о его кончинѣ, повелѣлъ ѣхать «къ вамъ Примасу и с
наторамъ» и вамъ вручить свою грамату. Примасъ и сенато
стоя съ непокрытыми головами, слушали рѣчь и приняли гр
мату «со всякою учтивостію» какъ писалъ въ Москву Тяпкин
Принявъ грамату Примасъ поочередно спрашивалъ посла
здоровьѣ Царя, думнымъ людей и его собственномъ. За тѣ
посолъ объявилъ о причинѣ своего пріѣзда и обѣщалъ милос
Царя всей Рѣчи Посполитой; Примасъ отвѣчая благодари
Царя, что незабылъ ихъ «своею молостію, безгосударныхъ
осиротѣлыхъ», объявилъ послу что Рѣчь Посполитая принимае
его резидентомъ и о всѣхъ частныхъ вопросахъ, объ устройст
его быта въ Варшавѣ, кормахъ и помѣщенія, просилъ его
ставить записку на которую, по совѣщаніи съ Радою,
медленно сообщитъ ему отвѣтъ Канцлеръ Литовскій.» Я самъ
готовъ продолжать переговоры, прибавилъ Примасъ, но за бол
нію не могу». Дѣйствительно онъ черезъ силу вставалъ
постели для пріема посла и подъ конецъ пріема снова долже

[4] При немъ были: Тарло Воевода Сендомирскій, Чарторійс
воевода Волынскій, Рей Воевода Любельскій, Андрей Морштм
Подскарбій вел. Кор. и Референдарій В. К. Литовскаго Кипрія
Бростовскій. Ст. Сп. пос. Тяпкина л. 35—52.

[5] Письмо къ окольн. Матвѣеву 14 Февраля.

лъ лечь въ постель, и не могъ проводить его по обычаю осольскому.

Гетманъ Литовскій чрезъ три дня уже прислалъ просить къ ебѣ Тяпкина для переговоровъ и послѣ совѣщаній утвердилъ сѣ его требованія, изложенныя имъ письменно. Требоваія Тяпкина впрочемъ заключались только въ томъ чтобы му при Дворѣ Польскомъ находиться на тѣхъ же условіяхъ, а которыхъ въ это время находился въ Москвѣ Польскій реидентъ панъ Свидерскій. Онъ требовалъ что бы ему дозволено ыло всегда имѣть свободный доступъ къ Королю и Панамъ Радѣ, вободно видаться и говорить съ послами другихъ державъ, осылать гонцевъ, когда сочтетъ нужнымъ въ Москву и полуать вѣдомости изъ Посольской Королевской канцеляріи, полуаемыя ею отъ сосѣднихъ державъ[6]. Но кромѣ служебныхъ ереговоровъ съ посланникомъ, Гетманъ Пацъ часто присылалъ ъ нему своихъ секретарей съ различными порученіями и прилашалъ его къ себѣ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Тяпкина въ Варшаву (Февр. 10), онъ айно прислалъ къ нему своего секретаря, чтобы предупредить го въ нѣкоторомъ нерасположеніи правительства Польскаго къ оссіи за то, что грамоту посланную къ резиденту въ Москву, кончинѣ Короля Михаила, у него принялъ не самъ Царь, о взяли въ посольскій приказъ и даже до сихъ поръ не отвѣали. Тяпкинъ, благодаря Гетмана за доброе къ Россіи расюложеніе, просилъ его и впередъ оказывать ему предостереенія въ дѣлахъ, «кои належатъ къ святому покою и тишинѣ между обоими государствами,» обѣщая ему за то Царскую миюсть. Потомъ пригласивъ его на частное свиданіе (12 Февраля) Пацъ объявилъ, что получилъ письмо отъ Гетмана великаго коронпаго Яна Сабѣсскаго. Онъ пишетъ ко мнѣ, говорилъ

---

[6] Ст. Сп. л. 52 и д.

граматою и подъячіе, за ними шли пѣшкомъ стрѣльцы съ б
дышами.

По пріѣздѣ къ дому по обычаю посольскому были три встр
резиденту и каждый разъ встрѣчники говорили рѣчь, извѣ
что Примасъ королевства Польскаго ожидаетъ его «съ
бовію.»

Среди зала встрѣтилъ посланника Примасъ, окруженный
наторами[4]. Спросивъ отъ лица Царя о здоровьѣ Примаса и
паторовъ, посланникъ говорилъ рѣчь, къ которой изложилъ
Царь отправилъ его къ Королю Михаилу, но получивъ и
стіе о его кончинѣ, повелѣлъ ѣхать «къ вамъ Примасу и
наторамъ» и вамъ вручить свою грамату. Примасъ и сенат
стоя съ непокрытыми головами, слушали рѣчь и приняли
мату «со всякою учтивостію» какъ писалъ въ Москву Тяпки
Принявъ грамату Примасъ поочередно спрашивалъ посл
здоровьѣ Царя, думнымъ людей и его собственномъ. За т
посолъ объявилъ о причинѣ своего пріѣзда и обѣщалъ мил
Царя всей Рѣчи Посполитой; Примасъ отвѣчая благодар
Царя, что незабылъ ихъ «своею молостію, безгосударных
осиротѣлыхъ», объявилъ послу что Рѣчь Посполитая приним
его резидентомъ и о всѣхъ частныхъ вопросахъ, объ устрой
его быта въ Варшавѣ, кормахъ и помѣщенія, просилъ его
ставить записку на которую, по совѣщаніи съ Радою,
медленно сообщитъ ему отвѣтъ Канцлеръ Литовскій.» Я сам
готовъ продолжать переговоры, прибавилъ Примасъ, но за бо
нію не могу». Дѣйствительно онъ черезъ силу вставалъ
постели для пріема посла и подъ конецъ пріема снова долж

---

[4] При немъ были: Тарло Воевода Сендомирскій, Чарторій
воевода Волынскій, Рей Воевода Любельскій, Андрей Моршт
Подскарбій вел. Кор. и Референдарій В. К. Литовскаго Кипр
Бростовскій. Ст. Сп. пос. Тяпкина л. 35—52.

[5] Письмо къ окольн. Матвѣеву 14 Февраля.

илъ лечь въ постель, и не могъ проводить его по обычаю осольскому.

Гетманъ Литовскій чрезъ три дня уже прислалъ просить къ ебѣ Тяпкина для переговоровъ и послѣ совѣщаній утвердилъ сѣ его требованія, изложенныя имъ письменно. Требоваія Тяпкина впрочемъ заключались только въ томъ чтобы му при Дворѣ Польскомъ находиться на тѣхъ же условіяхъ, а которыхъ въ это время находился въ Москвѣ Польскій реидентъ панъ Свидерскій. Онъ требовалъ что бы ему дозволено ыло всегда имѣть свободный доступъ къ Королю и Панамъ Радѣ, вободно видаться и говорить съ послами другихъ державъ, осылать гонцевъ, когда сочтетъ нужнымъ въ Москву и полуать вѣдомости изъ Посольской Королевской канцеляріи, полуаемыя ею отъ сосѣднихъ державъ[6]. Но кромѣ служебныхъ ереговоровъ съ посланникомъ, Гетманъ Пацъ часто присылалъ ъ нему своихъ секретарей съ различными порученіями и прилашалъ его къ себѣ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Тяпкина въ Варшаву (Февр. 10), онъ айно прислалъ къ нему своего секретаря, чтобы предупредить го въ нѣкоторомъ нерасположеніи правительства Польскаго къ оссіи за то, что грамоту посланную къ резиденту въ Москву, кончинѣ Короля Михаила, у него принялъ не самъ Царь, ю взяли въ посольскій приказъ и даже до сихъ поръ не отвѣали. Тяпкинъ, благодаря Гетмана за доброе къ Россіи расюложеніе, просилъ его и впередъ оказывать ему предостереженія въ дѣлахъ, «кои належатъ къ святому покою и тишинѣ ежду обоими государствами,» обѣщая ему за то Царскую миюсть. Потомъ пригласивъ его на частное свиданіе (12 Февраля) Пацъ объявилъ, что получилъ письмо отъ Гетмана великаго коронпаго Яна Сабѣсскаго. Онъ пишетъ ко мнѣ, говорилъ

---

[6] Ст. Сп. л. 52 и д.

граматою и подъячіе, за ними шли пѣшкомъ стрѣльцы съ бердышами.

По пріѣздѣ къ дому по обычаю посольскому были три встрѣчи резиденту и каждый разъ встрѣчники говорили рѣчь, извѣщая что Примасъ королевства Польскаго ожидаетъ его «съ любовію.»

Среди зала встрѣтилъ посланника Примасъ, окруженный сенаторами[4]. Спросивъ отъ лица Царя о здоровьѣ Примаса и сенаторовъ, посланникъ говорилъ рѣчь, къ которой изложилъ что Царь отправилъ его къ Королю Михаилу, но получивъ извѣстіе о его кончинѣ, повелѣлъ ѣхать «къ вамъ Примасу и сенаторамъ» и вамъ вручить свою грамату. Примасъ и сенаторы стоя съ непокрытыми головами, слушали рѣчь и приняли грамату «со всякою учтивостію» какъ писалъ въ Москву Тяпкинъ[5]. Принявъ грамату Примасъ поочередно спрашивалъ посла о здоровьѣ Царя, думнымъ людей и его собственномъ. За тѣмъ посолъ объявилъ о причинѣ своего пріѣзда и обѣщалъ милость Царя всей Рѣчи Посполитой; Примасъ отвѣчая благодарилъ Царя, что незабылъ ихъ «своею молостію, безгосударныхъ и осиротѣлыхъ», объявилъ послу что Рѣчь Посполитая принимаетъ его резидентомъ и о всѣхъ частныхъ вопросахъ, объ устройствѣ его быта въ Варшавѣ, кормахъ и помѣщенія, просилъ его доставить записку на которую, по совѣщаніи съ Радою, немедленно сообщитъ ему отвѣтъ Канцлеръ Литовскій.» Я самъ бы готовъ продолжать переговоры, прибавилъ Примасъ, но за болѣзнію не могу». Дѣйствительно онъ черезъ силу вставалъ съ постели для пріема посла и подъ конецъ пріема снова долженъ

---

[4] При немъ были: Тарло Воевода Сендомирскій, Чарторійскій воевода Волынскій, Рей Воевода Любельскій, Андрей Морштинъ, Подскарбій вел. Кор. и Референдарій В. К. Литовскаго Купріянъ Бростовскій. Ст. Сп. пос. Тяпкина л. 35—52.

[5] Письмо къ окольн. Матвѣеву 14 Февраля.

лъ лечь въ постель, и не могъ проводить его по обычаю сольскому.

Гетманъ Литовскій чрезъ три дня уже прислалъ просить къ бѣ Тяпкина для переговоровъ и послѣ совѣщаній утвердилъ ѣ его требованія, изложенныя имъ письменно. Требова- я Тяпкина впрочемъ заключались только въ томъ чтобы гу при Дворѣ Польскомъ находиться на тѣхъ же условіяхъ, которыхъ въ это время находился въ Москвѣ Польскій ре- дентъ панъ Свидерскій. Онъ требовалъ что бы ему дозволено ло всегда имѣть свободный доступъ къ Королю и Панамъ Радѣ, ободно видаться и говорить съ послами другихъ державъ, сылать гонцевъ, когда сочтетъ нужнымъ въ Москву и полу- ть вѣдомости изъ Посольской Королевской канцеляріи, полу- емыя ею отъ сосѣднихъ державъ[6]. Но кромѣ служебныхъ реговоровъ съ посланникомъ, Гетманъ Пацъ часто присылалъ , нему своихъ секретарей съ различными порученіями и при- лашалъ его къ себѣ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Тяпкина въ Варшаву (Февр. 10), онъ йно прислалъ къ нему своего секретаря, чтобы предупредить о въ нѣкоторомъ нерасположеніи правительства Польскаго къ оссіи за то, что грамоту посланную къ резиденту въ Москву, кончинѣ Короля Михаила, у него принялъ не самъ Царь, взяли въ посольскій приказъ и даже до сихъ поръ не отвѣ- ли. Тяпкинъ, благодаря Гетмана за доброе къ Россіи рас- ложеніе, просилъ его и впредъ оказывать ему предостере- енія въ дѣлахъ, «кои належатъ къ святому покою и тишинѣ жду обоими государствами,» обѣщая ему за то Царскую ми- сть. Потомъ пригласивъ его на частное свиданіе (12 Фев- ля) Пацъ объявилъ, что получилъ письмо отъ Гетмана вели- аго коронпаго Яна Сабѣсскаго. Онъ пишетъ ко мнѣ, говорилъ

[6] Ст. Сп. л. 52 и д.

Пацъ,—«съ великою похвалою и благодареніемъ за то Царскому величеству, что его войска наступивъ на Дорошенко не дозволили ему провести запасовъ для турецкихъ войскъ въ Каменецъ». Когда войска Царскіе приближались къ Чигирину, Дорошенко писалъ къ Гетману Собѣсскому и просилъ чтобы онъ принялъ его въ подданство Польское и оборонилъ отъ Московскихъ войскъ. Но въ то же самое время онъ писалъ и къ Султану о томъ же, говоря, что отдастся въ подданство какой-либо Христіанской державѣ если онъ не защититъ его военною силою. Разсказывая объ этомъ Тяпкину, Пацъ прибавилъ: еслибъ даже Дорошенко и дѣйствительно отдался въ подданство Польшѣ или Россіи, то ему нельзя вѣрить. На томъ условіи развѣ можно его принять, чтобъ онъ съ своими войсками во всѣхъ войнахъ шелъ впереди войскъ Царскихъ. Послѣ свиданія Пацъ прислалъ къ резиденту писаря Великаго Княжества Литовскаго Михаила Соколинскаго, поручивъ ему сказать: хорошо было бы еслибъ Царь прислалъ свою грамоту къ вдовствующей Королевѣ, которя весьма этого желаетъ. Тяпкинъ написалъ объ этомъ немедленно въ Посольскій Приказъ[7]. Чрезъ нѣсколько дней Гетманъ снова пригласилъ къ себѣ резидента для переговоровъ (3 Марта) и объявилъ ему что Датскій Король прислалъ посланника съ предложеніемъ избрать Королемъ Польскимъ его брата. Его послы, говорилъ, онъ пріѣдутъ на избирательный сеймъ, равно и послы Цесаркіе, Испанскіе, Французскіе, Шведскіе, Бранденбургскіе и Саксонскіе. Потомъ, помолчавъ не много, спросилъ: сколько лѣтъ сыну Царскому Θедору Алексѣевичу[8].

Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца часто видаясь съ нашимъ резидентомъ и всѣми способами показывая свое расположеніе, Пацъ однакоже скрывалъ свои намѣренія. Только послѣднимъ

[7] Письмо къ Окол. Матвѣеву отъ 14 Февраля.
[8] Ст. Сп. л. 22—25.

вопросомъ Гетманъ далъ возможность ихъ замѣтить Тяпкину, который еще въ первые дни своего пребыванія въ Варшавѣ, неизвѣстно отъ кого уже получилъ письмо объ избраніи Королемъ Польскимъ Царевича Θедора Алексѣевича и печатное о томъ предложеніе сейму [9]. Вѣроятно письмо ему сообщено было по повелѣнію Гетмана Литивскаго. Въ то время какъ нашъ резидентъ уже ѣхалъ въ Варшаву, Гетманъ Пацъ, склонивъ на свою сторону брата, канцлера Литовскаго, вмѣстѣ съ воеводою Троцкимъ Марціаномъ Огинскимъ, маршалкомъ В. Кн. Литовскаго Александромъ Полубенскимъ, рефендаріемъ Киприяномъ Бростовскимъ, Кастелляномъ Виленскимъ Котовичемъ и другими единомышленниками согласились предложить и поддерживать на сеймѣ предложеніе объ избраніи Θедора Алексѣевича Королемъ Польскимъ. Но желая напередъ знать мнѣніе Царя они отправили пословъ въ Москву съ письмомъ къ Князю Юрью Алексѣевичу Долгорукому и Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, прося ихъ показать Царю условія, на которыхъ Царевичь можетъ быть избранъ Королемъ Польскимъ и потомъ увѣдомить объ отвѣтѣ Царскомъ [10]. Посланные въ Москву прибыли въ Февралѣ (4–го), а въ это же время ус-

---

[9] Ст. сп. л. 25 и д. Въ Польшѣ носились слухи что Король «Михаилъ передъ смертію говорилъ, чтобъ Сенаторы всѣ и Польскія войска били челомъ В. Г. Ц. и В. К. Алексѣю Михаиловичу чтобъ В. Г. пожаловалъ ихъ велѣлъ быть въ Польшѣ Королемъ сыну своему благов. Ц. и В. К. Θедору Алексѣевичу; а иныхъ бы отнюдь ни кого не выбирали. А буде они того неучинятъ. и онъ на нихъ за то положилъ заповѣдь съ проклятіемъ». Синб. Сборн. Малор. дѣла № 59 стр. 60.

[10] Посланы были Шляхтичь Августинъ Погожево-Константиновичь, писарь Гроцкой и Мстиславской и секретарь Коронный Левъ Зусманловичь. Пос. кн. сн. съ Польш. этого года № 165. Собр. Госуд. Грам. и Дог. IV, № 91. Труды и Лѣт. Моск. Общ. Истор. и Древностей. Т. VI стр. 261 и др. и ст. сп. посольства Тяпкина листъ 25-35.

ловія были посланы и къ резиденту Свидерскому, который съ своей стороны сообщилъ ихъ въ Посольскій приказъ Московскій. «Народы обоихъ государствъ, говоритъ вступленіе къ этимъ условіямъ, принадлежатъ къ одному племени, говорятъ языкомъ однороднымъ и въ вѣрѣ мало между собою различны». Земли обоихъ государствъ не раздѣлены между собою ни горами ни морями; удобно могли бы они составить одно государство, которое необоримою силою стало бы противъ нашествія Мусульманъ на Государства Христіанскія. Вражда между Россіею и Польшею только препятствуетъ взаимному соединенію, которое въ настоящее время однакоже могло бы удобно совершиться, еслибъ на престолъ Польскій былъ избранъ старшій сынъ Московскаго Царя. Самъ Царь еще въ лѣтахъ не преклонныхъ и могъ бы согласиться на это избраніе, а меньшаго сына приготовить своимъ наслѣдникомъ Царства. Но избраніе Московскаго Царевича можетъ быть допущено только на слѣдующихъ условіяхъ:

Поддерживать постоянный союзъ съ Цесарскимъ домомъ и для того сочетаться бракомъ съ вдовствующею Королевою Польскою Елеонорою, составить взаимный оборонительный союзъ между Имперіею, Польшею и Россіею, на страхъ всѣмъ сосѣдямъ и особенно Туркамъ.

Вторымъ необходимымъ условіемъ предположено было, что бы Царевичь принялъ Латинскую вѣру, и наконецъ третьимъ, что бы Царь по избраніи сына на Королевство, возвратилъ Польвсѣ завоеванныя у ней города и составилъ взаимный союзъ для совокупныхъ дѣйствій противъ Турокъ.

Съ одной стороны стращая Россію, что можетъ быть избранъ Королемъ Польскимъ кто либо изъ французскаго дома, союзнаго съ Швеціею и Турціею, и потому враждебнаго Россіи, съ другой Поляки льстили надеждою, что съ избраніемъ

Царевича Өеодора Алексѣевича уже можно думать о завоеваніи Турокъ племенъ Греческихъ и Славянскихъ.

Въ случаѣ согласія просили Царя немедленно прислать посольство на сеймъ — и нѣсколько милліоновъ денегъ!

Въ то время какъ Русскому двору предлагала сильная въ Польшѣ партія Королевскую корону, другія державы не ожидая предложеній, дѣйствовали съ большею гораздо силою. Едва только разнеслась въ Европѣ вѣсть о смерти Короля Польскаго единовременно съ вѣстію о блестящей побѣдѣ одержанной великимъ Гетманомъ надъ Турками, какъ общій голосъ невольно назвалъ Собѣсскаго Королемъ, а несмотря на то политика всѣхъ дворовъ, вопреки ему, пришла въ движеніе. Отовсюду ѣхали посольства на сеймъ избирательный, только изъ Россіи не было никакихъ извѣстій. Къ нашему резиденту постоянно пріѣзжали и присылали паны Польскіе и Литовскіе, объявляя свое желаніе объ избраніи на престолъ Королевскій Русскаго Царевича и спрашивая о намѣреніяхъ въ этомъ отношеніи Царскаго Двора. Тяпкинъ не имѣлъ никакихъ наставленій и не получалъ ихъ долго, хотя неоднократно писалъ въ Москву. Наконецъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ (9-го) онъ получилъ изъ Москвы отвѣтное письмо на предложеніе объ избраніи Өеодора Алексѣевича Королемъ Польскимъ и наставленія какъ ему дѣйствовать. Другіе дворы Европейскіе наряжали въ этомъ случаѣ особыя посольства, снабжали ихъ значительнымъ количествомъ денегъ для подкуповъ и правомъ обѣщать всевозможныя выгоды для Польши, въ случаѣ избранія предлагаемаго кандидата. Ничего подобнаго не было со стороны Россіи; письма къ Тяпкину пришли просто по почтѣ, хотя и писанныя тайнописью. Ему поручалось передать отвѣтное письмо Гетману Пацу; но самому только въ томъ случаѣ войти въ переговоры объ избраніи, когда Примасъ, Гетманъ или сенаторы сами начнутъ о томъ рѣчь. Видѣться и вести переговоры съ

Гетманомъ ему поручалось однако же втайнѣ: благодарить его за преданность къ Россіи и обнадеживать Царскою милостію, если онъ и впередъ будетъ такъ дѣйствовать.

Получивъ повелѣніе резидентъ послалъ къ Гетману, прося назначить ему свиданіе. Но Пацъ уже зналъ объ отвѣтѣ Царскомъ; его гонецъ возвратился и привезъ ему, съ письмомъ отъ Кн. Долгорукаго и Матвѣева, тотъ же самый отвѣтъ, данный ему изъ Посольскаго приказа.

Царь Алексѣй Михайловичь поступилъ въ этомъ случаѣ точно также какъ нѣкогда Сигизмундъ въ отношеніи къ Владиславу, избранному Царемъ Московскимъ; но поступилъ откровенно и прямо. Сигизмундъ хитрилъ; соглашаясь на избраніе сына, онъ въ тоже время замышлялъ съ оружіемъ въ рукахъ принудить Россію покориться ему и возложить на себя корону, которою еще не успѣли вѣнчать его сына. Напротивъ Царь Алексѣй Михайловичь, какъ въ отвѣтномъ письмѣ бояръ къ Гетману Литовскому, такъ и въ предписаніи Тяпкину, объявлялъ прямо: «быть Государемъ и Великимъ Княземъ на Корунѣ Польской и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ изволяемъ мы Великій Государь своею Государскою особою; а сына нашего благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Өеодора Алексѣевича отпустить Государемъ къ нимъ, на Коруну Польскую и Великое Княжество Литовское, мы Великій Государь, наше Царское Величество, не изволили».

На предложенныя Поляками условія Царь отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

1.) «Вѣры благочестивой, Православной, Христіанской, Греческаго закона ему оставить не только для Короны Польской, но и для всего свѣта невозможно».

2.) Условіе о женитьбѣ на вдовствующей Королевѣ Польской уничтожается само собою; ибо Царь имѣетъ супругу.

3.) Если онъ будетъ избранъ Королемъ Польскимъ, все

бласти Русскія, Литовскія и Польскія будутъ находиться подъ днимъ его владѣніемъ; потому нѣтъ нужды и возбуждать вопроса о границахъ между ними. Что же касается до правъ вольностей, которыми доселѣ пользовались Польскія и Литовскія области, то онѣ будутъ соблюдаемы во всей силѣ и неприкосновенности.

4.) Равно обѣщаетъ Царь оберегать Литву и Польшу отъ всѣхъ непріятелей своими *ратными людьми*, не требуя для нихъ наградъ и жалованья изъ *скарбовъ коронныхъ*. Но въ каждой войнѣ съ войсками Русскими должны дѣйствовать въ равномъ числѣ войска Польскіе и Литовскіе на своихъ собственныхъ издержкахъ. Для содержанія войскъ Царь уступаетъ всѣ доходы съ *экономій*, которые до сего времени собирались въ пользу Королей Польскихъ.

Царь не будучи Королемъ Польскимъ постоянно помогаетъ Польшѣ въ войнѣ противъ Турокъ *съ великими для своей казны убытками;* само собою разумѣется, что по избраніи его Королемъ будетъ *стоять* за Польшу какъ за свое государство противъ ея враговъ. Что же касается до милліоновъ, которыхъ требуетъ рѣчь посполитая, то въ отвѣтныхъ письмахъ сказано, что «оную торговлю Рѣчь Посполитая оставилаб҄ъ; Царь владѣетъ государствомъ Русскимъ со многими странами ему покорными и ихъ можетъ впредь содержать по своему бодроопасному разуму безъ прінскиванія иныхъ государствъ куплею».

Слова Московскаго Царя не походили на рѣчи другихъ искателей Польскаго престола. Отклоняя большую часть предложенныхъ Рѣчью Посполитою условій, онъ обѣщалъ только править Польшею какъ своимъ государствомъ, не нарушая правъ и вольностей, которыми она пользовалась. Другіе искали короны Польской; онъ не искалъ ея и соглашался только принять, если ему предложатъ. Не наряжая посольства, ко-

юдора Алексѣевича уже можно думать о завоеванiи
емен Греческихъ и Славянскихъ.
: согласiя просили Царя немедленно прислать по-
сейм — и нѣсколько миллiоновъ денегъ!
ия какъ Русскому двору предлагала сильная въ
л Королевскую корону, другiя державы не ожи-
й, дѣйствовали съ большею гораздо силою. Едва
ась въ Европѣ вѣсть о смерти Короля Польска-
ю съ вѣстiю о блестящей побѣдѣ одержанной
юмъ надъ Турками, какъ общiй голосъ неволь-
ескаго Королемъ, а несмотря на то политика
вопреки ему, пришла въ движенiе. Отовсюду
и на сеймъ избирательный, только изъ Россiи
ъ извѣстiй. Къ нашему резиденту постоянно
сылали паны Польскiе и Литовскiе, объявляя
ь избранiи на престолъ Королевскiй Русскаго
ашивая о намѣренiяхъ въ этомъ отношенiи
Тяпкинъ не имѣлъ никакихъ наставленiй и
долго, хотя неоднократно писалъ въ Москву
ѣлѣ мѣсяцѣ (9-го) онъ получилъ изъ Мо-
ьмо на предложенiе объ избранiи Феодора
лемъ Польскимъ и наставленiя какъ ему
iе дворы Европейскiе наряжали въ этомъ
льства, снабжали ихъ значительнымъ коли-
я подкуповъ и правомъ обѣщать всевозмож-
Польши, въ случаѣ избранiя предлагаемаго
подобнаго не было со стороны Россiи:
пришли просто по почтѣ, хотя и писанныя
ручалось передать отвѣтное письмо Гетма-
у только въ томъ случаѣ войти въ пере-
, когда Примасъ, Гетманъ или сенаторы
ь рѣчь. Видѣться и вести переговоры съ

граматою и подъячіе, за ними шли пѣшкомъ стрѣльцы съ бердышами.

По пріѣздѣ къ дому по обычаю посольскому были три встрѣчи резиденту и каждый разъ встрѣчники говорили рѣчь, извѣщая что Примасъ королевства Польскаго ожидаетъ его «съ любовію.»

Среди зала встрѣтилъ посланника Примасъ, окруженный сенаторами[4]. Спросивъ отъ лица Царя о здоровьѣ Примаса и сенаторовъ, посланникъ говорилъ рѣчь, къ которой изложилъ что Царь отправилъ его къ Королю Михаилу, но получивъ извѣстіе о его кончинѣ, повелѣлъ ѣхать «къ вамъ Примасу и сенаторамъ» и вамъ вручить свою грамату. Примасъ и сенаторы стоя съ непокрытыми головами, слушали рѣчь и приняли грамату «со всякою учтивостію» какъ писалъ въ Москву Тяпкинъ[5]. Принявъ грамату Примасъ поочередно спрашивалъ посла о здоровьѣ Царя, думнымъ людей и его собственномъ. За тѣмъ посолъ объявилъ о причинѣ своего пріѣзда и обѣщалъ милость Царя всей Рѣчи Посполитой; Примасъ отвѣчая благодарилъ Царя, что незабылъ ихъ «своею молостію, безгосударныхъ и осиротѣлыхъ», объявилъ послу что Рѣчь Посполитая принимаетъ его резидентомъ и о всѣхъ частныхъ вопросахъ, объ устройствѣ его быта въ Варшавѣ, кормахъ и помѣщенія, просилъ его доставить записку на которую, по совѣщаніи съ Радою, немедленно сообщитъ ему отвѣтъ Канцлеръ Литовскій.» Я самъ бы готовъ продолжать переговоры, прибавилъ Примасъ, но за болѣзнію не могу». Дѣйствительно онъ черезъ силу вставалъ съ постели для пріема посла и подъ конецъ пріема снова долженъ

[4] При немъ были: Тарло Воевода Сендомирскій, Чарторійскій воевода Волынскій, Рей Воевода Любельскій, Андрей Морштинъ, Подскарбій вел. Кор. и Референдарій В. К. Литовскаго Кипріянъ Бростовскій. Ст. Сп. пос. Тяпкина л. 35—52.

[5] Письмо къ окольн. Матвѣеву 14 Февраля.

былъ лечь въ постель, и не могъ проводить его по обычаю посольскому.

Гетманъ Литовскій чрезъ три дня уже присылалъ просить къ себѣ Тяпкина для переговоровъ и послѣ совѣщаній утвердилъ всѣ его требованія, изложенныя имъ письменно. Требованія Тяпкина впрочемъ заключались только въ томъ чтобы ему при Дворѣ Польскомъ находиться на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ въ это время находился въ Москвѣ Польскій резидентъ панъ Свидерскій. Онъ требовалъ что бы ему дозволено было всегда имѣть свободный доступъ къ Королю и Панамъ Радѣ, свободно видаться и говорить съ послами другихъ державъ, посылать гонцевъ, когда сочтетъ нужнымъ въ Москву и получать вѣдомости изъ Посольской Королевской канцеляріи, получаемыя ею отъ сосѣднихъ державъ[6]. Но кромѣ служебныхъ переговоровъ съ посланникомъ, Гетманъ Пацъ часто присылалъ къ нему своихъ секретарей съ различными порученіями и приглашалъ его къ себѣ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Тяпкина въ Варшаву (Февр. 10), онъ тайно присылалъ къ нему своего секретаря, чтобы предупредить его въ нѣкоторомъ нерасположеніи правительства Польскаго къ Россіи за то, что грамоту посланную къ резиденту въ Москву, о кончинѣ Короля Михаила, у него принялъ не самъ Царь, но взяли въ посольскій приказъ и даже до сихъ поръ не отвѣчали. Тяпкинъ, благодаря Гетмана за доброе къ Россіи расположеніе, просилъ его и впередъ оказывать ему предостереженія въ дѣлахъ, «кои належатъ къ святому покою и тишинѣ между обоими государствами,» обѣщая ему за то Царскую милость. Потомъ пригласивъ его на частное свиданіе (12 Февраля) Пацъ объявилъ, что получилъ письмо отъ Гетмана великаго коронnаго Яна Сабѣсскаго. Онъ пишетъ ко мнѣ, говорилъ

[6] Ст. Сп. л. 52 и д.

Пацъ,—«съ великою похвалою и благодареніемъ за то Царскому величеству, что его войска наступивъ на Дорошенко не дозволили ему провести запасовъ для турецкихъ войскъ въ Каменецъ». Когда войска Царскіе приближались къ Чигирину, Дорошенко писалъ къ Гетману Собѣсскому и просилъ чтобы онъ принялъ его въ подданство Польское и оборонилъ отъ Московскихъ войскъ. Но въ то же самое время онъ писалъ и къ Султану о томъ же, говоря, что отдастся въ подданство какой-либо Христіанской державѣ если онъ не защититъ его военною силою. Разсказывая объ этомъ Тяпкину, Пацъ прибавилъ: еслибъ даже Дорошенко и дѣйствительно отдался въ подданство Польшѣ или Россіи, то ему нельзя вѣрить. На томъ условіи развѣ можно его принять, чтобъ онъ съ своими войсками во всѣхъ войнахъ шелъ впереди войскъ Царскихъ. Послѣ свиданія Пацъ прислалъ къ резиденту писаря Великаго Княжества Литовскаго Михаила Соколинскаго, поручивъ ему сказать: хорошо было бы еслибъ Царь прислалъ свою грамоту къ вдовствующей Королевѣ, которя весьма этого желаетъ. Тяпкинъ написалъ объ этомъ немедленно въ Посольскій Приказъ[7]. Чрезъ нѣсколько дней Гетманъ снова пригласилъ къ себѣ резидента для переговоровъ (3 Марта) и объявилъ ему что Датскій Король прислалъ посланника съ предложеніемъ избрать Королемъ Польскимъ его брата. Его послы, говорилъ, онъ пріѣдутъ на избирательный сеймъ, равно и послы Цесаркіе, Испанскіе, Французскіе, Шведскіе, Бранденбургскіе и Саксонскіе. Потомъ, помолчавъ не много, спросилъ: сколько лѣтъ сыну Царскому Ѳедору Алексѣевичу[8].

Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца часто видаясь съ нашимъ резидентомъ и всѣми способами показывая свое расположеніе, Пацъ однакоже скрывалъ свои намѣренія. Только послѣднимъ

---

[7] Письмо къ Окол. Матвѣеву отъ 14 Февраля.
[8] Ст. Сп. л. 22—25.

росомъ Гетманъ далъ возможность ихъ замѣтить Тяпкину, ɔрый еще въ первые дни своего пребыванія въ Варшавѣ, звѣстно отъ кого уже получилъ письмо объ избраніи Коемъ Польскимъ Царевича Ѳедора Алексѣевича и печатное омъ предложеніе сейму [9]. Вѣроятно письмо ему сообщено ю по повелѣнію Гетмана Литивскаго. Въ то время какъ ѣъ резидентъ уже ѣхалъ въ Варшаву, Гетманъ Пацъ, склоъ на свою сторону брата, канцлера Литовскаго, вмѣстѣ съ водою Троцкимъ Марціаномъ Огинскимъ, маршалкомъ В. Литовскаго Александромъ Полубенскимъ, референдаріемъ Кипюмъ Бростовскимъ, Кастеляномъ Виленскимъ Котовичемъ ругими единомышленниками согласились предложить и подживать на сеймѣ предложеніе объ избраніи Ѳедора Алеквича Королемъ Польскимъ. Но желая напередъ знать мнѣ Царя они отправили пословъ въ Москву съ письмомъ къ зю Юрью Алексѣевичу Долгорукому и Артамону Сергѣеу Матвѣеву, прося ихъ показать Царю условія, на котоъ Царевичь можетъ быть избранъ Королемъ Польскимъ и омъ увѣдомить объ отвѣтѣ Царскомъ [10]. Посланные въ сквy прибыли въ Февралѣ (4-го), а въ это же время ус-

Ст. сп. л. 25 и д. Въ Польшѣ носились слухи что Король иханлъ передъ смертію говорилъ, чтобъ Сенаторы всѣ и Польа войска били челомъ В. Г. Ц. и В. К. Алексѣю Михаиловичу бъ В. Г. пожаловалъ ихъ велѣлъ быть въ Польшѣ Королемъ иу своему благов. Ц. и В. К. Ѳедору Алексѣевичу; а иныхъ отнюдь ни кого не выбирали. А буде они того неучинятъ. и на нихъ за то положилъ заповѣдь съ проклятіемъ». Симб. ɔрн. Малор. дѣла № 59 стр. 60.

[10] Посланы были Шляхтичь Августинъ Погожево-Константиноъ, писарь Гроцкой и Мстиславской и секретарь Коронный Левъ ɔманловичь. Пос. кн. сн. съ Польш. этого года № 165. Собр. Го. Грам. и Дог. IV, № 91. Труды и Лѣт. Моск. Общ. Истор. и евностей. Т. VI стр. 261 и др. и ст. сп. посольства Тяпкина ɔтъ 25-35.

Пацъ,—«съ великою похвалою и благодареніемъ за то Царскому величеству, что его войска наступивъ на Дорошенко не дозволили ему провести запасовъ для турецкихъ войскъ въ Каменецъ». Когда войска Царскіе приближались къ Чигирину, Дорошенко писалъ къ Гетману Собѣсскому и просилъ чтобы онъ принялъ его въ подданство Польское и оборонилъ отъ Московскихъ войскъ. Но въ то же самое время онъ писалъ и къ Султану о томъ же, говоря, что отдастся въ подданство какой-либо Христіанской державѣ если онъ не защититъ его военною силою. Разсказывая объ этомъ Тяпкину, Пацъ прибавилъ: еслибъ даже Дорошенко и дѣйствительно отдался въ подданство Польшѣ или Россіи, то ему нельзя вѣрить. На томъ условіи развѣ можно его принять, чтобъ онъ съ своими войсками во всѣхъ войнахъ шелъ впереди войскъ Царскихъ. Послѣ свиданія Пацъ прислалъ къ резиденту писаря Великаго Княжества Литовскаго Михаила Соколинскаго, поручивъ ему сказать: хорошо было бы еслибъ Царь прислалъ свою грамоту къ вдовствующей Королевѣ, которя весьма этого желаетъ. Тяпкинъ написалъ объ этомъ немедленно въ Посольскій Приказъ[7]. Чрезъ нѣсколько дней Гетманъ снова пригласилъ къ себѣ резидента для переговоровъ (3 Марта) и объявилъ ему что Датскій Король прислалъ посланника съ предложеніемъ избрать Королемъ Польскимъ его брата. Его послы, говорилъ, онъ пріѣдутъ на избирательный сеймъ, равно и послы Цесаркіе, Испанскіе, Французскіе, Шведскіе, Бранденбургскіе и Саксонскіе. Потомъ, помолчавъ не много, спросилъ: сколько лѣтъ сыну Царскому Өедору Алексѣевичу[8].

Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца часто видаясь съ нашимъ резидентомъ и всѣми способами показывая свое расположеніе, Пацъ однакоже скрывалъ свои намѣренія. Только послѣднимъ

[7] Письмо къ Окол. Матвѣеву отъ 14 Февраля.
[8] Ст. Сп. л. 22—25.

вопросомъ Гетманъ далъ возможность ихъ замѣтить Тяпкину, который еще въ первые дни своего пребыванія въ Варшавѣ, неизвѣстно отъ кого уже получилъ письмо объ избраніи Королемъ Польскимъ Царевича Ѳедора Алексѣевича и печатное о томъ предложеніе сейму [9]. Вѣроятно письмо ему сообщено было по повелѣнію Гетмана Литивскаго. Въ то время какъ нашъ резидентъ уже ѣхалъ въ Варшаву, Гетманъ Пацъ, склонивъ на свою сторону брата, канцлера Литовскаго, вмѣстѣ съ воеводою Троцкимъ Марціаномъ Огинскимъ, маршалкомъ В. Кн. Литовскаго Александромъ Полубенскимъ, реѳендаріемъ Кипріяномъ Бростовскимъ, Кастелляномъ Виленскимъ Котовичемъ и другими единомышленниками согласились предложить и поддерживать на сеймѣ предложеніе объ избраніи Ѳеодора Алексѣевича Королемъ Польскимъ. Но желая напередъ знать мнѣніе Царя они отправили пословъ въ Москву съ письмомъ къ Князю Юрью Алексѣевичу Долгорукому и Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, прося ихъ показать Царю условія, на которыхъ Царевичь можетъ быть избранъ Королемъ Польскимъ и потомъ увѣдомить объ отвѣтѣ Царскомъ [10]. Посланные въ Москву прибыли въ Февралѣ (4–го), а въ это же время ус-

---

[9] Ст. сп. л. 25 и д. Въ Польшѣ носились слухи что Король «Михаилъ передъ смертію говорилъ, чтобъ Сенаторы всѣ и Польскія войска били челомъ В. Г. Ц. и В. К. Алексѣю Михаиловичу чтобъ В. Г. пожаловалъ ихъ велѣлъ быть въ Польшѣ Королемъ сыну своему благов. Ц. и В. К. Ѳедору Алексѣевичу; а иныхъ бы отнюдь ни кого не выбирали. А буде они того неучинятъ. и онъ на нихъ за то положилъ заповѣдь съ проклятіемъ». Синб. Сборн. Малор. дѣла № 59 стр. 60.

[10] Посланы были Шляхтичь Августинъ Погожево-Константиновичь, писарь Гроцкой и Мстиславской и секретарь Коронный Левъ Зусманловичь. Пос. кн. сн. съ Польш. этого года № 165. Собр. Госуд. Грам. и Дог. IV, № 91. Труды и Лѣт. Моск. Общ. Истор. и Древностей. Т. VI стр. 261 и др. и ст. сп. посольства Тяпкина

ловія были посланы и къ резиденту Свидерскому, который съ своей стороны сообщилъ ихъ въ Посольскій приказъ Московскій. «Народы обоихъ государствъ, говоритъ вступленіе къ этимъ условіямъ, принадлежатъ къ одному племени, говорятъ языкомъ однороднымъ и въ вѣрѣ мало между собою различны». Земли обоихъ государствъ не раздѣлены между собою ни горами ни морями; удобно могли бы они составить одно государство, которое необоримою силою стало бы противъ нашествія Мусульманъ на Государства Христіанскія. Вражда между Россіею и Польшею только препятствуетъ взаимному соединенію, которое въ настоящее время однакоже могло бы удобно совершиться, еслибъ на престолъ Польскій былъ избранъ старшій сынъ Московскаго Царя. Самъ Царь еще въ лѣтахъ не преклонныхъ и могъ бы согласиться на это избраніе, а меньшаго сына приготовить своимъ наслѣдникомъ Царства. Но избраніе Московскаго Царевича можетъ быть допущено только на слѣдующихъ условіяхъ:

Поддерживать постоянный союзъ съ Цесарскимъ домомъ и для того сочетаться бракомъ съ вдовствующею Королевою Польскою Елеонорою, составить взаимный оборонительный союзъ между Имперіею, Польшею и Россіею, на страхъ всѣмъ сосѣдямъ и особенно Туркамъ.

Вторымъ необходимымъ условіемъ предположено было, что бы Царевичь принялъ Латинскую вѣру, и наконецъ третьимъ, что бы Царь по избраніи сына на Королевство, возвратилъ Польвсѣ завоеванныя у ней города и составилъ взаимный союзъ для совокупныхъ дѣйствій противъ Турокъ.

Съ одной стороны стращая Россію, что можетъ быть избранъ Королемъ Польскимъ кто либо изъ Французскаго дома, союзнаго съ Швеціею и Турціею, и потому враждебнаго Россіи, съ другой Поляки льстили надеждою, что съ избраніемъ

Царевича Өеодора Алексѣевича уже можно думать о завоеваніи у Турокъ племенъ Греческихъ и Славянскихъ.

Въ случаѣ согласія просили Царя немедленно прислать посольство на сеймъ — и нѣсколько милліоновъ денегъ!

Въ то время какъ Русскому двору предлагала сильная въ Польшѣ партія Королевскую корону, другія державы не ожидая предложеній, дѣйствовали съ большею гораздо силою. Едва только разнеслась въ Европѣ вѣсть о смерти Короля Польскаго единовременно съ вѣстію о блестящей побѣдѣ одержанной великимъ Гетманомъ надъ Турками, какъ общій голосъ невольно назвалъ Собѣескаго Королемъ, а несмотря на то политика всѣхъ дворовъ, вопреки ему, пришла въ движеніе. Отовсюду ѣхали посольства на сеймъ избирательный, только изъ Россіи не было никакихъ извѣстій. Къ нашему резиденту постоянно пріѣзжали и присылали паны Польскіе и Литовскіе, объявляя свое желаніе объ избраніи на престолъ Королевскій Русскаго Царевича и спрашивая о намѣреніяхъ въ этомъ отношеніи Царскаго Двора. Тяпкинъ не имѣлъ никакихъ наставленій и не получалъ ихъ долго, хотя неоднократно писалъ въ Москву. Наконецъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ (9-го) онъ получилъ изъ Москвы отвѣтное письмо на предложеніе объ избраніи Өеодора Алексѣевича Королемъ Польскимъ и наставленія какъ ему дѣйствовать. Другіе дворы Европейскіе наряжали въ этомъ случаѣ особыя посольства, снабжали ихъ значительнымъ количествомъ денегъ для подкуповъ и правомъ обѣщать всевозможныя выгоды для Польши, въ случаѣ избранія предлагаемаго кандидата. Ничего подобнаго не было со стороны Россіи; письма къ Тяпкину пришли просто по почтѣ, хотя и писанныя тайнописью. Ему поручалось передать отвѣтное письмо Гетману Пацу; но самому только въ томъ случаѣ войти въ переговоры объ избраніи, когда Примасъ, Гетманъ или сенаторы сами начнутъ о томъ рѣчь. Видѣться и вести переговоры съ

Гетманомъ ему поручалось однако же втайнѣ: благодарить его за преданность къ Россіи и обнадеживать Царскою милостію, если онъ и впередъ будетъ такъ дѣйствовать.

Получивъ повелѣніе резидентъ послалъ къ Гетману, прося назначить ему свиданіе. Но Пацъ уже зналъ объ отвѣтѣ Царскомъ; его гонецъ возвратился и привезъ ему, съ письмомъ отъ Кн. Долгорукаго и Матвѣева, тотъ же самый отвѣтъ, данный ему изъ Посольскаго приказа

Царь Алексѣй Михайловичь поступилъ въ этомъ случаѣ точно также какъ нѣкогда Сигизмундъ въ отношеніи къ Владиславу, избранному Царемъ Московскимъ; но поступилъ откровенно и прямо. Сигизмундъ хитрилъ; соглашаясь на избраніе сына, онъ въ тоже время замышлялъ съ оружіемъ въ рукахъ принудить Россію покориться ему и возложить на себя корону, которою еще не успѣли вѣнчать его сына. Напротивъ Царь Алексѣй Михайловичь, какъ въ отвѣтномъ письмѣ бояръ къ Гетману Литовскому, такъ и въ предписаніи Тяпкину, объявлялъ прямо: «быть Государемъ и Великимъ Княземъ на Корунѣ Польской и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ изволяемъ мы Великій Государь своею Государскою особою; а сына нашего благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича отпустить Государемъ къ нимъ, на Коруну Польскую и Великое Княжество Литовское, мы Великій Государь, наше Царское Величество, не изволили».

На предложенныя Поляками условія Царь отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

1.) «Вѣры благочестивой, Православной, Христіанской, Греческаго закона ему оставить не только для Короны Польской, но и для всего свѣта невозможно».

2.) Условіе о женитьбѣ на вдовствующей Королевѣ Польской уничтожается само собою; ибо Царь имѣетъ супругу.

3.) Если онъ будетъ избранъ Королемъ Польскимъ, всѣ

области Русскія, Литовскія и Польскія будутъ находиться подъ однимъ его владѣніемъ; потому нѣтъ нужды и возбуждать вопроса о границахъ между ними. Что же касается до правъ и вольностей, которыми доселѣ пользовались Польскія и Литовскія области, то онѣ будутъ соблюдаемы во всей силѣ и неприкосновенности.

4.) Равно обѣщаетъ Царь оберегать Литву и Польшу отъ всѣхъ непріятелей своими *ратными людьми*, не требуя для нихъ наградъ и жалованья изъ *скарбовъ коронныхъ*. Но въ каждой войнѣ съ войсками Русскими должны дѣйствовать въ равномъ числѣ войска Польскіе и Литовскіе на своихъ собственныхъ издержкахъ. Для содержанія войскъ Царь уступаетъ всѣ доходы съ *экономій*, которые до сего времени собирались въ пользу Королей Польскихъ.

Царь не будучи Королемъ Польскимъ постоянно помогаетъ Польшѣ въ войнѣ противъ Турокъ *съ великими для своей казны убытками;* само собою разумѣется, что по избраніи его Королемъ будетъ *стоять* за Польшу какъ за свое государство противъ ея враговъ. Что же касается до милліоновъ, которыхъ требуетъ рѣчь посполитая, то въ отвѣтныхъ письмахъ сказано, что «овую торговлю Рѣчь Посполитая оставилабъ; Царь владѣетъ государствомъ Русскимъ со многими странами ему покорными и ихъ можетъ впредь содержать по своему бодроопасному разуму безъ пріискиванія иныхъ государствъ куплею».

Слова Московскаго Царя не походили на рѣчи другихъ искателей Польскаго престола. Отклоняя большую часть предложенныхъ Рѣчью Посполитою условій, онъ обѣщалъ только править Польшею какъ своимъ государствомъ, не нарушая правъ и вольностей, которыми она пользовалась. Другіе искали короны Польской; онъ не искалъ ея и соглашался только принять, если ему предложатъ. Не наряжая посольства, ко-

тораго требовала Рѣчь Посполитая, съ этою цѣлію на сеймъ, Царь напротивъ требовалъ, чтобы въ случаѣ желанія избрать его Королемъ, сами Поляки прислали къ нему напередъ пословъ съ *прошеніемъ*.

Можно было предвидѣть какое впечатлѣніе произведетъ на Гетмана Литовскаго отвѣтъ Царскій. Избраніе Царя Королемъ Польскимъ неминуемо повело бы за собою современемъ полное соединеніе обоихъ государствъ въ одно, чего никогда не было даже въ мысляхъ Паца, хотя и ревностнаго поборника Россіи. При свиданіи съ нашимъ резидентомъ (Апрѣля 10-го), выслушавъ отвѣтное письмо Царское, онъ, уклоняясь отъ прежняго своего намѣренія, отвѣчалъ, что дѣйствительно посылалъ въ Москву гонца;—но съ объявленіемъ о побѣдѣ Богомъ дарованной надъ общимъ врагомъ всего Христіанства, Султаномъ, и о смерти Королевской. Извѣщая о томъ, что престолъ Польскій остался не занятымъ, онъ, радѣя на пользу Россіи, поручалъ также гонцу объявить что Королева осталась послѣ смерти супруга въ молодыхъ годахъ и еслибъ Царь въ лицѣ Царевича Ѳеодора согласился дать ей жениха, а Польшѣ Короля, то онъ съ своей стороны готовъ служить Царю въ этомъ дѣлѣ. Польшѣ нуженъ женихъ для Королевы и Король Римскій Католикъ, прибавилъ онъ, а Царь предлагаетъ самаго себя! О такомъ предложеніи не только письменно, но и на словахъ Гетманъ не брался предлагать сейму, говоря притомъ, что отвѣтъ Царскій пришелъ уже поздо. Сеймики давно кончились; не предложивъ на сеймикахъ, на общемъ сеймѣ, по обычаямъ Польскимъ, нельзя уже предлагать новаго кандидата[11].

Отговорка несправедливая, сеймъ затѣмъ послѣдовавшій, избралъ Королемъ того, чье имя не было предлагаемо въ чис-

---

[11] Ст. Спис. л. 94 об. и слѣд.

гѣ соискателей короны ни на одномъ изъ сеймиковъ. Отказъ со стороны Паца, о которомъ Тяпкинъ немедленно увѣдомилъ Царя, зависѣлъ отъ иныхъ причинъ[12].

Непримиримый врагъ Собѣскаго, желая исключить его изъ числа соискателей Польской короны, Пацъ указывалъ на несчастія государства отъ неспособности Михаила и настаивалъ на томъ, чтобы согласились не избирать Пяста на престолъ Польскій. Совѣтъ составленный Примасомъ по смерти Короля, отвергъ предложеніе и не упомянулъ о немъ въ наставленіяхъ посланныхъ на сеймики. Но сеймъ Литовскій утвердилъ это исключеніе, Поляки не противорѣчили въ послѣдствіи только потому впрочемъ, чтобъ не вступить въ явную вражду съ Литовцами[13]. Уступая по видимому въ этомъ случаѣ Литовцамъ, они заставили Паца оставить свое предложеніе.

Еще свѣжа была память въ Польшѣ о послѣднихъ войнахъ Казацкихъ, за которыми послѣдовало присоединеніе къ Россіи Малороссіи. Война Турецкая по необходимости заставила Польшу сблизиться съ Россіею въ общей оборонѣ противъ врага; но стотысячное русское войско стояло на берегахъ Днѣпра. Нуждаясь въ помощи Россіи, она опасалась въ то же время ея силы и мысль объ избраніи Русскаго Царевича Королемъ, въ глазахъ Поляковъ представлялась присоединеніемъ Польши къ Государству Московскому, даже завоеваніемъ.

Самая сильная партія въ это время была въ пользу Карла Лотарингскаго. Королева Елеонора естественно желала удержать корону Польскую и соединиться бракомъ съ Герцогомъ, къ которому чувствовала склонность. Ея личныя желанія вполнѣ согласовались въ этомъ случаѣ и съ видами ея брата Императора Леопольда. Кромѣ постоянной войны съ Турками, возмущеніе Венгровъ въ это время, поддерживаемое вліяніемъ

[12] Письмо къ А. С. Матвѣеву отъ 11-го Апрѣля.
[13] Theatr. Europ. XI. 642.

Франціи, принуждали Цесаря усильно стараться о томъ, чтобы выгоды Польши какъ можно тѣснѣе связать съ выгодами Имперіи. При Королевѣ Австрійскаго дома сила Цесарской партіи при дворѣ Польскомъ была значительна. Удерживая ея на престолѣ и соединяя ея судьбу съ Принцомъ тоже преданнымъ Имперіи, вліяніе на Польшу двора Императорскаго усиливалось еще болѣе. Между тѣмъ какъ посолъ Цесарской, Графъ Шафгочь (Schafgotsh), сыпалъ деньги и обѣщанія совокупно съ овдовѣвшею Королевою, ихъ поддерживала и сильная партія изъ самыхъ Поляковъ, ненавидѣвшихъ Французовъ и преданныхъ Королевѣ. Духовенство съ своей стороны изъ видовъ постояннаго союза съ Римомъ, благоволившимъ Австрійскому дому, поддерживало ихъ намѣренія. Въ главѣ партіи явился Примасъ, Князь Чарторійскій, управлявшій Королевствомъ послѣ смерти Михаила, что придавало ей особенную силу. Къ тому же присоединился и страхъ,—государство находилось въ опасности со стороны Турокъ, вовлечь его въ новую войну, значило бы погубить окончательно. Между тѣмъ Карлъ стоялъ уже съ значительнымъ войскомъ въ Австрійской Силезіи, ожидая своего выбора. Императоръ предлагалъ его въ Короли Польскіе при выборахъ предшествовавшихъ и во второй разъ получивъ отказъ, быть можетъ не остался бы въ мирныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ.

Партіи всѣхъ другихъ искателей Польской короны, были весьма незначительны въ сравненіи съ Императорскою. Предлагая избраніе Московскаго Царевича, Пацъ остался бы одинъ съ Литвою и всѣхъ поставилъ бы противъ себя. Быть можетъ онъ и рѣшился бы на такой поступокъ, еслибъ видѣлъ со стороны Царя сильное къ тому желаніе и могъ надѣяться на его помощь. Но Царь не присылалъ пословъ, былъ чуждъ подкуповъ и медлилъ отвѣтомъ на посланныя къ нему предложенія.

Гетману Литовскому не оставалось ни чего болѣе какъ присоединиться къ партіи Цесарской.

Когда Янъ Казиміръ отказался отъ престола Польскиго, Литва подъ предводительствомъ того же Паца явно желала избрать на престолъ Царевича Алексѣя Алексѣевича. Отправленъ былъ посланникъ въ Москву, которому однако же отъ лица Царя бояринъ Ординъ-Нащокинъ отвѣчалъ что «Государь избраніе Короля Польскаго полагаетъ на волю Всемогущаго и кто бы ни былъ избранъ, сынъ ли его или кто другой, онъ будетъ считать его за брата». Долго ожидая отвѣта, Пацъ, Русскому гонцу проѣзжавшему въ Москву чрезъ Вильну, сказалъ: «еслибъ могли мы *хотя Святымъ Духомъ* знать что Царь согласится на избраніе своего сына»; то смѣло могли бы предложить его сейму и увѣрены что одержали бы побѣду. Царь не присылалъ пословъ на избирательный сеймъ и не употребилъ никакихъ съ своей стороны средствъ, для того чтобы Царевичъ былъ избранъ Королемъ Польскимъ[14].

Испытавъ уже разъ неудачу въ исполненіи дѣйствительно искренняго желанія, Пацъ дѣйствовалъ осторожнѣе. Отправивъ пословъ къ Царю, онъ не провозглашалъ однакоже соискателемъ короны Польской Царевича Ѳеодора не только на общемъ избирательномъ сеймѣ, но даже и на сеймикѣ Литовскомъ. Гетманъ былъ гордъ и самолюбивъ. Въ случаѣ отказа со стороны Царя или даже согласія, но безъ усиленныхъ требованій, чего Пацъ могъ ожидать, онъ принужденъ бы присоединиться къ другой партіи, образовавшейся безъ его содѣйствія и подъ предводительствомъ другихъ. Поставить себя въ такое зависимое положеніе естественно казалось унизительно и лично для него и для выгодъ Литвы, которой онъ былъ представителемъ. Поэтому посольство Паца къ Царю, было тай-

[14] Труды и Лѣтоп. Москов. Общ. Исторіи и Древн. VI. 77 и слѣд.

ною для большей части Поляковъ; онъ вовсе не входилъ въ переговоры объ избраніи съ нашимъ резидентомъ, до тѣхъ поръ пока Тяпкинъ самъ не получалъ о томъ предписанія изъ Москвы. Между тѣмъ сеймъ долженъ былъ открыться и Гетману Литовскому нельзя было оставаться въ бездѣйствіи. Онъ привелъ съ собою въ Варшаву значительную часть Литовскихъ войскъ, и, соединясь съ приверженцами Королевы, сдѣлался ихъ опорою и защитникомъ притязаній на корону Польскую Герцога Лотарингскаго.

Въ такомъ положеніи уже находился Пацъ, когда получилъ наконецъ отвѣтное письмо отъ Царя Алексѣя Михаиловича. Самое содержаніе отвѣта, неудовлетворявшее его ожиданій, и положеніе въ которое онъ себя поставилъ, совершенно объясняютъ данный имъ отвѣтъ въ тайныхъ переговорахъ нашему резиденту. Цесарь находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Россіею, искалъ даже постояннаго союза противъ Турокъ, къ чему Московскій дворъ съ своей стороны показывалъ расположеніе. Избраніе Герцога Лотарингскаго не могло быть непріятно Россіи и слѣдовательно не могло нарушить добраго ея расположенія къ Польшѣ, въ которомъ такъ нуждалась и котораго такъ искала она въ это время.

ГЛАВА III.

Начался избирательный сеймъ[1]. По древнимъ обычаямъ Примасъ, Сенаторы и представители всѣхъ областей, совершивъ молебствіе въ соборѣ Св. Іоанна, представились Королевѣ и въ сопровожденіи многочисленнаго народа торжественно выѣхали изъ Варшавы на Волю, гдѣ постоянно собирался избирательный сеймъ со временъ Генриха Валуа. Хотя по универсалу Примаса, на сеймъ должны были явиться одни полномочные отъ каждаго Полатината, однакоже не смотря на предписаніе, собралось значительное количество народа и долина Воли превратилась въ многолюдный городъ. По срединѣ долины было простое, деревянное зданіе для Вице-Короля и Сенаторовъ, въ знакъ уваженія къ нимъ, но легкое и открытое со всѣхъ сторонъ. Мало по малу буйство шляхты во время избраній заставило его окружить валомъ и укрѣпить какъ крѣпость. Однакоже въ память о прежнемъ времени, трое дверей зданія, предназначенныхъ для большой и малой Польши и для Литвы, никогда не затворялись.

Въ виду народа, въ присутствіи пословъ иностранныхъ державъ, сеймъ открылся мирно. При первыхъ совѣщаніяхъ Примасъ провозгласилъ претендентомъ Герцога Лотарингскаго. Онъ

---

[1] 20-го апрѣля нов. стиля; о этомъ сеймѣ см. And. Chrisost. Zalusky Epistolae familiar. t. I. epist. XXXII стр. 554—85. Theatr. Europ. XI, стр. 641—46.

напомнилъ прежнее желаніе Поляковъ, свергнувъ съ престола Михаила, избрать Герцога своимъ Королемъ, когда неудалось избраніе Лонгевиля. Тогда, онъ говорилъ: мы не могли этого сдѣлать безъ сильныхъ потрясеній Государства, отложимъ ли теперь наше предположеніе, когда мирно и безъ препятствій оно можетъ быть исполнено. Соединивъ бракомъ Герцога съ Королевою Елеонорою, Польша избавится отъ необходимости производить издержки на содержаніе дворовъ обѣихъ Королевъ. Послѣднее замѣчаніе сильно подѣйствовало на Поляковъ; неохотно допускали они всякіе лишніе расходы. По обычаямъ же Польскимъ, супруга покойнаго Короля, до смерти, должна была получать содержаніе отъ Рѣчи Посполитой.

Карлъ въ случаѣ избранія его Королемъ, съ своей стороны обѣщалъ значительныя выгоды для Польши[2]. Подкупленные Имперскимъ золотомъ толпы Іезуитовъ бродили между народомъ, возвѣщая достоинства Карла и обѣщая особенною милость Божію Польшѣ, если она изберетъ его Королемъ, потому что изъ того рода, къ которому онъ принадлежитъ, они насчитывали до трехъ сотъ Святыхъ. Не менѣе обѣщали и другіе искатели—Герцогъ Моденской и Принцъ Ѳома Савойской, и гораздо болѣе принцы Георгъ Датскій, Трансильванскій и Филлиппъ Нейбурскій[3]. Притязанія послѣдняго поддерживала

[2] Онъ обѣщалъ 9 мѣсецевъ на свой счетъ содержать всѣ войска, составить пятитысячный отрядъ и на своихъ издержкахъ содержать его во все продолженіе Турецкой войны; пять сотъ молодыхъ пановъ взять въ свою Гвардію, устроить военную школу для Поляковъ въ Lorraine и если получитъ свою наслѣдственную Лотарингію, то ея доходы употреблять въ пользу Королевства.

[3] Первый, кромѣ уже истраченныхъ для подкуповъ трехъ милліоновъ, обѣщалъ значительныя суммы, союзъ съ Даніею и открыть для Польши торговлю съ Индіею.—Ракоци обѣщалъ 15-ть милліоновъ, 15 тысячь войска въ помощь войскамъ Польскимъ во

Францiя, покрайней мѣрѣ посолъ Людовика XIV-го, Епископъ Марсельской Forbin-Jenson дѣйствовалъ въ его пользу на сеймѣ. Но память о владычествѣ Французовъ въ Польшѣ еще была сильна и возбуждала негодованie; не многie были на его сторонѣ. Влiянiе Имперiи отклоняло вниманie отъ другихъ искателей; за Принца Датскаго стояли только протестанты Западной Польши. Партiя Карла Лотаринскаго не только была сильнѣйшею при открытiи сейма, но въ собственномъ смыслѣ единственно сильною; гроза тяготѣвшая надъ Польшею укрощала личныя страсти, уже значительно упавшiя въ слѣдствie долгихъ волненiй внутреннихъ. Необходимость скораго избранiя Короля для всѣхъ казалась настоятельною и Герцогъ Лотарингскiй по всей вѣроятности былъ бы избранъ, еслибъ сами его приверженцы не обезсилили значительно и неожиданно самихъ себя.

Увлекаемый личною ненавистью къ Собѣсскому, Пацъ при началѣ сейма снова потребовалъ исключенiя Пяста отъ избранiя, доказывая необходитость Государя иностранца для Польши. Такое требованie, снова отвергутое, раздражило народное самолюбie; оно выразилось сильнымъ негодованieмъ и произвело совершенно противное желанiямъ Гетмана дѣйствie, — образовало новую партiю, которая потребовала избрать Королемъ непремѣнно Поляка. Непрiязнь Поляковъ къ Цесарцамъ проснулась. Имперiя постоянно угрожаемая Турками, была поставлена въ

все время Турецкой компанiи и соединить свое Княжество съ Королевствомъ. Менѣе по видимому обѣщалъ Филиппъ Нейбурскiй но его обѣщанiя заслуживали болѣе довѣрiя. Богатый и сильный домъ Баварскiй скорѣе покрайней мѣрѣ нѣкоторыхъ другихъ могъ исполнить обѣщанiя. Онъ хотѣлъ построить на свой счетъ двѣ крѣпости на границахъ Польшы, содержать 26 т. оспомогательное войско на свой счетъ, выдать за годъ жалованье всѣмъ войскамъ и устроить военную школу для Поляковъ въ Германiи.—Залусскiй. Epist. I. 586—92.

необходимость поддерживать союзъ съ Польшею и Польша нуждалась въ союзѣ съ нею, противъ того же врага, которому почти немогла сопротивляться одними собственными силами. Имперія всегда могла достигнуть союза съ нею; но ея политика дѣйствовала иначе. Со временъ Іоанновъ она постоянно забѣгала съ предложеніемъ къ Русскому двору приступить къ союзу Европейскихъ державъ, который она будто бы составляетъ противъ врага всего Христіанства и когда Россія изъявляла полную готовность, она постоянно мѣдлила въ совершеніи самаго договора, отговариваясь всевозможными способами. Прямая и добродушная политика Двора Московскаго не замѣчала или не хотѣла замѣтить что Имперія желала не союза съ нею, но желала только возбудить ее противъ Султана и чрезъ нея и Персію. Не имѣя достаточно силъ справиться съ Турками, она полагала отвлечь ихъ вниманіе отъ себя, вовлекая въ войну съ Россіею и Персіею, нисколько не думая помогать ни Россіи, ни Персіи и еще менѣе заботясь о всемъ вообще христіанствѣ, о которомъ такъ усердно наказывалъ ей позаботиться Папа. Она заботилась о самой себѣ и въ отношеніяхъ съ Польшею. Польша постоянно боролась съ Турками, еще мечтавшими въ это время о завоеваніи всѣхъ христіанскихъ народовъ. Поддерживая Польшу въ постоянной войнѣ съ ними, Имперія освобождала себя отъ ихъ нападеній, обѣщая помощь, никогда не помогала и для того чтобы несмотря на это Польша повиновалась ея требованіямъ, она стремилась господствовать надъ нею. Удержать на престолѣ Польскомъ сестру Императора и удерживая старое вліяніе усилить его новымъ въ слѣдствіе избранія Герцога Лотарингскаго, — вотъ что составляло цѣль Имперіи. Но и она въ свой чередъ, также какъ Гетманъ Литовскій, дѣйствовала неосторожно, слишкомъ довѣряя своей силѣ и слабости Поляковъ. Примасъ, управлявшій Королевствомъ, изнемогалъ отъ лѣтъ и болѣзни; часто

не могъ присутствовать даже на сеймѣ. Цесарская партія задумала смѣнить его и временное управленіе государствомъ передать Королевѣ. Для исполненія сего намѣренія, войска имперскія уже подвинулись къ границамъ Польши. Но дѣло однакоже было опасно: удаленіемъ Примаса можно было раздражить все духовенство; а между тѣмъ Собѣсскій, узнавъ о движеніи имперскихъ войскъ, окружилъ всѣ границы со стороны Силезіи войсками коронными. Явная попытка силою захватить престолъ Польскій еще болѣе раздражила народное самолюбіе.

Партіи волновались, сеймъ становился шумнѣе и неопредѣленнѣе. Въ это время всеобщаго замѣшательства, явился великій Гетманъ коронный; предшествуемый славою недавней побѣды, онъ великолѣпно въѣхалъ въ Варшаву. Послѣ побѣды подъ Хотинымъ, онъ жилъ въ своемъ помѣстьѣ, въ Жолкевѣ, не принимая по видимому участія въ дѣлахъ государства, или въ Львовѣ, распоряжаясь дѣлами военными. Устроивъ разбѣжавшееся войско, укрѣпивъ границы со стороны Турціи и Имперіи, обложивъ Краковъ и поставивъ значительную часть войскъ вокругъ Варшавы, онъ явился на избирательный сеймъ. Все вниманіе города и сейма сосредоточилось на немъ: его принимали съ восторгомъ всеобщимъ, его голосъ долженъ былъ рѣшить всѣ недоумѣнія, а за кого подастъ свой голосъ Янъ Собѣсскій еще никому не было извѣстно. Знали только, что не въ пользу цесарскаго вліянія на Польшу заговоритъ ея избавитель; его расположеніе къ Франціи давало поводъ къ инымъ предположеніямъ. Въ первое время Собѣсскій молча слушалъ тревожные споры сейма, но его молчаніе уже убило Пацовъ. Предчувствуя паденіе своей партіи Гетманъ Литовскій, въ тайныхъ переговорахъ съ Русскимъ резидентомъ, съ досадою и грустью говорилъ: «какъ повредило долгое молчаніе Царя. Еслибъ онъ прислалъ пословъ на сеймъ и согласился бы на

избраніе Царевича, давно бы дѣло было кончено, мы заградили бы уста всѣмъ и провозгласилибъ его Королемъ». Чрезъ нѣсколько дней, когда Тяпкинъ доставилъ ему новыя письма изъ Москвы отъ Князя Долгорукаго и Матвѣева и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстія о тайныхъ сношеніяхъ великаго Гетмана короннаго съ Татарами, которые могли заподозрить его передъ Рѣчью Посполитою, Пацъ уже совѣтовалъ скрыть это извѣстіе до времени; уже поздо говорилъ онъ; ибо въ *колѣ* рыцарскомъ, Мая 9, Янъ Собѣсскій избранъ Королемъ и чрезъ нѣсколько дней сеймъ утвердитъ его избраніе[4].

Дѣйствительно, молча выслушавъ предложенія искателей короны Польской и шумные споры сейма, Собѣсскій подалъ наконецъ знакъ, что хочетъ говорить. Водворилось глубокое молчаніе: всѣ желали знать мнѣніе Гетмана. «Во время опасности, грозящей отечеству со стороны Турокъ, говорилъ онъ, намъ нуженъ Король-герой, привыкшій уже къ побѣдамъ, который бы могъ спасти существованіе государства, не говорю уже о славѣ». Отвергнувъ Принца Нейбургскаго, какъ юношу, не начинавшаго военной дѣятельности, и Принца Лотарингскаго, весьма не значительнаго, по его мнѣнію, военачальника, онъ предложилъ знаменитаго Конде, говоря что его слѣдовало еще избрать на предшествовавшемъ сеймѣ и упрекалъ своихъ соотечественниковъ, что они могли повѣрить ничтожной клеветѣ, которую распустили противъ него въ то время и забыли его великую славу[5].

Конде менѣе всѣхъ другихъ соискателей короны имѣлъ защитниковъ на сеймѣ; его никто не предлагалъ, у него не было партіи, всѣхъ страшило вліяніе Франціи; сама Франція въ лицѣ своего посланника предлагала принца Нейбургскаго, между тѣмъ

---

[4] Ст. Сп. Переговоры 3-го Мая, л. 98 и слѣд.

[5] Залусскій. Epist. XXXII, стр. 555 и слѣд.

какъ, по личнымъ качествамъ, онъ болѣе всѣхъ достоинъ былъ короны. Предложеніе Собѣсскаго не могло быть однакоже принято; партіи уже составились, — сильная за Герцога Лотарингскаго, незначительная за Г. Нейбургскаго и ничтожныя за всѣхъ другихъ соискателей; оно было неожиданнно и могло только поразить всѣхъ и каждаго; было лестно для народнаго самолюбія и могло только разбить готовыя уже партіи и особенно Императорскую. Настало всеобщее разногласіе, пока образовывалась партія въ пользу новаго искателя. Пацы были сильно раздражены, Литовцы явно отдѣлились отъ всѣхъ, возникли ссоры, кровавыя и шумныя, война народная готова была разразиться. Тогда, какъ будто уступая своимъ противникамъ для блага отечества, желая отклонить междоусобіе, Собѣсскій отказался отъ своего предложенія, прежде нежели успѣла въ пользу его образоваться партія, и предложилъ Нейбургскаго. Его враги, довольные уступкой, готовы были согласиться. Незначительная до сей поры партія сего искателя короны, готовилась усилиться и побѣдить остальныя. Но и въ этомъ случаѣ два происшествія помѣшали дѣлу.

Опасенія Цесарской партіи оправдались: Примасъ Князь Черторійскій, дряхлый по лѣтамъ и слабому здоровью, умеръ недождавшись окончательнаго избранія. Въ послѣднее время болѣзнь часто препятствовала ему лично присутствовать на сеймѣ, его замѣщалъ Епископъ Краковскій Тржембецкій. По смерти Примаса, онъ занялъ его мѣсто на сеймѣ, но не имѣлъ того вліянія, какъ Кн. Черторійскій. Партія Королевы въ его лицѣ лишилась одного изъ главныхъ представителей и еще болѣе обезсилила свое значеніе новымъ поступкомъ, не сообразнымъ съ приличіями избирательнаго сейма.

Чувствуя безсиліе прямо дѣйствовать въ пользу Карла Лотарингскаго, его приверженцы рѣшились принять послѣднее предложеніе Собѣсскаго; но, поддерживая выгоды Королевы, от-

правили къ ней полномочныхъ отъ сейма. Они просили Королеву выдти замужъ за Герцога Нейбургскаго. «Сеймъ можетъ поступить какъ ему угодно, отвѣчала Елеонора, я съ своей стороны буду поступать такъ, какъ посовѣтуетъ мнѣ братъ мой Императоръ» — и дала почувствовать, что желала бы избранія въ Короли и супруги Герцога Лотарингскаго[6]. Пацъ, тронутый быть можетъ ея сердечною привязанностію, обѣщавъ защищать ея желаніе, отправился на сеймъ. Собѣсскій узналъ объ этомъ гуляя вмѣстѣ съ Французскимъ посланникомъ въ саду дворца Казиміра, въ которомъ онъ помѣщался въ Варша-

[6] Ст. Сп. Тяпкина. Л. 102 и др. «Вѣдомо резиденту Его Царскаго Величества учинилось, присылали Сенаторы изъ окопу къ Королевскому Величеству съ бискупомъ Краковскимъ Гембицкимъ персону Найбурскаго Князя и говорили ей отъ всѣхъ Сенаторовъ и пословъ: Рѣчь Посполитая изволили избрать себѣ на государство Королемъ сего Князя, его же есть образъ и ея Королевино Величество изволилабъ того себѣ избрати и бракомъ съ нимъ совокупитися.

Тогда Королевино Величество съ великимъ воздыханіемъ и плачемъ отвѣщала: воля ихъ Сенаторовъ да будетъ, да изберутъ себѣ Государемъ кого восхощутъ; а ей Королевину Величеству сей непотребенъ и изволенія ея нѣсть къ тому; занеже имѣетъ она Государыня себѣ за отца и снабдителя, его же повелѣнію послушна, брата своего Великаго Государя Его Цасарское Величество. Чтобъ къ нему о томъ своемъ намѣреніи послали; какъ онъ Государь повелитъ, такъ да будетъ. А я нынѣ аще и Королева есмь, однакожь яко едина отъ убогихъ сиротъ, вдовица.

И бискупъ до Королевина Величества молвилъ: если къ тому ея Королевино Величество на королевствѣ быти не изволитъ, такожь и въ супружество принять не похочетъ; а весь Сенатъ приказали съ нимъ бискупомъ еѣ Королевину Величеству объявить: съ которымъ посягомъ пришла въ ихъ Государство, съ тѣмъ изволилабъ ее Королевино Величество ѣхать въ свое отечество. И Королевино Величество выслушавъ паки горько заплакала и пошла отъ бискупа въ покой къ себѣ, и ничего ему на то отвѣту учинить не изволила. И бискупъ отъ Королевина Величестеа отъѣхалъ къ Сенаторомъ въ окопъ.»

вѣ. «Не будутъ же распоряжаться нами Цесарцы», сказалъ онъ своему собесѣднику и тоже отправился на сеймъ.

Для вольнаго избранія Короля Польскаго нужно согласіе Австрійцевъ!—заговорила надменная шляхта и партія Лотарингскаго упала окончательно вмѣстѣ со всѣми другими, которыя никогда не были значительны. Когда па сеймѣ предложили собирать голоса по каждому палатинату, — тогда маршалъ Сѣверной Галиціи, Станиславъ Яблоновскій въ краснорѣчивой рѣчи, неожиданно для всѣхъ, предложилъ избрать Королемъ— Яна Собѣсскаго, доказывая что онъ соединяетъ всѣ нужныя для того достоинства[7]. Молва народная, которую однакоже рѣдко можно отличить въ Польшѣ этого времени отъ клеветы какой-либо партіи, обвиняли его въ томъ что онъ былъ подъ вліяніемъ Маріи Собѣсской, но быть можетъ его руководило и желаніе блага родины. Разъ произнесенное Галиційскимъ маршаломъ имя, уже не замолкало болѣе. Съ восторгомъ весь палатинатъ воскликнулъ: да здравствуетъ Король Янъ Собѣсскій! Услышавъ возгласъ, другіе палатинаты единодушно его повторили. Безмолвствовали Литовцы, но изъ ихъ среды тоже раздавались, хотя не многіе и разрозненные, голоса въ пользу Собѣсскаго. Пацы съ ихъ партіею собирались протестовать, доказывая что выборъ не единогласенъ, когда самъ Собѣсскій всталъ и произнесъ: Veto! Онъ не хотѣлъ быть избраннымъ не единогласно и до другаго дня просилъ отложить собраніе голосовъ. Уже вечеръ спускался надъ долиною Воли, шумѣвшею голосами многочисленнаго, взволнованнаго народа.

Вся партія Пацовъ отдѣлилась и не соглашалась на избраніе; но Михаилъ Радзивилъ, вице-канцлеръ Литовскій, женатый на сестрѣ Собѣсскаго присоединился съ тремя братьями Сапѣгами и значительнымъ числомъ Литовцовъ къ избранію

[7] Залусскій. Epist. I. XXII. 557 и слѣд. Theatr. Europ. XI. 647.

и тѣмъ обезсилилъ партію Пацовъ. Они принуждены были согласиться и 11-го Марта Янъ Собѣсскій, уже единогласно былъ избранъ королемъ Польскимъ.

Образъ дѣйствій Собѣсскаго составляетъ загадку для историковъ. Желалъ ли онъ короны и къ этой цѣли расчитанно велъ свои дѣйствія, или дѣйствуя для другихъ, неожиданно самъ получилъ корону? «Ради даровъ великихъ, писалъ Тяпкинъ въ Москву, склонились Радзивилъ и Сапѣги къ избранію Собѣсскаго», — «а не по охотѣ склонились; для того что войска многіе коронные приведены подъ Варшаву, въ 5 и 3-хъ верстахъ поставилъ, а замокъ Варшавскій въ полмилѣ пѣхотою осадилъ, такожъ и коронный городъ Краковъ многими силами своими наполнилъ, а чрезъ Вислу рѣку мостъ подъ Варшавою учинилъ, на стругахъ и на шкутахъ, для защиты отъ шляхты Литовской, которые находясь за рѣкою съ Пацомъ были не желательны на королевство Собѣсскому. Въ трехъ шкутахъ пѣхоту многую съ готовою стрѣльбою посадилъ, чтобъ никого за рѣку на Варшавскую сторону не пропускать и насилующихъ бить. И такимъ образомъ чрезъ свою великую мочь учинился Королемъ».[8] Дорошенко, увѣдомляя Султана объ избраніи Собѣсскаго Королемъ писалъ: «что онъ избранъ не столько по единственному всѣхъ чиновъ короны Польской рѣшенію, сколько по своимъ собственнымъ проискамъ».[9] Такое же мнѣніе господствовало въ Европѣ.[10] Послѣднія военныя распоряженія Собѣсскаго подъ Варшавою вынуждены были явнымъ возстаніемъ Литовцевъ, готовыхъ было начать междоусобную войну,

---

8 Ст. Сп. л. 104. Письмо къ Окол. Матвѣеву отъ 14 Мая.

9 Симб. Сб. Малорос. дѣла, стр. 215. Письмо 182 года, Авг. 10-го.

10 Lettre de M-me de Sevigné: 1-го Янв. 1674 г. Le grand Maréchal de Pologne a écrit au Roi que si Sa Magesté voulait faire quelqu'un Roi de Pologne, il le servirait de ses forces; mais que si elle n'a personne en vue, il lui demande sa protection. Le Roi la lui donne; mais on ne croit pas qu'il sera élu parcequ' il est d'une *religion contraire au peuple*.

которую съ своей стороны долженъ былъ предупредить Гетманъ коронный. Но вообще его дѣйствія могли подать поводъ къ разнымъ толкамъ.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ пріѣзда на сеймъ, совершилось его избраніе. Послѣ Примаса, первое лице въ Королевствѣ по званію великаго Гетмана короннаго, по доблестямъ военнымъ, заслужившій славу всеобщую, Собѣсскій зналъ, что его голосъ на сеймѣ, долженъ былъ имѣть значеніе, если не рѣшительное, то во всякомъ случаѣ важное. — Между тѣмъ онъ молчалъ, давая высказать вполнѣ свои желанія и намѣренія всѣмъ представителямъ Польши и Литвы. Занявъ ему преданными войсками Краковъ и окруживъ Варшаву, онъ явился не одинъ на вольное избраніе; но вмѣстѣ съ войскомъ ему преданнымъ и готовымъ съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать голосъ своего предводителя. Образъ дѣйствія Французскаго посла давалъ также поводъ къ подозрѣніямъ. Франція предлагала Герцога Нейбургскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ не противорѣчила когда предложенъ былъ Конде, охотно согласилась, когда избранъ былъ Собѣсской, испросившій вскорѣ послѣ избранія кардинальскую шляпу Епископу Марсельскому.

Недоброжелатели Собѣсскаго могли говорить что онъ силою взялъ корону; многіе изъ доброжелателей могли раздѣлять тоже мнѣніе и даже хвалиться подобнымъ дѣйствіемъ.

Хотя Польша гордилась вольнымъ избраніемъ своихъ Королей, но въ тоже время, никогда непоказывая явно, ея представители очень хорошо понимали что давно уже простая сила и внѣшнія вліянія рѣшаютъ судьбы Рѣчи Посполитой. Послы дворовъ иностранныхъ участвовали на сеймахъ избирательныхъ, представители партій являлись съ войсками. Также какъ Собѣсской поступилъ и Пацъ, приведя съ собою Литовскія войска и занявъ ими часть города. Въ сношеніяхъ, по случаю избранія Царевича Московскаго, Пацъ очевидно желалъ, чтобы Россія

дѣйствовала силою, прислала нарочное посольство съ деньгами, вліянію котораго придавало-бы значеніе стотысячное Русское войско, стоявшее на Днѣпрѣ. Войска, приведенныя въ столицу Польскую Пацомъ, послужили бы ему только передовымъ отрядомъ. При такихъ обстоятельствахъ не мудрено, что и защитники Собѣсскаго могли говорить, по видимому съ чувствомъ народной гордости, столь часто въ Польшѣ не различной отъ суетнаго тщеславія: Литва хотѣла исключить отъ избранія Пяста, а Пястъ завоевалъ себѣ корону.

Можетъ быть дѣйствія великаго короннаго Гетмана объясняются и проще; быть можетъ онъ поступалъ также какъ незадолго предъ тѣмъ тѣмъ Монкъ въ Англіи; но различныя условія жизни государственной, однородныя дѣйствія привели къ послѣдствіямъ совершенно противоположнымъ. Собѣсскій былъ преданъ Франціи, цѣнилъ славу Конде и любилъ его какъ друга. Занятіе Кракова войсками было естественнымъ противодѣйствіемъ Цесарцамъ, которые придвинули свои войска почти къ самымъ границамъ Польши. Варшаву, наполненную уже войсками Литовскими, слѣдовало окружить и коронными чтобы противодѣйствовать исключительному вліянію одной партіи. Голосъ Собѣсскаго въ пользу Конде могъ быть искреннимъ, равно и согласіе на избраніе Нейбургскаго: его предлагала Франція. При необузданной свободѣ лицъ въ Польшѣ, естественно что всѣ дѣйствія въ жизни государственной могутъ быть объясняемы личными желаніями, страстями и выгодами. Такъ объясняютъ ихъ и современныя преданія и часто сама исторія. Нѣтъ ни одного происшествія, о которомъ не было бы различныхъ мнѣній даже у самихъ современниковъ; потому что въ исторіи Польши постоянно дѣйствовали различныя и враждебныя одна другой партіи. Но въ путаницѣ личныхъ мнѣній и дѣйствій иногда безсознательно и внезапно вы-

ражаются общія стремленія значительныхъ массъ народа. Такъ случилось, кажется, и при избраніи Собѣсскаго.[11]

На другой день послѣ избранія, по обычаю, вновь избранный Король ходилъ поклониться праху покойнаго Михаила и навѣстить Королеву. Во время посѣщенія «она лежала на ложѣ своемъ, писалъ въ Москву нашъ резидентъ, и противъ него не встала, не говорила съ нимъ ничего и чрезъ нѣсколько дней оставила Варшаву.»[12]

Избраніе еще не могло считаться совершенно оконченнымъ пока Янъ III не произнесъ присяги народу Польскому. Во храмѣ Св. Яна 20 Мая, онъ клялся между прочимъ поддерживать мирныя сношенія съ Россіею и отправить къ Царю торжественное посольство. Но въ числѣ статей его присяги находилась одна, по которой онъ обязывался снова возвратить Польшѣ Подолье и Украйну, потерянныя ею въ послѣднихъ войнахъ. Конечно это условіе имѣло въ виду Турцію, но и Россія владѣла уже частію Украйны.[13] Польша дѣйствительно желала мира съ Россіею, ожидая отъ ней одной помощи противъ Турокъ; но миръ на условіяхъ возможныхъ для Польши не былъ возможенъ для Россіи; точно также какъ не возможно было и избраніе Русскаго Царевича на престолъ Польскій.

Въ это время Россія и Польша въ такихъ находились не-

---

[11] Dedid nobis Deus Electum ex millibus, quem dignissimum judicavimus, hunc regem diximus, parem illi non video. Si cui in capite haeret impressio electionem perperam factum, multum ille fallitur; qui in ejus modi sententia est: divinam hic opus fuit, non humanum; Spiritus S. dixeret vota et voces occupat eam fortunam rex dignitate sua etsi et non speraveram. Письмо Архіеп. Анд. Ольшевскаго, Залусскій. Тамъ же стр. 642-3.

[12] Ст. сп. л. 105. Письмо къ Окол. Матвѣеву отъ 14 Мая.

[13] Ст. Сп. Избраніе Мая 8 (л. 101); присяга 21 (л. 105, об.), но потомъ прилагаетъ самую присягу, «учиненную Мая 20 по новому.» (л. 108). 1684 г. 19 Мая избраніе, 21 оглашено;-Paska pamietniki ed. 3. Posnan. стр. 232. Abbe Coyer Hist. de J. Sobiesky. I. 324. 19 Мая избраніе, 5-го Іюня присяга. Salvandy. Hist. de Pol. ed. 1841. Brus. провозглашенъ Королемъ 21 Мая. стр. 319. Залусскій. I. 557.

важныя мѣста государственныя. Янъ Собѣскій долго жилъ въ Парижѣ, посѣщалъ постоянно гостиную Герцогини de Longueville и тамъ подружился съ знаменитымъ Кондѐ, съ которымъ во всю жизнь велъ переписку. Съ этого времени Поляки прослыли сѣверными Французами и гордились такимъ названіемъ.

Vistula nunc Gallis bibitur Ligerisque Polonis, — написалъ городъ Торнъ на тріумфальныхъ воротахъ, воздвигнутыхъ въ честь Королевы Луизы[14].

Въ такомъ обществѣ воспитались болѣе или менѣе замѣчательныя лица описываемаго времени. Вліяніе Франціи уничтожило различія существовавшія прежде между Литовскими и Польскими панами. Они всѣ сдѣлались образованными европейцами, и Собѣской, избранный Королемъ и Пацы Канцлеръ и Гетманъ Литовскіе и Морштинъ Коронный Казначей и другіе. Многіе изъ нихъ были даже женаты на Француженкахъ. Но эти люди совершенно одного складу въ смыслѣ общественномъ, въ жизни государственной часто являлись врагами непримиримыми.

Въ то время, которое обыкновенно историки Польскіе считаютъ блестящею эпохою жизни ихъ отечества, внутренній характеръ республики совершенно измѣнился въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Главнѣйшею причиною всѣхъ перемѣнъ послужили завоеванія. Они подали поводъ къ происхожденію огромныхъ богатствъ, сосредоточенныхъ въ нѣкоторыхъ дворянскихъ домахъ; обогащеніе однихъ, шло рука объ руку съ бѣдностію другихъ. Высшее сословіе раздѣлилось на два класса, пановъ и шляхту. Червонная Россія почти вся безъ исключенія раздѣлялась на огромныя владѣнія частныхъ лицъ, не менѣе, если не болѣе обширныя прежнихъ удѣловъ Князей

[14] Въ этоже время образовалась пословица: Francuz wymysli, Niemiec to zrobi, a Polak glupi zaraz to kup.

Галицкихъ и Владимирскихъ. Къ Злочеву, владѣнію Даниловичей, перешедшему потомъ къ Собѣскому, причислялось до 150 деревень, старый Галичь со всѣми его окрестностями принадлежалъ Потоцкимъ[15].

Литва, присоединившись къ Польшѣ послѣдовала примѣру Червонной Россіи. Въ ней также не многіе роды, владѣя огромными имѣніями, возвысились надъ прочими и повелѣвали ими. Современникъ Собѣскаго Далеракъ, описывая высшее сословіе Литовское не находитъ въ немъ большаго различія отъ пановъ Польскихъ, «только его духъ еще можетъ быть надменнѣе, рѣзче и хвастливѣе, нежели у самихъ Поляковъ[16]». Владѣя огромнымъ богатствомъ, паны Польскіе и расточали его неумѣренно. Ихъ роскошь изумляла иностранныхъ путешественниковъ[17], окруженные многочисленною свитою изъ мелкой шляхты, въ домахъ блиставшихъ золотомъ, за роскошными обѣдами и попойками, въ взаимныхъ ссорахъ и войнахъ между собою, они расточали богатство. «Мы живемъ лучше говорили они[18] въ безпорядкѣ нежели въ порядкѣ, наша земля богата, обѣднять мы не можемъ. Что такое богатство: простая случайность, подверженная перемѣнамъ, мы живемъ настоящимъ, не думая о будущемъ; богатство приходитъ и проходитъ; вѣчны только права шляхетскаго сословія». Для поправленія истощенныхъ имуществъ придумано было однакожъ дѣйствительное средство. Вся Польша раздѣлилась на староства, которыхъ управленіе доставляло большіе доходы. Они давали способъ обогащаться и возникать въ силѣ новымъ, прежде незначительнымъ родамъ и поправлять состояніе обѣднѣвшихъ. Раздача староствъ составляла важное орудіе въ рукахъ Королей: дава-

---

15 Dalerac. Anecdotes de Pologne, II. 230 — 35.
16 Тамъ же. II. 356.
17 Laboureur, voyage de Gebriant; въ 1644 г. II. 35. 141. 210 и др.
18 Laboureur, тамъ же стр. 113.

важныя мѣста государственныя. Янъ Собѣсскій долго жилъ въ Парижѣ, посѣщалъ постоянно гостиную Герцогини de Longueville и тамъ подружился съ знаменитымъ Кондè, съ которымъ во всю жизнь велъ переписку. Съ этого времени Поляки прослыли сѣверными Французами и гордились такимъ названіемъ.

Vistula nunc Gallis bibitur Ligerisque Polonis, — надписалъ городъ Торнъ на тріумфальныхъ воротахъ, воздвигнутыхъ въ честь Королевы Луизы[14].

Въ такомъ обществѣ воспитались болѣе или менѣе замѣчательныя лица описываемаго времени. Вліяніе Франціи уничтожило различія существовавшія прежде между Литовскими и Польскими панами. Они всѣ сдѣлались образованными европейцами, и Собѣсской, избранный Королемъ и Пацы Канцлеръ и Гетманъ Литовскіе и Морштинъ Коронный Казначей и другіе. Многіе изъ нихъ были даже женаты на Француженкахъ. Но эти люди совершенно одного складу въ смыслѣ общественномъ, въ жизни государственной часто являлись врагами непримиримыми.

Въ то время, которое обыкновенно историки Польскіе считаютъ блестящею эпохою жизни ихъ отечества, внутренній характеръ республики совершенно измѣнился въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Главнѣйшею причиною всѣхъ перемѣнъ послужили завоеванія. Они подали поводъ къ происхожденію огромныхъ богатствъ, сосредоточенныхъ въ нѣкоторыхъ дворянскихъ домахъ; обогащеніе однихъ, шло рука объ руку съ бѣдностію другихъ. Высшее сословіе раздѣлилось на два класса, пановъ и шляхту. Червонная Россія почти вся безъ исключенія раздѣлялась на огромныя владѣнія частныхъ лицъ, не менѣе, если не болѣе обширныя прежнихъ удѣловъ Князей

---

[14] Въ этоже время образовалась пословица: Francuz wymysli, Niemiec to zrobi, a Polak glupi zaraz to kup.

Галицкихъ и Владимирскихъ. Къ Злочеву, владѣнію Даниловичей, перешедшему потомъ къ Собѣскому, причислялось до 150 деревень, старый Галичь со всѣми его окрестностями принадлежалъ Потоцкимъ[15].

Литва, присоединившись къ Польшѣ послѣдовала примѣру Червонной Россіи. Въ ней также не многіе роды, владѣя огромными имѣніями, возвысились надъ прочими и повелѣвали ими. Современникъ Собѣскаго Далеракъ, описывая высшее сословіе Литовское не находитъ въ немъ большаго различія отъ пановъ Польскихъ, «только его духъ еще можетъ быть надменнѣе, рѣзче и хвастливѣе, нежели у самихъ Поляковъ[16]». Владѣя огромнымъ богатствомъ, паны Польскіе и расточали его неумѣренно. Ихъ роскошь изумляла иностранныхъ путешественниковъ[17], окруженные многочисленною свитою изъ мелкой шляхты, въ домахъ блиставшихъ золотомъ, за роскошными обѣдами и попойками, въ взаимныхъ ссорахъ и войнахъ между собою, они расточали богатство. «Мы живемъ лучше говорили они[18] въ безпорядкѣ нежели въ порядкѣ, наша земля богата, обѣднять мы не можемъ. Что такое богатство: простая случайность, подверженная перемѣнамъ, мы живемъ настоящимъ, не думая о будущемъ; богатство приходитъ и проходитъ; вѣчны только права шляхетскаго сословія». Для поправленія истощенныхъ имуществъ придумано было однакожъ дѣйствительное средство. Вся Польша раздѣлилась на староства, которыхъ управленіе доставляло большіе доходы. Они давали способъ обогащаться и возникать въ силѣ новымъ, прежде незначительнымъ родамъ и поправлять состояніе обѣднѣвшихъ. Раздача старостствъ составляла важное орудіе въ рукахъ Королей: дава-

---

[15] Dalerac. Anecdotes de Pologne, II. 230 — 35.
[16] Тамъ же. II. 356.
[17] Laboureur, voyage de Gebriant; въ 1644 г. II. 35. 141. 210 и др.
[18] Laboureur, тамъ же стр. 113.

ла возможность обогащать людей имъ преданныхъ, которые достигнувъ силы противодѣйствовали враждебнымъ замысламъ пановъ имъ противныхъ. Кромѣ видовъ личныхъ и государственныхъ взаимную вражду и разъединеніе между панами поддерживали и убѣжденія религіозныя. Іезуитское воспитаніе Литовцевъ и Галичанъ возбуждало ихъ къ Латинскому фанатизму, средоточіемъ впрочемъ котораго была постоянно Мазовія. Многіе изъ пановъ Великой Польши и Пруссіи были протестанты, Калвинисты и Социніане. Но при внутреннемъ разъединеніи и враждѣ однако же всѣ паны соединялись въ одномъ общемъ сочувствіи съ западною Европою. Ихъ сочувствіе дробилось только по государствамъ, на которыя она раздроблялась, Латинскія или Протестантскія — по исповѣданію. Народъ былъ въ полномъ угнетеніи; его ужасающая бѣдность засвидѣтельствована и Польскими и иностранными писателями этого времени[19]. Между обнищалымъ народомъ и роскошными панами волновались толпы неугомонной шляхты, исполненной народной гордости, негодовавшей на иностранное вліяніе. Но сила была въ рукахъ пановъ; шляхта служила наемнымъ орудіемъ для всѣхъ и каждаго изъ нихъ и главнѣйшею причиною безпорядковъ въ общественной и государственной жизни.

При такомъ положеніи общественнаго быта въ Литвѣ и Польшѣ очевидно не могъ Королемъ Польскимъ добровольно быть избранъ Царь Московскій или Царевичъ. Не въ ту сторону стремились сочувствія Польши.

---

[19] Laboureur, тамъ же стр. 107.

ГЛАВА IV.

Въ то время, какъ Польша избрала Короля, готовилась къ войнѣ, посланныя ей въ помощь Русскія войска дѣйствовали въ Украйнѣ противъ Дороშенка и Татаръ. Средоточіемъ дѣйствій былъ станъ боярина Кн. Гр. Гр. Ромодановскаго и Гетмана Самойловича, перемѣнявшій мѣста смотря по ходу войны и Кіевъ, гдѣ находилась часть Русскаго войска подъ предводительствомъ боярина Князя Юрія Петровича Трубецкаго.[1]

Три Гетмана управляли Малороссіею: Дорошенко, принявшій Турецкое подданство, Ханенко, находившійся подъ властію Польши, и Самойловичь, покорный Царю Московскому со всею страною по сю сторону Днѣпра. Предводитель Запорожцевъ храбрый Сѣрко, не разрывая союза съ Польшею, признавая власть Царя Московскаго, билъ и преслѣдовалъ Татаръ повсюду; проникъ даже въ Крымъ и тѣмъ помѣшалъ Хану придти на помощь Туркамъ, разбитымъ подъ Хотиномъ великимъ Гетманомъ коронныхъ. Онъ отражалъ враговъ когда другіе Гетманы, не примиримые враги между собою, терзали свою роди-

---

[1] Дворц. Разр. III стр. 897, товарищами его были околн. Дан. Ст. Великого-Гагинъ да Стольн. Алексѣй и Ѳедоръ Димитр. Колотовскіе и дьякъ Тимоѳей Безсоновъ.

дутъ сдать крѣпость Русскимъ. Въ Москвѣ только того али, помощи имъ не было послано; Воевода Кіевскій отвался тѣмъ, что не имѣетъ царскаго приказанія; впрооиъ самъ просилъ помощи, не имѣя достаточно ни , ни запасовъ для удержанія Кіева[2].

лучивъ отказъ отъ коменданта Бѣлой-Церкви, Ханенко ся предаться Россіи и двинулся къ Кіеву. Но Князь Тру-, получивъ о томъ извѣстіе, послалъ ему сказать чтобъ э приближался. Не смотря на то однакоже онъ подошелъ ожигорскому монастырю и сталъ въ 15 верстахъ отъ гоизвѣстивъ Князя Трубецкаго, что хочетъ остановиться ъ подлѣ Печерскаго монастыря, видѣться съ нимъ и і Царскаго Величества о дѣлахъ поговорить.»[3] Подъ къ Кіеву, Ханенко пріѣхалъ къ Князю Трубецкому, алъ что желаетъ вступить съ своими полками въ вѣчное ство Царю Московскому; хотѣлъ сдать бунчукъ, булаву, а и пушки и поставить войско въ Кіевѣ. Отписавъ къ о желаніи Ханенка, Воевода Кіевскій не принялъ у неакоже знаковъ гетманскаго достоинства и полковыхъ знаи пушекъ, не дозволилъ его войскамъ оставаться въ гоно требовалъ чтобы онъ отступилъ снова къ Димеру и ожидалъ царскаго отвѣта на свое предложеніе. Преслѣй полками Дорошенка, Гетманъ отвѣчалъ, что не можетъ идти, опасаясь нападенія сильнаго непріятеля, просилъ поія Переяславскою стороною Днѣпра пройти въ Запорожье становиться станомъ близъ Кіева. Воевода не дозволялъ и того ни другаго; не имѣя царскаго указа; нужда одке принудила Ханенка и безъ его дозволенія стать укрѣымъ лагеремъ на берегу Днѣпра. Преслѣдовавшій его ду полковникъ Лизогубъ послалъ противъ него 1500-й

---

[2] иб. Сборн. Малорос. дѣла №№ 5. 6.

[3] амъ же № 4.

Гетмана на общей радѣ. Если же захотятъ служить Царю подъ властію одного Гетмана Самойловича, то «учинить по ихъ челобитью»[9].

Едва Русскія войска перешли Днѣпръ, какъ большая часть городовъ заднѣпровскихъ, не довольныхъ Дорошенкомъ, приглашенныхъ разосланнымъ отъ Самойловича универсаломъ соединиться съ Русскою Малороссіею, безъ боя отворили ворота и присягнули на вѣрность Московскому Царю[10]. Полковникъ Лизогубъ, сдавъ Каневъ, соединилъ свои войска съ Самойловичемъ [11]. «Дорошенко, говоритъ Георгій Конисскій, видя его успѣхи и преклонность къ нему народа, рвался до неистовства и истреблялъ варварски селенія и жителей, соединившихся съ Самойловичемъ» [12]. Ожидая прибытія Турокъ и Татаръ, онъ посадилъ въ Корсунѣ значительную часть войска. Но Турки и Татары не явились; силою оружія онъ защищаться не могъ и прибѣгъ къ хитрости: подбросилъ письмо въ войска Самойловича, въ которомъ, желая поссорить ихъ съ Русскими, приглашалъ соединиться съ нимъ. Онъ писалъ и самому Гетману, говоря чтобы онъ одинъ пришелъ подъ Чигиринъ, а не водилъ бы только Русскихъ; съ нимъ онъ заключитъ миръ. Но происки Дорошенки не удалились, подъ самымъ Чигириномъ у Бужина къ Самойловичу присоединился отрядъ полковника Переявлавкаго[13]. Занявъ Бужинъ, сдѣлавъ удачное нападеніе на самый Чигиринъ, соединенныя войска взяли Черкасы[14]. Дорощенко бросился на Рашковъ, но жи-

[9] Собр. Госуд. Грам. и дог. IV, № 93.
[10] Полн. Собр. Зак. 1, № 570.
[11] Въ Генварѣ и Февралѣ сдались, Черкасы, Мошны, Богуславъ, Медвинъ, Стебловъ, Каменный, — Бродъ, Ржищевъ, Стойки, Триполье, Бѣлогородка, Трахтимировъ, Каневъ. Ист. Рус. Конисскаго стр. 174 и слѣд. Ист: Малорос. Маркевича 11. 219.
[12] Исторія Руссовъ, стр. 174.
[13] Синб. Сб. Маларос, дѣл. № 92.
[14] Тамъ-же № 94.

тели этого города, принявшіе уже Русское подданство, отразили его нападеніе. Опустошивъ огнемъ и мечемъ все пространство между Рашковымъ и Лисянкою, призвавъ къ себѣ всѣ войска изъ Корсуня, онъ осадилъ Лисянку. Гетманъ Самойловичь отправилъ на помощь городу полковника Переяславскаго, а въ тоже время сдался Русскимъ Богуславъ, откуда Ханенко такъ же повелъ свои полки къ Лисянкѣ[15]. Къ Дорошенку пришло на помощь нѣсколько тысячь Татаръ, но и съ ними онъ не устоялъ противъ соединенныхъ Малороссійскихъ и Русскихъ войскъ и разбитый бѣжалъ въ Чигиринъ. Потерявъ надежду защититься силою оружія, Дорошенко употребилъ новую хитрость, вошелъ въ переговоры съ Воеводами Русскими, обѣщая поддаться Россіи на общей радѣ, которая будетъ назначена. Воевода и Гетманъ назначили раду въ Переяславлѣ и сдавъ начальство надъ войсками своимъ товарищамъ, туда отправились. Обѣщая явиться на раду, Дорошенко вовсе не думалъ сдержать слово: онъ хотѣлъ продлить время, ожидая съ наступающею весною прибытія въ Украйну Турецкихъ войскъ, подъ предводительствомъ самого Султана, къ которому безпрерывно посылалъ гонцевъ, умоляя поспѣшить походомъ.

Указомъ изъ Малороссійскаго приказа, въ то время когда Князь Ромодановскій и Гетманъ Самойловичь начнутъ военныя дѣйствія за Днѣпромъ, Кіевскому воеводѣ повелѣно было послать часть войскъ подъ другіе города «Дорошенкова владѣнія, для поиску». Исполняя приказаніе, Князь Трубецкой, Февраля 13, послалъ отрядъ подъ предводительствомъ двухъ стрѣлецкихъ головъ подъ Треполь[16]. Когда отрядъ Московскихъ войскъ подступилъ къ городу, Февр. 14, жители выслали къ нимъ встрѣчниковъ съ хлѣбомъ и солью и просили принять ихъ

[15] Тамъ-же № 103.
[16] Тамъ-же № 97 Герас. Вешнякова и Авкс. Писарева.

въ подданство Царю. Но Дорошенковы Казаки заперли городскія ворота и хотѣли защищаться. Не выдержавъ однако же перваго приступа, сдали городъ. Войска Московскія его заняли и оставивъ отрядъ для защиты, пошли далѣе къ Мотовиловкѣ, которая сдалась безъ боя. Туда пришли къ головамъ стрѣлецкимъ и посланные изъ Черногородка, изъявляя желаніе его жителей покориться Россіи. Хвастовъ покорился такъ же безъ боя. Приведя всѣхъ жителей къ присягѣ, головы возвратились въ Кіевъ, въ концѣ Февраля. Воевода Кіевскій посылалъ (Февр. 28) такъ же нѣсколькихъ человѣкъ въ Трилѣсью, котораго жители прислали къ нему своего сотника и присягнули на вѣрность Царю[17].

Между тѣмъ въ Москвѣ шли совѣщанія о коронѣ Польской съ паномъ Свидерскимъ и посланникомъ Гетмана Литовскаго. Изъявляя согласіе на избраніе въ Короли, Царь получалъ въ то же время частыя извѣстія изъ Кіева, Запорожья и съ Днѣпра о движеніи Татаръ, Турокъ и враждебныхъ замыслахъ Дорошенка. Въ то время, когда Московскій дворъ могъ уже надѣяться, что не только Малороссія, но и вся Польша и Литва соединятся въ одно государство съ Россіею, вторженіе Турокъ и Татаръ въ Украйну грозило разорвать только что начинавшуюся связь между двумя государствами. Но извѣстія, полученныя отъ Князя Ромодановскаго и Гетмана Самойловича о покорности всѣхъ городовъ заднѣпровскихъ, кромѣ Чигирина и Паволочи, о желаніи покориться, изъявленномъ самимъ Дорошенкомъ, и радѣ въ Переяславлѣ, успокоили Царя. Въ царской думѣ рѣшено было прекратить военныя дѣйствія до весны. Кн. Ромодановскому съ «государевымъ жалованьемъ, милостивымъ словомъ» за его дѣйствія, предписано оставаться всю зиму въ Переяславлѣ, а въ заднѣпровскихъ городахъ оставить гарнизоны. Начальники гарнизоновъ назна-

[17] Тамъ-же № 109 Марта 8.

чены были въ Москвѣ изъ людей, служившихъ въ войскахъ Кн. Ромодановскаго; ихъ списокъ препроводили къ нему только для исполненія[18]. Не одни послы Московскіе были простыми орудіями посольскаго приказа, но и самые военачальники исполняли только наставленія думы или разряднаго приказа, какъ вести военныя дѣйствія. Полковникамъ заднѣпровскихъ городовъ объявлено было царское благоволеніе[19], а Русскія войска, дѣйствовавшія на Днѣпрѣ и находившіяся на Дону, предположено было усилить новыми отрядами. Съ этою цѣлію, марта 23, главнымъ Воеводою назначенъ былъ старшій братъ Кн. Григ. Ромодановскаго бояринъ Ѳедоръ Григорьевичъ, которому его братъ и всѣ остальные Воеводы съ нимъ дѣйствовавшіе назначались въ товарищи. Онъ долженъ былъ отправиться немедленно въ Рыльскъ, куда къ 23-му Апрѣля предписывалось собраться назначеннымъ въ его распоряженіе войскамъ[20]. Но «служилые люди били челомъ, что къ такому близкому сроку, за весеннею распутицею», они собраться не могутъ. Распоряженіе было отмѣнено, и чрезъ нѣсколько дней, 27 Марта, съ постельнаго крыльца, объявленъ новый указъ, который повелѣвалъ имъ только быть готовыми къ походу и ожидать новыхъ повелѣній[21].

На Донъ назначенъ былъ, 9 Марта, Воеводою стольникъ Князь Петръ Ивановичъ Хованскій на мѣсто прежняго думнаго дворянина Ивана Савостьяновича Хитрова, который отоз-

---

[18] Дворц. Разр. III. 922, 924, 933.

[19] Полн. Собр. Зак. 1. № 571.

[20] Записн. Кн. Разрядн. Архива, 7182 г. (рукоп.)

[21] Записн. Кн. 7182 г. при объявленіи сказано, что прежній указъ отмѣняется по случаю извѣстій, полученныхъ отъ Кн. Ромодановскаго и Г. Самойловича, о покорности заднѣпровской Украйны и готовности покориться самого Дорошенка. Въ извѣстіяхъ Февраля 24 и Марта 16, не говорится о Дорошенкѣ.

ванъ былъ въ Москву[22]. Съ новыми полками они должны были собраться еще по зимнему пути въ Тамбовѣ и Воронежѣ, и оттуда идти на Донъ, въ подкрѣпленіе находившейся тамъ рати[23]. Усиливая войска на своихъ границахъ, Царь Алексѣй Михайловичь продолжалъ переговоры съ Европейскими державами о соединеніи силъ противъ Турокъ.

Въ это время прибыло въ Москву Шведское посольство: Гр. Густавъ Оксенштирнъ, Гр. фонъ Тизенгаузенъ и Гр. фонъ Будбергъ. Его ожидали съ нетерпѣніемъ, приняли со всѣми возможными почестями, надѣясь заключить договоръ о совокупномъ дѣйствіи противъ Султана. Но послѣ долгихъ переговоровъ съ боярами, послы Шведскіе требовали заключенія союза о взаимной помощи противъ всѣхъ вообще враговъ обѣихъ державъ и при каждомъ враждебномъ покушеніи кого бы то ни было противъ Россіи или Швеціи, помогать взаимно другъ другу. Бояре отвѣчали, что послы должны «чинить союзъ» для отвращенія Турецкой войны отъ государства Польскаго, чтобъ войска Шведскія соединились съ Русскими и общими силами противодѣйствовали Туркамъ и Татарамъ. Царь не согласился заключить «безъимяннаго союза противу всѣхъ непріятелей»; а Шведскіе послы отговорились тѣмъ, что не имѣютъ полномочія и возвратились въ отечество, не заключивъ договора о помощи Польшѣ[24]. Шведы изъявили согласіе дѣйствовать совокупно съ Россіею и Польшею противъ Султана въ

[22] Дворц. Разр. III, 926,—ему въ товарищи назначены были думн. двор. Яковъ Тимоѳѣевичъ Хитрово, Павелъ Петровичъ Языковъ, дьякъ Сидоръ Поплавскій, да прежній Воевода, уже находившійся на Дону, Григорій Косаговъ.

[23] Тамъ же 928-й, 14 Марта они отпущены изъ Москвы.

[24] Послы пріѣхали Декабря 31; Марта 30, 1774 г. были приняты Государемъ, потомъ съ Апр. 1 восемь разъ съѣзжались въ посол. приказъ для переговоровъ съ боярами, а 19 Іюня отпущены назадъ. Кн. Пос. снош. съ Швеціею за этотъ годъ, въ Моск. Арх.

то время, когда политика Людовика XIV еще не успѣла ихъ завлечь вполнѣ въ свои виды. Послѣ не удачной попытки сдѣлаться посредниками между Голландіею и Франціею и, помиривъ ихъ между собою, успокоить вмѣстѣ съ тѣмъ всю западную Европу, Швеція принуждена была принять рѣшительное участіе въ войнѣ. Когда Кельнскій съѣздъ разъѣхался не сдѣлавъ ничего, она заключила союзъ съ Франціею, обѣщала послать часть войскъ въ Данію и часть въ Бранденбургъ, чтобы отвлечь силы этихъ державъ и тѣмъ помочь Французскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ на Рейнѣ. При такихъ обстоятельствахъ отправлено посольство въ Россію. Швеція не имѣла уже въ виду заключить союзъ для совокупнаго дѣйствія противъ Турокъ, напротивъ желала отклонить Россію отъ союза съ Голландіею и Бранденбургомъ. Не выказывая явно своего намѣренія, Шведы хотѣли хитростію вовлечь Россію въ свои виды, приглашая составить оборонительный и наступательный союзъ противъ всѣхъ вообще враговъ той и другой державы, но попытка не удалась.

Данія также медлила въ заключеніи обѣщаннаго союза противъ Турокъ: ея резидентъ, пребывавшій въ это время въ Москвѣ, молчалъ. Между тѣмъ приближался срокъ перемирію, заключенному съ Польшею. По Московскому договору назначенъ былъ съѣздъ для окончательнаго заключенія вѣчнаго мира между обоими державами въ 1674 году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ[25]. Панъ Свидерскій объявилъ посольскому приказу, что Рѣчь Посполитая

Ин. Д. Дворц. Разр. III, стр. 939—45 съ ними вели переговоры Кн. Юрій Алекс. Долгорукій, Кн. Михаилъ Юрьев. Долгорукій, Артамонъ Сергѣев. Матвѣевъ и дьякъ Григ. Богдановъ. Это посольство окончилось только заключеніемъ договора о томъ, чтобы послы являлись при пріемахъ съ не покрытыми головами. Полн. Собр. Зак. I, № 375.

[25] Моск. Догов. 1672 $\frac{\text{Мартъ 30}}{\text{Апрѣль 9}}$ ст. 3. Полн. Собр. Зак. I, № 513.

ванъ былъ въ Москву[22]. Съ новыми полками они должны были собраться еще по зимнему пути въ Тамбовѣ и Воронежѣ, и оттуда идти на Донъ, въ подкрѣпленіе находившейся тамъ рати[23]. Усиливая войска на своихъ границахъ, Царь Алексѣй Михайловичь продолжалъ переговоры съ Европейскими державами о соединеніи силъ противъ Турокъ.

Въ это время прибыло въ Москву Шведское посольство: Гр. Густавъ Оксенштирнъ, Гр. фонъ Тизенгаузенъ и Гр. фонъ Будбергъ. Его ожидали съ нетерпѣніемъ, приняли со всѣми возможными почестями, надѣясь заключить договоръ о совокупномъ дѣйствіи противъ Султана. Но послѣ долгихъ переговоровъ съ боярами, послы Шведскіе требовали заключенія союза о взаимной помощи противъ всѣхъ вообще враговъ обѣихъ державъ и при каждомъ враждебномъ покушеніи кого бы то ни было противъ Россіи или Швеціи, помогать взаимно другъ другу. Бояре отвѣчали, что послы должны «чинить союзъ» для отвращенія Турецкой войны отъ государства Польскаго, чтобъ войска Шведскія соединились съ Русскими и общими силами противодѣйствовали Туркамъ и Татарамъ. Царь не согласился заключить «безъимяннаго союза противу всѣхъ непріятелей»; а Шведскіе послы отговорились тѣмъ, что не имѣютъ полномочія и возвратились въ отечество, не заключивъ договора о помощи Польшѣ[24]. Шведы изъявили согласіе дѣйствовать совокупно съ Россіею и Польшею противъ Султана въ

---

[22] Дворц. Разр. III, 926,—ему въ товарищи назначены были думн. двор. Яковъ Тимофѣевичъ Хитрово, Павелъ Петровичъ Языковъ, дьякъ Сидоръ Поплавскій, да прежній Воевода, уже находившійся на Дону, Григорій Косаговъ.

[23] Тамъ же 928-й, 14 Марта они отпущены изъ Москвы.

[24] Послы пріѣхали Декабря 31; Марта 30, 1774 г. были приняты Государемъ, потомъ съ Апр. 1 восемь разъ съѣзжались въ посол. приказъ для переговоровъ съ боярами, а 19 Іюня отпущены назадъ. Кн. Пос. снош. съ Швеціею за этотъ годъ, въ Моск. Арх.

то время, когда политика Людовика XIV еще не успѣла ихъ завлечь вполнѣ въ свои виды. Послѣ не удачной попытки сдѣлаться посредниками между Голландіею и Франціею и, помиривъ ихъ между собою, успокоить вмѣстѣ съ тѣмъ всю западную Европу, Швеція принуждена была принять рѣшительное участіе въ войнѣ. Когда Кельнскій съѣздъ разъѣхался не сдѣлавъ ничего, она заключила союзъ съ Франціею, обѣщала послать часть войскъ въ Данію и часть въ Бранденбургъ, чтобы отвлечь силы этихъ державъ и тѣмъ помочь Французскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ на Рейнѣ. При такихъ обстоятельствахъ отправлено посольство въ Россію. Швеція не имѣла уже въ виду заключить союзъ для совокупнаго дѣйствія противъ Турокъ, напротивъ желала отклонить Россію отъ союза съ Голландіею и Бранденбургомъ. Не высказывая явно своего намѣренія, Шведы хотѣли хитростію вовлечь Россію въ свои виды, приглашая составить оборонительный и наступательный союзъ противъ всѣхъ вообще враговъ той и другой державы, но попытка не удалась.

Данія также медлила въ заключеніи обѣщаннаго союза противъ Турокъ: ея резидентъ, пребывавшій въ это время въ Москвѣ, молчалъ. Между тѣмъ приближался срокъ перемирія, заключенному съ Польшею. По Московскому договору назначенъ былъ съѣздъ для окончательнаго заключенія вѣчнаго мира между обоими державами въ 1674 году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ[2]. Панъ Свидерскій объявилъ посольскому приказу, что Рѣчь Посполитая [illegible]

[1] Кн. Д. Дворц. Разр. III, стр. 939—45 [illegible] Кн. Юрій Алекс. Долгорукій, Кн. Михаилъ Юрьев. Долгорукій, Артамонъ Сергѣев. Матвѣевъ и дьякъ [illegible]. Это посольство окончилось только заключеніемъ договора о томъ, чтобы послы являлись при пріемахъ съ непокрытыми головами. Собр. Зак. I. № 575.

[2] Моск. Догов. 1672 $\frac{\text{Мартъ 30}}{\text{Апрѣль 9}}$ ст. 3. [illegible]

значаетъ полномочныхъ пословъ. Царь съ своей стороны назначилъ бояръ для переговоровъ съ ними, [26] но не отправилъ ихъ на съѣздъ, ожидая дальнѣйшихъ извѣстій изъ Украйны. Между тѣмъ, въ слѣдъ за прибытіемъ Кн. Ромодановскаго и Гетмана Самойловича, въ Переяславль собрались начальники полковъ заднѣпровскихъ и принесли присягу на вѣрность Московскому Царю (Февраля 20). Ожидали и прибытія двухъ заднѣпровскихъ Гетмановъ для того, чтобы открыть раду. Но Дорошенко отправилъ въ Переяславль, извѣстнаго въ послѣдствіи Ивана Мазепу, объявить Русскому Воеводѣ что охотно пріѣдетъ на раду, если для большей безопасности онъ пришлетъ къ нему въ Чигиринъ заложниковъ. Просьба Дорошенка была исполнена, но онъ не принялъ золожниковъ и просилъ уже отложить раду до весны; весной онъ ожидалъ прихода Татаръ и Турокъ.

Когда одинъ изъ Гетмановъ обманывалъ только Воеводъ, желая выиграть время, другой дѣйствительно явился въ Переяславль. Положивъ на столъ въ соборной Переяславской церкви знаки Гетманскаго достоинства, полученныя отъ Польскаго Короля, Ханенко сложилъ съ себя гетманство, произнесъ рѣчь къ своимъ Казакамъ, прося ихъ забыть оскорбленія имъ нанесенныя (17 Марта)[27]. Не ожидая далѣе пріѣзда Дорошенка, Кн. Ромодановскій открылъ раду и предложилъ избрать Гетмана для заднѣпровской Украйны. «Не хотимъ имѣть многихъ начальниковъ, говорили Казаки, мы пришли отъ нихъ въ разореніе и просимъ Самойловича быть и Гетманомъ заднѣпровскимъ». Послѣ долгихъ отговорокъ, Казаки поставили его на скамью, покрыли бунчукомъ и вручили ему булаву. Избраніе Самойловича вполнѣ согласовалось съ наставленіями, данными Царемъ Кн. Ромодановскому

[26] Дворц. Разр. III, стр.

[27] Истор. Рус. Конисскаго стр. 174—175. Лѣтопись Самовидца стр. 62. Малорос. дѣла въ Моск. Арх. Мин. Ин. дѣлъ 1674 № 14. Бантышъ Каменскій, II. 135. Маркевичь, II. 221.

еще при отправленіи его въ походъ. Онъ утвердилъ избраніе, увѣряя Казаковъ, что они будутъ «въ подданствѣ у Великаго Государя по прежнимъ ихъ правамъ и вольностямъ и ни чѣмъ права ихъ и вольности нарушены не будутъ». Приступили къ составленію *статей*; въ нихъ излагались условія, на основаніи которыхъ заднѣпровская Украйна присоединяется къ государ ству Московскому. Эти статьи совершенно согласны съ тѣми, которыя были составлены при избраніи Гетманомъ Самойловича, для Украйны по сю сторону Днѣпра. Гетманъ безъ совѣта старшихъ не могъ наказывать Казаковъ, но и оні не могли смѣнять Гетмана безъ воли Царской, кромѣ одного случая,—явной измѣны. Управляясь своими властями по обычаямъ прежнимъ, Малороссія однако же не должна была сноситься ни съ какою изъ державъ иностранныхъ. Ея представители не должны участвовать даже при съѣздахъ Русскихъ пословъ съ иноземными; но когда дѣла касались Малороссіи, то Царь соизволилъ извѣщать Казаковъ о постановленіяхъ посольскихъ. Реестровыхъ Казаковъ полагалось постоянно содержать 20 т., въ случаѣ нашествія Татаръ или Турокъ они должны были собираться у рѣки Росавы, между Коневымъ и Корсунемъ. Но самовольно Казаки не должны помогать Полякамъ, а Царь обѣщалъ постоянно защищать Украйну своими войсками отъ всѣхъ враговъ. Казаки не желали сноситься съ Москвою чрезъ Воеводъ Царскихъ; Царь съ своей стороны хотѣлъ прекратить безпрерывныя поѣздки гонцовъ Малороссійскихъ. Для того предложено было Казакамъ избрать одного полномочнаго, который бы постоянно жилъ въ Москвѣ и чрезъ него сноситься по всѣмъ дѣламъ съ боярами, которые уже будутъ обо всемъ докладывать Государю [28]. Заднѣпровскіе старшины принесли присягу «служить Великому Государю и его

---

[28] Полн. Собр. Зак. I, № 573. Собр, Гос. Гр. и Дог. IV, № 93.

наслѣдникамъ правдою и въ вѣчномъ подданствѣ пребывати постоянно, всякую истинную и желательную услугу совершати и ни съ которыми посторонними Государями ссылки не имѣти». Казалось вновь вся Малороссія соединилась въ одно цѣлое, исправлялась ошибка Андрусовскаго договора; одинъ изъ полковниковъ только, Евстафій Гоголь, остался на сторонѣ Дорошенка. Но пока жилъ самъ Дорошенко, до тѣхъ поръ не могло быть единства въ Малороссіи. Переяславская рада еще продолжалась, а къ нему приближались полки Татаръ, за ними двигалось войско Султана; вновь облилась кровью заднѣпровская Украйна!

Въ концѣ Апрѣля мѣсяца появились Татары и, соединившись съ войсками Дорошенка, начали вновь забирать города, предавшіеся Россіи. Пока Князь Ромодановскій написалъ въ Москву, испрашивая разрѣшенія вновь начать военныя дѣйствія, пока получилъ отвѣтъ, Татары опустошили Заднѣпровье, не встрѣчая почти сопротивленія. Не значительные отряды, оставленные для охраненія городовъ Гетманомъ Самойловичемъ не могли имъ сопротивляться. Только въ Маѣ мѣсяцѣ соединились вновь войска Русскія и Малороссійскія и двинулись за Днѣпръ. Воевода и Гетманъ послали напередъ отрядъ изъ 20 т. Казаковъ и двухъ Русскихъ полковъ, съ 15 пушками, къ Смѣлѣ, подъ предворительствомъ Переяславскаго полковника Дмитрія Раича. Подвигаясь къ Смѣлѣ, Раичь отправилъ три Казацкихъ полка къ Орловцу. Узнавъ объ этомъ движеніи Андрей Дорошенко, братъ Гетмана, изъ Чигирина съ Татарами, обошелъ Смѣлу, которую уже осадили войска Малороссійскія и Русскія, и напалъ на нихъ. Услышавъ о битвѣ, Раичь снялъ осаду города, подоспѣлъ на помощь къ своимъ и на голову разбилъ Татаръ. «Войска, пересиливая одно другаго, съ остервенѣніемъ гонялись по степи и степь покрылась убитыми и умирающими на 40 верстъ.»[29]

---

[29] Г. Конисскій, Ист. Русс. стр. 175.

Казаки преслѣдовали Татаръ до Ташлыка; Андрей Дорошенко бѣжалъ въ Чигиринъ, гдѣ затворился Гетманъ послѣ не удачной попытки овладѣть Черкасами. Кошевой Сѣрко, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Русскими Воеводами, отъ рѣчки Чертомлыка дѣлалъ набѣги на отдѣльные Татарскіе и Дорошенковы отряды и билъ ихъ въ частыхъ схваткахъ. Онъ взялъ между прочимъ въ плѣнъ, на Ингулѣ, посланниковъ Дорошенка къ Султану, въ числѣ которыхъ находился Иванъ Мазепа, и *за радѣтельную службу* получилъ милостивую похвалу со стороны Царя. [30] Князь Ромодановскій и Гетманъ Самойловичь приблизились между тѣмъ къ Чигирину и, занявъ Субботово, расположили войска на горной сторонѣ до Чута. Началась осада; но Дорошенко не сдавался, ожидая скораго прибытія Турецкихъ войскъ, подъ предводительствомъ самого Султана. Во время осады Русскіе воеводы писали въ Кіевъ къ Кн. Трубецкому, предлагая ему послать отрядъ къ Паволочи, куда и они съ своей стороны отправили (Іюля 23) часть войскъ, подъ начальствомъ войсковаго судьи Павла Животовскаго, «всякой воинской промыслъ чинить для того, что жители Паволочи еще въ винахъ своихъ Царскому Величеству не добили челомъ[31]».

Между тѣмъ передовые отряды Турецкихъ войскъ, подъ предводительствомъ Капланъ-Паши, въ концѣ Іюля мѣсяца, перешли Днѣстръ и взяли Хотинъ, почти безъ сопротивленія. Въ слѣдъ за ними и самъ Султанъ и Визирь Кюприлю вошли въ Украйну. Вмѣсто того чтобы идти на Львовъ, какъ ожидали Поляки, войска Турецкія двинулись къ Чигирину, быть можетъ въ слѣдствіе просьбъ Дорошенка, взяли Баръ, Подгайцы, Меджибожъ и подвигались къ Ладыжину[32]. Тамъ находился, только

[30] Полн. Собр. Зак. 1 № 581. Синб. Сбор. Малорос. дѣла № 168, стр. 213.

[31] Симб. Сбор. Малорос. дѣла № 191.

[32] Гаммеръ Histoire de l' Empire ottom. trad. par Hellert. Paris 1830. Vol. XI. p. 399. 400 и д.

что присланный Гетманомъ Самойловичемъ, полковникъ Мурашко съ 500 Казаковъ. Извѣстясь о движеніи Турокъ, ему въ помощь Гетманъ отправилъ вновь отрядъ съ полковникомъ Ранчемъ, который пришелъ въ мѣстечко Буни и оттуда отправилъ двѣ тысячи человѣкъ къ Ладыжину. Соединясь съ ними, Мурашко вступилъ въ бой съ передовыми Турецкими отрядами и одержалъ надъ ними побѣду. Но въ слѣдъ за ними подступило къ Ладыжину все Турецкое войско и окружило его со всѣхъ сторонъ[33]. Мурашко затворился въ городѣ и долго выдерживалъ приступъ; но Дорошенко подговорилъ жителей сдать городъ Султану, въ надеждѣ на его милость. По сдачѣ города Мурашко защищался въ замкѣ и наконецъ погибъ со всѣми своими Казаками. Турки сожгли, разграбили городъ, перебили жителей или побрали въ плѣнъ. Ранчь, провѣдавъ о силахъ Турокъ, не рѣшился идти на помощь Ладыжину съ незначительнымъ отрядомъ, отступилъ къ Лисянкѣ и потомъ къ Каневу[34]. Отъ Ладыжина Султанъ двинулся къ Чигирину[35].

Въ это время въ войскахъ Русскихъ, стоявшихъ подъ Чигириномъ, и во всей Малороссіи пронеслась вѣсть что Поляки заключили миръ съ Султаномъ и Турки пойдутъ прямо на Кіевъ. Между тѣмъ въ Кіевѣ находилось только около трехъ тысячь войска; остальныя двѣ тысячи осаждали Паволочь[36]. Но осада продолжалась долго и не удачно: полковникъ Гамалѣя не хотѣлъ здаваться. Получивъ извѣстіе отъ Переяславскаго полковника, а потомъ и отъ Гетмана Самойловича, о движеніи

---

[33] Синб. Сбор. Малорос. дѣла № 194 стр. 218.

[34] Тамъ же его письмо къ Кн. Трубецкому отъ 7 Августа №№ 192 и 194.

[35] Лѣтопись Велички ч. 11. гл. XV.

[36] Синб. Сбор. Малорос. дѣла № 191. Предводительствовали отрядомъ головы стрѣлецкіе Мих. Уваровъ и Лука Изъѣдиновъ, а конницею полковникъ Делоргій; всего въ отрядѣ было 1827 челов. а всѣхъ войскъ Кіевскихъ, вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ, 5120 челов.

Турокъ къ Кіеву, Кн. Трубецкой, велѣлъ снять осаду и отозвалъ войска обратно въ Кіевъ. Гетманъ, совѣтуя быть осторожнымъ, извѣщалъ Воеводу что Кн. Ромодановскій писалъ уже къ Царю и просилъ прибавить ему войскъ, а самъ, смотря по извѣстіямъ о движеніяхъ непріятеля, можетъ придвинуться къ Каневу.[37] Не разъ писалъ въ Москву и самъ Воевода Кіевскій и просилъ помощи,[38] но войска давно обѣщанныя не приходили.

Когда въ Москвѣ получено было извѣстіе отъ Воеводъ, дѣйствовавшихъ на Днѣпрѣ, что Дорошенко не явился на Переяславскую раду и вмѣстѣ съ Татарами начинаетъ воевать Украйну, еще въ Маѣ мѣсяцѣ вновь предписанъ походъ, остановленный было на время, Кн. Ѳедора Ромодановскаго въ Малороссію. Воеводамъ «украинныхъ и Рязанскихъ, и заоцкихъ и сѣверскихъ городовъ», которыхъ ратные люди назначались въ его полки, предписано [39] немедленно выслать ихъ въ Рыльскъ, къ 20 Мая. Имъ въ помощь назначены два Московскихъ стрѣлецкихъ приказа, которымъ однако же, въ слѣдствіе требованій изъ дѣйствовавшихъ войскъ, не останавливаясь въ Рыльскѣ, велѣно было идти къ Днѣпру, одному въ Каневъ, другому въ Черкасы[40]. Въ слѣдъ за тѣмъ (18 Мая) посланы вновь повторительныя грамоты въ города съ *опалою*[41]. «Которые учнутъ отъ государевы службы избѣгать и укрываться, сказано въ грамотѣ, и у тѣхъ имать людей ихъ и крестьянъ человѣка по два и по три, а у кого крестьянъ нѣтъ, и у тѣхъ имать родственниковъ ихъ и держать въ тюрьмѣ до тѣхъ мѣстъ,

[37] Тамъ же №№ 192, 194.

[38] Тамъ же № №.

[39] Грамота отъ 2-го Апрѣля. Запис. Кн. 7182 г.

[40] Тамъ же. Головы Александръ Карандѣвъ и Максимъ Лупандинъ выступили изъ Москвы 15-го Мая.

[41] Въ Рязань, Тулу, Каширу, Алексинъ, Серпуховъ, Одоевъ, Шатскъ, Ряжскъ, Калугу, Мещевскъ, Серпейскъ, Козельскъ, Лихвинъ и Брянскъ, Тамъ же.

что присланный Гетманомъ Самойловичемъ, полковникъ Мурашко съ 500 Казаковъ. Извѣстясь о движеніи Турокъ, ему на помощь Гетманъ отправилъ вновь отрядъ съ полковникомъ Ранчемъ, который пришелъ въ мѣстечко Буни и оттуда отправилъ двѣ тысячи человѣкъ къ Ладыжину. Соединясь съ ними, Мурашко вступилъ въ бой съ передовыми Турецкими отрядами и одержалъ надъ ними побѣду. Но въ слѣдъ за ними подступило къ Ладыжину все Турецкое войско и окружило его со всѣхъ сторонъ[33]. Мурашко затворился въ городѣ и долго выдерживалъ приступъ; но Дорошенко подговорилъ жителей сдать городъ Султану, въ надеждѣ на его милость. По сдачѣ города Мурашко защищался въ замкѣ и наконецъ погибъ со всѣми своими Казаками. Турки сожгли, разграбили городъ, перебили жителей или побрали въ плѣнъ. Ранчь, провѣдавъ о силахъ Турокъ, не рѣшился идти на помощь Ладыжину съ незначительнымъ отрядомъ, отступилъ къ Лисянкѣ и потомъ къ Каневу[34]. Отъ Ладыжина Султанъ двинулся къ Чигирину[35].

Въ это время въ войскахъ Русскихъ, стоявшихъ подъ Чигириномъ, и во всей Малороссіи пронеслась вѣсть что Поляки заключили миръ съ Султаномъ и Турки пойдутъ прямо на Кіевъ. Между тѣмъ въ Кіевѣ находилось только около трехъ тысячь войска; остальныя двѣ тысячи осаждали Паволочь[36]. Но осада продолжалась долго и не удачно: полковникъ Гамалѣя не хотѣлъ здаваться. Получивъ извѣстіе отъ Переяславскаго полковника, а потомъ и отъ Гетмана Самойловича, о движеніи

33 Синб. Сбор. Малорос. дѣла № 194 стр. 218.

34 Тамъ же его письмо къ Кн. Трубецкому отъ 7 Августа №№ 192 и 194.

35 Лѣтопись Величкн ч. 11. гл. XV.

36 Синб. Сбор. Малорос. дѣла № 191. Предводительствовали отрядомъ головы стрѣлецкіе Мих. Уваровъ и Лука Изъѣдиновъ, а конницею полковникъ Делоргій; всего въ отрядѣ было 1827 челов. а всѣхъ войскъ Кіевскихъ, вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ, 5120 челов.

Турокъ къ Кіеву, Кн. Трубецкой, велѣлъ снять осаду и отозвалъ войска обратно въ Кіевъ. Гетманъ, совѣтуя быть осторожнымъ, извѣщалъ Воеводу что Кн. Ромодановскій писалъ уже къ Царю и просилъ прибавить ему войскъ, а самъ, смотря по извѣстіямъ о движеніяхъ непріятеля, можетъ придвинуться къ Каневу.[37] Не разъ писалъ въ Москву и самъ Воевода Кіевскій и просилъ помощи,[38] но войска давно обѣщанныя не приходили.

Когда въ Москвѣ получено было извѣстіе отъ Воеводъ, дѣйствовавшихъ на Днѣпрѣ, что Дорошенко не явился на Переяславскую раду и вмѣстѣ съ Татарами начинаетъ воевать Украйну, еще въ Маѣ мѣсяцѣ вновь предписанъ походъ, остановленный было на время, Кн. Өедора Ромодановскаго въ Малороссію. Воеводамъ «украинныхъ и Рязанскихъ, и заоцкихъ и сѣверскихъ городовъ», которыхъ ратные люди назначались въ его полки, предписано [39] немедленно выслать ихъ въ Рыльскъ, къ 20 Мая. Имъ въ помощь назначены два Московскихъ стрѣлецкихъ приказа, которымъ однако же, въ слѣдствіе требованій изъ дѣйствовавшихъ войскъ, не останавливаясь въ Рыльскѣ, велѣно было идти къ Днѣпру, одному въ Каневъ, другому въ Черкасы[40]. Въ слѣдъ за тѣмъ (18 Мая) посланы вновь повторительныя грамоты въ города съ *опалою*[41]. «Которые учнутъ отъ государевы службы избѣгать и укрываться, сказано въ грамотѣ, и у тѣхъ имать людей ихъ и крестьянъ человѣка по два и по три, а у кого крестьянъ нѣтъ, и у тѣхъ имать родственниковъ ихъ и держать въ тюрьмѣ до тѣхъ мѣстъ,

---

[37] Тамъ же №№ 192, 194.

[38] Тамъ же № №.

[39] Грамота отъ 2-го Апрѣля. Запис. Кн. 7182 г.

[40] Тамъ же. Головы Александръ Карандѣвъ и Максимъ Лупандинъ выступили изъ Москвы 15-го Мая.

[41] Въ Рязань, Тулу, Каширу, Алексинъ, Серпуховъ, Одоевъ, Шатскъ, Ряжскъ, Калугу, Мещевскъ, Серпейскъ, Козельскъ, Лихвинъ и Брянскъ, Тамъ же.

покамѣстъ они на государеву службу въ полкъ поѣдутъ.» Но строгія предписанія не оказывали дѣйствія, медленно собирались войска, въ слѣдствіе дальнихъ разстояній и изнуренія отъ прежнихъ войнъ; иныхъ городовъ служилые люди просто не хотѣли ѣхать, «чинилися непослушны»[42]. Кн Ѳ. Ромодановскій, прибывъ въ Рыльскъ, нашелъ въ сборѣ войскъ къ 7-му Іюня только семь человѣкъ[43]. Дума рѣшила вновь послать подтвердительные указы, грозя наказаніемъ Воеводамъ и извѣщая что изъ Москвы будутъ посланы «высыльщики» (Іюля 19). Но не смотря на предписанія «съ большимъ подкрѣпленіемъ, ратные люди вышедъ изъ домовъ своихъ стояли въ дорогѣ, въ лѣсахъ и по степямъ», мед-

[42] Зап. Кн. 7182 г. отъ 4-го Іюня писалъ Шатской Воевода Любимъ Кровковъ и жаловался что ратные люди въ полки не идутъ; затѣмъ Рязанскій Воевода, 15-го іюня изъ Ряжска, Лука Ларіоновъ писалъ: «что Рящане дворяне и боярскіе дѣти чинятся не послушны, по многимъ высылкамъ на государеву службу, въ Рыльскъ, Іюня по 6-е число, не пошли.» Грамотою Іюля 3-го ему предписано ослушниковъ брать въ городъ и «чинить имъ наказанье батоги, смотря по человѣку.» До 19-го Іюля Рязанцовъ пришло въ Рыльскъ только 30 человѣкъ, узнавъ объ этомъ бояре приговорили и Царь указалъ отбирать у нихъ помѣстья и вотчины въ казну; (грамота 22 іюля). 20-го Іюля писалъ Кн. Ѳ. Ромодановскій что съ Іюня по 6-е Іюля прибыло въ Рыльскъ ратныхъ людей только 202 человѣка. Іюня 21 доложено думѣ царской что послано было шесть подтвердительныхъ грамотъ (мая 2-го, 18-го, 30-го, іюня 3-го, 19-го, и 26-го) и не смотря на то мало собралось войскъ въ Рыльскѣ. Постановлено: подтвердить снова Воеводамъ о высылкѣ ратныхъ людей, у неявляющихся брать крестьянъ, родственниковъ женъ и дѣтей и сажать въ тюрьмы, пока не явятся на службу; послать дѣтей боярскихъ, средней и меньшей статьи, для того чтобъ понуждать ратныхъ людей идти скорѣе. Если это не подѣйствуетъ, то ослушникамъ «быть въ великой опалѣ и во всякомъ разореньѣ безо всякаго милосердія и пощады». Подтвердительныя грамоты Іюля 28 и Августа 7-го.

[43] Письмо его къ Царю отъ 17 Іюня. Онъ отправился изъ Москвы 16 Мая. Тамъ же.

ленно приближались къ мѣсту назначенному для сбора[44]. Къ концу Іюля собралось незначительное количество войскъ и, не смотря на то, Воеводѣ предписано было двинуться изъ Рыльска въ Малороссійскіе города, въ Переяславль, и тамъ ожидать указа о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ[45], въ слѣдъ за тѣмъ повелѣвалось идти къ Сумѣ[46]. Но это повелѣніе состоялось уже въ концѣ Августа, когда Умань была взята Турками, въ Чигиринъ пришелъ значительный отрядъ Татаръ и въ слѣдъ за нимъ подходило все войско Султана. Ожидая нападеній на Кіевъ, не надѣясь уже на помощь Поляковъ, по слухамъ заключившихъ миръ съ Турками, Кн. Гр. Ромодановскій и Гетманъ Самойловичь сняли осаду Чигирина, быстро перешли Днѣпръ и остановились въ Черкасахъ. За ними погнался Дорошенко съ Татарами, но отраженный отъ Черкасъ возвратился назадъ въ Чигиринъ. Султанъ вошелъ въ Чигиринъ торжественно и «все передъ нимъ падало и ползало по азіатски. Колокола церковные замолкли и самыя церкви заперты и опечатаны были. Не смѣлъ никто шевельнуться ни по богослуженію, ни по жительству, и всякъ считалъ себя ни живымъ ни мертвымъ. Турки же все дѣлали что вздумали и что необузданность варварскаго внушала», говоритъ краснорѣчивый историкъ Малороссіи[47].

Изъ Чигирина Султанъ отправилъ Дорошенка и 13-ть пашей къ Умани, которую постигла таже участь какъ и Ладыжинъ. Городъ былъ взятъ, разграбленъ, жители перебиты, уведены

---

[44] Тамъ же, грамата отъ Іюля 28.
[45] Тамъ же грамата отъ Іюля 25; всего назначено было въ отрядъ 4803 человѣка.
[46] Тамъ же, грамата отъ 24 и 28 Авг.
[47] Г. Конисскій, стр. 175.

въ плѣнъ или разбѣжались. Опустѣла заднѣпровская Малороссія[48].

Завладѣвъ большею частію городовъ, довольные добычею и плѣномъ, Турки двинулись въ обратный путь къ Дунаю. Дороненко дѣлалъ все угодное Султану, возбудилъ къ себѣ ненависть въ Малороссіянахъ, а самъ не былъ доволенъ Турками. Во всѣхъ городахъ оставивъ пашей, потурчивъ многихъ жителей или уведя въ плѣнъ, Султанъ очевидно желалъ Украйну превратить въ одинъ изъ пашалыковъ Имперіи. Дорошенко думалъ самостоятельно владѣть Малороссіею, а не управлять на правахъ паши одною изъ областей Турецкихъ. Не подручникомъ Султана онъ намѣревался сдѣлаться, признавая надъ собою власть Порты, но полагалъ употребить ея силы въ свою пользу противъ Русскихъ и Поляковъ. Надежда его обманула.

---

[48] Жители одойшли въ полки слободскіе, Московскіе и оные собою наполнили, якожъ и вся сегобочная Украйна, предъ тѣмъ малолюдствовавшая, отъ того времени тогобочными людьми украинскими наполнилася и умножилася. Лѣтопись Величка, II, XV. 356.

ГЛАВА V.

Въ то время какъ продолжалась война въ заднѣпровской Украйнѣ, войска Польскія бездѣйствовали, не оказывая Русскимъ никакой помощи, въ слѣдствіе внутреннихъ смутъ, волновавшихъ Королевство и недоброжелательства къ Россіи, начинавшаго уже явно выражаться. Хотя Король и присягнулъ за свою жену, что она не будетъ мѣшаться въ дѣла государственныя; однако же въ первые дни послѣ избранія она писала въ Парижъ, стараясь чтобы братъ ея la Grange Maligny былъ сдѣланъ Польскимъ посломъ при дворѣ Людовика XIV, а отецъ получилъ титулъ Герцога. Между тѣмъ при дворѣ Французскомъ въ это время находился Польскимъ уполномоченнымъ Андрей Залусскій, который не зная дѣйствій новой Королевы, поставленъ былъ въ странное положеніе. Передъ лицемъ Польши его обвиняли въ измѣнѣ, говоря что онъ явно дѣйствуетъ противъ Собѣсскаго и торжественно пьетъ здоровье Королевы Елеоноры, а Короля Французскаго увѣряли, что Польша желаетъ смѣнить его и назначить новаго посланника въ лицѣ брата Маріи Собѣсской. Но особенно она хлопотала о томъ, чтобы Людовикъ XIV рѣшился признать титулъ Величества за ея мужемъ. Ея же участіемъ Епископъ Марсельскій получилъ, по просьбѣ Короля Польскаго, званіе Кардинала, о чемъ не знали ни сенаторы ни духовенство: письмо къ Папѣ было послано прямо отъ Короля. Духовенство Польское оскорбилось и примасъ Ольшевскій явно изъявлялъ негодованіе, хотя постоянно питалъ доброе расположе-

ціею, то конечно не для того, чтобы помирившись съ нею вступить въ новую войну съ врагами сильнѣйшими—Имперіею, Бранденбургомъ и Россіею, къ чему прямою дорогою вело ея вліяніе Франціи. Она воевала съ Имперіею; ея союзница Швеція готовилась воевать съ Даніею и Бранденбургомъ. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ къ послѣднимъ, Россія, сверхъ того, по Андрусовскому договору, обязалась помогать Польшѣ въ войнѣ съ Турками и въ это время ея войска съ одной стороны нападали на Крымъ, съ другой дѣйствовали въ Украйнѣ и должны были соединиться съ войсками Польскими для совокупнаго противудѣйствія Туркамъ. На основаніи того же договора, миръ не иначе могъ быть заключенъ, какъ по соглашенію съ Россіею и вмѣстѣ съ нею. Не было никакой выгоды для Россіи стремиться къ заключенію мира и она вовсе необнаруживала такого желанія; Турція же, съ своей стороны, явно противилась заключенію мира съ обоими государствами въ совокупности. Польша была слаба въ ея глазахъ и ничтожна; не опасаясь ея въ войнѣ, еще менѣе она могла опасаться въ мирныхъ переговорахъ; въ союзѣ съ Россіею, она пріобрѣтала силу и значеніе и въ войнѣ и въ переговорахъ мирныхъ. Это знала Турція и старалась въ переговорахъ о мирѣ отдѣлить Польшу отъ Россіи. Это знала Польша, и потому старалась поддержать союзъ съ Россіею и продолжить войну Турецкую. Къ этимъ обстоятельствомъ присоединились и личныя наклонности новаго Короля. Янъ Собѣсскій въ краткой автобіографіи, написанной имъ по просьбѣ папскаго легата, вспоминая о своихъ предкахъ, говоритъ: «я люблю вспоминать только священныя войны, въ нихъ герои мои предки, которыми горжусь, орошали своею кровію поля невѣрныхъ и мнѣ передали въ наслѣдство постоянную месть за нихъ варварамъ. Всѣ мои нашли смерть въ войнахъ съ Турками, мнѣ одному предназначенъ другой жребій». Воспитанный въ ненависти къ Туркамъ, столь-

ко разъ стяжавшій славу въ войнѣ съ ними, Собѣсскій горѣлъ желаньемъ битвы. Вліяніе Франціи отклоняло Польшу отъ историческаго ея предназначенія, вліяніе Француженки жены усыпляло жажду мести къ Туркамъ въ душѣ Собѣсскаго и принуждало его выражать желаніе мира.

Но желая мира, однако же онъ долженъ былъ продолжать начатую войну. Янъ отложилъ коронованіе: «Поляки избрали меня Королемъ не для мировъ, говорилъ онъ, а для войны противъ Турокъ», и намѣревался ѣхать къ войску. Продолжая войну, необходимо долженъ былъ поддержать союзъ съ Россіею. Послѣ избранія, отправивъ къ Царю извѣстительную грамату, Собѣсскій писалъ что искренно желаетъ продолжать прежнія дружескія сношенія и усилить ихъ болѣе прежняго. Просилъ не прекращать военныхъ дѣйствій противъ Турокъ и предписать военачальникамъ, стоявшимъ на Днѣпрѣ, соединить свои войска съ войсками Польскими для совокупнаго, противъ общаго врага дѣйствія.

Между тѣмъ къ нашему резиденту въ Варшавѣ безпрерывно пріѣзжали вельможи Польскіе и Литовскіе и приглашали его къ себѣ для переговоровъ, увѣряя въ дружескомъ расположеніи къ Россіи. Въ этихъ переговорахъ нельзя однако же не замѣтить странной особенности, свойственной впрочемъ вообще всѣмъ переговорамъ Польши съ Россіею. Предлагая дружбу, они считали нужнымъ увѣрять и доказывать свою искренность и просить, чтобъ имъ вѣрили и не подозрѣвали бы въ замыслахъ враждебныхъ.

Гетманъ Пацъ [4] говорилъ резиденту, что Король приговорилъ съ сенаторами учинить вѣчный союзъ съ Царемъ и Императоромъ и для этой цѣли будетъ наряжено посольство въ Москву. Потомъ прибавилъ: «да и съ Турецкимъ Султаномъ

[4] Свиданія Паца съ Тяпкинымъ были Мая 28, Іюня 5 и 10; ст. сп. л. 130 и слѣд.

необходимо помириться. Хорошо, еслибъ Султанъ уступилъ Каменецъ, говорилъ Гетманъ и, помолчавъ прибавилъ со вздохомъ, иначе миръ не будетъ крѣпокъ и надеженъ».

Думая о мирѣ, нельзя было въ тоже время не видѣть, что онъ не возможенъ на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ Поляки могли желать мира. Только рѣшительная побѣда надъ Турками могла принудить ихъ возвратить Польшѣ Каменецъ. «Если же, чего сохрани Боже, Поляки не одержатъ побѣды; тогда имъ останется только одна надежда на помощь Царя. За насъ же онъ началъ войну съ Турками, да поможетъ же намъ и теперь и пошлетъ еще часть войска чрезъ Смоленскъ и Литву.» Опасаясь огромной силы Турокъ, Гетману Литовскому въ случаѣ побѣды Султана надъ Польскими войсками хотѣлось покрайней мѣрѣ обезопасить Литву, оградивъ ее войсками Московскими. Быть можетъ соперничество съ Польшею и открытая вражда съ новымъ Королемъ увлекали его въ предположенія столь гибельныя для Польши. Однако же Пацъ не выражалъ ясно своей мысли, которую даютъ поводъ подозрѣвать его дальнѣйшія дѣйствія. Но между тѣмъ какъ одни желали поддержать союзъ съ Россіею, другіе употребляли всѣ способы, чтобы поссорить съ нею Польшу. Еще на сеймѣ, когда рѣчь шла объ избраніи Царевича Московскаго, представители Волынскіе громко говорили, что войска Русскіе идутъ не для того, чтобы помогать въ войнѣ противъ Турокъ, но чтобы завоевывать Польшу. По всей Волыни и Подолью Кн. Ромодановскій разослалъ будто бы граматы, въ которыхъ уговаривалъ жителей не платить податей Королевству, но платить Государю Русскому; что его войска занимаютъ Польшѣ принадлежащіе города, что уже подошли къ Острогу и причиняютъ разоренье жителямъ. Умышленно или со страху преувеличенные и ложные слухи о дѣйствіяхъ Русскихъ войскъ волновали общественное мнѣніе. Пацъ пересказывая ихъ Тяпкину, спра-

пивалъ: не ужели военачальники Русскіе такъ поступаютъ по приказанію Царя?» Комендантъ Бѣлой Церкви полковникъ Раппъ такъ же жаловался въ письмѣ къ Собѣсскому на Русскихъ Воеводъ. Онъ писалъ: «прежде Царь помогалъ гарнизону Бѣлой Церкви деньгами и запасами, а съ того времени, какъ вступили его войска въ Украйну, не только ни какой болѣе не оказываютъ намъ помощи, но требуютъ даже, чтобы мы сдали защиту Бѣлой Церкви Русскимъ, а сами вышли вонъ и ни какихъ запасовъ имъ продавать не дозволяютъ».

Воевода Троцкій, Марціанъ Огинскій, который участвовалъ въ переговорахъ съ резидентомъ, съ своей стороны прибавилъ: «мы говорили въ колѣ рыцерскомъ, что всѣмъ этимъ извѣстіямъ не должно вѣрить на слово. Если это клевета людей не доброжелательныхъ, то мы скорѣе на нихъ поднимемъ оружіе, чѣмъ разорвемъ союзъ съ Царемъ Московскимъ».

«Однако же, если слухи справедливы, прибавилъ Гетманъ, и Воеводы поступаютъ такъ по указу царскому, въ такомъ случаѣ, что же остается намъ дѣлать?—Болѣе всего однако же тревожитъ Поляковъ слухъ о томъ, что въ Москвѣ находится посолъ Турецкій, что Царь хочетъ заключить союзъ съ Турціею противъ Польши. Мы этому не вѣримъ; если же это справедливо, то намъ придется поддаться Туркамъ—Мусульманамъ, а Россія возбудитъ противъ себя ненависть всего христіанскаго міра» [5].

[5] Ст. Сп. л. 136, обор. и слѣд., л. 142 «оставя дружбу съ христіанскимъ государствомъ, а изволилъ бы принять дружбу и любовь съ опщимъ непріятелемъ, Турскимъ Салтаномъ. И они всѣ не токмо коронные, но и Литовскіе принуждены будутъ поддатся Турецкому Султану всѣми своими головами и отъ того чтобы имѣло впредь произойти Богъ вѣсть. И отъ чего Боже сохрани, не только непріятельское намѣреніе на себя имѣло государство Московское обратить; но и отъ всѣхъ христіанскихъ монарховъ ненависть и неславу великую отъ всего свѣта достигнути имѣло.» Письмо Тяпкина къ Матвѣеву отъ 7 Іюня.

Резидентъ Польскій въ Москвѣ, панъ Свидерскій, своими извѣстіями, основанными на слухахъ невѣрныхъ, не мало усиливалъ подозрѣнія. Между прочимъ онъ писалъ что Россія заключила союзъ съ Швеціею, въ которомъ обѣ державы обѣщались совокупно дѣйствовать противъ сосѣдей. Полякамъ естественно такое условіе казалось направленнымъ противъ нихъ [6]. Но Россія не думала переговариваться съ Турками, а посольство Шведское не имѣло успѣха при дворѣ Московскомъ потому именно, что отъ Шведовъ требовали заключенія договора о совокупной помощи Польшѣ противъ Турокъ.

Гетманъ польный, Михаилъ Радзивилъ, въ переговорахъ съ Тяпкинымъ, Іюня 1, увѣрялъ что Янъ Собѣсскій будучи еще Гетманомъ постоянно расположенъ былъ къ Россіи и доказывалъ это его поступками въ отношеніи къ дѣлу Шереметева. «Послѣ избранія Королемъ, онъ еще болѣе желаетъ сблизиться съ Россіею. Мы слышили что Русскіе войска посланы въ Крымъ и подъ Азовъ и благодарны за то Царю. Въ прошломъ году, когда Русскіе воевали Крымъ, Ханъ не могъ пойти въ помощь Туркамъ и потому намъ было возможно съ ними управиться». Говоря такимъ образомъ просилъ, чтобы Царь продолжалъ

[6] Ст. Сп. л. 143 и 4. «Королевское Величество и оны Паны Рада въ великомъ подивленіи пребываютъ и говорятъ: противъ какихъ бы непріятелей и общихъ сосѣдей Его Царское Величество заедино съ Свѣйскимъ изволитъ сопротивленіе чинить. Для того что Великій Государь, Его Царское Величество, такъ же и Свейской, Его Королевское Величество, никого ближе общихъ по граничныхъ сосѣдей не имѣютъ, только что ихъ Польское и Литовское государство. Противъ Салтана Турецкаго и Хана Крымскаго и иныхъ окрестныхъ государствъ не возможно какъ государству Московскому, такъ и Свейскому другъ другу посилковъ давать, а иттить негдѣ, только чрезъ ихъ государство, Литву и Польшу».

войну съ Крымцами и войскамъ, стоявшимъ на Днѣпрѣ, повелѣлъ совокупно дѣйствовать съ Поляками [7].

Отвсюду приходили вѣсти къ резиденту, что «Король Польской весьма желаетъ находиться въ союзѣ съ Россіею, хотя онъ прежде и не былъ расположенъ къ ней [8]. Въ совѣщаніяхъ съ сенаторами онъ прямо говорилъ, что безъ помощи Россіи не видитъ возможности, съ достоинствомъ и выгодою для Польши, продолжать войну Турецкую. Необходимо однако же для успѣха въ дѣлѣ, чтобы войска обѣихъ державъ дѣйствовали совокупно, а не порознь [9]».

[7] Ст. Сп. л. 133 и др—Когда во время войны съ Его Царскаго Величества бояры и воеводы, корунныхъ Гетмановъ за неправымъ поступкомъ тѣхъ ихъ пановъ, учинилась отдача въ Крымъ Его Царскаго Величества боярина и воеводы Василья Борисовича Шереметева; и тогда онъ Гетманы, а нынѣшній Король тому ихъ не правому совѣту множественно противился и съ немалымъ прещеніемъ говорилъ; что они Гетманы коронные въ томъ учинили неправду и не по христіанскому обычаю. А нынѣ, за изволеніемъ Великаго Господа Бога, достигнувши короны Польской на государствованіи и того паче желаетъ дружбы и любви съ Великимъ Государемъ Его Царскимъ Величествомъ и межь ихъ Государствъ истиннаго и нелицемѣрнаго братолюбія и между собою ссылки надежные и вѣрные во всякихъ воинскихъ случаехъ и въ союзѣ противъ непріятелей.

[8] Ст. Сп. л. 150 и об.

[9] Тамъ же л. 151. 144. «Королевское Величество съ сенаторы у себя въ покоѣхъ говорилъ: какъ бы обоихъ государствъ ратные люди стояли противъ непріятелей, Турецкаго Салтана и Крымскаго Хана вмѣстѣ, войска подлѣ войскъ; тогда бъ Турковъ и Татаръ зело устрашили. Если намъ Государямъ по одному Государю и въ дальнемъ растояніи стоять, тогда непріятель ни во что наши силы почитать будетъ. Сего ради подобаетъ и посломъ на съѣздѣ о томъ договориться и постановить, чтобъ войска обоихъ государствъ соединились, а тѣмъ соединеніетъ поганымъ явное страхованіе показать. И если того соединенія послы Царскаго Величества не постановятъ; тогда жадныхъ добрыхъ способовъ побѣды надъ непріятелемъ, такъ сильнымъ, не получить, наипаче оба государства отъ поганыхъ покою имѣть не будетъ.

Дѣйствительно Собѣсскій чувствовалъ внутренній разладъ Польши, зналъ слабость ея силъ военныхъ и приближеніе огромнаго Турецкаго войска, между тѣмъ не былъ увѣренъ какимъ образомъ будетъ дѣйствовать Россія. Съ одной стороны дѣйствія Русскихъ войскъ въ Украйнѣ заставляли Польшу опасаться ея вмѣшательства въ войну съ Турками, съ другой расположеніе къ Франціи увлекало Короля въ политическіе виды, совершенно не совмѣстные съ дружбою къ Россіи.

Преувеличенные и разнородные слухи, приходившіе изъ Украйны, въ сущности однако же имѣли основаніе и, хотя не со всѣми подробностями, подтвердились въ послѣдствіи извѣстіемъ, сообщеннымъ Королю самимъ Воеводою Кіевскимъ, по царскому повелѣнію.—Еще до избранія въ Короли, Янъ Собѣсскій находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Кн. Трубецкимъ, въ качествѣ великаго Гетмана коронна́го и вмѣстѣ съ Радзивиломъ, сообщалъ ему о дѣйствіяхъ Польскихъ войскъ и въ свой чередъ отъ него получалъ извѣстія о войскахъ Русскихъ [10]. Комендантъ Бѣлой Церкви жаловался, что не получаетъ ни какой помощи изъ Кіева; не имѣя ни запасовъ, ни оружія, онъ часто просилъ Кн. Трубецкаго о помощи, который совѣтовалъ ему обратиться съ просьбою къ Кн. Ромодановскому, говоря что самъ не имѣетъ царскаго предписанія помогать ему запасами или деньгами. Князь Ромодановскій съ своей стороны отправилъ назадъ пословъ полковника Рапна, совѣтуя обратится къ Воеводѣ Кіевскому, который имѣетъ повелѣнія царскія какъ ему дѣйствовать въ этомъ случаѣ. Въ Кіевѣ не было однако же ни запасовъ ни денегъ; по случаю собранія войскъ поднялись цѣны на хлѣбъ, въ которомъ нуждались и сами жители Кіевскіе и воинскіе люди. Кн. Трубецкой самъ просилъ постоянно Царя о помощи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на-

---

[10] Синб. Сборн. Мала. дѣлорос. № 88.

ставленій какъ ему дѣйствовать въ отношеніи къ Бѣлой Церкви. Отвѣтъ изъ Москвы пришелъ уже поздо и не удовлетворилъ Поляковъ; не отказывая прямо въ помощи, Кн. Трубецкому повелѣвалось однако же отсрочивать ее всѣми способами [11]. Послѣ занятія Димера войсками Ханенка, туда прибылъ назначенный Рѣчью Посполитою комендантъ Лавницкій. Его не впустили въ городъ, потому что жители приняли подданство Русское. На письма, отправленныя имъ къ Кіевскому Воеводѣ и Гетману Самойловичу съ жалобою на поступокъ Димерскаго гарнизона, Воевода ему ничего не отвѣчалъ, а Гетманъ писалъ прямо, что Димеръ уже занятъ войсками Русскими, что ему гораздо бы лучше было воевать съ Турками, чѣмъ занимать Русскія крѣпости. Лавницкій сообщая это письмо Кн. Трубецкому, писалъ ему: «Гетманъ повелѣваетъ мнѣ выступить изъ Димера, который укрѣпленъ Поляками; видно онъ дѣйствуетъ не своимъ умомъ, и вы Русскіе ищите повода къ войнѣ съ Польшею. Но не безпокойтесь, вы найдѣте Рѣчь Посполитую въ готовности» [12]. Съ такимъ извѣстіемъ онъ отправился въ Варшаву (Апрѣля 23); а въ слѣдъ почти за нимъ Царь поручилъ Воеводѣ Кіевскому (Марта 29) увѣдомить Гетмановъ Польскихъ о завоеваніи у Турокъ заднѣпровской Украйны [13]. Гонецъ отправленный Кн Трубецкимъ съ письмами къ Яну Собѣсскому и Дмитрію Вишневецкому, прибылъ въ Варшаву уже послѣ избранія великаго Гетмана коронняго Королемъ. Врученное имъ письмо оскорбило Короля, онъ жало–

---

[11] Синб. Сбор. Малорос. дѣла. №№: 100, 116, 126, 139, 169, 3 и др.

[12] Тамъ же №№ 107 и 132.

[13] Тамъ же, № 185. Письмо Кн. Трубецкаго отъ Апр. 9.—Кн. Ромодановскій и Гет. Самойловичь «ходили исходомъ на *Турецкаго Салтана подданныхъ, на Черкесъ*, которые у него учинились въ подданствѣ поводомъ Петра Дорошенко, и тѣхъ городовъ жители . . . . . Его Царскому Величеству добили челомъ.»

вался на высокомѣрный слогъ, но кажется дѣло было не въ слогѣ. Воевода писалъ еще къ Гетману и потому употреблялъ выраженіе «пріятелю моему» [14]. Этимъ конечно не оскорбился бы Король; но покореніе заднѣпровской Украйны, о которомъ извѣщалъ его Воевода было непріятно какъ Собѣсскому, такъ и вообще всей Польшѣ. Дмитрій Вишневецкій, отвѣчая Кіевскому Воеводѣ изъявлялъ удивленіе; онъ писалъ: «Рѣчь Посполитая надѣялась что войска Русскія обратятся на бусурмановъ, Украйна же принадлежитъ Коронѣ Польской и Дорошенко, не будучи удѣльнымъ владѣтелемъ, не могъ отдать Туркамъ никакой области. Это можетъ послужить дурнымъ примѣромъ, который будетъ имѣть вредное вліяніе и на владѣнія самаго Царя». Но вообще, онъ прибавилъ: «Польша увѣрена что Царь не посягнетъ на чужую собственность» и потому, остовляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, просилъ снова, въ исполненіе Андрусовскаго договора и въ знакъ дружбы между обѣими державами, соединить войска для совокупнаго дѣйствія противъ Турокъ. О комендантѣ Димерскомъ увѣдомлялъ, что онъ назначенъ на это мѣсто по волѣ Рѣчи Посполитой и просилъ оказывать ему покровительство [15]. Также и коменданту Бѣлой Церкви, которому просилъ помогать и Примасъ Ольшевскій, извѣщая въ тоже время Воеводу объ избраніи Собѣсскаго Королемъ [16]. Польша столько же опасалась нарушить союзъ съ Россіею сколько и завоеванія заднѣпровской Украйны. Недовольная дѣйствіями Русскихъ войскъ, желала скрыть неудовольствіе, для поддержанія союза, и постоянно увѣряла Россію въ дружбѣ. Короля смущало только, что Царь долго не отвѣчаетъ на его извѣстительную грамату объ избраніи. Наконецъ Тяпкинъ получилъ

[14] Синб. Сб. Молорос. дѣла. № 185.

[15] Тамъ же № 167. Письмо Гетмана отъ 3 и 8 Іюня.

[16] Тамъ же № 169. Письма къ Кн. Трубецкому, отъ Дм. Вишневецкаго и Ольшевскаго отъ 11 и 18 Іюня.

твѣтъ (Іюля 9) и просилъ свиданія съ Королемъ, чтобы вручить ему царскую грамату. На другой же день ему назначенъ былъ пріемъ. Въ присутствіи Гетмановъ и сенаторовъ, Янъ III принялъ со всѣми условными почестями резидента, и взявъ отъ его грамату, передалъ канцлеру, который далъ знакъ сенаторамъ, чтобы подступили къ трону. Показавъ имъ печать Царя, онъ отворилъ грамоту и прочтя титулы, передалъ королевскому секретарю, который прочелъ всю тихо Королю и сенаторамъ. По прочтеніи, сенаторы удалились на свои мѣста, а канцлеръ Пацъ отъ лица Короля сказалъ благодарственную рѣчь за согласіе Царя находиться въ союзѣ съ Польшею, и объявилъ что Король радуется союзу и желаетъ поддерживать его всѣми способами.

Царь поздравляя Собѣсскаго съ избраніемъ на престолъ «осиротѣлой Рѣчи Посполитой» изъявлялъ свое удовольствіе что избранъ онъ «на отпоръ непріятелей креста святаго, и желалъ ему, по волѣ Его Святой надъ тѣми непріятели, на славу государствъ коронныхъ и Литовскихъ промыслъ учинить. Мы же, писалъ Царь, Великій Государь, наше Царское Величество съ вами братомъ нашимъ, съ Великимъ Государемъ, съ Вашимъ Королевскимъ Величествомъ, желаемъ быть въ братцкой дружбѣ и любви не отмѣнно» и повелѣлъ уже Кн. Ромодановскому и Гетману Самойловичу идти противъ Турокъ [17]. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Царь писалъ, что узналъ о его избраніи Королемъ чрезъ вѣстѣ изъ окрестныхъ государствъ» и прибавлялъ «то намъ въ подивленіе, что Ваше Королевское Величество, учиняся Королемъ, къ намъ по се время писать не изволили.» Дѣйствительно Поляки, увѣдомивъ Свидерскаго объ избраніи, особаго извѣстительнаго посольства, давно назначеннаго въ Москву, еще не отправляли. Царская грамата нѣсколько успо-

---

[17] Ст. Сп. л. 151—160. Грамата, 7182 Іюня 17.

копла Поляковъ и Короля, который объявилъ резиденту, что самъ лично идетъ на войну.

Чрезъ нѣсколько дней Король (Іюля 21) въ новомъ свиданіи торжественно вручилъ резиденту отвѣтную грамату, въ которой просилъ Царя предписать своимъ военачальникамъ соединить войска съ Польскими и дѣйствовать совокупно [18]. На другой день послѣ пріема (Іюля 22), къ резиденту пріѣхалъ Примасъ королевства Андрей Ольшевскій, Архіепископъ Гнезненскій, переговорить втайнѣ по порученію Короля «Королю извѣстно говорилъ онъ, что до Царя Московскаго доходятъ ложные слухи, будто бы онъ расположенъ болѣе къ другимъ державамъ, нежели къ Россіи, и не искренно обѣщаетъ союзъ и дружбу. Это клевета, и Король поручаетъ тебѣ написать къ Царю, что онъ—«совершенно, вседушно и сердечнѣ самые ближніе, истинные братскіе любви и дружбы съ великимъ Государемъ съ Царскимъ Величествомъ желателенъ»; какъ передавалъ Тяпкинъ въ письмѣ А. С. Матвѣеву слова Примаса. «Правда, говорилъ Ольшевскій, прежде избранія Собѣсскаго мы сами Поляки и особенно Литовцы сомнѣвались въ его расположеніи къ Россіи, сомнѣвались даже и въ любви его къ своей родинѣ, Польшѣ. Но теперь, когда Богъ даровалъ ему корону, мы всѣ убѣдились въ искренномъ его желаніи постоянно находиться въ союзѣ съ Россіею. Онъ желаетъ только, чтобы войска Московскія соединились съ Польскими и тогда надѣется прогнать Турокъ за Дунай. Христіанскіе народы, обитающіе по Дунаю, лишь только услышатъ о соединеніи Русскихъ войскъ съ нашими, тотъ-часъ подчинятся Россіи и Польшѣ; особенно дорожатъ они Русскими и постоянно желаютъ, чтобы они защитили ихъ отъ бусурмановъ, потому что единовѣрные Христіане, не только съ вами, но и съ нами Римскими Католиками». «А что есть по-

[18] Ст. Сп. л. 161 и слѣд.

жду нами въ вѣрѣ разнство съ народомъ Московскаго государства, и тѣ несогласія учинились и нынѣ соединитися затрудняютъ чрезъ гордость Папежа ихъ и Патріарховъ Греческихъ»[19]. Хитрый прелатъ, въ случаѣ нужды отступалъ даже отъ нетерпимости въ вѣрѣ, которою Польша навлекла на себя большую часть бѣдствій. Такъ нуждалась она въ помощи Россіи противъ Турокъ.

Войскамъ Польскимъ назначено было собираться въ Подрубежовъ и Терембовль. Гетманъ Пацъ долженъ былъ съ Литовцами явиться въ Глиняное-поле и соединившись съ войсками коронными, идти ко Львову, куда намѣревался ѣхать самъ Король. Но, собираясь въ походъ, Пацъ однако же замышлялъ измѣну. Отправивъ гонца съ письмомъ къ Кн. Трубецкому, онъ поручилъ его увѣдомить, что Собѣскаго избрали Королемъ «сенаторы, которые ему свои, а онъ тутъ былъ за неволю, опасаяся отъ нихъ всякаго дурна», что хотя и пойдетъ на войну противъ Турокъ, однако же «станетъ ходить войною особо, а съ коронными войсками соединяться не будетъ, для того, чтобъ отъ нихъ какой измѣны не было»[20]. Въ то время когда Король искалъ союза съ сосѣдними Государствами, внутри самой Польши готовился разрывъ съ Литвою.

Чтобъ доказать расположеніе къ Россіи, нашего резидента, передъ отъѣздомъ Короля изъ Варшавы (28 Іюля), пригласили для переговоровъ въ домъ канцлера Литовскаго, гдѣ Тяпкинъ нашелъ Ольшевскаго и Радзивила. Отъ имени Короля, они сообщили ему извѣстія, полученныя изъ Крыма отъ посланника Польскаго, пана Кочаровскаго. Онъ писалъ, что Ханъ, радуясь избранію Королемъ Яна Собѣскаго, обѣщаетъ съ своей стороны помирить его съ Турецкимъ Султаномъ на слѣдующихъ условіяхъ: Порта уступитъ дань, которую Польша обѣщалась

[19] Ст. Сп. л. 164—68.
[20] Синб. Сбор. Малорос. дѣла. №№ 168, 180.

платить по Буджановскому договору, не будетъ посылать войною ни Турокъ, ни Татаръ, возвратитъ плѣнныхъ, но о Каменцѣ и вспоминать не слѣдуетъ, чтобы не дразнить напрасно Султана. Года черезъ два или три, и то можетъ случиться что Турки возвратятъ Польшѣ Каменецъ. Ханъ съ своей стороны не будетъ воевать земель подвластныхъ Королю, но за то желаетъ чтобы онъ помогъ ему въ войнѣ противъ Россіи. Король и сенаторы не приняли посредства Хана на такихъ условіяхъ, желая поддержать дружбу съ Россіею. Но въ то же время они желаютъ, чтобы резидентъ написалъ къ Царю, что они просятъ его подтвердить Князю Ромодановскому о немедленномъ соединеніи войскъ съ Польскими. Поляки жаловались на него: переговариваясь о мѣстѣ соединенія войскъ съ военачальниками Польскими, онъ постоянно отсылаетъ ихъ предположенія въ Москву и потомъ отговаривается, не давая отвѣта, тѣмъ, что не получалъ еще отъ Царя предписаній. Такой способъ вести переговоры, они говорили, только продолжаетъ напрасно время[21]. Панъ Мальчинскій, староста Грабовецкій, говорилъ (Авг. 8) даже резиденту, что Крымскій Ханъ и Нагайцы, прямо желаютъ поддаться Польшѣ съ тѣмъ, чтобъ Король воевалъ съ ними противъ Турокъ, но помирилъ бы ихъ съ Царемъ Московскимъ. Это предложеніе передалъ будто бы Королю, пріѣхавшій изъ Крыма посланникъ Магметъ Казы Мурза, совѣтуя отправить полномочныхъ пословъ для заключенія договора съ Турками[22]. Но въ переговорахъ съ Христофоромъ Пацомъ тотъ же Татаринъ предлагалъ прямо миръ съ Крымомъ и Султаномъ и войну противъ Россіи[23]. Однимъ словомъ неопредѣленные носились слухи, которые каждый повторялъ по своему и въ такомъ видѣ доходили они до нашего резидента.

[21] Ст. Сп. л. 168 и слѣд. Письмо Тяпкина къ А. С. Матвѣеву отъ 30 Іюля.

[22] Тамъ же л. 172 об. и слѣд.

[23] Тамъ же л. 175 и слѣд.

Узнавъ, что 12 Августа Король оставляетъ Варшаву и отправляется къ войску, Тяпкинъ, чрезъ канцлера Паца, просилъ чтобы ему дозволили ѣхать съ Королемъ, при которомъ ему постоянно поручено находиться. Но ему отвѣчали (Авг. 13), что въ Польшѣ нѣтъ обычая брать съ собою въ походы военные пословъ иностранныхъ, хотя посолъ Французскій сопровождалъ Короля въ этомъ походѣ. Особливо ему «Король съ собою въ обозѣ быти не указалъ, объявилъ канцлеръ Тяпкину, для того что онъ будетъ видити и слышати у нихъ въ народехъ несогласіе, а въ ратехъ непослушаніе и нестройные поступки; такожъ и себѣ нужду и всякіе недостатки и учнетъ о томъ о всемъ писати къ Его Царскому Величеству и отъ того моглобъ прости межъ Великими Государи въ любви не малое поврежеміе»[24]. Канцлеръ справедливо предполагалъ, что въ военномъ станѣ возникнутъ неустройства и ссоры. Впрочемъ они начинались еще прежде, или точнѣе сказать продолжались по прежнему. Король въ началѣ Августа (Авг. 12) выѣхалъ изъ Варшавы, поставилъ часть войскъ подъ начальствомъ Станисл. Яблоновскаго въ Бужскѣ, самъ двинулся на Теребовль. Онъ предполагалъ соединившись съ Литовскими отрядами ударить въ тылъ Турецкаго войска. Но Гетманъ Пацъ привелъ къ нему свои полки тогда, когда Турки, опустошивъ Украйну, разграбивъ Валахію, перешли Дунай. Не имѣя въ готовности войскъ, Король не могъ предпринять военныхъ дѣйствій и рѣшился войти въ переговоры о мирѣ. Но его сношенія съ Крымскимъ Ханомъ не имѣли послѣдствій. Хотя Крымцы и желали мира съ Польшею потому, чтобы потомъ свободнѣе дѣйствовать противъ Россіи, которой опасались гораздо болѣе нежели Польши; но Король желалъ присоединить заднѣпровскую Украйну, которую только что завладѣли Турки. Съ этою цѣлію военный совѣтъ,

---

[24] Ст. Сп. л. 177 и слѣд. Письмо Тяпкина къ А. С. Матвѣеву. Августа 21-го.

собранный Королемъ въ Злочевѣ[25], рѣшилъ не смотря на удаленіе Турокъ и приближеніе зимы не распускать войскъ; но оставаться зимовать въ Украйнѣ, постепенно покоряя отдѣльные города. Собѣсскій зналъ по опыту, съ какимъ трудомъ нужно было собирать войска и, распуская ихъ на зиму, не могъ надѣяться снова созвать весною въ достаточномъ количествѣ и въ опредѣленные сроки. Рѣшаясь завладѣть Украйною, Король на мѣсто Ханенка долженъ былъ назначить кого–либо изъ старшинъ Малороссійскихъ Гетманомъ.. Назначеніе Гетмана покорнаго Польшѣ, послужило бы знакомъ ея владычества надъ заднѣпровскою стороною. Король избралъ кошеваго Сѣрко, любимаго народомъ, знаменитаго по военнымъ доблестямъ. Не могло быть лучшаго выбора; Сѣрку предложено было Гетманство, его отвѣтъ не извѣстенъ. Однако же назначеніе въ послѣдствіи новаго Гетмана со стороны Польши и постоянно хорошія отношенія Сѣрка къ Россіи, даютъ поводъ предполагать, что Сѣрко поступилъ въ этомъ случаѣ согласно съ постояннымъ образомъ своихъ дѣйствій. Не отвергая рѣшительно предложенія Польши, онъ, вѣроятно, не принималъ Гетманства, желая продлить время.

Между тѣмъ Король пришелъ въ Гусятинъ, извѣстивъ напередъ Кн. Ромодановскаго и Гетмана Самойловича, что будетъ тамъ ожидать прихода Русскихъ войскъ, съ которыми вмѣстѣ хочетъ начать военныя дѣйствія въ Украйнѣ. Но Русскіе вовсе не желали завоевывать Заднѣпровья для Польши, только что предъ тѣмъ присоединеннаго къ Россіи. Воеводы не отказывались соединить свои войска съ Польскими; не двигаясь однако же съ мѣста, отговаривались тѣмъ, что по условію между обѣими державами, прежде соединенія самыхъ войскъ, должны быть назначены переговоры, для того чтобы постановить самыя условія соединенія войскъ Не дождавшись Русскихъ, Король двинул-

[25] Theatr. Europ. II. стр. 652. Совѣтъ былъ 18 Окт. нов. стиля Залусскій, epist. XXXII, стр. 559 и др.

я въ походъ; взялъ Баръ, Брацлавъ, Могилевъ, Немировъ, 'ашковъ и Кальникъ; билъ отдѣльные отряды Татаръ и Наайцевъ, гарнизоны Турецкіе бѣжали изъ городовъ, ихъ истреб-или и самые жители. Поставивъ на зиму Литовцевъ около Бара, Король избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Брацлавъ. Большая часть Украины заднѣпровской, кромѣ Паволочи и Чигирина, признала его власть. Полковникъ Гоголь, недовольный Дорошенкомъ, подчинился ему съ 13 т. Казаковъ и получилъ званіе Гетмана[26]. Въ продолженіи этой войны два полка Бранденбургскихъ подъ начальствомъ Шлибена и Дондорфа, помогали Полякамъ. Но размѣщеніе войскъ Польскихъ на зимніе квартиры и необходимость защищаться отъ Шведовъ, заставили Курфирста отозвать свои полки[27].

Тщетно разсылалъ повсюду письма Дорошенко, уговаривая жителей заднѣпровскихъ городовъ защищаться отъ Поляковъ и обѣщая скорую помощь Татаръ и Турокъ. Они знали что самъ Гетманъ, оставленный почти всѣми своими приверженцами, ихъ защищать не могъ, а помощь Мусульманъ грозила только новыми бѣдами. Съ Гоголемъ покинула Дорошенка большая часть его дружины; жители городовъ и селъ давно его ненавидѣли за дружбу съ Турками и жестокость; едва онъ могъ удерживать въ своей власти Чигиринъ и Паволочь. Въ такомъ положеніи онъ снова обратился съ просьбою къ Московскому Царю, изъявляя готовность вступить въ его подданство, если только Царь утвердитъ его Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Уговаривая Россію идти на Турковъ, онъ писалъ, «лучше ихъ разорять, чѣмъ себя попускать разорѣнію», и обѣщалъ даже привести въ подданство Нагайцевъ. Но въ Москвѣ не вѣрили словамъ Дорошенка; ему даже не отвѣчали на письмо[28].

---

[26] Конисскій. 176.
[27] Theatr. Europ. II. стр. 586, 595.
[28] Малорос. дѣла, 1674 г. № 55. Бантышъ-Каменскій. II. 141.

Между тѣмъ въ Польскомъ станѣ произошли ссоры, грозившія уничтоженіемъ всякаго вліянія Поляковъ на Украйну. Гетманъ Пацъ поссорился съ Королемъ, объявилъ что не хочетъ зимовать въ Украйнѣ, отправился въ Литву и увелъ съ собою большую часть своихъ войскъ. Король остался съ войскомъ малочисленнымъ, почти безъ продовольствія и безъ денегъ. Удаленіе Паца встревожило однако всю Рѣчь Посполитую, вопреки ожиданіямъ Гетмана. Въ безпорядкѣ отступавшія войска Литовскія, разбрелись повсюду и грабили своихъ. Всѣ роптали на Гетмана и обвиняли его въ измѣнѣ. Примасъ Ольшевскій торжественно произнесъ анафему измѣнникамъ. Гетманъ струсилъ и всѣми способами старался помириться съ Королемъ, обѣщая къ веснѣ привести новыя войска. Но трудно уже было исправить вредныя для Польши послѣдствія такого поступка; военныя доблести Короля, безъ войскъ, не могли поддержать его вліянія въ Украйнѣ; Русскіе воеводы не соединяясь съ Поляками, указывали на ссору Гетмана съ Королемъ, говоря что не знаютъ съ кѣмъ соединиться. Король писалъ къ Рѣчи Посполитой, жаловался на Паца, просилъ денегъ и войскъ, говоря что на помощь Русскихъ онъ потерялъ уже всякую надежду[29]. Не имѣя возможности дѣйствовать оружіемъ, онъ вступилъ въ переговоры съ Дорошенкомъ. Станиславъ Морштинъ и Іосифъ Шумлянскій отправились въ Чигиринъ. Гетманъ отвѣчалъ Королю, что согласится вступить въ подданство Польши, но только на слѣдующихъ условіяхъ. Онъ требовалъ, чтобы Православная церковь въ Королевствѣ Польскомъ пользовалась тѣми же правами, какъ и церковь Латинская и Епископы засѣдали въ сенатѣ; что бы Король на сеймѣ торжественною клятвою утвердилъ всѣ права и преимущества Казаковъ, которые получили бы право посылать своихъ полномоч-

[29] Залусскій, Epist. стр. 601.

ныхъ на сеймы и свободно торговать въ Королевствѣ. Предлагая, чтобы гарнизоны Польскіе были вызваны изъ всѣхъ городовъ Украины, Гетманъ требовалъ также, чтобы Запорожье считалось частію его владѣній, а не отдѣльнымъ управленіемъ. Наконецъ послѣднее условіе состояло въ томъ, чтобы Казакамъ предоставлено было право устроить Типографіи[30]. Безпрерывныя нападенія писателей Польскихъ на церковь Православную, запрещеніе со стороны правительства Православнымъ отвѣчать на ихъ нападенія, заставили Гетмана предложить послѣднее условіе. Онъ хорошо понималъ нужды Малороссіи; но его характеръ, не соотвѣтствовалъ политическому взгляду. Конечно Польша не могла принять условій Гетмана; но онъ въ тоже время велъ переговоры съ Татарами въ Кусавѣ и подговаривалъ Нуррадина Султана напасть на Брацлавъ, гдѣ стоялъ Король съ незначительными силами. Слѣдуя его внушеніямъ 48 тыс. Татаръ подъ предводительствомъ Калги Султана явились подъ стѣнами города; но разбитые Собѣсскимъ, бѣжали назадъ. Сѣрко повсюду преслѣдовалъ отдѣльные Татарскіе отряды, не давая имъ возможности соединиться съ Дорошенкомъ. Условіе о соединеніи Запорожья съ Украйною, предложенное Гетманомъ Королю, доказывало недоброе его расположеніе къ Сѣрку, котораго видимо лаская, онъ ненавидѣлъ дѣйствительно. Проискамъ Дорошенки приписывали Запорожцы, нечаянное нападеніе Турокъ въ эту зиму на сѣчу.

Осенью Султанъ отправилъ моремъ 15-ть тысячъ янычаръ, предписавъ Хану, избрать удобнѣйшее время, напасть съ ними на Запорожцевъ и истребить сѣчу. Ханъ рѣшился напасть въ расплохъ на праздникъ Рождества Христова, когда войско запорожское, говоритъ Малороссійскій Лѣтописецъ, «звикло гуляти и подпивати». Дѣйствительно Запорожцы беззаботно гу-

---

30 Teatr. Europ. II стр. 868.

ляли въ своихъ куреняхъ, когда, пробравшись около береговъ Днѣпра, незамѣченное запорожскими сторожами, Турецкое и Татарское войско, на третій день праздника въ полночь, подступило къ сѣчѣ. Захвативъ стражу, янычары вошли въ сѣчу и заняли всѣ улицы и площадь около церкви, а Ханъ въ нѣсколькихъ верстахъ остановился съ Татарами. Запорожцы спали, только въ одномъ изъ куреней нѣсколько человѣкъ играли въ карты. Изъ этого куреня одинъ Казакъ, Шевчикъ, случайно взглянувъ въ окно, увидѣлъ улицу наполненную янычарами. Онъ извѣстилъ товарищей; не потерявъ присутствія духа они взяли ружья, стали противъ оконъ, въ одно время отворили всѣ ставни и начали стрѣлять на улицу. Одни стрѣляли, другіе заряжали ружья; пальба разбудила спавшихъ Запорожцевъ въ другихъ куреняхъ; вскорѣ изъ всѣхъ оконъ открылась пальба. Густо столпившіеся на улицахъ янычары, смущенные внезапною пальбою, тѣснили другъ друга, ихъ пули попадали въ стѣны избъ, а запорожскія мѣтко истребляли Турокъ. Бросаясь изъ стороны въ сторону янычары давили другъ друга. Воспользовавшись ихъ замѣшательствомъ, Запорожцы вдругъ прекратили стрѣльбу, съ кинжалами бросились на улицы и довершили пораженіе; не многіе спаслись изъ янычаръ или взяты въ плѣнъ. Ханъ узнавъ о истребленіи янычаръ, быстро повернулъ свои войска и днемъ и ночью безъ оглядки бѣжалъ въ Крымъ. Запорожцы его не преслѣдовали. На разсвѣтѣ дня, собравшись въ церковь, отслужили благодарственный молебенъ и долго потомъ очищали сѣчу отъ Турецкихъ труповъ, застывшихъ отъ сильнаго мороза въ собственной крови по улицамъ. Кошевой Сѣрко писалъ Гетману Дорошенку—«о томъ случаѣ, хочай коротко, але вельми досадительно, приписуючи то дѣяніе его Дорошенковой злобѣ и коварству[31]».

[31] Лѣтопись Величка II 357—366.

Султанъ недовольный истребленіемъ янычаръ въ сѣчѣ и завоеаніемъ Украйны Королемъ Польскимъ, готовился къ новому походу весною. Король зналъ о приготовленіяхъ, гонецъ епископа Марсельскаго, отправленный имъ въ Царьградъ просить султана помириться съ Польшею, воротился безъ успѣха[32]. Съ незначительными силами Собѣсскій не могъ оставаться долѣе въ Украинѣ и открыть Галицію Туркамъ. Онъ рѣшился сосредоточить войска около Львова, оставивъ въ городахъ Украйны только гарнизоны. Но прежде оставленія Украйны, онъ хотѣлъ взять Паволочь, единственно сильный городъ, кромѣ Чигирина, остававшійся во власти Дорошенка. Въ Маѣ онъ отправилъ туда войско подъ предводительствомъ М. Радзивила, а между Паволочью и Чигириномъ поставилъ отряды Дмитрія Вишневецкаго. Они не дозволяли Дорошенку помочь Паволочи, которая была взята Поляками (мая 28 нов. стил.)[33] Король выступилъ изъ Украйны чрезъ Бугъ къ Ладыжину, потомъ поѣхалъ въ Злоѣвъ и оттуда въ Львовъ[34].

Въ продолженіе одного года заднѣпровская Украйна переходила изъ рукъ въ руки трехъ споривших между собою державъ: Россіи, Турціи и Польши. Жители ненавидѣли Турокъ, какъ Магометанъ и грабителей, Поляковъ, какъ Латиновъ, преслѣдовавшихъ ихъ церковь и безсильныхъ защитить ихъ отъ нападенія другихъ державъ; но покорялись и тѣмъ и другимъ по неволѣ. Ихъ желанія стремились къ Россіи, единовѣрной, могущественной и владѣвшей уже большею частію Малороссіи. Но мирные жители шли за своими военными согражданами, за Казаками, которые въ свой чередъ повиновались своимъ предводителямъ. Издавна въ Малороссіи существовала мысль отдѣлиться отъ Польши. Но положеніе страны между тремя силь-

[32] Hammer. Hist. de l' Emp. ottom. XI. 404.
[33] Theatr. Europ. II. 869.
[34] Тамъ же и Залусскій Epistolae II. XXXII. 670.

ными державами, изъ которыхъ ни съ одной она не могла бороться собственными силами, противорѣчило этой мысли. Въ умахъ людей благоразумныхъ она давно замѣнилась другою — присоединить Малороссію къ единовѣрной Россіи. Богданъ Хмѣльницкій былъ знаменитымъ ея исполнителемъ. Но съ трудомъ и постепенно могла привыкнуть Малороссія къ государственному порядку Московскому. Являлись недовольные и выступая защитниками независимости, увлекали за собою другихъ, но безсильные для самостоятельнаго дѣйствія, становились подъ покровительство Польши или Турціи. Андрусовскій договоръ раздѣлившій Малороссію на три части, служилъ къ тому поводомъ. Заднѣпровье принадлежало Польшѣ, страна по сю сторону Днѣпра Россіи, Запорожье оставалось какъ бы независимымъ, но въ то же самое время подъ покровительствомъ обѣихъ державъ въ совокупности[35]. Послѣ договора, мысль о независимости Малороссіи, сообразно времени, приняла новый видъ и выражалась желаніемъ соединить раздѣленную страну въ одно цѣлое. Ея представителями въ это время явились Гетманы: Самойловичь и Дорошенко. Одинъ человѣкъ государственный, вводившій гражданскій порядокъ въ своемъ отечествѣ, покорный Россіи, дѣйствовалъ законно, наводя постоянно политику Русскаго двора на мысль о присоединеніи заднѣпровской Украйны и Запорожья и содѣйствуя къ тому всѣми способами съ своей стороны. Другой предводитель казацкихъ дружинъ, не любившій порядка государственнаго, равно дѣйствовалъ противъ Россіи и Польши. Не находя полнаго къ себѣ сочувствія въ Запорожьѣ, онъ поселился въ Чигиринѣ и предался власти Султана. Силою Турокъ онъ надѣялся побѣдить своихъ враговъ, но они покорили его и Украйну. Предвидя нерасположеніе къ себѣ Малороссіянъ за союзъ съ Магометанами, онъ

---

[35] Полн. Собр. Зак. I, № 398, ст. 3.

устроилъ особое войско, своихъ тѣлохранителей подъ именемъ серденятъ и компанейцевъ. Казацкое войско было ополченіемъ земскимъ и раздѣляло сочувствія народа; ему нужны были свои постоянныя войска, которыя бы кромѣ его воли ничего не признавали. Онъ щедро награждалъ своихъ серденятъ и только ими держался; Малороссіяне его возненавидѣли, а онъ за ненависть платилъ имъ грабежемъ и убійствами. На Переяславской радѣ въ числѣ условій соединенія заднѣпровской Украйны съ Россіею, Казаки просили Царя запретить Гетманамъ и полковникамъ держать серденятъ и компаніи по примѣру Дорошенка. Царь охотно согласился на ихъ предложеніе[36]. Гетманы, окруженные своими отдѣльными дружинами, могли быть опасны для Россіи, а въ постоянномъ войскѣ для Малороссіи, она не нуждалась: часть Московскихъ войскъ постоянно находилась въ городахъ Малороссійскихъ.

Такой же храбрый предводитель дружины былъ кошевой запорожскій Сѣрко; но менѣе страстный, болѣе хитрый и благородный по характеру. Его положеніе было еще труднѣе Дорошенка; онъ долженъ былъ отражать набѣги Татаръ и Турокъ, содѣйствовать Польшѣ и Россіи, поддерживать дружбу съ Самойловичемъ, не раздражать Дорошенка; каждый могъ его уничтожить съ его незначительнымъ по количеству войскомъ. Онъ выдержалъ блистательно свое положеніе, его уважали и друзья и враги. Татары считали его волшебникомъ и въ то же время свои дѣла отдавали ему на судъ, говоря: какъ скажетъ Сѣрко, такъ тому и быть[37]. Исполняя условіе Андрусовскаго договора, онъ покорялся Россіи, покорялся и Польшѣ, но въ такой мѣрѣ, чтобы не могла оскорбиться Россія. Вмѣстѣ съ Поляками онъ билъ Татаръ и Турокъ, но не принялъ гетманства,

[36] Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV. № 93, ст. 13.
[37] Конисскій. 173 и слѣд.

предложеннаго ему Польскимъ Королемъ. Онъ раздѣлялъ желаніе всей Украйны и рано или поздно думалъ о соединеніи всей Малороссіи подъ владычествомъ Россіи. Дорошенко его не любилъ, но уважалъ и боялся. Когда Сѣрко поймалъ Мазепу, отправленнаго Дорошенкомъ къ Хану и узналъ изъ писемъ о его замыслахъ призвать Турковъ въ Украйну, онъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ предостерегалъ и укорялъ за дружбу съ Магометанами. Замѣчательное письмо Сѣрка писано рѣзко, но учтиво и только въ концѣ не утерпѣлъ кошевой запорожскій и въ видѣ приписки прибавилъ: «разсмотри и уважъ, вихровато голово Дорошенко, если то есть щирая пріязнь къ тобѣ бусурманская, которую купуешь у нихъ за головы и души христіанскія». Если не знаешь, что можетъ произойти отъ твоей дружбы съ Турками; то я тебѣ скажу: «тилко погибель тобѣ и отчизнѣ нашой крайное запустѣніе[38]». Послѣ Турецкаго набѣга на сѣчу, Сѣрко также рѣзко писалъ къ Дорошенку; но его предсказанья не подѣйствовали на Чигиринскаго Гетмана, а сбылись на самомъ дѣлѣ.

Когда, послѣ похода въ Украйну Короля Польскаго, оставленный всѣми, съ одними серденятами сидѣлъ запершись въ Чигиринѣ Дорошенко, предчувствуя близкую погибель, онъ обратился къ Сѣрку и просилъ его пріѣхать къ нему для переговоровъ. Опасаясь коварства Дорошенка Сѣрко взялъ съ собою часть Запорожцевъ и съ ними, исполняя его желаніе, прибылъ въ Чигиринъ[39]. Съ почестью принялъ его Дорошенко, ища съ нимъ союза, хотѣлъ увлечь его въ свои виды; но Сѣрко совѣтовалъ ему сложить Гетманство и покориться Россіи.

[38] Лѣтопись Велички. II. 343—346.
[39] Тамъ же 370—71.

ГЛАВА VI.

Во время войны Янъ III-й продолжалъ переговоры съ Рос-
сіею. Онъ хотѣлъ застращать Турокъ военнымъ союзомъ
Польши съ Россіею и Персіею, и тѣмъ принудить къ заклю-
ченію мира, который заключить рѣшился, уступая вліянію Фран-
ціи и не надѣясь на Польшу. Еще до отъѣзда изъ Варшавы
онъ отправилъ посланника къ Царю, Самуила Венславскаго,
извѣстить о походѣ противъ Турокъ и заключить договоръ.
Въ извѣстительной граматѣ онъ писалъ, что въ исполненіе
Андрусовскаго договора посылаетъ на рубежъ полномочныхъ
пословъ для заключенія мира. Но пока договоръ будетъ зак-
люченъ, положеніе Польши, при наступающей войнѣ Турецкой,
требуетъ скорѣйшаго рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ, которыя, не
дожидаясь съѣзду посольскаго, проситъ окончить съ Венславс-
кимъ. Ему была дана полная мочь вмѣстѣ съ Польскимъ ре-
зидентомъ находившимся въ Москвѣ. Послѣ пріѣзда Венслав-
скаго въ Москву и представленія Царю[1], его поручено было
выслушать Артамону Сергѣевичу Матвѣеву съ дьяками по-
сольскаго приказа. Отлагая рѣшеніе всѣхъ дѣлъ до посольска-
го съѣзда, посланникъ Польскій просилъ только предписать
части войскъ Русскихъ соединиться съ Поляками, а другой дѣй-
ствовать на Крымъ. Получивъ отвѣтъ удовлетворительный,

[1] Дворц. Разр. III. 967. Онъ обѣдалъ у Царя 3-го Августа.
Сент. 18 стр. 1030.

онъ предложилъ также чтобы при войскахъ Русскихъ находились коммисары на случай мирныхъ переговоровъ съ Турками, дабы они могли совокупно съ Поляками вести переговоры, какъ это положено было договоромъ Андрусовскимъ[2].

Послѣднее предложеніе видимо было непріятно Россіи и возбудило упреки не только со стороны Матвѣева въ переговорахъ съ Венславскимъ и Свидерскимъ, но даже со стороны Царя, какъ видно изъ граматы, посланной къ Королю Польскому. Россія предполагала, что Поляки могутъ заключить миръ съ Турками только потому что не довѣряли Польшѣ; но хотѣла однако же мира, ибо предвидѣла что Турки, заключивъ миръ съ Польшею, всѣ силы свои обратятъ противъ Россіи, а Польша съ своей стороны помогать не будетъ. Матвѣевъ говорилъ посламъ Польскимъ, что до сего времени Россія твердо соблюдала постановленія Андрусовскаго договора: не входила ни въ какія сношенія съ Татарами и Турками, не извѣстивъ о томъ Польшу, помогала постоянно Полякамъ тѣмъ, что воевала съ Крымомъ, Дорошенкомъ и самими Турками. Между тѣмъ Михаилъ заключилъ миръ съ Султаномъ, не увѣдомивъ и не пригласивъ къ участію Россію и потомъ Поляки постоянно вели тайные переговоры съ Крымомъ. Польша нарушила договоры и не смотря на то Царь помогалъ ей войсками, конечно уже не по договорамъ, а по особенному къ ней расположенію. Царь отказывался рѣшительно послать коммисаровъ для мирныхъ переговоровъ съ Турками на томъ основаніи, что одни полномочные безъ сопровожденія войскъ не могутъ ѣхать на границы Украйны. Войска же Русскіе вмѣстѣ съ ними также не могутъ двинуться, потому что уже близка осень, путь далекъ, а Украйна опустошена и невозможно найти въ ней достаточнаго количества запасовъ для продовольствія войскъ. Если же Поляки рѣшатся приступить

[2] Полн. Собр. I. № 398 ст. 18 и 19.

къ заключенію мирнаго договора съ Турками, то въ этомъ случаѣ Царь поручалъ Королю заключить его и за Россію па условіяхъ, которыя сообщены были Венславскому изъ Посольскаго приказа, и самому Королю въ отвѣтной царской граматѣ.

На слѣдующихъ условіяхъ Россія уполномочивала Польшу заключить за нее договоръ съ Турками: 1) чтобы Турки и Крымскіе Татары впредь не ходили войною на области принадлежащія Россіи, за то и Россія съ своей стороны не будетъ воевать съ ними. Если же они нарушатъ договоръ и пойдутъ на Россію войною, то Польша будетъ помогать ей противъ нихъ. 2) По заключеніи мира какъ Царю такъ и Королю по прежнему имѣть сношенія граматами или черезъ пословъ съ Турками и Крымцами, но списки съ граматъ, своихъ и съ отвѣтныхъ, обѣимъ государствамъ сообщать для вѣдома другъ другу, дабы не могли возникнуть подозрѣнія о тайныхъ сношеніяхъ. Сверхъ того Россіи случалось посылать особенныя посольства въ Крымъ съ казною, для выкупа плѣнныхъ. Такія посольства будутъ наряжаться по прежнимъ обычаямъ и Польша не сочтетъ ихъ за нарушеніе договоровъ; равно и заключеніе сего договора на основаніи предлагаемыхъ статей и безъ участія полномочныхъ со стороны Россіи Польша не сочтетъ нарушеніемъ Андрусовскаго перемирія. Послѣдняя статья обязывала ничего не прибавлять за Россію въ договоръ съ Турками, кромѣ того что въ предлагаемыхъ статьяхъ объявлено. Если бъ однакожъ Турки не захотѣли заключить договора на такихъ условіяхъ, въ такомъ случаѣ писалъ Царь, Польша должна исполнить постановленія Андрусовскаго и Московскаго перемирія и не входить въ договоры о мирѣ съ Турками одна, безъ участія Россіи.

Когда послу объявлены были условія, онъ отозвался что не имѣетъ полномочія ихъ принять или отвергнуть; но просилъ

денту въ Польшѣ дозволено было участвовать въ переговорахъ Поляковъ съ Турками и заключить миръ и за Россію. Ему не было дано отвѣта, но потомъ предписано Тяпкину требовать участія въ переговорахъ, если они будутъ открыты[8]. Очевидно Русскій дворъ опасался, чтобы Поляки вопреки договоровъ не заключили съ Турками отдѣльнаго мира и не отговаривались бы въ послѣдствіи медленностію отвѣта со стороны Царя и различными съ его стороны предложеніями. Тяпкинъ, объявивъ объ этомъ подскарбію коронному, и получилъ отъ него и канцлера Литовскаго отвѣтъ, что въ продолженіе зимы Поляки не намѣрены вступать ни въ какіе съ Турками договоры, о чемъ извѣстилъ А. С. Матвѣева[9]. Но Царь Алексѣй Михаиловичь, не получая отвѣта прямо отъ Короля, писалъ вновь съ нарочнымъ гонцомъ, подьячимъ Васильемъ Тимоѳеевымъ, который прибылъ въ Варшаву въ Декабрѣ мѣсяцѣ (9-го) съ дарами и подтвержденіемъ прежняго предписанія Тяпкину[10]. Царь увѣдомлялъ снова Короля, что даетъ полную мочь своему резиденту, вмѣстѣ съ подьячимъ Тимоѳеевымъ, участвовать въ переговорахъ съ Турками и посылаетъ имъ вѣрющую грамоту[11].

По пріѣздѣ подьячего резидентъ отправился (9-го Дек.) съ нимъ къ канцлеру Пацу и снова требовалъ, чтобы немедленно отпустили ихъ къ Королю, для врученія ему царской граматы. Указывая на то, что въ *опасной* граматѣ написано имя одного подьячего, канцлеръ говорилъ, что нѣтъ нужды ѣхать самому резиденту. Притомъ ему велѣно участвовать въ переговорахъ съ Турками, а у Короля не было и нѣтъ никакихъ съ

---

[8] Ст. Сп. ст. 250-254. Указъ Тяпкину Окт. 2-го. 183 г.
[9] Тамъ же 254-56. Письмо къ Царю отъ 7 Ноября.
[10] Ст. Сп. грам. ст. 273-75 отъ 11-то Окт.
[11] Тамъ же ст. 283-303. Грам. отъ 8 Окт. вѣр. Грам. 9-го Окт.

нiями переговоровъ. Послѣ долгихъ споровъ, канцлеръ не разрѣшилъ своею властiю вопроса и увѣдомилъ Тяпкина, что будетъ о его требованiи писать къ Королю (11-го Окт.). Резидентъ съ своей стороны увѣдомилъ Царя и чрезъ мѣсяцъ Февраля 6) получилъ предписанiе уступить требованiю Поляковъ и отправить съ граматою къ Королю одного Тимоѳеева[12]. Не смотря на то, подскарбiй долго его не отправлялъ, отговариваясь опасностiю пути и другими препятствiями. Наконецъ резидентъ и подьячiй, посовѣтовавшись между собою, отправили къ нему стрѣльца съ предложенiемъ на 30 р. соболей, съ тѣмъ чтобы не задерживая отпустилъ къ Королю. Подскарбiй обѣщалъ на другой же день прислать провожатаго и подводы.

Въ то время какъ въ Москвѣ шли переговоры съ Венславскимъ, дворъ Московскiй встревоженъ былъ извѣстiями о движенiи Турокъ на Кiевъ не менѣе намѣренiя Поляковъ заключить миръ съ Сутаномъ. Объявленъ былъ походъ самого Царя въ Малоросеiю, и напередъ посланъ бояринъ и Воевода Князь Юрiй Алексѣевичъ Долгорукiй (Авг. 19)[13] и въ слѣдъ за нимъ меньшiе Воеводы въ Путивль[14].

Излагая причины своего похода, Царь писалъ Польскому Королю (Авг. 31): Султанъ приближается къ Чигирину со всѣми силами, «а Вашего Королевскаго Величества Гетманы съ войсками коронными и Литовскими за тѣми непрiятели, Турскими и Крымскими людьми, въ тылъ нейдете». Мы, прибавляетъ Царь, зная договоры между нами заключенные, «въ томъ не мало сумнѣваемся, что такъ со стороны Вашего Величества чинится. Если войска Ваши въ тылъ для промыслу надъ непрiятели нынѣ не пойдутъ, и мы чаемъ тѣ непрiя-

---

[12] Тамъ же ст. 321 и слѣд. грамот. отъ 15 Генв.
[13] Полн. Собр. Зак. I. № 585.
[14] Дворц. Разр. III.

тели, Турскіе и Крымскіе, поступаютъ такъ по нѣкоторой обнадежности». Распространившійся въ это время слухъ о заключеніи Поляками мира съ Турціею уже достигъ до Москвы и послужилъ поводомъ къ частнымъ предписаніямъ Тяпкину принять участіе въ переговорахъ. Король получилъ царскую грамату уже подъ Терембовлемъ, въ концѣ Ноября и ограничился только тѣмъ, что поручилъ своимъ посламъ, находившимся уже на съѣздѣ съ Русскими близь Смоленска, узнать, дѣйствительно-ли самъ Царь отправляется въ походъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ получено было извѣстіе отъ Князя Ромодановскаго объ отступленіи Турецкихъ войскъ къ Дунаю; походъ Царя былъ отложенъ, воеводы отозваны въ Москву. Гетману Самойловичу и Князю Ромодановскому посланы похвальныя грамоты за ихъ дѣйствія, равно и кошевому Сирку, вмѣстѣ съ жалованьемъ для войска Запарожскаго. Награждая воеводъ, Царь негодовалъ на Польшу. Негодованіе усилилось, когда получена была королевская грамата, въ которой онъ извѣщалъ Царя о завоеваніи заднѣпровской Украйны и съ своей стороны упрекалъ Русскихъ, что они не оказали ему помощи. Царь отвѣчалъ, что радуется успѣхамъ Польши, но удивляется за чѣмъ Король принимаетъ въ подданство Заднѣпровье, которое присоединено уже къ Россійской державѣ[15]. Извѣстное уже Полякамъ намѣреніе Россіи присоединить Заднѣпровье, по дѣйствіямъ Русскихъ войскъ и извѣстію сообщенному Кіевскимъ воеводою, въ первый разъ прямо объявлено было самимъ Царемъ. Еще яснѣе выражено было намѣреніе Россіи полномочными Московскими боярами на съѣздѣ съ послами Польскими.

Близь Смоленска въ селѣ Мигневичахъ съѣхались Кн. Никита Ивановичь Одоевскій съ товарищами съ Марціаломъ Огинскимъ воеводою Троцкимъ и референдаріемъ Литовскимъ Пав.

[15] Ст. Сп.

Бростовскимъ. Послѣ многочисленныхъ совѣщаній, ни одинъ вопросъ не былъ разрѣшенъ и вмѣсто *вѣчнаго мира* подтверждено только 13-ти лѣтнее перемиріе, постановленное первымъ Андрусовскимъ договоромъ. Польша требовала не только возвращенія Кіева, но Смоленска и другихъ городовъ и немедленнаго соединенія Русскихъ войскъ съ Польскими. Русскіе полномочные съ своей стороны объявили, что не только Смоленскъ и другіе города, но и Кіевъ со всею заднѣпровскою Украйною не будутъ возвращены Польшѣ, которая и не имѣетъ права предлагать о томъ вопроса.

Хотя Россія и обѣщала Малороссіянамъ не уступать Кіева Полякамъ, но объ этомъ договорѣ, дошашнемъ между Москвою и Малороссіею, Русской дворъ не объявлялъ Польшѣ. Вопросъ о Кіевѣ, въ числѣ другихъ спорныхъ, при всѣхъ переговорахъ откладывался только на разрѣшеніе при будущихъ съѣздахъ. Нужны были достаточныя причины для того, чтобы прямо нарушить одно изъ условій Андрусовскаго договора. Дѣйствія Польскаго правительства при Михаилѣ, нарушавшія этотъ договоръ, давали такое же право и Россіи. Д. Вишневецкій, отвѣчая Воеводѣ Кіевскому на извѣстіе о присоединеніи Заднѣпровья къ Россіи, говорилъ, что Дорошенко, не будучи самостоятельнымъ владѣтелемъ, не могъ уступать областей Польскихъ Турціи, давая тѣмъ знать, что и Россія завоевывала ихъ не у Турціи. На съѣздѣ, Кн. Одоевскій и не ссылался на договоръ Дорошенка съ Портою, напротивъ, онъ говорилъ: по Андрусовскому договору Польша не должна заключать мира съ Турціею одна и безъ вѣдома Россіи. Король Михаилъ, заключивъ такимъ образомъ договоръ Буджановскій, и тѣмъ нарушилъ постановленія Андрусовскаго перемирія. По Буджановскому договору Польша уступила Турціи всю заднѣпровскую Украйну, вмѣстѣ съ Кіевомъ. По этому присоединеніе Украйны къ Государству Московскому составляетъ вопросъ между

Россіею и Турціею, а Польша не имѣетъ права и говорить о немъ. Такое объясненіе должно было вести къ рѣшительному разрыву между Россіею и Польшею, котораго однакоже не желали ни Поляки ни Русскіе, связанные общимъ участіемъ въ войнѣ Турецкой. Не рѣшая вопросовъ, отлагая ихъ до будущихъ переговоровъ, Поляки требовали постановить условія о соединеніи Русскихъ войскъ съ Польскими, хотя весною для отраженія Турокъ. Имъ отвѣчали общими словами, что Россія не отказывается помогать Польшѣ; она помогала ей и до сего времени и впредь помогать будетъ. Полномочные разъѣхались, подтвердивъ только первый Андрусовскій договоръ, а всѣ вопросы спорные отложили до будущаго времени.

Жалуясь на Московскихъ бояръ, П. Бростовскій писалъ изъ Смоленска въ Варшаву къ Тяпкину что «со стороны Царскаго Величества въ малыхъ и краткихъ временахъ всѣ заприсяжные договоры препомнены (забыты), а со стороны Королевскаго Величества всѣ тѣже договоры пребываютъ въ содержаніи по се время, и они въ свидѣтельство поставляютъ Господа Бога, Вѣдующаго вся, на Него же имѣютъ крѣпкую надежду, иже не отдаетъ ихъ въ посмѣхъ и поруганіе неприятелемъ[16].

Король, смущенный послѣдствіями переговоровъ, отлагая рѣшеніе вопроса объ Украйнѣ на будущее время, заботился только о томъ, чтобы Русскія войска соединились съ нимъ. Съ этою цѣлію онъ назначилъ въ Москву посломъ Александра Кладницкаго.

Въ Москву возратились бояре изъ подъ Смоленска. По тогдашнимъ обычаямъ, какъ въ походы военные, такъ и на посольскіе съѣзды съ боярами отправляли иконы, которыя Царь

---

[16] Ст. Сп. ст. Ноябр. 20 Тяпкинъ получилъ это письмо, и 23 съ него списокъ отправилъ въ Москву.

провожалъ при ихъ отпускахъ и встрѣчалъ при возвращеніяхъ за городомъ, торжественно. Получивъ приказаніе (отъ 23-го Дек.) ѣхать къ Москвѣ, Кн. Одоевскій, прибывъ на подхожій станъ въ Дорогомилову слободу, извѣстилъ о своемъ прибытіи Посольскій приказъ (Генв. 12); на другой день Царь со всѣми чинами и духовенствомъ ходилъ встрѣчать «Спасовъ образъ» бывшій съ нимъ на посольствѣ. Во время пріема Кн. Одоевскаго «Царь о здоровьи его спрашивалъ и службу милостиво похвалялъ, что онъ учинилъ во всемъ по его Великаго Государя указу» [17].

Между тѣмъ съ прекращеніемъ войны затихнувшіе на время внутренніе раздоры въ Польшѣ возникли съ прежнею силою. Ожидая коронаціи и сейма, всѣ партіи пришли въ движеніе и разнородные слухи постоянно доходили до нашего резидента. Главнымъ предметомъ всевозможныхъ толковъ была ссора Гетмана Литовскаго съ Королемъ.

Въ первое время пребыванія въ Варшавѣ Тяпкинъ находился въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Пацами, отъ нихъ получалъ извѣстія, подъ ихъ вліяніемъ смотрѣлъ на происшествія. Наконецъ онъ начиналъ колебаться, подозрѣвать ихъ и не зная на чемъ остановиться, всѣ разнородныя извѣстія посылалъ въ Москву, которыя въ свой чередъ все болѣе подрывали довѣріе, и такъ уже слабое, Русскаго двора къ Польшѣ.

Степанъ Соколинскій Староста Сахновскій писалъ къ Тяпкину (Генв. 1-го) изъ Львова, что Гетманъ Пацъ поссорился съ Королемъ, потому что нашелъ его болѣе склоннымъ къ дружбѣ съ Султаномъ и Ханомъ Крымскимъ нежели съ Царемъ Московскимъ [18]. Старшій братъ Гетмана, Бонифацій Пацъ [19], при

---

[17] Дворц. Разр. III. 1103. 1139. 1157. 1170. 1180. 81. 82.

[18] Письмо къ Б. Матвѣеву Генв. 8. Ст. Сп. л. 304 и слѣд.

[19] Ст. Ст. л. 331 и слѣд.

свидацін (Марта 2) съ резидентомъ, подтвердилъ то же показаніе, говоря что Король, по заключеніи мира, принуждалъ его обратить оружіе противъ Государства Московскаго или Римской имперіи. Самъ Гетманъ присылалъ одного изъ своихъ приверженцевъ извѣстить, что получилъ письмо отъ боярина Матвѣева, который будто-бы чрезъ посредство резидента проситъ его сообщить ему свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Польшѣ. Между тѣмъ уже, не довѣряя Пацамъ, резидентъ писалъ въ Москву, что о Гетманѣ ходятъ двойныя рѣчи: «одни коронные народы сильно поносятъ его за то, что оставилъ Короля, другіе говорятъ, что онъ дѣйствуетъ постоянно съ цѣлію поддержать миръ съ Россіею, и потому поссорился съ Королемъ, дурно расположеннымъ къ ней». Дѣйствительно нерасположеніе къ Россіи со стороны Польской партіи выражалось довольно ясно, и слухъ о заключенія мира съ Турками и Татарами распространялся сильно. Скрывая сношенія съ Турками, Король явно велъ переговоры съ Крымомъ и Дорошенкомъ съ цѣлію заключить миръ съ Ханомъ, а Дорошенка привести въ подданство Польшѣ. Еще весною, когда Янъ III-й собрался идти въ походъ, два посланника, паны Мышлевскій и Кочаровскій были отправлены въ Крымъ и Чигиринъ уговаривать Хана къ заключенію мира и вмѣстѣ съ тѣмъ помирить Польшу съ Султаномъ, а Дорошенка, который самъ писалъ къ Королю, предлагая подданство, присоединить окончательно къ Польшѣ. Но Дорошенко отвѣчалъ Королю, что поддается Польшѣ только тогда, когда она заключитъ миръ съ Крымцами и Турками [20]. Селимъ Гирей, отправивъ назадъ Кладницкаго, послалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего посла Гуссейнъ-Мурзу къ Польскому Королю, извѣщая его, чтобы для заключенія съ нимъ договора нарядилъ полномочныхъ пословъ [21]. Отправивъ отъ себя посланника къ

[20] Ст. Сп. л. 315 и слѣд. Письмо къ Польск. Королю 183 г. Апр.
[21] Ст. Ст. л. 359 и слѣд. 183 г. Апр. 17.

Султану, чтобы уговорить его къ заключенію мира съ Польшею, Ханъ съ своей стороны изъявлялъ полную готовность соединиться съ Поляками. Въ своемъ письмѣ онъ говорилъ: «три такіе сабли (т. е. Польская, Турецкая и Крымская), обращенные на *иного* врага, сильно могутъ застращать его». Между тѣмъ канцлеръ Литовскій нѣсколько разъ жаловался въ разговорахъ съ Тяпкинымъ (въ Генварѣ) на Россію, говоря, что переговоры на съѣздахъ окончились ничѣмъ. Русскіе полномочные, указывая на оказанную уже помощь войною противъ Крыма, не рѣшили вопроса о соединеніи Русскихъ войскъ съ Польскими. Хотя Польскій резидентъ и писалъ изъ Москвы къ Королю, что А. Матвѣевъ объявилъ ему о намѣреніи Царя продолжать войну Турецкую, для чего усиливаются войска на Днѣпрѣ и соединятся съ Польскими весною, однакоже «Царскаго Величества ближніе люди пользуютъ ихъ на словахъ, и въ томъ словесномъ обѣщаніи надежда есть слаба, потому что въ договорахъ и разъѣзжемъ письмѣ ничего не постановлено». «Явны были тѣ посылки, и сего лѣта, которые нигдѣ не обозначились ни съ Дону ни съ Крыму ни съ Украйны». Такъ передавалъ слова канцлера нашъ резидентъ въ письмѣ А. С. Матвѣеву, прибавляя: «и зѣло Канцлеръ по премногу удивлялся, зачѣмъ бы то упрямство и несклонность къ союзу войсковыхъ посылокъ со стороны Его Царскаго Величества чинятся» [22]. Когда Король писалъ къ воеводамъ Царскимъ, прося прислать 15 т. войска, чтобъ разорить подунайскія области и разграбить запасы, приготовленные Турками въ Валахіи, воеводы отвѣчали, что не имѣютъ на то царскаго приказанія. Тогда бы Турки не могли весною вновь явиться съ войсками за Дунаемъ, а между тѣмъ теперь они всѣ къ тому имѣютъ способы. Хотѣлъ также Король выгнать изъ Украйны 15 т. Татаръ, которые

[22] Письмо Генв. 15 и 30. Ст. Сп. л. 305—314.

съ Адиль-Гиреемъ оставлены тамъ зимовать, но потомъ узналъ о приближеніи Нурадинъ Султана съ 80 т. орды. Тогда онъ снова писалъ воеводамъ царскимъ, приглашая ихъ дѣйствовать совокупно; они отвѣчали по прежнему, обѣщались потомъ прислать 10 т. войска, и не прислали.

Когда резидентъ спросилъ канцлера, правда-ли что Дорошенко вступаетъ въ Польское подданство? онъ отвѣчалъ: правда, онъ имѣетъ это намѣреніе, но хочетъ чтобъ Король заключилъ прежде миръ съ Турками и Татарами, опасаясь, чтобы Нурадинъ не обратилъ противъ него оружія. Вмѣстѣ съ епископомъ Гнѣзненскимъ онъ просилъ резидента писать въ Москву и просить Царя, чтобъ на коронацію и сеймъ прислалъ своихъ пословъ, говоря, что тогда легко бы устроить взаимныя отношенія.

Въ это время пріѣхалъ въ Варшаву воевода Волынскій Кн. Черторижскій (Фев. 4) и объявилъ нашему резиденту, что переговоры съ Дорошенкомъ ни къ чему не поведутъ: онъ очевидно обманываетъ Польшу. Въ тотъ же день пріѣзжалъ къ нему панъ Венявскій «дворянинъ, который въ крайней милости у Государя своего пребываетъ», какъ выражался о немъ Тяпкинъ, «и подъ душевною великою клятвою объявилъ ему такія рѣчи: будучи прежде Армяниномъ, онъ родился и взросъ въ Турецкой землѣ, и до нынѣ въ тѣхъ странахъ имѣетъ у себя изъ великихъ и ближнихъ чиновъ конфидентовъ»; онъ участвовалъ уже въ переговорахъ съ Турками въ самомъ началѣ войны. Венявскій говорилъ, что Король ѣдетъ въ Львовъ вовсе не для того чтобы скорѣе назначить коронацію и сеймъ; но затѣмъ чтобы собрать совѣтъ и рѣшить дѣло о договорѣ съ Турками. Турки уступаютъ ему всю Украйну и Каменецъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы, заключивъ между собою миръ, обратить вмѣстѣ оружіе противъ Москвы. Того же желаетъ и Ханъ Крымскій и Дорошенко. Но я навѣрное знаю, прибавилъ Ве-

нявскій, Король не заключитъ такого союза, если только будетъ, увѣренъ что Русскія войска соединятся съ нимъ весною и совокупно будутъ дѣйствовать противъ Турокъ. Простое желаніе устрашить Россію заключалось въ словахъ Венявскаго, вѣроятно нарочно подосланнаго къ резиденту. Король дѣйствительно пріѣхалъ во Львовъ для переговоровъ и чрезъ нѣсколько времени (Марта 2) Бонифацій Пацъ, жалуясь на Короля, въ разговорѣ съ резидентомъ говорилъ, что онъ ведетъ уже переговоры тайно безъ позволенія и безъ вѣдома рѣчи посполитой. Дѣйствительно носились слухи, что Король, какъ писалъ въ Москву резидентъ «коронаціи и сейма въ нынѣшнихъ временахъ начати не хочетъ, и то для того будто, чтобъ безъ вѣдома рѣчи посполитой учинить постановленіе съ Солтаномъ Турскимъ и Ханомъ и Дорошенкомъ. Чрезъ тѣ способы и нынѣ самовласно зѣло поступаетъ и самодержавно, и до тѣхъ мѣстъ жаднаго не будетъ сейма и коронаціи, пока своя намѣренія въ дѣйство произведетъ [23]».

Получая отовсюду различныя извѣстія и не зная на чемъ остановить довѣріе, Тяпкинъ рѣшился откровенно переговорить съ канцлеромъ. Правда-ли, какъ слышится нынѣ въ народѣ, что Король такъ скоро забылъ присягу, данную имъ при избраніи и намѣренъ уже разорвать союзъ съ Россіею? спросилъ онъ канцлера [24], изъявляя надежду, что онъ будетъ ему отвѣчать прямо и откровенно, ибо знаетъ его доброе расположеніе къ Россіи. Дѣйствительно, отвѣчалъ съ негодованіемъ Пацъ, такіе слухи ходятъ въ народѣ, но имъ не слѣдуетъ однакоже вѣрить: ихъ распространяютъ враги Польши и Россіи, желая поссорить ихъ между собою. Конечно Король и вся рѣчь пос-

[23] Письмо къ Б. Матвѣеву отъ 13 Марта Ст. Сп. л. 314—321, 333 и слѣд.

[24] Переговоры Марта 12. Ст. Сп. 339 и слѣд.

денту въ Польшѣ дозволено было участвовать въ переговорахъ Поляковъ съ Турками и заключить миръ и за Россію. Ему не было дано отвѣта, но потомъ предписано Тяпкину требовать участія въ переговорахъ, если они будутъ открыты[8]. Очевидно Русскій дворъ опасался, чтобы Поляки вопреки договоровъ не заключили съ Турками отдѣльнаго мира и не отговаривались бы въ послѣдствіи медленностію отвѣта со стороны Царя и различными съ его стороны предложеніями. Тяпкинъ, объявивъ объ этомъ подскарбію коронному, и получилъ отъ него и канцлера Литовскаго отвѣтъ, что въ продолженіе зимы Поляки не намѣрены вступать ни въ какіе съ Турками договоры, о чемъ извѣстилъ А. С. Матвѣева[9]. Но Царь Алексѣй Михаиловичь, не получая отвѣта прямо отъ Короля, писалъ вновь съ нарочнымъ гонцомъ, подьячимъ Васильемъ Тимоѳеевымъ, который прибылъ въ Варшаву въ Декабрѣ мѣсяцѣ (9-го) съ дарами и подтвержденіемъ прежняго предписанія Тяпкину[10]. Царь увѣдомлялъ снова Короля, что даетъ полную мочь своему резиденту, вмѣстѣ съ подьячимъ Тимоѳеевымъ, участвовать въ переговорахъ съ Турками и посылаетъ имъ вѣрющую грамоту[11].

По пріѣздѣ подьячего резидентъ отправился (9-го Дек.) съ нимъ къ канцлеру Пацу и снова требовалъ, чтобы немедленно отпустили ихъ къ Королю, для врученія ему царской грамоты. Указывая на то, что въ *опасной* граматѣ написано имя одного подьячего, канцлеръ говорилъ, что нѣтъ нужды ѣхать самому резиденту. Притомъ ему велѣно участвовать въ переговорахъ съ Турками, а у Короля не было и нѣтъ никакихъ съ

---

[8] Ст. Сп. ст. 250-254. Указъ Тяпкину Окт. 2-го. 183 г.
[9] Тамъ же 254-56. Письмо къ Царю отъ 7 Ноября.
[10] Ст. Сп. грам. ст. 273-75 отъ 11-то Окт.
[11] Тамъ же ст. 283-303. Грам. отъ 8 Окт. вѣр. Грам. 9-го Окт.

ніями переговоровъ. Послѣ долгихъ споровъ, канцлеръ не разрѣшилъ своею властію вопроса и увѣдомилъ Тяпкина, что будетъ о его требованіи писать къ Королю (11-го Окт.). Резидентъ съ своей стороны увѣдомилъ Царя и чрезъ мѣсяцъ Февраля 6) получилъ предписаніе уступить требованію Поляковъ и отправить съ граматою къ Королю одного Тимоѳеева[12]. Не смотря на то, подскарбій долго его не отправлялъ, отговариваясь опасностію пути и другими препятствіями. Наконецъ резидентъ и подьячій, посовѣтовавшись между собою, отправили къ нему стрѣльца съ предложеніемъ на 30 р. собольей, съ тѣмъ чтобы не задерживая отпустилъ къ Королю. Подскарбій обѣщалъ на другой же день прислать провожатаго и подводы.

Въ то время какъ въ Москвѣ шли переговоры съ Венславскимъ, дворъ Московскій встревоженъ былъ извѣстіями о движеніи Турокъ на Кіевъ не менѣе намѣренія Поляковъ заключить миръ съ Сутаномъ. Объявленъ былъ походъ самого Царя въ Малороссію, и напередъ посланъ бояринъ и Воевода Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій (Авг. 19)[13] и въ слѣдъ за нимъ меньшіе Воеводы въ Путивль[14].

Излагая причины своего похода, Царь писалъ Польскому Королю (Авг. 31): Султанъ приближается къ Чигирину со всѣми силами, «а Вашего Королевскаго Величества Гетманы съ войсками коронными и Литовскими за тѣми непріятели, Турскими и Крымскими людьми, въ тылъ нейдете». Мы, прибавляетъ Царь, зная договоры между нами заключенные, «въ томъ не мало сумнѣваемся, что такъ со стороны Вашего Величества чинится. Если войска Ваши въ тылъ для промыслу надъ непріятели нынѣ не пойдутъ, и мы чаемъ тѣ непрія-

---

[12] Тамъ же ст. 321 и слѣд. грамот. отъ 15 Генв.
[13] Полн. Собр. Зак. I. № 585.
[14] Дворц. Разр. III.

тели, Турскіе и Крымскіе, поступаютъ такъ по нѣкоторой обнадежности». Распространившійся въ это время слухъ о заключеніи Поляками мира съ Турціею уже достигъ до Москвы и послужилъ поводомъ къ частнымъ предписаніямъ Тяпкину принять участіе въ переговорахъ. Король получилъ царскую грамату уже подъ Теребовлемъ, въ концѣ Ноября и ограничился только тѣмъ, что поручилъ своимъ посламъ, находившимся уже на съѣздѣ съ Русскими близь Смоленска, узнать, дѣйствительно-ли самъ Царь отправляется въ походъ. . .

Между тѣмъ въ Москвѣ получено было извѣстіе отъ Князя Ромодановскаго объ отступленіи Турецкихъ войскъ къ Дунаю; походъ Царя былъ отложенъ, воеводы отозваны въ Москву. Гетману Самойловичу и Князю Ромодановскому посланы похвальныя грамоты за ихъ дѣйствія, равно и кошевому Сірку, вмѣстѣ съ жалованьемъ для войска Запарожскаго. Награждая воеводъ, Царь негодовалъ на Польшу. Негодованіе усилилось, когда получена была королевская грамата, въ которой онъ извѣщалъ Царя о завоеваніи заднѣпровской Украйны и съ своей стороны упрекалъ Русскихъ, что они не оказали ему помощи. Царь отвѣчалъ, что радуется успѣхамъ Польши, но удивляется за чѣмъ Король принимаетъ въ подданство Заднѣпровье, которое присоединено уже къ Россійской державѣ[15]. Извѣстное уже Полякамъ намѣреніе Россіи присоединить Заднѣпровье, по дѣйствіямъ Русскихъ войскъ и извѣстію сообщенному Кіевскимъ воеводою, въ первый разъ прямо объявлено было самимъ Царемъ. Еще яснѣе выражено было намѣреніе Россіи полномочными Московскими боярами на съѣздѣ съ послами Польскими. . . . .

Близь Смоленска въ селѣ Мигневичахъ съѣхались Кн. Никита Ивановичь Одоевскій съ товарищами съ Марціаломъ Огинскимъ воеводою Троцкимъ и референдаріемъ Литовскимъ Пав.

[15] Ст. Сп.

Бростовскимъ. Послѣ многочисленныхъ совѣщаній, ни одинъ вопросъ не былъ разрѣшенъ и вмѣсто *вѣчнаго мира* подтверждено только 13-ти лѣтнее перемиріе, постановленное первымъ Андрусовскимъ договоромъ. Польша требовала не только возвращенія Кіева, но Смоленска и другихъ городовъ и немедленнаго соединенія Русскихъ войскъ съ Польскими. Русскіе полномочные съ своей стороны объявили, что не только Смоленскъ и другіе города, но и Кіевъ со всею заднѣпровскою Украйною не будутъ возвращены Польшѣ, которая и не имѣетъ права предлагать о томъ вопроса.

Хотя Россія и обѣщала Малороссіянамъ не уступать Кіева Полякамъ, но объ этомъ договорѣ, донашнемъ между Москвою и Малороссіею, Русской дворъ не объявлялъ Польшѣ. Вопросъ о Кіевѣ, въ числѣ другихъ спорныхъ, при всѣхъ переговорахъ откладывался только на разрѣшеніе при будущихъ съѣздахъ. Нужны были достаточныя причины для того, чтобы прямо нарушить одно изъ условій Андрусовскаго договора. Дѣйствія Польскаго правительства при Михаилѣ, нарушавшія этотъ договоръ, давали такое же право и Россіи. Д. Вишневецкій, отвѣчая Воеводѣ Кіевскому на извѣстіе о присоединеніи Заднѣпровья къ Россіи, говорилъ, что Дорошенко, не будучи самостоятельнымъ владѣтелемъ, не могъ уступать областей Польскихъ Турціи, давая тѣмъ знать, что и Россія завоевывала ихъ не у Турціи. На съѣздѣ, Кн. Одоевскій и не ссылался на договоръ Дорошенка съ Портою, напротивъ, онъ говорилъ: по Андрусовскому договору Польша не должна заключать мира съ Турціею одна и безъ вѣдома Россіи. Король Михаилъ, заключивъ такимъ образомъ договоръ Буджановскій, и тѣмъ нарушилъ постановленія Андрусовскаго перемирія. По Буджановскому договору Польша уступила Турціи всю заднѣпровскую Украйну, вмѣстѣ съ Кіевомъ. По этому присоединеніе Украйны къ Государству Московскому составляетъ вопросъ между

Россіею и Турціею, а Польша не имѣетъ права и говорить о немъ. Такое объясненіе должно было вести къ рѣшительному разрыву между Россіею и Польшею, котораго однакоже не желали ни Поляки ни Русскіе, связанные общимъ участіемъ въ войнѣ Турецкой. Не рѣшая вопросовъ, отлагая ихъ до будущихъ переговоровъ, Поляки требовали постановить условія о соединеніи Русскихъ войскъ съ Польскими, хотя весною для отраженія Турокъ. Имъ отвѣчали общими словами, что Россія не отказывается помогать Польшѣ; она помогала ей и до сего времени и впредь помогать будетъ. Полномочные разъѣхались, подтвердивъ только первый Андрусовскій договоръ, а всѣ вопросы спорные отложили до будущаго времени.

Жалуясь на Московскихъ бояръ, П. Бростовскій писалъ изъ Смоленска въ Варшаву къ Тяпкину что «со стороны Царскаго Величества въ малыхъ и краткихъ временахъ всѣ заприсяжные договоры препомнены (забыты), а со стороны Королевскаго Величества всѣ тѣже договоры пребываютъ въ содержаніи по се время, и они въ свидѣтельство поставляютъ Господа Бога, Вѣдующаго вся, на Него же имѣютъ крѣпкую надежду, иже не отдаетъ ихъ въ посмѣхъ и поруганіе непріятелемъ[16].

Король, смущенный послѣдствіями переговоровъ, отлагая рѣшеніе вопроса объ Украйнѣ на будущее время, заботился только о томъ, чтобы Русскія войска соединились съ нимъ. Съ этою цѣлію онъ назначилъ въ Москву посломъ Александра Кладницкаго.

Въ Москву возратились бояре изъ подъ Смоленска. По тогдашнимъ обычаямъ, какъ въ походы военные, такъ и на посольскіе съѣзды съ боярами отправляли иконы, которыя Царь

---

[16] Ст. Сп. ст. Ноябр. 20 Тяпкинъ получилъ это письмо, и 23 съ него списокъ отправилъ въ Москву.

провожалъ при ихъ отпускахъ и встрѣчалъ при возвращеніяхъ за городомъ, торжественно. Получивъ приказаніе (отъ 23-го Дек.) ѣхать къ Москвѣ, Кн. Одоевскій, прибывъ на подхожій станъ въ Дорогомилову слободу, извѣстилъ о своемъ прибытіи Посольскій приказъ (Генв. 12); на другой день Царь со всѣми чинами и духовенствомъ ходилъ встрѣчать «Спасовъ образъ» бывшій съ нимъ на посольствѣ. Во время пріема Кн. Одоевскаго «Царь о здоровьи его спрашивалъ и службу милостиво похвалялъ, что онъ учинилъ во всемъ по его Великаго Государя указу» [17].

Между тѣмъ съ прекращеніемъ войны затихнувшие на время внутренніе раздоры въ Польшѣ возникли съ прежнею силою. Ожидая коронаціи и сейма, всѣ партіи пришли въ движеніе и разнородные слухи постоянно доходили до нашего резидента. Главнымъ предметомъ всевозможныхъ толковъ была ссора Гетмана Литовскаго съ Королемъ.

Въ первое время пребыванія въ Варшавѣ Тяпкинъ находился въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Пацами, отъ нихъ получалъ извѣстія, подъ ихъ вліяніемъ смотрѣлъ па произшествія. Наконецъ онъ начиналъ колебаться, подозрѣвать ихъ и не зная на чемъ остановиться, всѣ разнородныя извѣстія посылалъ въ Москву, которыя въ свой чередъ все болѣе подрывали довѣріе, и такъ уже слабое, Русскаго двора къ Польшѣ.

Степанъ Соколинскій Староста Сахновскій писалъ къ Тяпкину (Генв. 1-го) изъ Львова, что Гетманъ Пацъ поссорился съ Королемъ, потому что нашелъ его болѣе склоннымъ къ дружбѣ съ Султаномъ и Ханомъ Крымскимъ нежели съ Царемъ Московскимъ [18]. Старшій братъ Гетмана, Бонифацій Пацъ [19], при

---

[17] Дворц. Разр. III. 1103. 1139. 1157. 1170. 1180. 81. 82.

[18] Письмо къ Б. Матвѣеву Генв. 8. Ст. Сп. л. 304 и слѣд.

[19] Ст. Ст. л. 331 и слѣд.

свиданіи (Марта 2) съ резидентомъ, подтвердилъ то же показаніе, говоря что Король, по заключеніи мира, принуждалъ его обратить оружіе противъ Государства Московскаго или Римской имперіи. Самъ Гетманъ присылалъ одного изъ своихъ приверженцевъ извѣстить, что получилъ письмо отъ боярина Матвѣева, который будто-бы чрезъ посредство резидента проситъ его сообщить ему свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Польшѣ. Между тѣмъ уже, не довѣряя Пацамъ, резидентъ писалъ въ Москву, что о Гетманѣ ходятъ двойныя рѣчи: «одни коронные народы сильно поносятъ его за то, что оставилъ Короля, другіе говорятъ, что онъ дѣйствуетъ постоянно съ цѣлію поддержать миръ съ Россіею, и потому поссорился съ Королемъ, дурно расположеннымъ къ ней». Дѣйствительно нерасположеніе къ Россіи со стороны Польской партіи выражалось довольно ясно, и слухъ о заключеніи мира съ Турками и Татарами распространялся сильно. Скрывая сношенія съ Турками, Король явно велъ переговоры съ Крымомъ и Дорошенкомъ съ цѣлію заключить миръ съ Ханомъ, а Дорошенка привести въ подданство Польшѣ. Еще весною, когда Янъ III-й собрался идти въ походъ, два посланника, паны Мышлевскій и Кочаровскій были отправлены въ Крымъ и Чигиринъ уговаривать Хана къ заключенію мира и вмѣстѣ съ тѣмъ помирить Польшу съ Султаномъ, а Дорошенка, который самъ писалъ къ Королю, предлагая подданство, присоединить окончательно къ Польшѣ. Но Дорошенко отвѣчалъ Королю, что поддается Польшѣ только тогда, когда она заключитъ миръ съ Крымцами и Турками [20]. Селимъ Гирей, отправивъ назадъ Кладницкаго, послалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего посла Гуссейнъ-Мурзу къ Польскому Королю, извѣщая его, чтобы для заключенія съ нимъ договора нарядилъ полномочныхъ пословъ [21]. Отправивъ отъ себя посланника къ

[20] Ст. Сп. л. 315 и слѣд. Письмо къ Польск. Королю 183 г. Апр.
[21] Ст. Ст. л. 359 и слѣд. 183 г. Апр. 17.

Султану, чтобы уговорить его къ заключенію мира съ Польшею, Ханъ съ своей стороны изъявлялъ полную готовность соединиться съ Поляками. Въ своемъ письмѣ онъ говорилъ: «три такіе сабли (т. е. Польская, Турецкая и Крымская), обращенные на *иного* врага, сильно могутъ застращать его». Между тѣмъ канцлеръ Литовскій нѣсколько разъ жаловался въ разговорахъ съ Тяпкинымъ (въ Генварѣ) на Россію, говоря, что переговоры на съѣздахъ окончились ничѣмъ. Русскіе полномочные, указывая на оказанную уже помощь войною противъ Крыма, не рѣшили вопроса о соединеніи Русскихъ войскъ съ Польскими. Хотя Польскій резидентъ и писалъ изъ Москвы къ Королю, что А. Матвѣевъ объявилъ ему о намѣреніи Царя продолжать войну Турецкую, для чего усиливаются войска на Днѣпрѣ и соединятся съ Польскими весною, однакоже «Царскаго Величества ближніе люди пользуютъ ихъ на словахъ, и въ томъ словесномъ обѣщаніи надежда есть слаба, потому что въ договорахъ и разъѣзжемъ письмѣ ничего не постановлено». «Явны были тѣ посылки, и сего лѣта, которые нигдѣ не обозначились ни съ Дону ни съ Крыму ни съ Украйны». Такъ передавалъ слова канцлера нашъ резидентъ въ письмѣ А. С. Матвѣеву, прибавляя: «и зѣло Канцлеръ по премногу удивлялся, зачѣмъ бы то упрямство и несклонность къ союзу войсковыхъ посылокъ со стороны Его Царскаго Величества чинятся» [22]. Когда Король писалъ къ воеводамъ Царскимъ, прося прислать 15 т. войска, чтобъ разорить подунайскія области и разграбить запасы, приготовленные Турками въ Валахіи, воеводы отвѣчали, что не имѣютъ на то царскаго приказанія. Тогда бы Турки не могли весною вновь явиться съ войсками за Дунаемъ, а между тѣмъ теперь они всѣ къ тому имѣютъ способы. Хотѣлъ также Король выгнать изъ Украйны 15 т. Татаръ, которые

[22] Письмо Генв. 15 и 30. Ст. Сп. л. 305—314.

съ Адиль-Гиреемъ оставлены тамъ зимовать, но потомъ узналъ о приближеніи Нурадинъ Султана съ 80 т. орды. Тогда онъ снова писалъ воеводамъ царскимъ, приглашая ихъ дѣйствовать совокупно; они отвѣчали по прежнему, обѣщались потомъ прислать 10 т. войска, и не прислали.

Когда резидентъ спросилъ канцлера, правда-ли что Дорошенко вступаетъ въ Польское подданство? онъ отвѣчалъ: правда, онъ имѣетъ это намѣреніе, но хочетъ чтобъ Король заключилъ прежде миръ съ Турками и Татарами, опасаясь, чтобы Нурадинъ не обратилъ противъ него оружія. Вмѣстѣ съ епископомъ Гнѣзненскимъ онъ просилъ резидента писать въ Москву и просить Царя, чтобъ на коронацію и сеймъ присылалъ своихъ пословъ, говоря, что тогда легко бы устроить взаимныя отношенія.

Въ это время пріѣхалъ въ Варшаву воевода Волынскій Кн. Черторижскій (Фев. 4) и объявилъ нашему резиденту, что переговоры съ Дорошенкомъ ни къ чему не поведутъ: онъ очевидно обманываетъ Польшу. Въ тотъ же день пріѣзжалъ къ нему панъ Венявскій «дворянинъ, который въ крайней милости у Государя своего пребываетъ», какъ выражался о немъ Тяпкинъ, «и подъ душевною великою клятвою объявилъ ему такія рѣчи: будучи прежде Армяниномъ, онъ родился и взросъ въ Турецкой землѣ, и до нынѣ въ тѣхъ странахъ имѣетъ у себя изъ великихъ и ближнихъ чиновъ конфидентовъ»; онъ участвовалъ уже въ переговорахъ съ Турками въ самомъ началѣ войны. Венявскій говорилъ, что Король ѣдетъ въ Львовъ вовсе не для того чтобы скорѣе назначить коронацію и сеймъ; но затѣмъ чтобы собрать совѣтъ и рѣшить дѣло о договорѣ съ Турками. Турки уступаютъ ему всю Украйну и Каменецъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы, заключивъ между собою миръ, обратить вмѣстѣ оружіе противъ Москвы. Того же желаетъ и Ханъ Крымскій и Дорошенко. Но я навѣрное знаю, прибавилъ Ве-

явскій, Король не заключитъ такого союза, если только бу-
втъ, увѣренъ что Русскія войска соединятся съ нимъ весною
совокупно будутъ дѣйствовать противъ Турокъ. Простое
желаніе устрашить Россію заключалось въ словахъ Венявскаго,
ѣроятно нарочно подосланнаго къ резиденту. Король дѣйстви-
ельно пріѣхалъ во Львовъ для переговоровъ и чрезъ нѣсколь-
о времени (Марта 2) Бонифацій Пацъ, жалуясь на Короля,
ъ разговорѣ съ резидентомъ говорилъ, что онъ ведетъ уже
ереговоры тайно безъ позволенія и безъ вѣдома рѣчи поспо-
итой. Дѣйствительно носились слухи, что Король, какъ пи-
алъ въ Москву резидентъ «коронаціи и сейма въ нынѣшнихъ
ременахъ начати не хочетъ, и то для того будто, чтобъ безъ
ѣдома рѣчи посполитой учинить постановленіе съ Солтаномъ
'урскимъ и Ханомъ и Дорошенкомъ. Чрезъ тѣ способы и
ынѣ самовласно зѣло поступаетъ и самодержавно, и до тѣхъ
ѣстъ жаднаго не будетъ сейма и коронаціи, пока своя намѣ-
енія въ дѣйство произведетъ [23]».

Получая отовсюду различныя извѣстія и не зная на чемъ
становить довѣріе, Тяпкинъ рѣшился откровенно переговорить
ъ канцлеромъ. Правда-ли, какъ слышится нынѣ въ народѣ,
то Король такъ скоро забылъ присягу, данную имъ при избра-
іи и намѣренъ уже разорвать союзъ съ Россіею? спросилъ
нъ канцлера [24], изъявляя надежду, что онъ будетъ ему отвѣ-
ать прямо и откровенно, ибо знаетъ его доброе расположеніе
ъ Россіи. Дѣйствительно, отвѣчалъ съ негодованіемъ Пацъ,
акіе слухи ходятъ въ народѣ, но имъ не слѣдуетъ однакоже
ѣрить: ихъ распространяютъ враги Польши и Россіи, желая
поссорить ихъ между собою. Конечно Король и вся рѣчь пос-

---

[23] Письмо къ Б. Матвѣеву отъ 13 Марта Ст. Сп. л. 314—321. 33 и слѣд.

[24] Переговоры Марта 12. Ст. Сп. 339 и слѣд.

политая сѣтуютъ на Россію за то, что значительное войско стоитъ на Днѣпрѣ готовое отразить всякое нападеніе, а между тѣмъ, хотя бы одну его часть не хотятъ соединить съ войсками Польскими. Порознь могутъ разбить Турки и то и другое войско, и они даже знать о томъ не будутъ, находясь въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи; соединись же они вмѣстѣ,—Турки никогда не осмѣлились бы напасть на нихъ.

Негодуетъ Король и на то, что Царь пишетъ къ нему, будто онъ отбираетъ въ свое подданство области Украйны, ему не принадлежащей. Король отыскиваетъ области издавна принадлежавшія коронѣ Польской.

Нечего удивляться что Литовскій Гетманъ оставилъ Короля: въ слѣдствіе военныхъ обстоятельствъ могутъ возникать ссоры; однакоже, Богъ дастъ, весною они снова соединятъ свои войска и будутъ дѣйствовать согласно. Во время переговоровъ Русскаго резидента съ канцлеромъ, миръ Гетмана съ Королемъ былъ уже договоренъ.

Какъ вѣрный слуга обоихъ Государей, сказалъ въ заключеніе канцлеръ: я совѣтую, чтобы весною Царь соединилъ свои войска съ королевскими и тогда сами собою прекратятся всѣ недоразумѣнія, къ которымъ естественно подаютъ поводъ неопредѣленныя отношенія обоихъ Государствъ. Слова канцлера снова подтвердили, что Польша не думаетъ заключать мира съ Турціею; однакоже по письмамъ изъ Львова въ тотъ же день резидентъ узналъ, что Король назначилъ уже съ своей стороны полномочныхъ для переговоровъ о мирѣ [25]. Тогда онъ явился вновь къ канцлеру и примасу, «и накрѣпко отъ нихъ домогался», чтобы его отпустили къ Королю: у меня есть вѣрющая грамота, говорилъ онъ, и по договорамъ я долженъ участвовать въ переговорахъ, съ Турками. Обѣщавъ написать Королю о

[25] Ст. Сп. л. 369 назначены были: И. Бидинскій стражникъ Коронный, Ясконскій Кастелянъ Синоцкій и Генералъ Корицкій.

его требованіи и немедленно по полученіи отвѣта увѣдомить, примасъ, провожая резидента, благодарилъ Царя за то, что обѣщалъ весною дать вспомогательное Польшѣ войско, однакоже, прибавилъ: «мы опасаемся только что обѣщаніе не будетъ исполнено; странный обычай Русскихъ воеводъ—какой бы ничтожный слухъ и клеветы ни дошли до нихъ, отъ людей неблагонамѣренныхъ, которые нарочно желаютъ ссоры между обоими Государствами, они безусловно имъ вѣрятъ; повѣривъ слухамъ ложнымъ, останавливаются въ исполненіи уже рѣшенныхъ намѣреній, не идутъ на помощь, отговариваясь несуществующими трудностями». Дѣйствительно постоянная осторожность со стороны Россіи и тѣмъ болѣе исполнителей царскихъ повелѣній, которымъ постоянно предписывали осторожно дѣйствовать, выражалось явно въ ихъ поступкахъ. Каждое новое извѣстіе, получаемое воеводами, они считали обязанностію сообщать въ Москву, и потомъ, ожидая отвѣта, пріостанавливались въ своихъ дѣйствіяхъ.

Примасъ просилъ, «чтобъ Великій Государь послалъ своимъ воеводамъ «острые указы», подкрѣпивъ государскимъ повелѣніемъ, чтобы они, не вдаваясь ни въ какія сомнѣнія, соединили свои войска съ Королевскими».

Оскорбленный такимъ упрекомъ, Тяпкинъ отвѣчалъ, что Полякамъ должны быть извѣстны намѣренія Царя изъ писемъ Кладницкаго: «Царь обѣщалъ помощь; его намѣренія ясны, ничѣмъ не нарушилъ онъ договоровъ, какъ нарушаетъ ихъ постоянно и словомъ и дѣломъ Польша». Ничего не отвѣчая резиденту на его упрекъ, примасъ пожалъ плечами и со вздохомъ сказалъ: дай-то Боже, чтобъ утвердилась дружба между обѣими государствами[26].

---

[26] Ст. Сп. л. 370—77; Письмо къ Матвѣеву Іюня 12. 183 г.

ГЛАВА VII.

Московскій дворъ опасался постоянно, что Поляки заключатъ миръ съ Портою вопреки Андрусовскаго договора, и послѣ станутъ оправдываться тѣмъ, что Русскіе не соединили своихъ войскъ съ Польскими. Для предупрежденія обвиненія, Царь предписалъ воеводамъ немедленно перевести часть войскъ за Днѣпръ и соединиться съ Поляками[1].

Войска Русскія, стоявшія въ продолженіе зимы около Путивля и Курска, усилены были новыми отрядами.

Въ Кіевъ на мѣсто прежнихъ воеводъ назначенъ бояринъ Алексѣй Андреевичь Голицынъ, управлявшій суднымъ Владимірскимъ приказомъ[2]. Со всѣми чинами своего полка, принявъ благословеніе Патріарха въ Успенскомъ соборѣ, онъ отправился въ Кіевъ[3], гдѣ войска были усилены значительно противъ преж-

---

[1] Дворц. Разр. III. 1386 Мая 14.

[2] Тамъ же 1144 и 45. Дек. 20 ему въ товарьщи окольничей Матвѣй Савостьяновичь Пушкинъ да думный дворянинъ Иванъ Ивановичь Ржевскій. Князь Голицынъ обидѣлся назначеніемъ. Ему и дѣтямъ сказана опала, не велѣно съѣзжать съ двора. Чрезъ нѣсколько времени однакоже повинился и поѣхалъ въ Кіевъ. Генв. 6 стр. 1153, 1170, 1289, вмѣсто Ржевскаго Мая 9 назначенъ былъ Кн. Василій Петровичь Прозоровскій. 1377. 13-го Мая на мѣсто Прозоровскаго Стольн. Кн. Яковъ Васильевичь Хилковъ. 1385.

[3] Тамъ же 1250 Патріархъ на отпускѣ говорилъ молитву и притомъ благословлялъ и святою водою кропилъ и всѣхъ ратныхъ людей которые съ нимъ бояриномъ были у благословенія.

няго[4]. «Для провѣдыванія вѣстей» и чтобы не допустить набѣговъ Татарскихъ, ему велѣно было идти въ Сѣвскъ, 7-го Марта[5]. Тамъ долженъ былъ соединиться съ нимъ стольникъ Кн. Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій, назначенный въ товарищи къ своему отцу[6].

Перемѣны воеводъ, какъ сидѣвшихъ по городамъ, такъ и находившихся въ дѣйствующихъ войскахъ, производились весьма часто, только одинъ Князь Григорій Григорьевичъ постоянно оставался главнымъ начальникомъ Русскихъ войскъ въ Малороссіи. Его узнали и полюбили Малороссіяне и постоянно просили Царя не замѣнять другимъ воеводою. Это условіе внесено даже было въ Конотопскія статьи. Посредствомъ отряда, состоявшаго подъ начальствомъ его сына, находясь въ сообщеніи съ Кн. Голицынымъ, онъ подвигался къ Днѣпру. Ему въ товарищи назначены новые воеводы и войска усилены[7]. Приходившія постоянно извѣстія о движеніи Турокъ и Татаръ, недовѣріе къ Польшѣ все болѣе и болѣе смущали Московскій Дворъ. Ожидали, что Турки обратятся на Кіевъ, и потому Князю Ромодановскому предписано было идти туда и объявленъ снова походъ самого Царя. Въ Москвѣ постоянно производились смотры войскъ, назначались и смѣнялись воеводы въ Царскій полкъ[8].

[4] Тамъ же. стр. 1200. 1224. 1237. 1252.

[5] Тамъ же. стр. 1273.

[6] Тамъ же. 1250 Февр. 26 идти въ Сѣвскъ велѣно Марта 23, стр. 1292.

[7] Тамъ же. 1378. 9-го Мая, стольн. Петръ Тимоф. Кондыревъ, ему велѣно было взять въ Смоленскѣ шляхту и вести въ полки Кн. Ромодановскаго Мая 13. 1385. Мая 14 ему въ товарищи назначенъ думн. дворян. Ив. Ив. Ржевскій, 1366, отпущенъ Мая 17. 1386. Того же числа назначенъ ему въ товарищи стольникъ Григорій Иван. Аксаковъ и дьякъ Семенъ Степ. Титовъ съ своими полками и Башкирцами. стр. 1388. 1405. 1406.

[8] Тамъ же 9-го Мая дворовыми воеводами то есть начальствовавшими царскимъ дворомъ назначены были Кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ на мѣсто Бориса Иван. Морозова и Кн. Ильи Даниловича Милославскаго; стр. 1380 и др.

посольство въ Польшу, несмотря на холодность и недовѣріе къ ней Русскаго Двора, и къ Шаху назначенъ посломъ стольникъ Князь Мышецкій съ прежними предложеніями, кромѣ торговыхъ дѣлъ, которыя всегда составляли постоянно предметъ переговоровъ между Россіею и Персіею[13]. Въ тоже время принимали пословъ Бухарскихъ, Кумыцкихъ и Горскихъ Князей и отправляли посломъ въ Китай Спафарія, извѣстнаго по своей дружбѣ съ бояриномъ Матвѣевымъ[14].

Между тѣмъ, еще въ началѣ весны, Турецкіе войска вновь появились въ Польшѣ, подъ предводительствомъ Ибрагима Паши, прозваннаго, за толщину, Шишманомъ. Соединившись съ Татарами у Каменца, онъ отправилъ отрядъ на Рашковъ. Взявъ этотъ городъ, они грабили Украйну и Подолье; ничего не предпринимая рѣшительнаго, Нуррадинъ велъ переговоры съ Королемъ. Не знали, куда двинутся Турки и предполагали, что скорѣе къ Кіеву. Отставивъ Украйну, Король стоялъ во Львовѣ, Яблоновскій у Злочева, прикрывая сѣверныя области, и Д. Вишневецкій между Бродами и Замосцами, защищая Галицію[15].

Въ это время Тяпкинъ, получивъ разрѣшеніе отъ Короля, выѣхалъ изъ Варшавы и въ концѣ Іюля приблизился ко Львову. Остановившись близь города, онъ послалъ извѣстить о пріѣздѣ и требовалъ встрѣчи по посольскому обычаю[16]. Хотя резидентъ прибылъ въ военной станъ, угрожаемый безпрерывно нападеніемъ многочисленнаго Турецкаго войска, стоявшаго уже

[13] Кн. Пос. Снош. съ Перс. этого года. Дворц. Разр. III. 1215 и д. 1229. 1245.

[14] Дворц. Разр. III. 1246.

[15] Theatr. Eur. Тамъ же стр. 370. Залусскій XXXII. 670.

[16] Ст. Списокъ л. 378—Іюня 24 получилъ Тяпкинъ извѣстіе о позволеніи Короля. 8-го Іюля выѣхалъ изъ Варшавы на Песочню, Варку, Рычивулъ, Козеницы, Яновецъ мимо Голомбя, Казиміръ, чрезъ Вислу, Тарубанъ, Заместье Тамашево, Раву и 22 Іюля на подхожій станъ за милю отъ города Львова близь Монастыря Ст. Сп. л. 381.

въ 12 миляхъ отъ Львова, однако въ тотъ же день его встрѣтили съ надлежащею честію по обычаямъ посольскимъ и поселили въ самомъ городѣ[17]. Между тѣмъ, назначенные для переговоровъ съ Ханомъ, полномочные Польскіе возвратились изъ подъ Збаража обратно въ лагерь не подвинувъ дѣла. Ханъ увѣряя, что имѣетъ полномочіе отъ Султана для переговоровъ и можетъ уступить Полякамъ Каменецъ и другіе завоеванные города, не показалъ однакоже вѣрющей грамоты, а предложилъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Король долженъ былъ разорвать союзъ съ Россіею, соединить свои войска съ Турецкими и Татарскими и идти войною на Московскую Украйну; если же онъ не согласится, то чтобы далъ по крайнѣй мѣрѣ нѣсколько полковъ Султану въ помощь и инженеровъ для построенія двухъ крѣпостей на Днѣпрѣ, въ которыхъ бы Султанъ могъ безопасно устроить свое пребываніе во время военнаго похода на Россію, предполагаемаго будущею весною.

Послы не принявъ условій, отвѣчали напротивъ, что они готовы приступить къ переговорамъ о мирѣ не иначе, какъ за Польшу и Россію. Условія, на которыхъ Россія готова заключить миръ, имъ извѣстны и ея полномочный скоро пріѣдетъ.

Тогда Ханъ отвѣчалъ, что имѣетъ полномочіе заключить миръ только съ одною Польшею и на условіяхъ, имъ уже предложенныхъ. Если же они не согласны, то не видать имъ Каменца и Украйны. Еще можетъ быть по прошенію Короля, Султанъ уступитъ часть дани, но Украйны ни когда не возвратитъ. Напрасно вы надѣетесь на Россію, говорилъ Ханъ Польскимъ посламъ, она не соединитъ своихъ войскъ съ вашими и не поможетъ вамъ. Онъ клялся имъ и предлагалъ объ этомъ какой угодно закладъ, говоря: гораздо скорѣе съ Татарами соединитъ Россія свои войска чѣмъ съ Поляками. Еслибъ Россія хотѣла вамъ помогать, то ея войскамъ всего удобнѣе было бы

[17] Ст. Сп. л. 382—85, Письмо Іюля 24.

воевать Крымъ. Воюй она Крымъ, я долженъ бы защищаться, и не пришелъ бы сюда въ помощь Султану[18].

Хотя Поляки и отказали Хану заключить миръ, на условіяхъ, имъ предложенныхъ, однакоже его слова сильно поколебали довѣріе къ Россіи. Янъ Гнинскій въ переговорахъ съ нашимъ резидентомъ удивлялся, что Царь не отвѣчалъ на королевскія грамоты и превознося высоко «благоразумную мудрость» боярина Матвѣева, и «остроту и бодрость въ дѣлахъ Великаго Государя», какъ писалъ въ Москву Тяпкинъ, удивлялся однакоже, что на письма его и другихъ сенаторовъ, посланныя къ нему съ Кладницкимъ, онъ не отвѣчалъ ни слова, равно какъ «и Король и паны рада въ немаломъ находятся смущеніи» отъ такаго молчанія. Кладницкій писалъ и обнадежилъ, что скоро войска царскія соединятся съ нашими. Король отвѣчалъ благодарственною грамотою Царю[19]. Въ полной надеждѣ на помощь, онъ раздробилъ свое войско, оставивъ гарнизоны для защиты городовъ и теперь съ незначительными силами стоитъ предъ огромнымъ непріятельскимъ войскомъ, а Русскіе не пришли. Это обнадежило непріятелей: съ 80 т. Ханъ стоитъ подъ Збаражемъ, а передовые его отряды грабятъ жителей и жгутъ села почти подъ самымъ Львовымъ. Приходятъ вѣсти, что Русскіе даже вовсе не придутъ къ намъ на помощь[20].

Царскія грамоты доказывали однакоже противное въ нихъ ясно выражено было желаніе помогать Польшѣ и обѣщано снова соединить войска. По всѣмъ посольскимъ обычаямъ, лично нашъ

---

[18] Ст. Сп. л. 391——97. Залусскій, упоминая о частыхъ переговорахъ съ Ханомъ, однакоже не говоритъ о томъ, чтобы онъ предлагалъ миръ съ условіемъ совокупно воевать Россію. Epist I. XXXIII. 570 и др.

[19] Грам. 22 Апр. и Сент. 12. Кн. Пос. Снош. съ Польш. этого года.

[20] Ст. Сп. переговоры 25 Іюля л. 386—390.

ентъ вручилъ Королю грамоты и получилъ отвѣтныя[21]. Отъ Короля его просили немедля написать къ Б. Матвѣеву росьбою ускорить исполненіе обѣщаній царскихъ. Тяпкинъ інилъ желаніе и отправилъ нарочнымъ гонцемъ въ Москву о сына. Но прежде отъѣзда онъ просилъ Короля дозвоему лично проститься съ нимъ и поблагодарить его за ми›. Не даромъ проводилъ время въ Польшѣ молодой Тяп, состоявшій уже на службѣ царской жильцомъ. Отецъ эсилъ ему дозволеніе поучиться въ школахъ Польскихъ, и постоянно учась, пріобрѣлъ уже значительныя познанія въ ахъ Латинскомъ и Польскомъ. Король охотно его принялъ сково выслушалъ длинную школьную его рѣчь, по обычатого времени на Польскомъ и Латинскомъ языкѣ составую. Сказавъ рѣчь, какъ бы радуясь своимъ успѣхамъ, онъ ъ въ ноги Королю и благодарилъ его. Король далъ ему ловать руку, пожелалъ счастливаго пути и на дорогу полъ ему сто червонныхъ и 12 аршинъ бархата[22].

ъ слѣдъ за отправленіемъ гонца резидентъ получилъ (Авг. новое увѣдомленіе изъ Москвы о томъ, что къ воеводамъ посланы указы о немедленномъ соединеніи войскъ съ Польи. Когда онъ извѣстилъ Канцлера, Михаилъ Радзивилъ съ

Пріемы Іюля 26-го Август. 7 и Іюля 27. Ст. Сп. л. 397 об. Письмо къ Б. Матвѣеву отъ 11 Августа.

Ст. Сп.» Сынъ его благодарилъ Королевскому Величеству за государское жалованье за хлѣбъ и соль и за науку школьную, рую употреблялъ будучи въ его государствѣ. И говорилъ рѣчь Іатынѣ довольно переплетаючи съ Польскимъ языкомъ какъ ' обычай наукъ школьныхъ належитъ. Такъ явственно и изоительно орацію свою Е. К. В. предложилъ, еже не въ маломъ эніи ...(недостаетъ листка)...а скончивши тогда орацію покло:я *къ самымъ ногамъ* Е. К. Величеству. Слова «къ самымъ ноь» зачеркнуты въ черновомъ спискѣ рукою самого Тяпкина, ›рый вѣроятно опасался написать ихъ въ бѣловой, чтобъ не и въ Польскомъ приказѣ Московскомъ за униженіе чести назей слишкомъ усердной поклонъ его сына. л. 412—15.

съ Адиль-Гиреемъ оставлены тамъ зимовать, но потомъ узналъ о приближеніи Нурадинъ Султана съ 80 т. орды. Тогда онъ снова писалъ воеводамъ царскимъ, приглашая ихъ дѣйствовать совокупно; они отвѣчали по прежнему, обѣщались потомъ прислать 10 т. войска, и не прислали.

Когда резидентъ спросилъ канцлера, правда-ли что Дорошенко вступаетъ въ Польское подданство? онъ отвѣчалъ: правда, онъ имѣетъ это намѣреніе, но хочетъ чтобъ Король заключилъ прежде миръ съ Турками и Татарами, опасаясь, чтобы Нурадинъ не обратилъ противъ него оружія. Вмѣстѣ съ епископомъ Гнѣзненскимъ онъ просилъ резидента писать въ Москву и просить Царя, чтобъ на коронацію и сеймъ прислалъ своихъ пословъ, говоря, что тогда легко бы устроить взаимныя отношенія.

Въ это время пріѣхалъ въ Варшаву воевода Волынскій Кн. Черторижскій (Фев. 4) и объявилъ нашему резиденту, что переговоры съ Дорошенкомъ ни къ чему не поведутъ: онъ очевидно обманываетъ Польшу. Въ тотъ же день пріѣзжалъ къ нему панъ Венявскій «дворянинъ, который въ крайней милости у Государя своего пребываетъ», какъ выражался о немъ Тяпкинъ, «и подъ душевною великою клятвою объявилъ ему такія рѣчи: будучи прежде Армяниномъ, онъ родился и взросъ въ Турецкой землѣ, и до нынѣ въ тѣхъ странахъ имѣетъ у себя изъ великихъ и ближнихъ чиновъ конфидентовъ»; онъ участвовалъ уже въ переговорахъ съ Турками въ самомъ началѣ войны. Венявскій говорилъ, что Король ѣдетъ въ Львовъ вовсе не для того чтобы скорѣе назначить коронацію и сеймъ; но затѣмъ чтобы собрать совѣтъ и рѣшить дѣло о договорѣ съ Турками. Турки уступаютъ ему всю Украйну и Каменецъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы, заключивъ между собою миръ, обратить вмѣстѣ оружіе противъ Москвы. Того же желаетъ и Ханъ Крымскій и Дорошенко. Но я навѣрное знаю, прибавилъ Ве-

нявскій, Король не заключитъ такого союза, если только будетъ, увѣренъ что Русскія войска соединятся съ нимъ весною и совокупно будутъ дѣйствовать противъ Турокъ. Простое желаніе устрашить Россію заключалось въ словахъ Венявскаго, вѣроятно нарочно подосланнаго къ резиденту. Король дѣйствительно пріѣхалъ во Львовъ для переговоровъ и чрезъ нѣсколько времени (Марта 2) Бонифацій Пацъ, жалуясь на Короля, въ разговорѣ съ резидентомъ говорилъ, что онъ ведетъ уже переговоры тайно безъ позволенія и безъ вѣдома рѣчи посполитой. Дѣйствительно носились слухи, что Король, какъ писалъ въ Москву резидентъ «коронаціи и сейма въ нынѣшнихъ временахъ начати не хочетъ, и то для того будто, чтобъ безъ вѣдома рѣчи посполитой учинить постановленіе съ Солтаномъ Турскимъ и Ханомъ и Дорошенкомъ. Чрезъ тѣ способы и нынѣ самовласно зѣло поступаетъ и самодержавно, и до тѣхъ мѣстъ жаднаго не будетъ сейма и коронаціи, пока своя намѣренія въ дѣйство произведетъ [23]».

Получая отовсюду различныя извѣстія и не зная на чемъ остановить довѣріе, Тяпкинъ рѣшился откровенно переговорить съ канцлеромъ. Правда-ли, какъ слышится нынѣ въ народѣ, что Король такъ скоро забылъ присягу, данную имъ при избраніи и намѣренъ уже разорвать союзъ съ Россіею? спросилъ онъ канцлера [24], изъявляя надежду, что онъ будетъ ему отвѣчать прямо и откровенно, ибо знаетъ его доброе расположеніе къ Россіи. Дѣйствительно, отвѣчалъ съ негодованіемъ Пацъ, такіе слухи ходятъ въ народѣ, но имъ не слѣдуетъ однакоже вѣрить: ихъ распространяютъ враги Польши и Россіи, желая поссорить ихъ между собою. Конечно Король и вся рѣчь пос-

---

[23] Письмо къ Б. Матвѣеву отъ 13 Марта Ст. Сп. л. 314—321. 333 и слѣд.

[24] Переговоры Марта 12. Ст. Сп. 339 и слѣд.

политая сѣтуютъ на Россію за то, что значительное войско стоитъ на Днѣпрѣ готовое отразить всякое нападеніе, а между тѣмъ, хотя бы одну его часть не хотятъ соединить съ войсками Польскими. Порознь могутъ разбить Турки и то и другое войско, и они даже знать о томъ не будутъ, находясь въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи; соединись же они вмѣстѣ,—Турки никогда не осмѣлились бы напасть на нихъ.

Негодуетъ Король и на то, что Царь пишетъ къ нему, будто онъ отбираетъ въ свое подданство области Украйны, ему не принадлежащей. Король отыскиваетъ области издавна принадлежавшія коронѣ Польской.

Нечего удивляться что Литовскій Гетманъ оставилъ Короля: въ слѣдствіе военныхъ обстоятельствъ могутъ возникать ссоры; однакоже, Богъ дастъ, весною они снова соединятъ свои войска и будутъ дѣйствовать согласно. Во время переговоровъ Русскаго резидента съ канцлеромъ, миръ Гетмана съ Королемъ былъ уже договоренъ.

Какъ вѣрный слуга обоихъ Государей, сказалъ въ заключеніе канцлеръ: я совѣтую, чтобы весною Царь соединилъ свои войска съ королевскими и тогда сами собою прекратятся всѣ недоразумѣнія, къ которымъ естественно подаютъ поводъ неопредѣленныя отношенія обоихъ Государствъ. Слова канцлера снова подтвердили, что Польша не думаетъ заключать мира съ Турціею; однакоже по письмамъ изъ Львова въ тотъ же день резидентъ узналъ, что Король назначилъ уже съ своей стороны полномочныхъ для переговоровъ о мирѣ [25]. Тогда онъ явился вновь къ канцлеру и примасу, «и накрѣпко отъ нихъ домогался», чтобы его отпустили къ Королю: у меня есть вѣрющая грамота, говорилъ онъ, и по договорамъ я долженъ участвовать въ переговорахъ, съ Турками. Обѣщавъ написать Королю о

[25] Ст. Сп. л. 369 назначены были: П. Бидинскій стражникъ Коронный, Ясконскій Кастелянъ Синоцкій и Генералъ Корицкій.

его требованіи и немедленно по полученіи отвѣта увѣдомить, примасъ, провожая резидента, благодарилъ Царя за то, что обѣщалъ весною дать вспомогательное Польшѣ войско, однакоже, прибавилъ: «мы опасаемся только что обѣщаніе не будетъ исполнено; странный обычай Русскихъ воеводъ—какой бы ничтожный слухъ и клеветы ни дошли до нихъ, отъ людей неблагонамѣренныхъ, которые нарочно желаютъ ссоры между обоими Государствами, они безусловно имъ вѣрятъ; повѣривъ слухамъ ложнымъ, останавливаются въ исполненіи уже рѣшенныхъ намѣреній, не идутъ на помощь, отговариваясь несуществующими трудностями». Дѣйствительно постоянная осторожность со стороны Россіи и тѣмъ болѣе исполнителей царскихъ повелѣній, которымъ постоянно предписывали осторожно дѣйствовать, выражалось явно въ ихъ поступкахъ. Каждое новое извѣстіе, получаемое воеводами, они считали обязанностію сообщать въ Москву, и потомъ, ожидая отвѣта, пріостанавливались въ своихъ дѣйствіяхъ.

Примасъ просилъ, «чтобъ Великій Государь послалъ своимъ воеводамъ «острые указы», подкрѣпивъ государскимъ повелѣніемъ, чтобы они, не вдаваясь ни въ какія сомнѣнія, соединили свои войска съ Королевскими».

Оскорбленный такимъ упрекомъ, Тяпкинъ отвѣчалъ, что Полякамъ должны быть извѣстны намѣренія Царя изъ писемъ Кладницкаго: «Царь обѣщалъ помощь; его намѣренія ясны, ничѣмъ не нарушилъ онъ договоровъ, какъ нарушаетъ ихъ постоянно и словомъ и дѣломъ Польша». Ничего не отвѣчая резиденту на его упрекъ, примасъ пожалъ плечами и со вздохомъ сказалъ: дай-то Боже, чтобъ утвердилась дружба между обѣими государствами[26].

---

[26] Ст. Сн. л. 370—77; Письмо къ Матвѣеву Іюня 12. 183 г.

ГЛАВА VII.

Московскій дворъ опасался постоянно, что Поляки заключатъ миръ съ Портою вопреки Андрусовскаго договора, и послѣ станутъ оправдываться тѣмъ, что Русскіе не соединили своихъ войскъ съ Польскими. Для предупрежденія обвиненія, Царь предписалъ воеводамъ немедленно перевести часть войскъ за Днѣпръ и соединиться съ Поляками[1].

Войска Русскія, стоявшія въ продолженіе зимы около Путивля и Курска, усилены были новыми отрядами.

Въ Кіевъ на мѣсто прежнихъ воеводъ назначенъ бояринъ Алексѣй Андреевичъ Голицынъ, управлявшій суднымъ Владимірскимъ приказомъ[2]. Со всѣми чинами своего полка, принявъ благословеніе Патріарха въ Успенскомъ соборѣ, онъ отправился въ Кіевъ[3], гдѣ войска были усилены значительно противъ преж-

---

[1] Дворц. Разр. III. 1386 Мая 14.

[2] Тамъ же 1144 и 45. Дек. 20 ему въ товарыщи окольничей Матвѣй Савостьяновичь Пушкинъ да думный дворянинъ Иванъ Ивановичь Ржевскій. Князь Голицынъ обидѣлся назначеніемъ. Ему и дѣтямъ сказана опала, не велѣно съѣзжать съ двора. Чрезъ нѣсколько времени однакоже повинился и поѣхалъ въ Кіевъ. Генв. 6 стр. 1153, 1170, 1289, вмѣсто Ржевскаго Мая 9 назначенъ былъ Кн. Василій Петровичь Прозоровскій. 1377. 13-го Мая на мѣсто Прозоровскаго Стольн. Кн. Яковъ Васильевичь Хилковъ. 1385.

[3] Тамъ же 1250 Патріархъ на отпускѣ говорилъ молитву и притомъ благословлялъ и святою водою кропилъ и всѣхъ ратныхъ людей которые съ нимъ бояриномъ были у благословенія.

ниго[4]. «Для провѣдыванія вѣстей» и чтобы не допустить набѣговъ Татарскихъ, ему велѣно было идти въ Сѣвскъ, 7-го Марта[5]. Тамъ долженъ былъ соединиться съ нимъ стольникъ Кн. Михаилъ Григорьевичь Ромодановскій, назначенный въ товарищи къ своему отцу[6].

Перемѣны воеводъ, какъ сидѣвшихъ по городамъ, такъ и находившихся въ дѣйствующихъ войскахъ, производились весьма часто, только одинъ Князь Григорій Григорьевичь постоянно оставался главнымъ начальникомъ Русскихъ войскъ въ Малороссіи. Его узнали и полюбили Малороссіяне и постоянно просили Царя не замѣнять другимъ воеводою. Это условіе внесено даже было въ Конотопскія статьи. Посредствомъ отряда, состоявшаго подъ начальствомъ его сына, находясь въ сообщеніи съ Кн. Голицынымъ, онъ подвигался къ Днѣпру. Ему въ товарищи назначены новые воеводы и войска усилены[7]. Приходившія постоянно извѣстія о движеніи Турокъ и Татаръ, недовѣріе къ Польшѣ все болѣе и болѣе смущали Московскій Дворъ. Ожидали, что Турки обратятся на Кіевъ, и потому Князю Ромодановскому предписано было идти туда и объявленъ снова походъ самого Царя. Въ Москвѣ постоянно производились смотры войскъ, назначались и смѣнялись воеводы въ Царскій полкъ[8].

[4] Тамъ же. стр. 1200. 1224. 1237. 1252.

[5] Тамъ же. стр. 1273.

[6] Тамъ же. 1250 Февр. 26 идти въ Сѣвскъ велѣно Марта 23, стр. 1292.

[7] Тамъ же. 1378. 9-го Мая, стольн. Петръ Тимоф. Кондыревъ, ему велѣно было взять въ Смоленскѣ шляхту и вести въ полки Кн. Ромодановскаго Мая 13. 1385. Мая 14 ему въ товарищи назначенъ думн. дворян. Ив. Ив. Ржевскій, 1366, отпущенъ Мая 17. 1386. Того же числа назначенъ ему въ товарищи стольникъ Григорій Иван. Аксаковъ и дьякъ Семенъ Степ. Титовъ съ своими полками и Башкирцами. стр. 1388. 1405. 1406.

[8] Тамъ же 9-го Мая дворовыми воеводами то есть начальствовавшими царскимъ дворомъ назначены были Кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Кириллъ Полуехтовичь Нарышкинъ на мѣсто Бориса Иван. Морозова и Кн. Ильи Даниловича Милославскаго; стр. 1380 и др.

денту въ Польшѣ дозволено было участвовать въ переговорахъ Поляковъ съ Турками и заключить миръ и за Россію. Ему не было дано отвѣта, но потомъ предписано Тяпкину требовать участія въ переговорахъ, если они будутъ открыты[8]. Очевидно Русскій дворъ опасался, чтобы Поляки вопреки договоровъ не заключили съ Турками отдѣльнаго мира и не отговаривались бы въ послѣдствіи медленностію отвѣта со стороны Царя и различными съ его стороны предложеніями. Тяпкинъ, объявивъ объ этомъ подскарбію коронному, и получилъ отъ него и канцлера Литовскаго отвѣтъ, что въ продолженіе зимы Поляки не намѣрены вступать ни въ какіе съ Турками договоры, о чемъ извѣстилъ А. С. Матвѣева[9]. Но Царь Алексѣй Михаиловичь, не получая отвѣта прямо отъ Короля, писалъ вновь съ нарочнымъ гонцомъ, подьячимъ Васильемъ Тимоѳеевымъ, который прибылъ въ Варшаву въ Декабрѣ мѣсяцѣ (9-го) съ дарами и подтвержденіемъ прежняго предписанія Тяпкину[10]. Царь увѣдомлялъ снова Короля, что даетъ полную мочь своему резиденту, вмѣстѣ съ подьячимъ Тимоѳеевымъ, участвовать въ переговорахъ съ Турками и посылаетъ имъ вѣрющую грамоту[11].

По пріѣздѣ подьячего резидентъ отправился (9-го Дек.) съ нимъ къ канцлеру Пацу и снова требовалъ, чтобы немедленно отпустили ихъ къ Королю, для врученія ему царской граматы. Указывая на то, что въ *опасной* граматѣ написано имя одного подьячего, канцлеръ говорилъ, что нѣтъ нужды ѣхать самому резиденту. Притомъ ему велѣно участвовать въ переговорахъ съ Турками, а у Короля не было и нѣтъ никакихъ съ

---

[8] Ст. Сп. ст. 250-254. Указъ Тяпкину Окт. 2-го. 183 г.
[9] Тамъ же 254-56. Письмо къ Царю отъ 7 Ноября.
[10] Ст. Сп. грам. ст. 273-75 отъ 11-то Окт.
[11] Тамъ же ст. 283-303. Грам. отъ 8 Окт. вѣр. Грам. 9-го Окт.

ніями переговоровъ. Послѣ долгихъ споровъ, канцлеръ не разрѣшилъ своею властію вопроса и увѣдомилъ Тяпкина, что будетъ о его требованіи писать къ Королю (11-го Окт.). Резидентъ съ своей стороны увѣдомилъ Царя и чрезъ мѣсяцъ (Февраля 6) получилъ предписаніе уступить требованію Поляковъ и отправить съ грамотою къ Королю одного Тимоѳеева[12]. Не смотря на то, подскарбій долго его не отправлялъ, отговариваясь опасностію пути и другими препятствіями. Наконецъ резидентъ и подьячій, посовѣтовавшись между собою, отправили въ нему стрѣльца съ предложеніемъ на 30 р. соболей, съ тѣмъ чтобы не задерживая отпустилъ къ Королю. Подскарбій обѣщалъ на другой же день прислать провожатаго и подводы.

Въ то время какъ въ Москвѣ шли переговоры съ Венславскимъ, дворъ Московскій встревоженъ былъ извѣстіями о движеніи Турокъ на Кіевъ не менѣе намѣренія Поляковъ заключить миръ съ Сутаномъ. Объявленъ былъ походъ самого Царя въ Малоросеію, и напередъ посланъ бояринъ и Воевода Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій (Авг. 19)[13] и въ слѣдъ за нимъ меньшіе Воеводы въ Путивль[14].

Излагая причины своего похода, Царь писалъ Польскому Королю (Авг. 31): Султанъ приближается къ Чигирину со всѣми силами, «а Вашего Королевскаго Величества Гетманы съ войсками коронными и Литовскими за тѣми непріятели, Турскими и Крымскими людьми, въ тылъ нейдете». Мы, прибавляетъ Царь, зная договоры между нами заключенные, «въ томъ не мало сумнѣваемся, что такъ со стороны Вашего Величества чинится. Если войска Ваши въ тылъ для промыслу надъ непріятели нынѣ не пойдутъ, и мы чаемъ тѣ непрія-

---

[12] Тамъ же ст. 321 и слѣд. грамот. отъ 15 Генв.

[13] Полн. Собр. Зак. I. № 585.

[14] Дворц. Разр. III.

денту въ Польшѣ дозволено было участвовать въ переговорахъ Поляковъ съ Турками и заключить миръ и за Россію. Ему не было дано отвѣта, но потомъ предписано Тяпкину требовать участія въ переговорахъ, если они будутъ открыты[8]. Очевидно Русскій дворъ опасался, чтобы Поляки вопреки договоровъ не заключили съ Турками отдѣльнаго мира и не отговаривались бы въ послѣдствіи медленностію отвѣта со стороны Царя и различными съ его стороны предложеніями. Тяпкинъ, объявивъ объ этомъ подскарбію коронному, и получилъ отъ него и канцлера Литовскаго отвѣтъ, что въ продолженіи зимы Поляки не намѣрены вступать ни въ какіе съ Турками договоры, о чемъ извѣстилъ А. С. Матвѣева[9]. Но Царь Алексѣй Михаиловичъ, не получая отвѣта прямо отъ Короля, писалъ вновь съ нарочнымъ гонцомъ, подьячимъ Васильемъ Тимоѳеевымъ, который прибылъ въ Варшаву въ Декабрѣ мѣсяцѣ (9-го) съ дарами и подтвержденіемъ прежняго предписанія Тяпкину[10]. Царь увѣдомлялъ снова Короля, что даетъ полную мочь своему резиденту, вмѣстѣ съ подьячимъ Тимоѳеевымъ, участвовать въ переговорахъ съ Турками и посылаетъ имъ вѣрющую грамоту[11].

По пріѣздѣ подьячего резидентъ отправился (9-го Дек.) съ нимъ къ канцлеру Пацу и снова требовалъ, чтобы немедленно отпустили ихъ къ Королю, для врученія ему царской грамоты. Указывая на то, что въ *опасной* грамотѣ написано имя одного подьячего, канцлеръ говорилъ, что нѣтъ нужды ѣхать самому резиденту. Притомъ ему велѣно участвовать въ переговорахъ съ Турками, а у Короля не было и нѣтъ никакихъ съ

---

[8] Ст. Сп. ст. 250-254. Указъ Тяпкину Окт. 2-го. 183 г.
[9] Тамъ же 254-56. Письмо къ Царю отъ 7 Ноября.
[10] Ст. Сп. грам. ст. 273-75 отъ 11-го Окт.
[11] Тамъ же ст. 283-303. Грам. отъ 8 Окт. вѣр. Грам. 9-го Окт.

шими переговоровъ. Послѣ долгихъ споровъ, канцлеръ не разрѣшилъ своею властію вопроса и увѣдомилъ Тяпкина, что будетъ о его требованіи писать къ Королю (11-го Окт.). Резидентъ съ своей стороны увѣдомилъ Царя и чрезъ мѣсяцъ Февраля 6) получилъ предписаніе уступить требованію Поляковъ и отправить съ грамотою къ Королю одного Тимоѳеева[12]. Не смотря на то, подскарбій долго его не отправлялъ, отговариваясь опасностію пути и другими препятствіями. Наконецъ резидентъ и подьячій, посовѣтовавшись между собою, отправили къ нему стрѣльца съ предложеніемъ на 30 р. собольей, съ тѣмъ чтобы не задерживая отпустилъ къ Королю. Подскарбій обѣщалъ на другой же день прислать провожатаго и подводы.

Въ то время какъ въ Москвѣ шли переговоры съ Венславскимъ, дворъ Московскій встревоженъ былъ извѣстіями о движеніи Турокъ на Кіевъ не менѣе намѣренія Поляковъ заключить миръ съ Сутаномъ. Объявленъ былъ походъ самого Царя въ Малороссію, и напередъ посланъ бояринъ и Воевода Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій (Авг. 19)[13] и въ слѣдъ за нимъ меньшіе Воеводы въ Путивль[14].

Излагая причины своего похода, Царь писалъ Польскому Королю (Авг. 31): Султанъ приближается къ Чигирину со всѣми силами, «а Вашего Королевскаго Величества Гетманы съ войсками коронными и Литовскими за тѣми непріятели, Турскими и Крымскими людьми, въ тылъ нейдете». Мы, прибавляетъ Царь, зная договоры между нами заключенные, «въ томъ не мало сумнѣваемся, что такъ со стороны Вашего Величества чинится. Если войска Ваши въ тылъ для промыслу надъ непріятели нынѣ не пойдутъ, и мы чаемъ тѣ непрія-

---

[12] Тамъ же ст. 321 и слѣд. грамот. отъ 15 Генв.
[13] Полн. Собр. Зак. I. № 585.
[14] Дворц. Разр. III.

тели, Турскіе и Крымскіе, поступаютъ такъ по нѣкоторой обнадежности». Распространившійся въ это время слухъ о заключеніи Поляками мира съ Турціею уже достигъ до Москвы и послужилъ поводомъ къ частнымъ предписаніямъ Тяпкину принять участіе въ переговорахъ. Король получилъ царскую грамату уже подъ Теребовлемъ, въ концѣ Ноября и ограничился только тѣмъ, что поручилъ своимъ посламъ, находившимся уже на съѣздѣ съ Русскими близъ Смоленска, узнать, дѣйствительно-ли самъ Царь отправляется въ походъ. .

Между тѣмъ въ Москвѣ получено было извѣстіе отъ Князя Ромодановскаго объ отступленіи Турецкихъ войскъ къ Дунаю; походъ Царя былъ отложенъ, воеводы отозваны въ Москву. Гетману Самойловичу и Князю Ромодановскому посланы похвальныя грамоты за ихъ дѣйствія, равно и кошевому Сирку, вмѣстѣ съ жалованьемъ для войска Запарожскаго. Награждая воеводъ, Царь негодовалъ на Польшу. Негодованіе усилилось, когда получена была королевская грамата, въ которой онъ извѣщалъ Царя о завоеваніи заднѣпровской Украйны и съ своей стороны упрекалъ Русскихъ, что они не оказали ему помощи. Царь отвѣчалъ, что радуется успѣхамъ Польши, но удивляется за чѣмъ Король принимаетъ въ подданство Заднѣпровье, которое присоединено уже къ Россійской державѣ[15]. Извѣстное уже Полякамъ намѣреніе Россіи присоединить Заднѣпровье, по дѣйствіямъ Русскихъ войскъ и извѣстію сообщенному Кіевскимъ воеводою, въ первый разъ прямо объявлено было самимъ Царемъ. Еще яснѣе выражено было намѣреніе Россіи полномочными Московскими боярами на съѣздѣ съ послами Польскими.

Близь Смоленска въ селѣ Мигневичахъ съѣхались Кн. Никита Ивановичь Одоевскій съ товарищами съ Марціаломъ Огинскимъ воеводою Троцкимъ и референдаріемъ Литовскимъ Пав.

[15] Ст. Сп.

Брестовскимъ. Послѣ многочисленныхъ совѣщаній, ни одинъ вопросъ не былъ разрѣшенъ и вмѣсто *вѣчнаго мира* подтверждено только 13-ти лѣтнее перемиріе, постановленное первымъ Андрусовскимъ договоромъ. Польша требовала не только возвращенія Кіева, но Смоленска и другихъ городовъ и немедленнаго соединенія Русскихъ войскъ съ Польскими. Русскіе полномочные съ своей стороны объявили, что не только Смоленскъ и другіе города, но и Кіевъ со всею заднѣпровскою Украйною не будутъ возвращены Польшѣ, которая и не имѣетъ права предлагать о томъ вопроса.

Хотя Россія и обѣщала Малороссіянамъ не уступать Кіева Полякамъ, но объ этомъ договорѣ, домашнемъ между Москвою и Малороссіею, Русской дворъ не объявлялъ Польшѣ. Вопросъ о Кіевѣ, въ числѣ другихъ спорныхъ, при всѣхъ переговорахъ откладывался только на разрѣшеніе при будущихъ съѣздахъ. Нужны были достаточныя причины для того, чтобы прямо нарушить одно изъ условій Андрусовскаго договора. Дѣйствія Польскаго правительства при Михаилѣ, нарушавшія этотъ договоръ, давали такое же право и Россіи. Д. Вишневецкій, отвѣчая Воеводѣ Кіевскому на извѣстіе о присоединеніи Заднѣпровья къ Россіи, говорилъ, что Дорошенко, не будучи самостоятельнымъ владѣтелемъ, не могъ уступать областей Польскихъ Турціи, давая тѣмъ знать, что и Россія завоевывала ихъ не у Турціи. На съѣздѣ, Кн. Одоевскій и не ссылался на договоръ Дорошенка съ Портою, напротивъ, онъ говорилъ: по Андрусовскому договору Польша не должна заключать мира съ Турціею одна и безъ вѣдома Россіи. Король Михаилъ, заключивъ такимъ образомъ договоръ Буджановскій, и тѣмъ нарушилъ постановленія Андрусовскаго перемирія. По Буджановскому договору Польша уступила Турціи всю заднѣпровскую Украйну, вмѣстѣ съ Кіевомъ. По этому присоединеніе Украйны къ Государству Московскому составляетъ вопросъ между

Россіею и Турціею, а Польша не имѣетъ права и говорить о немъ. Такое объясненіе должно было вести къ рѣшительному разрыву между Россіею и Польшею, котораго однакоже не желали ни Поляки ни Русскіе, связанные общимъ участіемъ въ войнѣ Турецкой. Не рѣшая вопросовъ, отлагая ихъ до будущихъ переговоровъ, Поляки требовали постановить условія о соединеніи Русскихъ войскъ съ Польскими, хотя весною для отраженія Турокъ. Имъ отвѣчали общими словами, что Россія не отказывается помогать Польшѣ; она помогала ей и до сего времени и впредь помогать будетъ. Полномочные разъѣхались, подтвердивъ только первый Андрусовскій договоръ, а всѣ вопросы спорные отложили до будущаго времени.

Жалуясь на Московскихъ бояръ, П. Бростовскій писалъ изъ Смоленска въ Варшаву къ Тяпкину что «со стороны Царскаго Величества въ малыхъ и краткихъ временахъ всѣ заприсяжные договоры препомнены (забыты), а со стороны Королевскаго Величества всѣ тѣже договоры пребываютъ въ содержаніи по се время, и они въ свидѣтельство поставляютъ Господа Бога, Вѣдующаго вся, на Него же имѣютъ крѣпкую надежду, иже не отдаетъ ихъ въ посмѣхъ и поруганіе неприятелемъ[16].

Король, смущенный послѣдствіями переговоровъ, отлагая рѣшеніе вопроса объ Украйнѣ на будущее время, заботился только о томъ, чтобы Русскія войска соединились съ нимъ. Съ этою цѣлію онъ назначилъ въ Москву посломъ Александра Кладницкаго.

Въ Москву возратились бояре изъ подъ Смоленска. По тогдашнимъ обычаямъ, какъ въ походы военные, такъ и на посольскіе съѣзды съ боярами отправляли иконы, которыя Царь

[16] Ст. Сп. ст. Ноябр. 20 Тяпкинъ получилъ это письмо, и 23 съ него списокъ отправилъ въ Москву.

провожалъ при ихъ отпускахъ и встрѣчалъ при возвращеніяхъ за городомъ, торжественно. Получивъ приказаніе (отъ 23-го Дек.) ѣхать къ Москвѣ, Кн. Одоевскій, прибывъ на подхожій станъ въ Дорогомилову слободу, извѣстилъ о своемъ прибытіи Посольскій приказъ (Генв. 12); на другой день Царь со всѣми чинами и духовенствомъ ходилъ встрѣчать «Спасовъ образъ» бывшій съ нимъ на посольствѣ. Во время пріема Кн. Одоевскаго «Царь о здоровьи его спрашивалъ и службу милостиво похвалялъ, что онъ учинилъ во всемъ по его Великаго Государя указу» [17].

Между тѣмъ съ прекращеніемъ войны затихнувшіе на время внутренніе раздоры въ Польшѣ возникли съ прежнею силою. Ожидая коронаціи и сейма, всѣ партіи пришли въ движеніе и разнородные слухи постоянно доходили до нашего резидента. Главнымъ предметомъ всевозможныхъ толковъ была ссора Гетмана Литовскаго съ Королемъ.

Въ первое время пребыванія въ Варшавѣ Тяпкинъ находился въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Пацами, отъ нихъ получалъ извѣстія, подъ ихъ вліяніемъ смотрѣлъ на происшествія. Наконецъ онъ начиналъ колебаться, подозрѣвать ихъ и не зная на чемъ остановиться, всѣ разнородныя извѣстія посылалъ въ Москву, которыя въ свой чередъ все болѣе подрывали довѣріе, и такъ уже слабое, Русскаго двора къ Польшѣ.

Степанъ Соколинскій Староста Сахновскій писалъ къ Тяпкину (Генв. 1-го) изъ Львова, что Гетманъ Пацъ поссорился съ Королемъ, потому что нашелъ его болѣе склоннымъ къ дружбѣ съ Султаномъ и Ханомъ Крымскимъ нежели съ Царемъ Московскимъ [18]. Старшій братъ Гетмана, Бонифацій Пацъ [19], при

---

[17] Дворц. Разр. III. 1103. 1139. 1157. 1170. 1180. 81. 82.

[18] Письмо къ Б. Матвѣеву Генв. 8. Ст. Сп. л. 304 и слѣд.

[19] Ст. Ст. л. 331 и слѣд.

свиданіи (Марта 2) съ резидентомъ, подтвердилъ то же показаніе, говоря что Король, по заключеніи мира, принуждалъ его обратить оружіе противъ Государства Московскаго или Римской имперіи. Самъ Гетманъ присылалъ одного изъ своихъ приверженцевъ извѣстить, что получилъ письмо отъ боярина Матвѣева, который будто-бы чрезъ посредство резидента проситъ его сообщить ему свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Польшѣ. Между тѣмъ уже, не довѣряя Пацамъ, резидентъ писалъ въ Москву, что о Гетманѣ ходятъ двойныя рѣчи: «одни коронные народы сильно понесятъ его за то, что оставилъ Короля, другіе говорятъ, что онъ дѣйствуетъ постоянно съ цѣлію поддержать миръ съ Россіею, и потому поссорился съ Королемъ, дурно расположеннымъ къ ней». Дѣйствительно нерасположеніе къ Россіи со стороны Польской партіи выражалось довольно ясно, и слухъ о заключеніи мира съ Турками и Татарами распространялся сильно. Скрывая сношенія съ Турками, Король явно велъ переговоры съ Крымомъ и Дорошенкомъ съ цѣлію заключить миръ съ Ханомъ, а Дорошенка привести въ подданство Польшѣ. Еще весною, когда Янъ III-й собрался идти въ походъ, два посланника, паны Мышлевскій и Кочаровскій были отправлены въ Крымъ и Чигиринъ уговаривать Хана къ заключенію мира и вмѣстѣ съ тѣмъ помирить Польшу съ Султаномъ, а Дорощенка, который самъ писалъ къ Королю, предлагая подданство, присоединить окончательно къ Польшѣ. Но Дорошенко отвѣчалъ Королю, что поддается Польшѣ только тогда, когда она заключитъ миръ съ Крымцами и Турками [20]. Селимъ Гирей, отправивъ назадъ Кладницкаго, послалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего посла Гуссейнъ-Мурзу къ Польскому Королю, извѣщая его, чтобы для заключенія съ нимъ договора нарядилъ полномочныхъ пословъ [21]. Отправивъ отъ себя посланника къ

---

[20] Ст. Сп. л. 315 и слѣд. Письмо къ Польск. Королю 183 г. Апр.
[21] Ст. Ст. л. 359 и слѣд. 183 г. Апр. 17.

Султану, чтобы уговорить его къ заключенію мира съ Польшею, Ханъ съ своей стороны изъявлялъ полную готовность соединиться съ Поляками. Въ своемъ письмѣ онъ говорилъ: «три такіе сабли (т. е. Польская, Турецкая и Крымская), обращенные на *иного* врага, сильно могутъ застращать его». Между тѣмъ канцлеръ Литовскій нѣсколько разъ жаловался въ разговорахъ съ Тяпкинымъ (въ Генварѣ) на Россію, говоря, что переговоры на съѣздахъ окончились ничѣмъ. Русскіе полномочные, указывая на оказанную уже помощь войною противъ Крыма, не рѣшили вопроса о соединеніи Русскихъ войскъ съ Польскими. Хотя Польскій резидентъ и писалъ изъ Москвы къ Королю, что А. Матвѣевъ объявилъ ему о намѣреніи Царя продолжать войну Турецкую, для чего усиливаются войска на Днѣпрѣ и соединятся съ Польскими весною, однакоже «Царскаго Величества ближніе люди пользуютъ ихъ на словахъ, и въ томъ словесномъ обѣщаніи надежда есть слаба, потому что въ договорахъ и разъѣзжемъ письмѣ ничего не постановлено». «Явны были тѣ посылки, и сего лѣта, которые нигдѣ не обозначились ни съ Дону ни съ Крыму ни съ Украйны». Такъ передавалъ слова канцлера нашъ резидентъ въ письмѣ А. С. Матвѣеву, прибавляя: «и зѣло Канцлеръ по премногу удивлялся, зачѣмъ бы то упрямство и несклонность къ союзу войсковыхъ посылокъ со стороны Его Царскаго Величества чинятся» [22]. Когда Король писалъ къ воеводамъ Царскимъ, прося прислать 15 т. войска, чтобъ разорить подунайскія области и разграбить запасы, приготовленные Турками въ Валахіи, воеводы отвѣчали, что не имѣютъ на то царскаго приказанія. Тогда бы Турки не могли весною вновь явиться съ войсками за Дунаемъ, а между тѣмъ теперь они всѣ къ тому имѣютъ способы. Хотѣлъ также Король выгнать изъ Украйны 15 т. Татаръ, которые

[22] Письмо Генв. 15 и 30. Ст. Сп. л. 305—314.

съ Адиль-Гиреемъ оставлены тамъ зимовать, но потомъ узналъ о приближеніи Нурадинъ Султана съ 80 т. орды. Тогда онъ снова писалъ воеводамъ царскимъ, приглашая ихъ дѣйствовать совокупно; они отвѣчали по прежнему, обѣщались потомъ прислать 10 т. войска, и не прислали.

Когда резидентъ спросилъ канцлера, правда-ли что Дорошенко вступаетъ въ Польское подданство? онъ отвѣчалъ: правда, онъ имѣетъ это намѣреніе, но хочетъ чтобъ Король заключилъ прежде миръ съ Турками и Татарами, опасаясь, чтобы Нурадинъ не обратилъ противъ него оружія. Вмѣстѣ съ епископомъ Гнѣзненскимъ онъ просилъ резидента писать въ Москву и просить Царя, чтобъ на коронацію и сеймъ прислалъ своихъ пословъ, говоря, что тогда легко бы устроить взаимныя отношенія.

Въ это время пріѣхалъ въ Варшаву воевода Волынскій Кн. Черторижскій (Фев. 4) и объявилъ нашему резиденту, что переговоры съ Дорошенкомъ ни къ чему не поведутъ: онъ очевидно обманываетъ Польшу. Въ тотъ же день пріѣзжалъ къ нему панъ Венявскій «дворянинъ, который въ крайней милости у Государя своего пребываетъ», какъ выражался о немъ Тяпкинъ, «и подъ душевною великою клятвою объявилъ ему такія рѣчи: будучи прежде Армяниномъ, онъ родился и взросъ въ Турецкой землѣ, и до нынѣ въ тѣхъ странахъ имѣетъ у себя изъ великихъ и ближнихъ чиновъ конфидентовъ»; онъ участвовалъ уже въ переговорахъ съ Турками въ самомъ началѣ войны. Венявскій говорилъ, что Король ѣдетъ въ Львовъ вовсе не для того чтобы скорѣе назначить коронацію и сеймъ; но затѣмъ чтобы собрать совѣтъ и рѣшить дѣло о договорѣ съ Турками. Турки уступаютъ ему всю Украйну и Каменецъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы, заключивъ между собою миръ, обратить вмѣстѣ оружіе противъ Москвы. Того же желаетъ и Ханъ Крымскій и Дорошенко. Но я навѣрное знаю, прибавилъ Ве-

нявскій, Король не заключитъ такого союза, если только будетъ, увѣренъ что Русскія войска соединятся съ нимъ весною и совокупно будутъ дѣйствовать противъ Турокъ. Простое желаніе устрашить Россію заключалось въ словахъ Венявскаго, вѣроятно нарочно подосланнаго къ резиденту. Король дѣйствительно пріѣхалъ во Львовъ для переговоровъ и чрезъ нѣсколько времени (Марта 2) Бонифацій Пацъ, жалуясь на Короля, въ разговорѣ съ резидентомъ говорилъ, что онъ ведетъ уже переговоры тайно безъ позволенія и безъ вѣдома рѣчи посполитой. Дѣйствительно носились слухи, что Король, какъ писалъ въ Москву резидентъ «коронаціи и сейма въ нынѣшнихъ временахъ начати не хочетъ, и то для того будто, чтобъ безъ вѣдома рѣчи посполитой учинить постановленіе съ Солтаномъ Турскимъ и Ханомъ и Дорошенкомъ. Чрезъ тѣ способы и нынѣ самовласно зѣло поступаетъ и самодержавно, и до тѣхъ мѣстъ жаднаго не будетъ сейма и коронаціи, пока своя намѣренія въ дѣйство произведетъ [23]».

Получая отовсюду различныя извѣстія и не зная на чемъ остановить довѣріе, Тяпкинъ рѣшился откровенно переговорить съ канцлеромъ. Правда-ли, какъ слышится нынѣ въ народѣ, что Король такъ скоро забылъ присягу, данную имъ при избраніи и намѣренъ уже разорвать союзъ съ Россіею? спросилъ онъ канцлера [24], изъявляя надежду, что онъ будетъ ему отвѣчать прямо и откровенно, ибо знаетъ его доброе расположеніе къ Россіи. Дѣйствительно, отвѣчалъ съ негодованіемъ Пацъ, такіе слухи ходятъ въ народѣ, но имъ не слѣдуетъ однакоже вѣрить: ихъ распространяютъ враги Польши и Россіи, желая поссорить ихъ между собою. Конечно Король и вся рѣчь пос-

[23] Письмо къ Б. Матвѣеву отъ 13 Марта Ст. Сп. л. 314—321. 333 и слѣд.

[24] Переговоры Марта 12. Ст. Сп. 339 и слѣд.

политая сѣтуютъ на Россію за то, что значительное войско стоитъ на Днѣпрѣ готовое отразить всякое нападеніе, а между тѣмъ, хотя бы одну его часть не хотятъ соединить съ войсками Польскими. Порознь могутъ разбить Турки и то и другое войско, и они даже знать о томъ не будутъ, находясь въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи; соединись же они вмѣстѣ,—Турки никогда не осмѣлились бы напасть на нихъ.

Негодуетъ Король и на то, что Царь пишетъ къ нему, будто онъ отбираетъ въ свое подданство области Украйны, ему не принадлежащей. Король отыскиваетъ области издавна принадлежавшія коронѣ Польской.

Нечего удивляться что Литовскій Гетманъ оставилъ Короля: въ слѣдствіе военныхъ обстоятельствъ могутъ возникать ссоры; однакоже, Богъ дастъ, весною они снова соединятъ свои войска и будутъ дѣйствовать согласно. Во время переговоровъ Русскаго резидента съ канцлеромъ, миръ Гетмана съ Королемъ былъ уже договоренъ.

Какъ вѣрный слуга обоихъ Государей, сказалъ въ заключеніе канцлеръ: я совѣтую, чтобы весною Царь соединилъ свои войска съ королевскими и тогда сами собою прекратятся всѣ недоразумѣнія, къ которымъ естественно подаютъ поводъ неопредѣленныя отношенія обоихъ Государствъ. Слова канцлера снова подтвердили, что Польша не думаетъ заключать мира съ Турціею; однакоже по письмамъ изъ Львова въ тотъ же день резидентъ узналъ, что Король назначилъ уже съ своей стороны полномочныхъ для переговоровъ о мирѣ [25]. Тогда онъ явился вновь къ канцлеру и примасу, «и накрѣпко отъ нихъ домогался», чтобы его отпустили къ Королю: у меня есть вѣрющая грамота, говорилъ онъ, и по договорамъ я долженъ участвовать въ переговорахъ, съ Турками. Обѣщавъ написать Королю о

[25] Ст. Сп. л. 369 назначены были: Н. Бидинскій стражникъ Коронный, Ясконскій Кастелянъ Синоцкій и Генералъ Корицкій.

его требованіи и немедленно по полученіи отвѣта увѣдомить, примасъ, провожая резидента, благодарилъ Царя за то, что обѣщалъ весною дать вспомогательное Польшѣ войско, однакоже, прибавилъ: «мы опасаемся только что обѣщаніе не будетъ исполнено; странный обычай Русскихъ воеводъ—какой бы ничтожный слухъ и клеветы ни дошли до нихъ, отъ людей неблагонамѣренныхъ, которые нарочно желаютъ ссоры между обоими Государствами, они безусловно имъ вѣрятъ; повѣривъ слухамъ ложнымъ, останавливаются въ исполненіи уже рѣшенныхъ намѣреній, не идутъ на помощь, отговариваясь несуществующими трудностями». Дѣйствительно постоянная осторожность со стороны Россіи и тѣмъ болѣе исполнителей царскихъ повелѣній, которымъ постоянно предписывали осторожно дѣйствовать, выражалось явно въ ихъ поступкахъ. Каждое новое извѣстіе, получаемое воеводами, они считали обязанностію сообщать въ Москву, и потомъ, ожидая отвѣта, пріостанавливались въ своихъ дѣйствіяхъ.

Примасъ просилъ, «чтобъ Великій Государь послалъ своимъ воеводамъ «острые указы», подкрѣпивъ государскимъ повелѣніемъ, чтобы они, не вдаваясь ни въ какія сомнѣнія, соединили свои войска съ Королевскими».

Оскорбленный такимъ упрекомъ, Тяпкинъ отвѣчалъ, что Полякамъ должны быть извѣстны намѣренія Царя изъ писемъ Кладницкаго: «Царь обѣщалъ помощь; его намѣренія ясны, ничѣмъ не нарушилъ онъ договоровъ, какъ нарушаетъ ихъ постоянно и словомъ и дѣломъ Польша». Ничего не отвѣчая резиденту на его упрекъ, примасъ пожалъ плечами и со вздохомъ сказалъ: дай-то Боже, чтобъ утвердилась дружба между обѣими государствами[26].

[26] Ст. Сп. л. 370—77; Письмо къ Матвѣеву Іюня 12. 183 г.

ГЛАВА VII.

Московскій дворъ опасался постоянно, что Поляки заключатъ миръ съ Портою вопреки Андрусовскаго договора, и послѣ станутъ оправдываться тѣмъ, что Русскіе не соединили своихъ войскъ съ Польскими. Для предупрежденія обвиненія, Царь предписалъ воеводамъ немедленно перевести часть войскъ за Днѣпръ и соединиться съ Поляками[1].

Войска Русскія, стоявшія въ продолженіе зимы около Путивля и Курска, усилены были новыми отрядами.

Въ Кіевъ на мѣсто прежнихъ воеводъ назначенъ бояринъ Алексѣй Андреевичъ Голицынъ, управлявшій суднымъ Владимірскимъ приказомъ[2]. Со всѣми чинами своего полка, принявъ благословеніе Патріарха въ Успенскомъ соборѣ, онъ отправился въ Кіевъ[3], гдѣ войска были усилены значительно противъ преж-

[1] Дворц. Разр. III. 1386 Мая 14.

[2] Тамъ же 1144 и 45. Дек. 20 ему въ товарьщи окольничей Матвѣй Савостьяновичь Пушкинъ да думный дворянинъ Иванъ Ивановичь Ржевскій. Князь Голицынъ обидѣлся назначеніемъ. Ему и дѣтямъ сказана опала, не велѣно съѣзжать съ двора. Чрезъ нѣсколько времени однакоже повинился и поѣхалъ въ Кіевъ. Генв. 6 стр. 1153, 1170, 1289, вмѣсто Ржевскаго Мая 9 назначенъ былъ Кн. Василій Петровичь Прозоровскій. 1377. 13-го Мая на мѣсто Прозоровскаго Стольн. Кн. Яковъ Васильевичь Хилковъ. 1385.

[3] Тамъ же 1250 Патріархъ на отпускѣ говорилъ молитву и притомъ благословлялъ и святою водою кропилъ и всѣхъ ратныхъ людей которые съ нимъ бояриномъ были у благословенія.

няго[4]. «Для провѣдыванія вѣстей» и чтобы не допустить набѣговъ Татарскихъ, ему велѣно было идти въ Сѣвскъ, 7-го Марта[5]. Тамъ долженъ былъ соединиться съ нимъ стольникъ Кн. Михаилъ Григорьевичь Ромодановскій, назначенный въ товарищи къ своему отцу[6].

Перемѣны воеводъ, какъ сидѣвшихъ по городамъ, такъ и находившихся въ дѣйствующихъ войскахъ, производились весьма часто, только одинъ Князь Григорій Григорьевичь постоянно оставался главнымъ начальникомъ Русскихъ войскъ въ Малороссіи. Его узнали и полюбили Малороссіяне и постоянно просили Царя не замѣнять другимъ воеводою. Это условіе внесено даже было въ Конотопскія статьи. Посредствомъ отряда, состоявшаго подъ начальствомъ его сына, находясь въ сообщеніи съ Кн. Голицынымъ, онъ подвигался къ Днѣпру. Ему въ товарищи назначены новые воеводы и войска усилены[7]. Приходившія постоянно извѣстія о движеніи Турокъ и Татаръ, недовѣріе къ Польшѣ все болѣе и болѣе смущали Московскій Дворъ. Ожидали, что Турки обратятся на Кіевъ, и потому Князю Ромодановскому предписано было идти туда и объявленъ снова походъ самого Царя. Въ Москвѣ постоянно производились смотры войскъ, назначались и смѣнялись воеводы въ Царскій полкъ[8].

4 Тамъ же. стр. 1200. 1224. 1237. 1252.

5 Тамъ же. стр. 1273.

6 Тамъ же. 1250 Февр. 26 идти въ Сѣвскъ велѣно Марта 23, стр. 1292.

7 Тамъ же. 1378. 9-го Мая, стольн. Петръ Тимоф. Кондыревъ, ему велѣно было взять въ Смоленскѣ шляхту и вести въ полки Кн. Ромодановскаго Мая 13. 1385. Мая 14 ему въ товарищи назначенъ думн. дворян. Ив. Ив. Ржевскій, 1366, отпущенъ Мая 17. 1386. Того же числа назначенъ ему въ товарищи стольникъ Григорій Иван. Аксаковъ и дьякъ Семенъ Степ. Титовъ съ своими полками и Башкирцами. стр. 1388. 1405. 1406.

8 Тамъ же 9-го Мая дворовыми воеводами то есть начальствовавшими царскимъ дворомъ назначены были Кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Кириллъ Полуехтовичь Нарышкинъ на мѣсто Бориса Иван. Морозова и Кн. Ильи Даниловича Милославскаго; стр. 1380 и др.

посольство въ Польшу, несмотря на холодность и недовѣріе къ ней Русскаго Двора, и къ Шаху назначенъ посломъ стольникъ Князь Мышецкій съ прежними предложеніями, кромѣ торговыхъ дѣлъ, которыя всегда составляли постоянно предметъ переговоровъ между Россіею и Персіею[13]. Въ тоже время принимали пословъ Бухарскихъ, Кумыцкихъ и Горскихъ Князей и отправляли посломъ въ Китай Спафарія, извѣстнаго по своей дружбѣ съ бояриномъ Матвѣевымъ[14].

Между тѣмъ, еще въ началѣ весны, Турецкіе войска вновь появились въ Польшѣ, подъ предводительствомъ Ибрагима Паши, прозваннаго, за толщину, Шишманомъ. Соединившись съ Татарами у Каменца, онъ отправилъ отрядъ на Рашковъ. Взявъ этотъ городъ, они грабили Украйну и Подолье; ничего не предпринимая рѣшительнаго, Нуррадинъ велъ переговоры съ Королемъ. Не знали, куда двинутся Турки и предполагали, что скорѣе къ Кіеву. Отставивъ Украйну, Король стоялъ во Львовѣ, Яблоновскій у Злочева, прикрывая сѣверныя области, и Д. Вишневецкій между Бродами и Замосцами, защищая Галицію[15].

Въ это время Тяпкинъ, получивъ разрѣшеніе отъ Короля, выѣхалъ изъ Варшавы и въ концѣ Іюля приблизился ко Львову. Остановившись близь города, онъ послалъ извѣстить о пріѣздѣ и требовалъ встрѣчи по посольскому обычаю[16]. Хотя резидентъ прибылъ въ военной станъ, угрожаемый безпрерывно нападеніемъ многочисленнаго Турецкаго войска, стоявшаго уже

[13] Кн. Пос. Снош. съ Перс. этого года. Дворц. Разр. III. 1215 и д. 1229. 1245.

[14] Дворц. Разр. III. 1246.

[15] Theatr. Eur. Тамъ же стр. 370. Залусскій XXXII. 670.

[16] Ст. Списокъ л. 378—Іюня 24 получилъ Тяпкинъ извѣстіе о позволеніи Короля. 8-го Іюля выѣхалъ изъ Варшавы на Песочню, Варку, Рычивулъ, Козеницы, Яновецъ мимо Голомбя, Казиміръ, чрезъ Вислу, Тарубанъ, Заместье Тамашево, Раву и 22 Іюля на подхожій станъ за милю отъ города Львова близь Монастыря Ст. Сп. л. 381.

въ 12 миляхъ отъ Львова, однако въ тотъ же день его встрѣтили съ надлежащею честію по обычаямъ посольскимъ и поселили въ самомъ городѣ[17]. Между тѣмъ, назначенные для переговоровъ съ Ханомъ, полномочные Польскіе возвратились изъ подъ Збаража обратно въ лагерь не подвинувъ дѣла. Ханъ увѣряя, что имѣетъ полномочіе отъ Султана для переговоровъ и можетъ уступить Полякамъ Каменецъ и другіе завоеванные города, не показалъ однакоже вѣрющей грамоты, а предложилъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Король долженъ былъ разорвать союзъ съ Россіею, соединить свои войска съ Турецкими и Татарскими и идти войною на Московскую Украйну; если же онъ не согласится, то чтобы далъ по крайнѣй мѣрѣ нѣсколько полковъ Султану въ помощь и инженеровъ для построенія двухъ крѣпостей на Днѣпрѣ, въ которыхъ бы Султанъ могъ безопасно устроить свое пребываніе во время военнаго похода на Россію, предполагаемаго будущею весною.

Послы не принявъ условій, отвѣчали напротивъ, что они готовы приступить къ переговорамъ о мирѣ не иначе, какъ за Польшу и Россію. Условія, на которыхъ Россія готова заключить миръ, имъ извѣстны и ея полномочный скоро пріѣдетъ.

Тогда Ханъ отвѣчалъ, что имѣетъ полномочіе заключить миръ только съ одною Польшею и на условіяхъ, имъ уже предложенныхъ. Если же они не согласны, то не видать имъ Каменца и Украйны. Еще можетъ быть по прошенію Короля, Султанъ уступитъ часть дани, но Украйны ни когда не возвратитъ. Напрасно вы надѣетесь на Россію, говорилъ Ханъ Польскимъ посламъ, она не соединитъ своихъ войскъ съ вашими и не поможетъ вамъ. Онъ клялся имъ и предлагалъ объ этомъ какой угодно закладъ, говоря: гораздо скорѣе съ Татарами соединитъ Россія свои войска чѣмъ съ Поляками. Еслибъ Россія хотѣла вамъ помогать, то ея войскамъ всего удобнѣе было бы

[17] Ст. Сп. л. 382—85, Письмо Іюля 24.

воевать Крымъ. Воюй она Крымъ, я долженъ бы защищаться, и не пришелъ бы сюда въ помощь Султану[18].

Хотя Поляки и отказали Хану заключить миръ, на условіяхъ, имъ предложенныхъ, однакоже его слова сильно поколебали довѣріе къ Россіи. Янъ Гнинскій въ переговорахъ съ нашимъ резидентомъ удивлялся, что Царь не отвѣчалъ на королевскія грамоты и превознося высоко «благоразумную мудрость» боярина Матвѣева, и «остроту и бодрость въ дѣлахъ Великаго Государя», какъ писалъ въ Москву Тяпкинъ, удивлялся однакоже, что на письма его и другихъ сенаторовъ, посланныя къ нему съ Кладницкимъ, онъ не отвѣчалъ ни слова, равно какъ «и Король и паны рада въ немаломъ находятся смущеніи» отъ такаго молчанія. Кладницкій писалъ и обнадежилъ, что скоро войска царскія соединятся съ нашими. Король отвѣчалъ благодарственною грамотою Царю[19]. Въ полной надеждѣ на помощь, онъ раздробилъ свое войско, оставивъ гарнизоны для защиты городовъ и теперь съ незначительными силами стоитъ предъ огромнымъ непріятельскимъ войскомъ, а Русскіе не пришли. Это обнадежило непріятелей: съ 80 т. Ханъ стоитъ подъ Збаражемъ, а передовые его отряды грабятъ жителей и жгутъ села почти подъ самымъ Львовымъ. Приходятъ вѣсти, что Русскіе даже вовсе не придутъ къ намъ на помощь[20].

Царскія грамоты доказывали однакоже противное въ нихъ ясно выражено было желаніе помогать Польшѣ и обѣщано снова соединить войска. По всѣмъ посольскимъ обычаямъ, лично нашъ

---

[18] Ст. Сп. л. 391——97. Залусскій, упоминая о частыхъ переговорахъ съ Ханомъ, однакоже не говоритъ о томъ, чтобы онъ предлагалъ миръ съ условіемъ совокупно воевать Россію. Epist I. XXXIII. 570 и др.

[19] Грам. 22 Апр. и Сент. 12. Кн. Пос. Снош. съ Польш. этого года.

[20] Ст. Сп. переговоры 25 Іюля л. 386—390.

резидентъ вручилъ Королю грамоты и получилъ отвѣтныя[21]. Отъ лица Короля его просили немедля написать къ Б. Матвѣеву съ просьбою ускорить исполненіе обѣщаній царскихъ. Тяпкинъ исполнилъ желаніе и отправилъ нарочнымъ гонцемъ въ Москву своего сына. Но прежде отъѣзда онъ просилъ Короля дозволить ему лично проститься съ нимъ и поблагодарить его за милость. Не даромъ проводилъ время въ Польшѣ молодой Тяпкинъ, состоявшій уже на службѣ царской жильцомъ. Отецъ испросилъ ему дозволеніе поучиться въ школахъ Польскихъ, и онъ, постоянно учась, пріобрѣлъ уже значительныя познанія въ языкахъ Латинскомъ и Польскомъ. Король охотно его принялъ и ласково выслушалъ длинную школьную его рѣчь, по обычаямъ того времени на Польскомъ и Латинскомъ языкѣ составленную. Сказавъ рѣчь, какъ бы радуясь своимъ успѣхамъ, онъ упалъ въ ноги Королю и благодарилъ его. Король далъ ему поцѣловать руку, пожелалъ счастливаго пути и на дорогу подарилъ ему сто червонныхъ и 12 аршинъ бархата[22].

Въ слѣдъ за отправленіемъ гонца резидентъ получилъ (Авг. 12) новое увѣдомленіе изъ Москвы о томъ, что къ воеводамъ уже посланы указы о немедленномъ соединеніи войскъ съ Польскими. Когда онъ извѣстилъ Канцлера, Михаилъ Радзивилъ съ

---

[21] Пріемы Іюля 26-го Август. 7 и Іюля 27. Ст. Сп. л. 397 об. 411. Письмо къ Б. Матвѣеву отъ 11 Августа.

[22] Ст. Сп.» Сынъ его благодарилъ Королевскому Величеству за его государское жалованье за хлѣбъ и соль и за науку школьную, которую употреблялъ будучи въ его государствѣ. И говорилъ рѣчь по Латынѣ довольно переплетаючи съ Польскимъ языкомъ какъ тому обычай наукъ школьныхъ належитъ. Такъ явственно и изобразительно орацію свою Е. К. В. предложилъ, еже не въ маломъ рѣченіи ...(недостаетъ листка)...а скончивши тогда орацію поклонился *къ самымъ ногамъ* Е. К. Величеству. Слова «къ самымъ ногамъ» зачеркнуты въ черновомъ спискѣ рукою самого Тяпкина, который вѣроятно опасался написать ихъ въ бѣловой, чтобъ не сочли въ Польскомъ приказѣ Московскомъ за униженіе чести народней слишкомъ усердной поклонъ его сына. л. 412—15.

вуцкій близъ Збаража одержалъ побѣду надъ сыномъ Крымскаго Хана и отбилъ плѣнныхъ, которыхъ онъ велъ въ Каменецъ. Незначительныя побѣды небольшихъ отдѣльныхъ отрядовъ не могли однакоже остановить движенія огромнаго Турецкаго и Татарскаго войска[26].

Сераскиръ предписалъ лѣнивому и робкому Ибрагиму дѣйствовать рѣшительнѣе. Укрѣпивъ 300 пушекъ свой лагерь, съ незначительными силами Король ожидалъ Турокъ[27], рѣшившись погибнуть или побѣдить. Никто не понималъ такъ хорошо своего положенія, какъ Собѣсскій; горько жалуясь на Литовцевъ, оставившихъ его въ самое рѣшительное мгновеніе, онъ хотѣлъ, чтобы пришли па помощь Русскіе, ожидалъ ихъ, негодовалъ, что не приходятъ, хотя долженъ былъ очень хорошо знать что весьма трудно имъ было придти ко Львову. Онъ видѣлъ невозможность бороться съ Турками, но еще невозможнѣе казалось ему, столько разъ побѣдителю Турокъ, безъ бою покориться и стало быть погубить Польшу, на него только полагавшую всю надежду въ лицѣ тѣхъ, которые въ личныхъ распряхъ не совсѣмъ забыли славу отечества. Онъ рѣшился погибнуть или побѣдить; призвавъ жену и дѣтей въ военный станъ, самъ безпрерывно являлся впереди, подвергая свою жизнь опасности. На совѣты приближенныхъ поберечь себя онъ съ грустною гордостію отвѣчалъ: вы стали бы презирать

---

[26] Залусскій, тамъ же.

[27] Тяпкинъ насчитывалъ у Короля 18 гусарскихъ хоругвей, 30 панцерныхъ 13 пѣшихъ полковъ, 35 хорургвей казацкихъ, 15 драгунскихъ полковъ и 300 пушекъ Ст. Сп. ст 385. Залусскій I Epist. XXXII стр: quatordecim hastati militis vexilla, leviora septem, exilisque peditatus totae vires! Sed unus Princeps magnis exercitibus parem animum gessit, unus ubique sufficit se ipso grandum visus implere militiam hic vero cum nondum armis liceret, solo nomine et fama pugnavit. Connor считаетъ у Собѣсскаго 5 т. войскъ и 300 т. Турокъ стр. 149. Далеракъ тоже Hammer кн. LVI не обозначаетъ числа.

меня, еслибъ я послѣдовалъ вашему совѣту[28]. Наконецъ 14 го Августа утромъ показалось войско Турецкое у Львова. Ибрагимъ, опасаясь можетъ быть сразиться съ Собѣсскимъ или не считая нужнымъ употреблять въ дѣло своего войска противъ незначительнаго по количеству непріятеля, отправилъ на Львовъ Нуррадина Султана съ 40-т. Татаръ[29]. На троекратный возгласъ Татаръ: Аллахъ! Поляки троекратно отвѣчали: Jesus! и бросились въ битву. Король повсюду являлся впереди, его храбрость и ловкія роспоряженія доставили блистательную побѣду. Татары отступили. Сильная гроза съ градомъ и снѣгомъ, обойдя войска Короля, ударила на станъ Татарскій передъ битвою и смутила ихъ, какъ предвѣстница несчастія. Пока продолжалась битва, народъ молился въ храмахъ, Королева съ дѣтьми не отходила отъ изображенія Станислава Костки. Современники побѣду приписывали особенному чуду[30]. Никто не могъ повѣрить, чтобы такое незначительное количество войска могло побѣдить огромныя полчища Татаръ. «Всю ночь, Король стоялъ въ обозѣ въ полумилѣ отъ Львова, понеже начаялся съ ордою имѣть битву на утрѣ», писалъ въ Москву Тяпкинъ, но Татары отступили къ Подгаицамъ[31].

Чрезъ нѣсколько дней послѣ знаменитой побѣды, поднявшей духъ Короля, онъ получилъ письмо (18 Авг.) отъ Кн. Ромо-

---

[28] Les fastes de la Russie et de la Pologne p. Dorville I. стр. 181.

[29] Залусскій тамъ же стр 576 и 77, не указывая числа битвы подъ Львовымъ, полагаетъ въ концѣ Августа, что согласно съ показаніемъ Тяпкина, Ст Сп. л. 428; 14-го Авг. по новому стилю придется въ то время 24-го. Ему и Легницу, стр. 249, слѣдуетъ Salvandy T. II стр. 34 и Hammer Кн. LVI. Другіе полагаютъ Сент. 25-го, а Іовзас отодвигаетъ даже на цѣлый годъ впередъ, очевидно ошибочно.

[30] Victoriam promovit urbana pietas ac Reginae potissimum religio. Залусскій I. стр. 576.

[31] Ст. Сп. л. 430, 31.

дановскаго и Гетмана Самойловича, которые увѣдомляли, что приблизились къ Днѣпру, а часть Русскихъ войскъ по ихъ распоряженію уже перешла Днѣпръ и соединилась съ Польскимъ отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ Пана Гуляницкаго. Король, обрадованный вѣстью, а въ тоже время Радзивилъ, немедленно прислали извѣстить о томъ нашего резидента, который на другой день и самъ получилъ царскую грамату [32]. Извѣщая о соединеніи войскъ, Царь поручалъ ему «смотрѣть всякими мѣрами и радѣть накрѣпко, чтобъ Королевское Величество указалъ чинить договоръ своимъ комисарамъ и за Россію». Московскій дворъ былъ постоянно занятъ мыслею о томъ, чтобы Поляки не заключили мира отдѣльно съ Портою. Царь снова предписывалъ Тяпкину согласиться на всѣ возможныя условія, только бы непремѣнно участвовать въ переговорахъ. Резидентъ просилъ свиданія съ Королемъ для врученія ему царскихъ граматъ, давно уже полученныхъ по почтѣ, которыхъ однакоже за военными дѣйствіями онъ доставить не могъ. Король соглашался, но требовалъ однакоже, чтобы резидентъ представился ему запросто, безъ всякихъ посольскихъ обрядовъ. Зная, какъ Московскій дворъ крѣпко стоялъ за всѣ внѣшніе обряды, которыхъ самыя незначительныя измѣненія или нарушенія считалъ оскорбленіемъ, ему поручено было объяснить, что требованія Короля сообразны съ обстоятельствами: онъ находится въ военномъ станѣ, а не въ своей столицѣ; притомъ, уже вездѣ начинаютъ выводиться многосложные, затруднительные обряды посольскихъ сношеній. Резидентъ Польскій въ Москвѣ не только не требуетъ представленій Царю для передачи граматъ Королевскихъ, но просто посылаетъ ихъ въ Посольскій приказъ или передаетъ б. Матвѣеву. Тогда резидентъ «и нехотя склонился на волю Его Королевскаго Вели-

[32] Ст. Сп. л. 431—38. Грам. отъ 18 Іюля.

чества» и вручилъ ему грамоту, явившись однимъ безъ всякой свиты въ шатеръ королевскій. «А когда вошелъ въ шатеръ, Королевское Величество стоялъ подлѣ стола, который былъ малый столикъ, покрытъ ковромъ златоглавнымъ, шатеръ же устроенъ многими цвѣтными вещьми атласными и камчатными нашивными золотными образцами, а внутрь весь подслатъ золотными златоцвѣтными. На земли въ шатрѣ посланы ковры обычные». Кромѣ Яна Гнинскаго и М. Радзивила никого не было при Королѣ. Принявъ грамоты «со всею учтивостію, прехождаючися въ шатрѣ, руки свои назадъ заложивши; Король разговаривалъ съ резидентомъ запросто» и распрашивалъ его объ отношеніяхъ Русскихъ подданныхъ къ Царю, удивляясь особенно, какъ можетъ удерживаться въ подданствѣ Сибирь, Казань, Астрахань и остальные инородцы, подвластные Россіи. Недостатокъ единства между Поляками, постоянныя вражды не только племенъ, какъ Поляковъ и Литовцевъ, но даже и различныхъ областей и партій между собою, гибельныя послѣдствія которыхъ какъ ощутительны были Королю въ это время, невольно обратили его вниманіе на согласіе и единство въ дѣйствіяхъ различныхъ областей, составлявшихъ одно Государство Московское.

Во первыхъ, отвѣчалъ резидентъ, Всемогущій Господь Богъ подкрѣпляетъ Своею десницею престолы Россійскаго Царствія и укрѣпляетъ помазанника, потомъ, хотя инородные племена, покорные Россіи и поганцы суть, однакожъ содержатъ непремѣнно присяги свои по вѣрѣ ихъ, которая языкомъ ихъ именуется шерть». Кромѣ того, продолжалъ онъ далѣе, за премудрымъ государскимъ повелѣніемъ, во всѣхъ странахъ инородныхъ соблюдается слѣдующій обычай: въ городахъ и крѣпостяхъ находятся постоянно Русскія войска и подъ крѣпкимъ карауломъ содержатъ заложниковъ изъ лучшихъ и важныхъ семей каждаго племени, которые перемѣняются въ опредѣленные сроки. «И за такими

крѣпкими аманаты никогда невозможно имъ противъ высокодержавные десницы Великаго Государя измѣнить, понеже что самые ихъ принципалы, се есть начальные господа и Князи и властители ихъ, Его Царскаго Величества премудрымъ совѣтомъ и разсужденіемъ такъ въ милости Государской яко, и въ крѣпости, всегда неотмѣнно въ царствующихъ столицахъ и градѣхъ неотмѣнно пребываютъ[33].»

Не смотря на одержанную побѣду, Король однакоже не могъ успокоиться. Еще въ 12 миляхъ отъ Львова стоялъ Нурредипъ, а войско Ибрагима двигалось къ Волынѣ и Подолью[34]. Визирь не обращалъ никакого вниманія на предложенія Франціи, которая старалась помирить Турковъ съ Польшею и возбудить ихъ противъ Имперіи. Послы Епископа Марсельскаго возвращались безъ всякаго успѣха: нетолько Франція, но даже Венгрія не могли склонить Визиря. До начала Польской войны Порта торжественно обѣщала послать помощь Венграмъ. Черезъ годъ послѣ, Ахмедъ Кеприлю повторилъ тоже обѣщаніе Венгерскимъ посламъ; но не смотря на то не спѣшилъ исполнить обѣщанія[35]. Враждуя съ Россіею и Польшею, онъ опасался новыхъ враговъ. Видя необходимость продолжать войну съ незначительными силами и не желая однакоже принять на себя одного всю отвѣтственность Король, назначилъ военный совѣтъ, въ полѣ, подъ открытымъ небомъ (Августа 26). Прибывъ на мѣсто назначенное, онъ бросилъ бурку на землю, сѣлъ на нее и говорилъ собравшимся воеводамъ и Сенаторамъ, что желаетъ знать ихъ мнѣніе о томъ, должно-ли оставаться въ укрѣпленномъ станѣ подъ Львовымъ и ожидать новаго нападенія непріятеля, или дѣйствуя наступательно идти противъ него. Я не хочу, говорилъ онъ, самъ одинъ рѣшить этотъ вопросъ и

[33] Ст. Сп. л. 429—547. Письмо къ Матвѣеву Авг. 20.
[34] Hammer кн. LVI. 407 и д.
[35] Theatr. Eur II. 872.

желаю знать ваше мнѣніе. Послѣ долгихъ преній рѣшено было, что гораздо безопаснѣе оставаться пока въ укрѣпленномъ станѣ, чѣмъ съ ничтожными силами идти противъ многочисленнаго непріятеля[36]. Поляки поджидали новыхъ подкрѣпленій, особенно со стороны Литвы, послѣ того какъ Пацу дозволено было вновь явиться въ станъ королевскій. Надѣялись также что Русскія войска, уже соединившіяся съ Поляками близь Днѣпра, отвлекутъ силы Татаръ. Въ то время какъ въ Польскомъ станѣ совѣтывались, ожидали и не знали на что рѣшиться, вновь прибылъ гонецъ отъ Царя съ грамотою (Авг. 23) и въ слѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе что Адиль-Гирей осадилъ Бережаны, которыя защищалъ ничтожный отрядъ подъ предводительствомъ Хоружаго Короннаго Сенявскаго[37]. За тѣмъ Татары подступили къ Поморянамъ. Незначительный гарнизонъ (40 чел.) не могъ защищаться и ночью вышелъ со всѣми жителями, оставивъ пустой городъ въ добычу непріятелямъ[38].

Не желая противорѣчить общему мнѣнію, благоразумному смотря по обстоятельствамъ, Король однакоже постоянно скорбѣлъ душевно, что долженъ оставаться въ бездѣйствіи и не имѣетъ достаточно способовъ помогать крѣпостямъ, осажденнымъ непріятелями.

Когда Михаилъ Радзивилъ докладывалъ ему о прибытіи Русскаго гонца «Королевское Величество тогда весьма печаленъ былъ ради непріятельскихъ силъ наступленія подъ Бережаны», какъ писалъ Тяпкинъ, и съ живостію отвѣчалъ ему: брате Княже, лучше бы ты подалъ совѣтъ, какъ помочь Хорунжему чѣмъ слушать посольскія рѣчи. На Россію нѣтъ болѣе надеж-

---

[36] Ст. Сп. л. 447—49.
[37] Залусскій тамъ же 578.
[38] Theatr. Europ. тамъ же стр. 873.

ды[39]. Однакоже гонцу назначенъ былъ пріемъ чрезъ нѣсколько дней (Авг. 28) въ присутствіи Русскаго резидента. Онъ прибылъ ранѣе гонца въ ставку Короля и едва успѣлъ ему представиться, какъ доложено было, что прибылъ въ станъ Гетманъ Литовскій Пацъ. Король, по прошенію многихъ Пановъ, рѣшился съ нимъ помириться и въ этотъ же день назначилъ ему свиданіе. Когда доложили о его прибытіи, онъ, ожидая появленія Паца, пишетъ Тяпкинъ «съ мѣста своего всталъ прехождаяся въ шатрѣ, заложа руки свои назадъ. Лице же ему премѣняшеся блѣдностію и румянцемъ необычнымъ и не сѣлъ до тѣхъ мѣстъ, пока Гетманъ вошелъ въ шатеръ со многими урядниками войска своего». Войдя въ шатеръ, Пацъ три раза поклонился въ ноги королю и говорилъ ему рѣчь, но такъ тихо, что нашъ резидентъ едва разслушать могъ нѣсколько словъ, изъявлявшихъ радость, что онъ видитъ его въ добромъ здоровьѣ. Примиреніе не было искреннимъ. Король не могъ простить Пацу, что онъ лишилъ его славы, отдѣливъ свои войска, измѣнилъ весь планъ его военныхъ дѣйствій и противъ воли и желанія осудилъ на робкое оборонительное только положеніе въ отношеніи къ непріятелю, который разгромилъ всѣ южныя области королевства. Послѣ Паца былъ принятъ и гонецъ царскій со всѣми торжественными обрядами посольскихъ пріемовъ, которые на сей разъ только заставили краснѣть нашего резидента. Когда Сенаторы сѣли по мѣстамъ, въ знакъ особой благосклонности Король подозвалъ резидента и поставилъ подлѣ себя по правую сторону. Гонецъ явился пьяный и кое какъ исполнивъ всѣ обряды посольскіе, въ то время когда уже долженъ былъ выдти изъ шатра, началъ говорить витіеватую рѣчь Королю въ которой предлагалъ ему завоевать Адріанополь, Царьградъ и всю Турцію и подѣлиться добычею

[39] Ст. Сп. л. 450. Письмо къ Матвѣеву Авг. 28.

съ Царемъ. Подъ конецъ рѣчи просилъ одного изъ своихъ провожатыхъ Польскаго Капитана произвести въ Полковники. Удивленный Король, не понимая хорошо содержанія рѣчи, обратился къ Радзивилу, говоря: «для Бога, чего онъ отъ меня требуетъ и о чемъ говоритъ, я не понимаю!». Въ тотъ же день Радзивилъ прислалъ къ резиденту съ просьбою объяснить рѣчь гонца. Оскорбленный поступкомъ Русскаго гонца Тяпкинъ сухо отвѣчалъ, что онъ назначенъ резидентомъ въ Польшу, а не переводчикомъ[40]. Въ новыхъ грамотахъ Царь подтверждалъ прежнія обѣщанія и въ то же время сообщилъ Королю, что прибывшій въ Москву посолъ Персидскій съ его разрѣшенія посылаетъ къ нему особаго посланника съ грамотами отъ Шаха. Извѣстіе было пріятно Королю, хотя бездѣйствіе со стороны Россіи возбуждало постоянные съ его стороны жалобы.

Но точно также, съ тѣхъ поръ какъ помирился съ Королемъ, вздумалъ упрекать нашего резидента и Гетманъ Литовскій. При свиданіи съ Тяпкинымъ (въ первыхъ числахъ Сентября) онъ, шутя и насмѣхаясь, говорилъ ему, что около 150 т. Русскихъ, какъ слышно, выглядываютъ изъ за Кіевскихъ горъ, наблюдая, что станется съ Польскимъ войскомъ; чуть покажется одинъ Татаринъ, всѣ прячутся въ укрѣпленія, а послѣ станутъ пожалуй говорить, что помогали Королю Польскому!

Такая выходка со стороны Паца не могла не оскорбить резидента; онъ отвѣчалъ: напрасно Господинъ Гетманъ Ваша милость удивляетесь, что войска Русскія не спѣшатъ на помощь Полякамъ. Это не безъ причины; воеводы Русскіе давно уже слышатъ о скоромъ собраніи войскъ коронныхъ и Литовскихъ; а между тѣмъ ваша честность, какъ мнѣ кажется, не изъ Кіевскихъ горъ, а изъ Виленскихъ доловъ только что яви-

40 Ст. Сп. л. 456—71 Письмо къ Б. Матвѣеву отъ 3-го Сент.

лись на помощь своему Королю. Вамъ не мѣшало-бы явиться прежде, а не тогда какъ Ибрагимъ взялъ уже 24 города Польскихъ. «И сей помянутый жартъ Гетману», писалъ резидентъ въ Москву, «а наипаче такъ при многихъ и зѣло высокихъ людяхъ непріятенъ и зазоренъ показался и больше того съ резидентомъ онъ слова не могъ говорить[41]».

Новая вѣсть опечалила Короля о взятіи Ибрагимомъ Подгаицъ и Завалова, жестокомъ истребленіи всѣхъ жителей и разрушеніи самыхъ городовъ[42]. Взятые въ плѣнъ Турки расказывали, что Визирь приказалъ Ибрагиму непремѣнно уничтожить всѣ крѣпости до самаго Львова, осаду котораго Султанъ отлагаетъ до весны и придетъ самъ. Собѣсскій не выдержалъ долѣе, и 8-го Сентября, посовѣтовавшись съ Гетманами и Сенаторами, выступилъ изъ Львова къ Терембовлю, который уже находился въ осадѣ у войскъ Ибрагимъ Паши[43].

Нашъ резидентъ присутствовалъ при торжественномъ выступленіи войскъ изъ укрѣпленнаго стана, подъ предводительствомъ самаго Короля. Пройдя нѣсколько верстъ отъ города, Король подозвалъ къ себѣ резидента и говорилъ ему, чтобы возвратился во Львовъ и жилъ «безпечально, а онъ, любя брата своего Его Царское Величество, его резидента въ милости своей государской не оставитъ и хранити будетъ». Нашъ резидентъ ни какъ не могъ привыкнуть къ простотѣ, съ которою обходился со всѣми Король, она казалась ему странною и несовмѣстною съ Королевскимъ достоинствомъ. Когда, прощаясь, онъ поцѣловалъ у Короля руку, а Король въ отвѣтъ, снявъ

---

[41] Тамъ же л. 472—75.
[42] Залусскій тамъ же стр. 578 осада Подгаицъ начата была 9-го Сент. нов. ст.
[43] Ст. Сп. л. 475 об. и 77.

жанну, учтиво ему поклонился—эта непривычная ласка совершенно смутила Тяпкина[44].

Хотя Пацъ явился къ Королю почти безъ войскъ, но въ слѣдъ за нимъ Сапѣга привелъ значительный отрядъ и на пути къ Теребовлю Король присоединилъ къ себѣ отрядъ Станислава Яблонскаго и уже съ 33 т. приближался къ осажденной крѣпости. Гарнизонъ подъ предводительствомъ Самулля Кржановскаго защищался мужественно. Подступивъ къ крѣпости, Ибрагимъ заставилъ Маковецкаго, который находился у него въ плѣну, писать къ Коменданту, уговаривая его сдать крѣпость; но Кржановскій гордо отвергъ предложеніе, отвѣчая, что будетъ защищаться до послѣдней возможности и пашѣ не дастъ другаго отвѣта кромѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Современные писатели сохранили память о женѣ Кржановскаго, которая не менѣе мужа защищала крѣпость, возбуждая духъ воиновъ и сама сражалась въ ихъ рядахъ[45]. Продолжительная осада истощила средства крѣпости, выдержавшей уже четыре приступа. Жители упали духомъ, стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже были разрушены. Въ это время появился Король съ войсками, отправивъ напередъ Богуша Радзивила съ казацкими полками. Но Туркамъ попался въ плѣнъ гонецъ съ королевскимъ письмомъ къ осажденнымъ. Узнавъ отъ него о приближеніи Короля, ихъ такой взялъ страхъ, что немедленно прекративъ осаду, въ безпорядкѣ начали отступать къ Каменцу и оттуда за Дунай. Ихъ задніе отряды успѣли нагнать Поляки и разбили. Крымцы, точно также узнавъ отъ плѣнника Одоевскаго, что Король близко, пустились бѣжать за Прутъ. Имя Собѣсскаго побѣдило враговъ «одна его слава сражалась за насъ», говоритъ современникъ происшествія Залусскій и его слова буквально оправдываются

---

[44] Тамъ же л. 477 об. до 484.

[45] Залусскій I. 77 и др.

обстоятельствами[46]. Польша хорошо знала силы Турокъ и угрожавшую ей опасность и не только не приготовила достаточно средствъ для защиты, но въ слѣдствіе внутренней вражды лишила Короля и тѣхъ способовъ, которыми онъ располагалъ вначалѣ. Не Польша защищала себя, не ея войска, въ распоряженіе Короля отданныя; но единственно Янъ Собѣскій, его слава спасла на время Польшу.

Отрядъ Польскихъ войскъ подъ предводительствомъ Іеронима Любомірскаго ходилъ въ Валахію преслѣдовать Турокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограбилъ жителей и церкви и монастыри Православные. Въ концѣ Октября Король возвратился въ Жолкевъ и войска были поставлены на зимовья, коронныя въ Галиціи около Львова, Литовскія на Волыни и около Брестъ-Литовскаго[47].

---

[46] Epist. I. XXXII 574.
[47] Ст. Сп. л. 491 — 495.

ГЛАВА VIII.

Освобожденная Польша привѣтствовала побѣдителя. Въ то время, какъ одни требовали, чтобы скорѣе онъ возложилъ на себя корону, другіе, успокоившись отъ страха, снова пустились въ заговоры противъ него и особенно Королевы.

Еще при избраніи Яна Собѣсскаго враждебная ему партія, не имѣя достаточно причинъ дѣйствовать лично противъ него, говорила постоянно противъ его жены, которую онъ непремѣнно захочетъ вѣнчать Королевою. Всѣмъ было извѣстно какое сильное она имѣла на него вліяніе, всѣ опасались ея вмѣшательства въ дѣла государственныя, ея ненавидѣли какъ Француженку, привязанную къ своему отечеству и постоянно мирволившую Французскимъ проискамъ въ Польшѣ. Дѣйствія имперской партіи и Королевы Елеоноры усиливали вражду къ супругѣ новаго Короля. Незамѣтныя во время войны, предъ коронаціею, они выказались снова со всею силою. Елеонора было выѣхала изъ Польши, но по случаю похоронъ супруга она прибыла въ Торнъ. Чтобъ ея удаленіе не произвело непріятнаго на Поляковъ дѣйствія, распустили слухъ, что ее хотѣли отравить, и потому только она оставляла Польшу[1]. Было два предположенія: заставить Короля развестись съ супругою и жениться на Елеонорѣ,—предположеніе которому, какъ кажется,

[1] Тамъ же, письмо къ Б. Матвѣеву Февр. 20.

и она не противилась. Другіе, нерасположенные лично къ Собѣсскому, желали вовсе удалить его отъ короны и предложить ее Шведскому Королю или Русскому Царевичу съ условіемъ жениться на Елеонорѣ. Носились слухи, что императорская партія содѣйствовала избранію на престолъ Польскій Шведскаго Короля и онъ самъ изъявлялъ желаніе[2]. Бунтъ въ Данцигѣ, возбужденный въ это время Шведскими проповѣдниками, отчасти подкрѣплялъ слухи, ибо граждане Данцига, большею частію протестанты, выражали прямо желаніе присоединиться къ Швеціи, чтобы избѣгнуть гоненій отъ Латиновъ. Съ другой стороны приверженцы Собѣсскаго разглашали объ открытомъ заговорѣ противъ его жизни, выставляли ссору съ Пацомъ, какъ явную измѣну. Всѣ эти слухи только волновали общественное мнѣніе, обнаруживая взаимную вражду партій; обезсиливали каждую изъ нихъ и давали полную возможность Королю дѣйствовать рѣшительно, не смотря на противодѣйствія враждебныхъ ему партій, разрозненныхъ и безсильныхъ.

По пріѣздѣ въ Жолкевъ рѣшено было назначить коронацію въ началѣ будущаго года. Собѣсскій еще прежде похода думалъ короноваться, какъ видно изъ его переписки съ Примасомъ. Но Ольшевскій совѣтовалъ ему окончить прежде войну съ Турціею[3]. Тотъ же совѣтъ, какъ кажется, давала ему и жена. Тяпкинъ въ письмѣ къ Б. Матвѣеву передаетъ слышанный имъ отъ «людей, доброжелательныхъ Великому Государю, острый разговоръ» Яна III-го съ его супругою по пріѣздѣ въ Жолкевъ. — Нельзя ручаться за его достовѣрность, но обстоятельства однакоже подтверждаютъ его вѣроятность[4].

«Что будешь еще вымышлять теперь, говорилъ ей Король, для того, чтобъ непремѣнно короноваться вмѣстѣ со мною. Пе-

[2] Письмо Мая 16.
[3] Залусскій, тамъ же, 644.
[4] Ст. Сп. л. 495 — 98; Письма Нояб. 5 и 13.

редъ походомъ ты отговаривала меня короноваться, зная что рѣчь посполитая не согласится на то, чтобы и ты короновалась вмѣстѣ со мною. Въ продолженіе этого времени «увидятъ мою прислугу рѣчи посполитой», ты говорила, побѣды, мною одержанныя, заставятъ большую часть изъ любви ко мнѣ не противорѣчить моему желанію короновать тебя, а небольшое число противниковъ страхъ заставитъ молчать. Теперь видишь что случилось въ продолженіе полутора года, въ которые я столько понесъ трудовъ, нужды и печали для рѣчи посполитой. Врагъ изгнанъ, но на время; области опустошены, въ государствѣ бунты, паны ссорятся и не только тебя, но и меня даже не хотятъ допустить до вѣнчанія».

Собѣсскій не торжествовалъ побѣды и не радовался, какъ радовались его приверженцы, и дѣйствительно не чему было радоваться; онъ долженъ былъ это видѣть лучше другихъ. Турки не были побѣждены окончательно; но такъ сказать отступили на время, чтобы весною явиться съ большими силами.

«Ты меня привела до королевства, продолжалъ съ сердцемъ Король, тебя я послушалъ и учинился Королемъ, о чемъ искренно теперь сожалѣю. Чего было лучше, какъ остаться Великимъ Гетманомъ? — Видала-ли ты меня Гетмана когда либо печальнымъ? и никогда не видала ты еще Короля веселымъ».

Если справедливъ приведенный разговоръ, то онъ значительно объясняетъ и дѣйствія Гетмана при его избраніи въ Короли.

Въ слѣдъ за коронаціею долженъ былъ открыться сеймъ, для котораго представителей каждый палатинатъ избиралъ на частныхъ сеймикахъ. Во многихъ мѣстахъ уже открылись сеймики и хотя продолжались довольно мирно, однакоже почти нигдѣ не хотѣли, чтобы Марія была коронована и сынъ Собѣсскаго получилъ титулъ Королевича[5].

---

[5] Theatr. Europ. 1058 Кн. Пос. Снош. съ Пол. № 178, письмо Тяпкина къ Матвѣеву отъ 9 Генв.

Занимаясь приготовленіями къ вѣнчанію, Янъ III не оставлялъ и дѣлъ государственныхъ. Изъ Жолкева переѣхавъ въ Яворовъ, онъ нашелъ тамъ посла Персидскаго, о которомъ еще прежде увѣдомлялъ его Царь, Французскаго, Марсельскаго Епископа, Шведскаго Графа Лименека и гонца отъ Седмиградскаго Князя.

Магметъ Гусейнъ-Бекъ именемъ Шаха увѣрялъ въ желаніи дружбы и союза съ Польшею, что̀ писалъ и Шахъ въ своей грамотѣ, и обѣщалъ даже воевать съ Турками. Его честили и угощали, желая застращать Турцію новымъ союзомъ, а между тѣмъ чрезъ Седмиградскаго Князя и Господаря Молдавіи и Валахіи вели переговоры съ ними. Седмиградскій, увѣдомляя Короля, что Султанъ приготовляетъ значительное войско и на весну вновь собирается воевать Польшу, просилъ принять мѣры къ заключенію мира. Посолъ Шведскій (Дек. 9) предлагалъ также заключеніе съ Польшею оборонительнаго и наступательнаго союза. Война съ Даніею и страхъ Россіи заставлялъ ихъ искать союза съ Польшею[6].

Нашъ резидентъ также требовалъ дозволенія ѣхать въ Краковъ на коронацію, кормовъ и подводъ. Ему дозволено было ѣхать, но въ отношеніи къ корму и подводамъ велѣно обратиться къ государственному казначею Морштину, какъ увѣдомилъ его письмомъ изъ Жолкева Янъ Гнинской (Дек. 9). Резидентъ отвѣчалъ, что онъ присланъ не къ подскарбію коронному или иному кому изъ пановъ Польскихъ, но къ Королю, и потому не считаетъ нужнымъ обращаться съ просьбою къ Морштину, говоря: «не случно мнѣ оставить главу и къ ногамъ бесѣдовать». На свой счетъ онъ выѣхалъ изъ Львова (Дек. 26), встрѣтилъ Короля уже въ Яворовѣ и представилъ ему царскія грамоты, вновь полученныя (Дек. 3) имъ изъ Москвы[7].

---

[6] Ст. Сп. л. 499. 508—514.

[7] Ст. Сп. л. 506 и др. и Кн. Пос. Снош. съ Пол. 1676 г. № 178. Письмо къ Б. Матвѣеву отъ 10 Дек. получ. 22 Генв. и отъ 24 Дек.

Когда Тяпкинъ представился Королю въ Яворовѣ и подалъ грамоту, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій онъ спросилъ его, не имѣетъ-ли какихъ извѣстій изъ Москвы? Имѣю, отвѣчалъ резидентъ, о побѣдѣ царскихъ войскъ въ Крымѣ и о прошеніи Дорошенка, чтобы Царь принялъ его въ свое подданство. Король, какъ писалъ Тяпкинъ, подданству Дорошенка «вельми дивился и говорилъ, что онъ такихъ поступковъ не чаялся[8]».

Войска Русскія, назначенныя въ походъ на Крымъ (въ 1674 году въ Маѣ мѣсяцѣ), въ Іюнѣ вышли съ воеводою Кн. Хованскимъ изъ Тамбова (1-го числа) и степью двинулись къ Крыму. Въ тоже время рѣкою Дономъ (Іюня 28) поплылъ отрядъ его товарища Хитрова на соединеніе съ нимъ изъ Воронежа[9]. Но придя на мѣсто назначенія и соединившись съ Калмыками, стольникъ Хитровъ перессорился съ Кн. Каспулатомъ Муцаловичемъ Черкасскимъ, который возвратился назадъ на Терекъ, жестокостью разогналъ Донскихъ казаковъ и не кормилъ войскъ царскихъ. По жалобѣ Кн. Хованскаго онъ былъ удаленъ и преданъ суду; въ подкрѣпленіе войску назначены были новые отряды[10], а Кн. Каспулатъ самъ явился въ Москву. Войска Русскія ограничились незначительными набѣгами на Крымцевъ.

Дорожа подданствомъ горскихъ народовъ и обращая особенное вниманіе на войну съ Крымомъ, въ Москвѣ приняли торжественно и ласково Князя Каспулата. Во всѣ города подорожные предписано было не задерживая давать подводы и кормы. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву, Царь находился въ лѣтнемъ походѣ на Воробьевыхъ горахъ. Тамъ назначено было ему представиться Царю (Іюня 4-го). По всей дорогѣ разставлены были войска стрѣлецкія; Царь принялъ его въ шатрѣ, окруженный близкими людьми, роскошно одѣтыми въ золотыхъ и объ-

[8] Ст. Сп. л. 514—16. Кн. Пос. Снош. № 178 Письмо отъ 9 Генв.
[9] Полн. Собр. Зак. I № 581.
[10] Дворц. Разр. III 1098. 1099. 1186. 1264.

ярвенныхъ ферезяхъ. Введя Князя Каспулата въ палатку, дьякъ Посольскаго приказа Григорій Богдановъ «челъ службу его многую, какъ Великому Государю служилъ, Астрахань и Терки очистилъ и воровъ и измѣнниковъ и богоотступниковъ Стенку Разина съ братомъ его Фролкомъ побилъ на голову и со всѣмъ ихъ разбилъ». Подойдя къ рукѣ Царя, его посадили «опричненно бояръ, на особой скамьѣ, а скамья была покрыта ковромъ золотнымъ, а сидѣлъ противъ Великого Государя, гдѣ садятся Царевичи, а не съ Бояры». Осыпанный почестями и дарами, Кн. Каспулатъ спѣшилъ исполнить желаніе Царя и просилъ отпустить его немедленно, чтобы воевать Крымскихъ Татаръ[11]. Его желаніе было исполнено, онъ отпущенъ чрезъ пять дней послѣ его прибытія въ Москву (9-го Іюня).

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ онъ извѣстилъ уже Царя о побѣдахъ одержанныхъ имъ вмѣстѣ съ Русскими войсками и Запорожцами въ Крыму[12].

Изъ Царицына онъ выступилъ съ войсками; Калмыцкій Тайша Аюкой однакоже самъ не пошелъ съ нимъ и не послалъ Сереня Тайшу, а меньшаго брата Замсу. Но и послѣдній бѣжалъ съ Дону и Калмыковъ человѣкъ съ тысячу оставалось только съ нимъ подъ начальствомъ Мазанъ-Батыря. Узнавъ что Кн. Каспулатъ съ незначительными силами идетъ въ Крымъ, а Калмыки разбѣжались, Донскіе казаки съ Атаманомъ Фроломъ Миняевымъ пошли ему на помощь, по распоряженію Князя Хованскаго. Соединившись потомъ съ Запорожцами, онъ напалъ на Крымъ.

Запорожцы давно собирались отомстить Татарамъ за нападеніе вмѣстѣ съ Янычарами на Сѣчу. Сѣрко, по возвращеніи изъ Чигирина собравши въ Кошъ все товарищество, предложилъ

[11] Дворц. Разр. 1395. 1431. 32. 33. 34. 54. 58.
[12] Полн. Собр. Зак I. 613.

походъ въ Крымъ, который всѣ казаки приняли съ радостію[13]. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ чрезъ Сивашъ они пришли къ Перекопу, разбили сторожевыя Татарскія войска и проникли въ глубь до Каменнаго мосту. Сѣрко оставался у Сиваша, отпустивъ отдѣльныя станицы казаковъ на пять дней въ Крымъ грабить улусы. Калга Султанъ, испуганный вѣстью о вторженіи непріятелей, писалъ къ Хану, находившемуся съ ордами въ Украйнѣ, прося его возвратиться домой, а на скоро собранное войско отправилъ къ Сивашу, чтобъ загородить выходъ непріятелямъ изъ Крыма. Три Султана предводительствовали Татарскими ордами, напавшими на Кн. Каспулата и Сѣрко[14], въ тотъ день когда отдѣльные отряды Казацкіе должны были возвратиться изъ Крыма. Они пришли во время битвы, ударили въ тылъ Татарамъ и довершили покореніе. Кн. Каспулатъ, послѣ одержанной побѣды, пошелъ вмѣстѣ съ Сѣркомъ на Запорожье и оттуда увѣдомилъ Царя о своихъ дѣйствіяхъ.

Объ этой побѣдѣ Царь извѣстилъ Польскаго Короля. Но о покорности Дорошенки нашъ резидентъ не имѣлъ подробныхъ извѣстій и потому на вопросъ Короля не могъ объяснить ему настоящаго положенія дѣлъ. Въ то время когда Собѣсскій находился подъ Львовымъ и вступилъ въ переговоры съ Крымцами, храбрый предводитель Запорожскій Сѣрко, непримиримый врагъ Татаръ, сильно оскорбился такимъ поступкомъ. Помогая прежде Полякамъ въ войнѣ противъ невѣрныхъ, онъ не только намѣревался отложиться отъ нихъ самъ, но даже уговаривалъ къ тому Дорошенка, совѣтуя ему отдаться въ подданство Россіи. Между тѣмъ, разосланные Гетманомъ Самойловичемъ по всей Украйнѣ, универсалы противъ Дорошенки волно-

---

[13] Лѣтоп. Велички II. 372—84.

[14] Нали-Гирей, Умарекъ-Гирей и Девлетъ-Гирей. Грамоты Царскія къ Польск. Королю 1674 Апр. 30 и 1675 Окт. 13. Пос. Кн. Снош. съ Пол. этихъ лѣтъ.

вали народъ. Тщетно онъ писалъ къ Гетману, увѣряя его въ своей любви къ отечеству, Самойловичь отвѣчалъ ему, предлагая вступить въ подданство Русскаго Царя, какъ единаго православнаго, или не тревожить его болѣе своими письмами[15]. Между тѣмъ войска Русскія постоянно противъ него дѣйствовали. Въ то время какъ Поляки сражались съ Турками на Волыни, Кн. Ромодановскій и Гетманъ Самойловичь взяли Корсунь и всѣхъ жителей перевели на другую сторону Днѣпра. Угрожаемый царскими войсками, Дорошенко склонялся на увѣщанія Сѣрко и вмѣстѣ съ нимъ присягнувъ Царю, отправилъ посольство въ Москву (Декабря 23), которое прибыло туда только въ то время, когда Король Польскій торжественно въѣзжалъ въ Краковъ для коронаціи.

Отвѣтъ царскій Дорошенку еще не могъ быть извѣстенъ, а между тѣмъ Король уже отправилъ посломъ П. Гидза къ Седмиградскому Князю, прося его склонять къ миру Султана (Декабр. 20). Онъ поручалъ ему говорить, что войну съ Поляками Султанъ началъ за Дорошенка, который отложился отъ Польши и присоединяется къ государству Московскому со всею подвластною ему Украйною; о городахъ и областяхъ Украйны, принадлежащихъ еще Польшѣ, ему хлопотать не стоитъ, его же войска опустошили ихъ совершенно. Вмѣсто войны гораздо лучше Султану выслать своихъ полномочныхъ для заключенія мира съ Польшею[16].

Послѣ свиданія Король отправилъ нашего резидента въ Краковъ и прежде своего туда отъѣзда назначилъ посольство въ Седмиградскую землю. Хотя въ это время резидентъ ходилъ по Кракову, осматривая достопримѣчательности, однакоже сами

---

[15] Малорос. Дѣла 1675 № 4.

[16] Кн. Пос. Сн. съ Пол. № 178. Письмо отъ 17 Генв. Ст. Сп. л. 517-18.

Поляки увѣдомили его о посольствѣ, и онъ съ своей стороны сей часъ написалъ въ Москву[17].

Между тѣмъ въ Москвѣ резидентъ Польскій въ Декабрѣ (19-го) мѣсяцѣ въ переговорахъ съ Б. Матвѣевымъ просилъ чтобы со стороны Россіи на коронаціонный сеймъ отправлены были полномочные послы для заключенія договора о мирѣ или по крайней мѣрѣ перемирія и о соединеніи Рускихъ войскъ съ Польскими будущую весну.

Хотя въ грамотахъ къ Царю и въ запискахъ, представляемыхъ Свидерскимъ въ Посольскій приказъ, Поляки и прославляли свои побѣды надъ Турками, но въ тоже время признавались однакоже, что не имѣютъ достаточныхъ силъ для сопротивленія непріятелю, и безъ Русской помощи принуждены будутъ заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Бѣдственное положеніе извѣстно было и по письмамъ нашего резидента изъ Львова. По договорамъ, Россія должна была соединить часть своихъ войскъ съ Польскими и только вмѣстѣ съ Польшею сопротивляясь Султану, получала право и на заключеніе мира не иначе, какъ вмѣстѣ съ нею. На какихъ бы условіяхъ одна Польша не заключила мирнаго договора съ Турками, во всякомъ случаѣ онъ былъ невыгоденъ Россіи. Войска Турецкія, по заключеніи съ нею мира, обратились бы на Россію. Между тѣмъ послѣ стольнихъ неудачныхъ попытокъ соединеніе войскъ Русскихъ съ Польскими въ Москвѣ считали уже рѣшительно невозможнымъ. Оставалось выбирать одно изъ двухъ: или вовсе не помогать Польшѣ, нарушить договоръ и навлечь на себя войну съ Турками и Татарами или придумать новый способъ помочь Польшѣ.

Нарочно для того собранная боярская дума (въ концѣ Декабря) разсматривала слѣдующее. Въ грамотѣ, привезенной къ Царю Кладницкимъ, Король Польскій, требуя помощи, особенно

[17] Ст. Сп.

указывалъ на Крымъ и просилъ послать противъ Татаръ войско. Посланникъ же вмѣстѣ съ резидентомъ, которымъ Король далъ полную мочь для заключенія договора, предложили, чтобы Царь послалъ 30 или 40 тысячь войска противъ Крымцевъ и тѣмъ отклонилъ ихъ отъ войны противъ Польши, говоря, что безъ помощи Татаръ Турки не начнутъ войны съ Польшею, а если бы и начали, то съ одними Турецкими силами Поляки имѣютъ полную надежду справиться сами. Основываясь на такомъ предложеніи положено было послать войска въ значительномъ количествѣ противъ Крыма, а для того чтобы Турки не могли подать имъ помощи, требовать, чтобы Поляки шли къ Дунаю и удерживали Турецкія силы. Такимъ образомъ, предлагая Польшѣ новый способъ военныхъ дѣйствій, Россія очевидно хотѣла поставить ее въ тоже самое положеніе, въ какое годъ тому назадъ Собѣсскій думалъ поставить Россію. Выступая въ походъ противъ Турокъ и желая ихъ обезсилить, онъ хотѣлъ, чтобы Русскія войска шли на Крымъ и такимъ образомъ лишили бы возможности Крымцевъ соединиться съ Турками и подкрѣпить ихъ. Дѣйствія Русскихъ послужили бы только вспомогательнымъ средствомъ для Поляковъ. Теперь напротивъ Россія предпринимала сама походъ противъ Татаръ и подвигая значительныя силы къ Крыму, требовала, чтобы Польша не дозволяла Туркамъ соединиться съ Крымцами, встрѣтивъ ихъ на Дунаѣ. Очевидно главнымъ дѣйствующимъ лицемъ являлась уже Россія, а Польша становилась просто ея союзницею.

Царь утвердилъ мнѣніе думы и приказалъ сдѣлать военныя распоряженія. Войска, находившіяся подъ начальствомъ Кн. Ромодановскаго и Гетмама Самойловича, отъ Днѣпра предполагалось двинуть на Крымъ. Съ другой стороны имъ должны были помогать Черкасы подъ предводительствомъ Каспулата Муцаловича Черкасскаго вмѣстѣ съ Калмыками, Башкирцами

и Русскими ратными людьми изъ низовыхъ городовъ. Нападая съ двухъ сторонъ на Крымъ, они должны были встрѣтить новые отряды, которые подъ начальствомъ Кн. Петра Ив. Хованскаго должны были, соединясь съ Запорожцами и Сѣркомъ, идти тоже на Крымъ. Выводя войска, занимавшія всю Малороссію и Украйну, на ихъ мѣсто въ Малороссійскіе города должны были вступить новыя, предводимыя Кн. Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ; а къ Дону на Бѣлгородскую черту двинуться отряды Кн. Константина Осиповича Щербатаго. Апрѣля 8-го всѣ отряды предложено было двинуть съ занимаемыхъ ими мѣстъ и вести къ новому назначенію.

На требованіе Поляковъ, чтобы прислать посольство на коронаціонный сеймъ, будто-бы обѣщанное Русскими на съѣздѣ посольскомъ, для заключенія договора какъ о помощи войсками, такъ и о продолженіи перемирія, дума предполагала отвѣчать слѣдующимъ образомъ. Кн. Одоевской при переговорахъ съ Марціаномъ Огинскимъ отложилъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ до будущихъ переговоровъ, вовсе не обѣщая однакоже отправить особаго посольства на сеймъ коронаціонный. По Андрусовскому договору для окончательнаго рѣшенія всѣхъ споровъ между Россіею и Польшею предположено было составить съѣздъ съ посредниками отъ дворовъ иностранныхъ. Въ настоящее время необходимость скорѣйшаго заключенія договора по военнымъ обстоятельствомъ препятствуетъ исполненію такого намѣренія. Потому слѣдуетъ только продлить перемиріе вновь на 13 лѣтъ и договоръ какъ о перемиріи, такъ и о совокупныхъ военныхъ дѣйствіяхъ поручить Русскому резиденту въ Польшѣ заключить съ рѣчью посполитою.

Утвержденныя Царемъ предположенія думы сообщены были Польскому резиденту особою запискою изъ Посольскаго приказа (Генв. 14) и предложены въ царской грамотѣ (Генв. 14) Королю Польскому.

ГЛАВА IX.

Царь Алексѣй Михайловичь скончался въ то время, когда въ Москву только что съѣхались посланники сѣверныхъ державъ Европейскихъ и начинались дѣятельные и важные переговоры.

Во все лѣто 1675-го года, хотя продолжались съ прежнею силою военныя дѣйствія Франціи и Швеціи противъ Голландіи и ея союзниковъ; однако необходимость мира становилась болѣе и болѣе ощутительною. Блестящіе успѣхи Тюреня и Конде привели однакоже къ тому, что войска Французскія оставили непріятельскія земли и сосредоточились на своихъ границахъ. Финансы Франціи истощились, усиленные налоги возбуждали ропотъ и волненія, число войскъ уменьшилось значительно. Даже Король Французскій чувствовалъ потребность мира; но хотѣлъ завоевать миръ и предписать побѣжденнымъ. Онъ приступилъ къ рѣшительной мѣрѣ, къ которой вообще Короли прибѣгали рѣдко, неохотно и въ случаяхъ крайнихъ, созвалъ — *ban* и *arrière ban*. Волненія внутри государства усилились, Бретань, Нормандія и Гвіена бунтовали, между дворянствомъ открылся заговоръ. Успѣшныя дѣйствія Французскаго флота на Средиземномъ морѣ противъ соединенныхъ силъ Испаніи и Голландіи, занятіе Сициліи и побѣды въ Каталоніи не улучшали состоянія Франціи. Главныя войска, дѣйствовавшія на Рейнѣ и въ Голландіи, не были достаточно сильны, чтобъ успѣшно противустоять союзнымъ силамъ Имперіи и Голландіи. Смерть Тюреня, ссоры, возникшія потомъ между начальниками, заставили

Французовъ не только удалиться къ своимъ границамъ, но даже опасаться, что войска имперскія, предводимыя Монтекукули, вторгнутся въ предѣлы Франціи. Вильгельмъ Оранскій въ союзѣ съ имперіею, Испаніею и Бранденбургомъ, дѣйствовалъ съ прежнимъ постоянствомъ, расчетливо и съ большею противъ прежняго силою.

Союзъ съ Швеціею не принесъ значительныхъ выгодъ Франціи. Вторгнувшись въ Померанію и Бранденбургскую Марку, Шведы принудили Курфюрста вызвать вспомогательные отряды, которые онъ послалъ Вильгельму Оранскому и въ Польшу. Но пораженные при Ротенау и Фербелинѣ, Шведы оставили Бранденбургскія владѣнія и преслѣдуемые въ своей Помераніи, едва держались. Совокупныя съ Франціею военныя дѣйствія Швеціи произвели однакоже важное вліяніе на дипломатическія сношенія Европейскихъ Государствъ. Голландія, Данія, Бранденбургъ и Германская имперія обратились къ Россіи, съ просьбою принять болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ Европы.

Прежде, нежели прибыли въ Москву посланники сихъ государствъ, нашъ резидентъ стольникъ Тяпкинъ увѣдомилъ изъ Варшавы о намѣреніи Шведовъ воевать Бранденбургъ. Онъ писалъ въ Посольскій приказъ, что Цесарь, Испанія, Данія и Голландія, узнавъ о движеніи Шведовъ, просили Курфюрста Бранденбургскаго не разрывать союза съ ними и наряжаютъ пословъ въ Россію затѣмъ, чтобы просить Царя вступить въ союзъ съ ними и воевать Шведовъ со стороны Лифляндіи и Финляндіи. Они надѣются, что Царское Величество, начавъ такимъ образомъ военныя дѣйствія, принудитъ Шведовъ вызвать свои войска изъ Помераніи и защищатся противъ Русскихъ. «Факцыя Французжская и Шведская съ дворомъ Польскимъ строятся подъ такимъ намѣреніемъ, чтобъ конечно того союзу, котораго всѣ Нѣмецкія земли у Великаго Государя, Его Царскаго Величества желаютъ, не допустить никакими спосо-

бами». Говоря о согласіи Польскаго правительства съ Шведами и Французами, резидентъ постоянно оговаривается, что это согласіе только съ дворомъ Польскимъ, а не съ рѣчью посполитою—«понеже рѣчь посполитая Польская отъ того странна». Дѣйствительно рѣчь посполитая требовала союза съ Россіею и Бранденбургомъ и войны съ Турками; сношенія Короля съ Франціею и Шведами производились даже безъ ея вѣдома. «У всѣхъ Нѣмецкихъ рѣшь, продолжаетъ резидентъ, Даніи, Голландіи, Бранденбурга и Имперіи, по части войска у каждаго отдѣлено на Шведа и стоятъ въ готовности на границахъ, а сами тѣ Государи особами и со всѣми силами своими стать имѣютъ противъ Французскаго. Только того ожидать будутъ, каково изволеніе и отвѣтъ чрезъ пословъ своихъ услышать отъ Царскаго Величества». Съ своей стороны совѣтуя Россіи вступить въ союзъ съ Германскими державами, онъ говоритъ, что тогда «факція Французская и Шведская съ дворомъ Польскимъ,—а не съ рѣчью посполитою,—до конца разрушится и посрамлена будетъ на весь свѣтъ; подъ ногами у коней Московскихъ растоптана будетъ».

Но въ то время какъ Голландія съ государствами Германскими составляли одинъ союзъ и привлекали въ него Россію, Франція устроивала другой съ Польшею, Турціею и Венграми. «Чрезъ резидентовъ и агентовъ своихъ успокоетъ и приводитъ Турецкаго Султана съ Польскимъ государствомъ и съ Дорошенкомъ и съ Ханомъ, чтобъ, на чемъ возмогутъ, учинили миръ и сею весною соединилися иттить на Государство Московское», писалъ Тяпкинъ. Для видовъ Франціи нужно было помирить Турцію съ Поляками и потомъ заставить ее оказать помощь Венграмъ, по обѣщанію давно изъявленному. Тогда Имперія, занятая внутреннею войною, была бы принуждена отозвать свои войска, дѣйствовавшіе на Рейнѣ. Польша съ своей стороны могла также вмѣстѣ съ Венграми воевать

Имперію, или начавъ войну съ Бранденбургомъ, отклонить вмѣшательство Курфюрста въ дѣла Голландіи съ Франціею и тѣмъ помочь Шведамъ. Собѣсскому въ тайныхъ переговорахъ Епископъ Марсельскій уже предлагалъ Венгерскую корону или присоединеніе Бранденбургскихъ владѣній къ Польшѣ. Но отношенія Франціи къ Дивану значительно измѣнились, послѣ смерти верховнаго Визиря Ахмета Кюприлу, ходатайство о заключеніи мира съ Польшею мало имѣло успѣха. Быть можетъ въ видахъ Франціи, которымъ такъ подчинялся дворъ новаго Короля Польскаго, присоединялось и особенное желаніе со стороны Польши: по заключеніи мира съ Турціею составить новый союзъ съ нею, Крымскимъ Ханомъ и Шведами и совокупно дѣйствовать противъ Россіи. По крайней мѣрѣ нашъ резидентъ положительно говоритъ о такомъ намѣреніи, которое впрочемъ представляется естественнымъ, если обратить вниманіе на современныя отношенія сихъ государствъ къ Россіи.

Польша искони питала надежду пріобрѣсть не только Кіевъ и Смоленскъ, но даже завоевать Новгородъ и Псковъ. Присоединеніе къ Россіи въ это время Малороссіи, не только по сю сторону Днѣпра находившейся, но даже явные виды на заднѣпровскую, естественно возбуждали Польшу къ разрыву съ Россіею. Только война Турецкая ей связывала руки и заставляла по видимому поддерживать союзъ съ Москвою. Изъ ненависти къ Французскому вліянію и нѣкоторыхъ изъ пановъ Литовскихъ лично къ Королю, большая часть рѣчи посполитой желала его союза, особенно — Литва.

Виды на заднѣпровскую Малороссію, война противъ Дорошенки, подданнаго Оттоманской Порты, и Крымцевъ, признававшихъ ея верховное надъ собою владычество, заставляли и Турцію начать войну съ Россіею. Тѣмъ паче желали войны Крымскіе Татары. Съ одной стороны, тревожимые постоянно набѣгами казацкими, съ другой тѣснимые съ Дона Русскими вой-

сками, они считали Россію исконнымъ врагомъ. Имъ чувствительно было ея движеніе къ берегамъ Чернаго моря, необходимо соединенное съ окончательнымъ паденіемъ Татарскаго владычества въ южныхъ предѣлахъ восточной Европы. Франція менѣе казалась грозна нашему резиденту, нежели Польша въ союзѣ съ Турціею. О французскихъ силахъ писалъ онъ въ Москву, «явное знаменіе показуется, что силы его слабѣютъ, когда уже чужія войска затягаетъ къ себѣ въ помощь и уже не такъ о расширеніи государства своего стараніе имѣетъ, но какъ бы покой одержать, безъ ущербу своихъ земель. Понеже шляхты въ его государствахъ зѣло много въ тѣхъ войнахъ и битвахъ пропало. Того ради и въ жалобахъ (въ траурѣ) заказано подъ смертію ходить: была бы большая половина государства шляхетскихъ знатныхъ и великихъ родовъ въ жалобахъ. Купецкія дѣла отъ Голланцевъ остановлены, а наипаче отъ великихъ поборовъ и податковъ оскудѣло государство его»[1].

Въ Москвѣ уже знали, чего хотятъ отъ Россіи Европейскія государства, когда въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1675-го года пришло извѣстіе изъ Смоленска о пріѣздѣ Бранденбургскаго посла Скультета и Голландскаго гонца Рейзера съ объявленіемъ, что въ слѣдъ за нимъ прибудутъ чрезвычайные послы Соединенныхъ Штатовъ черезъ Архангельскъ. За тѣмъ къ Русскимъ границамъ прибыли послы имперскіе, а со стороны Даніи въ Москвѣ уже находился постоянный резидентъ Монсъ Гей[2]. Посланниковъ принимали съ обычными почестями, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайнею осторожностью; находившимся при нихъ Русскимъ приставамъ предписывалось: «буде посланники учнутъ

[1] Письмо отъ 13-го Мая 1675 г.
Ст. Списокъ пребыванія въ Польшѣ Столн. Тяпкина л. 3332 слѣд. (рукоп.).
[2] Его называютъ Gine и Göe. Büsching's Mag. № 1. Кленка Hist. Nrhael. и пр.

спрашивать про какія вѣсти, и имъ говорить краткимъ обычаемъ, а больше отговариваться невѣдѣніемъ: что онъ былъ въ отъѣздѣ и слышать ему не лучилось. А о чемъ съ ними послы поговорятъ, о томъ сказывать въ Посольскомъ приказѣ».

Прежде другихъ прибылъ въ Москву Бранденбургскій посолъ [3]. Датскій резидентъ М. Гей первый пріѣхалъ къ нему (Августа 17-го), не имѣя на то права. Послы, вновь пріѣзжавшіе въ Москву, могли принимать полномочныхъ другихъ державъ только послѣ своего представленія Царю. М. Гей надѣялся извиниться предъ б. Матвѣевымъ тѣмъ, что дворъ Бранденбургскій въ союзѣ съ Даніею и ведетъ переговоры о томъ же вопросѣ съ Московскимъ дворомъ. Но онъ обманывалъ Скультета; его отношенія къ Матвѣеву были въ это время такъ дурны, что никакими средствами ему не удалось-бы оправдаться передъ нимъ». Московскій дворъ, говорилъ онъ Скультету крайне негодуетъ на Швецію за вторженіе въ области Бранденбургскаго Курфюрста. Но когда Скультетъ спросилъ Гея: можно-ли надѣятся, что Россія начнетъ войну съ Швеціею и пошлетъ войска въ Карелію и Лифляндію?—онъ отвѣчалъ: трудно; здѣсь почитаютъ за грѣхъ нарушить вѣчный миръ. Московскій дворъ гораздо болѣе расположенъ къ заключенію договора съ Римскою имперіею и со всѣми ея союзниками для изгнанія Турокъ изъ Европы. Когда я говорилъ объ этомъ съ Матвѣевымъ, продолжалъ Датскій резидентъ, и спрашивалъ его: почему не составить такого же союза противъ Шведовъ?—онъ отвѣчалъ: мы не знаемъ взаимныхъ выгодъ и отношеній Нѣмецкихъ владѣтелей, не знаемъ, когда и

---

[3] Посол. Кн. Снош. съ Бранденбургомъ № 5 Авг. 1-го прибылъ въ Вязьму, 9-го въ Москву; но въ Дворц. Разр. показано 6-го Августа, пришелъ посланникъ Нѣмецкіе Ондебурскіе земли къ Москвѣ. Т. III, стр. 1851. По собственному сказанію Скультета, онъ въѣхалъ торжественно въ Москву 10-го Августа. Büschings Mag. VI. 21.

какимъ образомъ они могутъ между собою уладится, и потому не хотимъ вмѣшиваться въ ихъ частныя дѣла.—Отвѣтъ боярина Матвѣева ясно обличаетъ взглядъ тогдашней Россіи на дѣла Европейскія. Она не хотѣла вмѣшиваться въ частные вопросы отдѣльныхъ государствъ между собою, но считала необходимымъ участвовать въ нихъ тогда только, когда они касались до Россіи и въ той мѣрѣ, въ какой пользы Россіи требовали. Съ этой точки зрѣнія она смотрѣла на Шведскія дѣла. Вопросы же, касавшіеся всей Христіанской Европы возбуждали всегда сильное сочувствіе въ Русскомъ дворѣ. Таковъ былъ вопросъ объ изгнаніи Турокъ изъ Европы. Но и къ нему въ это время примѣшивался другой вопросъ—о Польшѣ, въ отношеніи къ которому древняя Россія имѣла особые виды.

«Здѣсь мало заботятся о гибели Польши, говорилъ Гей Скультету, напротивъ желаютъ, чтобы она обезсилѣла въ войнѣ съ Турками и надѣются потомъ отнять у ней Литву[1]. Конечно Россія не желала дѣйствовать противъ Турокъ подъ предводительствомъ Польши. Предлагая Римскому Императору совокупить въ одинъ союзъ державы Европейскія, она готова была вмѣстѣ съ Персіею и горными Князьями Кавказскими дѣйствовать противъ Порты оружіемъ, а Европейскому союзу помогать деньгами. Россія не отказывалась помогать и Польшѣ; но въ этомъ случаѣ съ одной стороны она преслѣдовала свои виды на Малороссію, съ другой смотрѣла на войну Поляковъ съ Турками, какъ на частный случай вражды между двумя народами, которая грозила ея собственнымъ предѣламъ. Она въ этомъ случаѣ отстранила общій вопросъ о Туркахъ.

При торжественномъ представленіи Государю, Скультетъ подалъ грамоту отъ Курфюрста и словесно объяснилъ цѣль сво-

---

[1] Büschings Magasin. VI. Beschreibung der gwoten Gesandschaft Welche I. Scultetus 1675 nach Russland angetreten стр. 25 и слѣд.

его посольства[5]. Курфюрстъ жаловался на Шведовъ и просилъ, чтобы Россія начала войну съ ними въ Лифляндіи. Въ переговорахъ съ боярами онъ повторилъ тоже желаніе своего государя, но получилъ въ отвѣтъ, что Россія находится въ перемиріи съ Швеціею. Хотя Шведы и не исполнили многихъ условій перемирія, однакоже Россія не можетъ его нарушить и объявлять ей войну, потому что уже назначенъ съѣздъ Русскихъ и Шведскихъ полномочныхъ на границахъ для рѣшенія всѣхъ возникшихъ споровъ[6]. Пока неизвѣстно чѣмъ кончится съѣздъ, Россія не можетъ дать положительнаго отвѣта Курфюрсту о своихъ будущихъ намѣреніяхъ; но по окончаніи съѣзда немедленно извѣстить его особымъ посольствомъ.

Переговоры съ полномочными державъ иностранныхъ производились во дворцѣ царскомъ или въ Посольскомъ приказѣ, смотря по важности самихъ полномочныхъ и большему или меньшему значенію въ глазахъ Россіи тѣхъ государствъ, откуда они являлись. Скультетъ велъ переговоры съ А. С. Матвѣевымъ и подчиненными ему дьяками въ Посольскомъ приказѣ. Длиннымъ переходомъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, дьякъ привелъ его въ небольшую горницу, обитую краснымъ сукномъ, въ углу которой стоялъ маленькій столикъ, покрытый шелковымъ, съ золотыми и серебряными узорами, ковромъ. На немъ стояла вызолоченная чернилица и нѣсколько свернутыхъ столбцевъ бумаги. За этимъ столомъ, сидя рядомъ съ бояриномъ, бесѣдовалъ Бранденбургскій посланникъ. Хотя окончательное рѣшеніе предложеннаго имъ вопроса было отложено до будущаго времени, однакоже Матвѣевъ далъ ему замѣтить, что Мо-

---

[5] Пріемъ его 18-го Авг. Пос. Кн. № 5 и Дворц. Разр. III. 1605 Büschings Magas. VI. 26.

[6] Переговоры 20 Авг.; отпущенъ обратно 4-го Октября съ грам. отъ 30-го Сент. Пос. Кн. № 5 и Дворц. Разр. III стр. 1610.

сковскій дворъ недоволенъ Швеціею и войска, расположенныя около Новагорода, Пскова и Великихъ Лукъ, уже велѣно собрать Князю Хованскому и придвинуть къ Шведскимъ границамъ. Но окончательно разорвать союзъ и начать войну съ Швеціею Россія не можетъ по причинамъ, ему объявленнымъ и потому что ожидаетъ чрезвычайнаго посла Голландскаго.

Между тѣмъ въ это время прибыли въ Москву и послы Имперскіе Францискъ де-Батони и Карлъ Терлингеръ де-Гусманъ[7]. Едва они въѣхали въ Москву[8] какъ резидентъ Датскій два раза успѣлъ побывать у нихъ. Приведенные въ сомнѣніе, послы Имперскіе послали къ Скультету спросить[9]: могутъ ли они принимать пословъ иностранныхъ державъ? «Я не знаю здѣшнихъ обычаевъ, отвѣчалъ Скультетъ, однакоже полагаю, что здѣсь не принято посѣщать вновь прибывающихъ пословъ до представленія ихъ Царю». Желая повидаться съ Имперскими послами, Скультетъ предварительно просилъ позволенія у б. Матвѣева, и получилъ его немедленно. Нѣсколько разъ и къ нему пріѣзжалъ М. Гей, увѣрялъ, что Король Датскій далъ ему полную мочь заключить договоръ съ Россіею по его усмотрѣнію. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ союзники его Короля совокупно вели переговоры и заключили общій союзъ съ Россіею противъ Шведовъ. Россіи можно было по его мнѣнію обѣщать Лифляндію, а Голландія и Данія останутся довольны тѣмъ, что вся Рижская торговля перейдетъ въ ихъ руки. Но Бранденбургъ почти не имѣлъ участія въ торговлѣ Балтійскаго моря. Не видя особенныхъ для своего отечества выгодъ отъ подобнаго союза, Скультетъ отклонился отъ участія какъ въ совокупныхъ съ другими послами перего-

[7] Скультетъ называютъ его: de—Terloni. Buschings Mag. VI. 50.
[8] Пос. Кн. Сношеній съ Австр. № 24-й Они прибыли въ Москву 25-го Августа.
[9] Августа 26-го Büschings Mag. VI. 42.

ворахъ, такъ и заключенія общаго союза[10] тѣмъ, что не имѣетъ на то полномочія отъ своего двора. Что же касается до союза съ Россіею противъ Турокъ, то нѣтъ особенной нужды заключать новый союзъ, говорилъ онъ, ибо Бранденбургскій Курфюрстъ, какъ членъ Римской имперіи и такъ обязанъ помогать Императору частію войскъ, въ случаѣ войны Турецкой. М. Гей увѣрилъ его, что заключить общій союзъ съ Россіею желаетъ Имперія и съ этою цѣлію прибыли ея послы. Но при свиданіи съ Бранденбургскимъ посломъ, Баттони объявилъ, что ничего подобнаго онъ не говорилъ Гею, что они присланы только присматриваться къ ходу дѣлъ и прислушиваться къ переговорамъ, а не для того, чтобы заключать какіе-либо новые союзы. Царь Московскій нѣсколько разъ присылалъ пословъ къ Императору, по этому слѣдовало и къ нему отправить посольство имперское[11]. Что же касается Даніи, то, прибавилъ Баттони, я совѣтовалъ ея резиденту прежде всего искать союза съ Римскою имперіею. Дѣйствительно послы Имперскіе, слѣдуя постоянному обычаю своего государства, обошли всѣ наиболѣе важные вопросы, не учинили давно самою Имперіею предлагаемаго союза съ Россіею противъ Турокъ, но отложили переговоры до будущаго съѣзда полномочныхъ пословъ съ обѣихъ сторонъ. Впрочемъ имъ было поручено не только прислушиваться къ переговорамъ другихъ. Послѣ долгихъ споровъ о титулахъ[12], они подписали однако

[10] Тамъ же стр. 40 и 43, свиданіе Август. 23 и 28.

[11] Plus ad audiendum, quam ad dicendum . . . . eine allianz aufzurichten habe er keinen Befehl, sondern musste gleichfals alles ad referendum nehmen. Тамъ же стр. 46.

[12] Австрія со временъ Бориса Годунова именовала Царей «Пресвѣтлѣйшество»; Царь Алексѣй Михайловичь требовалъ, чтобы его именовали: Величество-«дабы Цесарское и Царское Величество были въ равной чести;» требовалъ, чтобы грамоты къ нему вручалъ его посламъ самъ Императоръ лично. Послы согласились и подписали договоръ 9-го октября. Подл. хранится въ Архив. Иностран. Дѣлъ въ Москвѣ.

же тайный договоръ, заключавшійся въ томъ, что Имперія не будетъ входить въ дружескія сношенія съ врагами Россія, и Россіи съ своей стороны съ врагами Имперіи до заключенія между обѣими окончательнаго союза. Для этой цѣли Россія подвинетъ часть войска къ границамъ и отправитъ полномочныхъ пословъ; тоже съ своей стороны сдѣлаетъ Имперія. Важнѣйшею статьею договора была та, чтобы обоимъ государствамъ поддержать взаимно существованіе Польши. Россія не желала ей погибели; Имперіи она была нужна для того, чтобъ воевать съ Турками[13].

Каждый изъ пріѣзжавшихъ въ Москву иностранныхъ посланниковъ преслѣдовалъ частныя выгоды своего государства. Возгласы о Европейскомъ общемъ мирѣ, о союзѣ противъ невѣрныхъ, служили только украшеніями рѣчей, клонившихся къ инымъ цѣлямъ.

Наконецъ прибылъ въ Москву, давно обвѣщенный, чрезвычайный посолъ Голландскій, Конрадъ фанъ Кленкъ, съ великолѣпною свитою и дарами. Голландія болѣе другихъ былъ выгоденъ союзъ съ Россіею и по обстоятельствамъ политическимъ, и въ отношеніи торговомъ. Война Россіи съ Швеціею скорѣе принудила бы Францію заключить миръ съ Соединенными Штатами; торговля Голландцевъ чрезъ Россію съ востокомъ, подорвала-бы Англію, начавшую уже въ этомъ отношеніи соперничать съ Голландіею. Кленкъ уже посѣщалъ Россію при Михаилѣ Ѳедоровичѣ съ посольствомъ Бореля, понималъ немного по русски и былъ знакомъ со многими лицами въ Москвѣ[14]. Въѣзжая въ Москву, онъ замѣтилъ красиваго собою молодаго

[13] Отпускъ пословъ былъ 13-го октября, выѣхали изъ Москвы 23-го. Они сильно домогались позволенія построить въ Нѣмецкой слободѣ Латинскую кирку; но Царь Алексѣй Михайловичъ не дозволилъ.

[14] Онъ составилъ любопытное описаніе своего посольства, въ Амстер.. нѣ 1677 г. въ 4-ю дол. подъ заглавіемъ: Historisch Verhael of Beschri- r van de Voyagie gedaen on der de suite van den Heere Konraad van Klenk

человѣка и спросилъ своего пристава кто онъ такой? Князь Андрей Михайловичъ Мосальскій, голова жилецкой сотни, отвѣчалъ приставъ. Его отецъ, сказалъ Кленкъ былъ моимъ названнымъ братомъ, мы часто съ нимъ ѣдали хлѣбъ-соль въ домѣ боярина Никиты Ивановича Романова. Начиная отъ Ходынокъ, чрезъ Тверскія ворота въ Неглинныя и Китай городъ по Ильинкѣ, между рядами стрѣльцовъ, провезли торжественно посла въ назначенный для него домъ на Покровкѣ. Онъ удивлялся блеску военныхъ одеждъ и оружій, хвалилъ стрѣлецкій строй, говоря: «славна-та стрѣлецкая пѣхота во многихъ государствахъ», замѣтилъ, что много построено вновь каменныхъ домовъ въ Москвѣ и особенно одобрялъ строившееся зданіе Посольскаго приказа. Послу оказывали особенное уваженіе, которымъ не пользовались другіе: всѣмъ находившимся въ Москвѣ Голландскимъ купцамъ дозволено было посѣщать его во всякое время, равно и резидентамъ другихъ державъ. Самъ посолъ и его свита могли также свободно ѣздить по городу и посѣщать кого разсудятъ. Датскій резидентъ, по своему обычаю, еще до позволенія посѣтилъ посла въ селѣ Никольскомъ, прежде его торжественнаго въѣзда въ Москву. Онъ давно уже находился въ Россіи (съ 1627 г. Іюля 22-го), но по характеру сварливому не пользовался уваженіемъ. Въ послѣднее время находился въ немилости за поединокъ съ полковникомъ Мейномъ, который разсѣкъ ему лице. Чрезъ посредство Голландскаго посла, онъ надѣялся поправить свои отношенія при Московскомъ дворѣ и выполнить порученія своего государства, совершенно согласныя и съ видами Голландіи, заключившей въ это время союзъ съ Даніею.

Наказомъ, полученнымъ отъ Голландскаго правительства, фонъ-Кленку поручалось благодарить Царя за старанія прекратить войну съ Франціею и вмѣстѣ возвѣстить, что Соединенные Штаты, за оказанныя заслуги отечеству, возвели Принца

Оранскаго въ достоинство потомственнаго Штатгальтера и вручили ему начальство надъ войсками и флотомъ.

Но важнѣйшее порученіе заключалось въ томъ, чтобы, представивъ союзъ Королей Людовика XIV и Карла XI-го, опаснымъ какъ для всей Европы, такъ и для Россіи, уговаривать Царя объявить войну Швеціи. Послѣ торжественнаго представленія Царю, бояре Кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и А. С. Матвѣевъ съ дьяками Посольскаго приказа назначены были для переговоровъ съ посломъ. Кн. Долгорукій предсѣдательствовалъ, какъ старшій, но одинъ Матвѣевъ говорилъ. Кленкъ пространно изложилъ состояніе дѣлъ въ Европѣ, которой грозило властолюбіе Короля Французскаго. Людовикъ XIV, говорилъ онъ, хочетъ, овладѣть всю южною и западною Европою, а власть надъ сѣверомъ, предоставляетъ Швеціи. Карлъ XI-й войнами съ Даніею и Польшею уже показалъ всѣмъ желаніе завоеваній. Въ началѣ войны Французской онъ находился въ союзѣ съ Голландіею, но отступилъ отъ союза. Еще на Регенсбурскомъ сеймѣ Шведы соглашались со всѣми въ необходимости воевать съ Франціею; но не соединяли своихъ войскъ съ Голландскими потому только, какъ они говорили, чтобы удобнѣе поддерживать сторону Голландіи въ мирныхъ соглашеніяхъ съ Франціею. Но вмѣсто того, чтобы уговорить Францію къ заключенію мира Карлъ XI-й учинилъ съ нею наступательный и оборонительный союзъ и вторгнулся во владѣнія Курфюрста Бранденгургскаго. Узнавъ о вторженіи Шведовъ въ области Курфюрста, Датскій Король вступилъ въ союзъ съ Соединенными Штатами и готовъ былъ дѣйствовать противъ Шведовъ на сушѣ и морѣ. Очевидны дальнѣйшіе замыслы Карла XI-го: завоевавъ Бранденбургъ и Польшу, онъ начнетъ войну съ Россіею. Ей грозитъ опасность, которую она можетъ устранить, если откроетъ военныя дѣйствія противъ Швеціи на границахъ Лифляндіи и Финляндіи. Если Россія вступитъ такимъ

образомъ въ союзъ съ Голландіею и Даніею, то они пришлютъ свой флотъ въ Балтійское море, который начнетъ блокаду приморскихъ городовъ Лифляндскихъ. Не будетъ для Царя Московскаго болѣе удобнаго случая наказать Швецію за оскорбленія, которыя она постоянно ему причиняла, и возвратить ею завоеванныя у него области.

Выслушавъ рѣчь посла, бояринъ Матвѣевъ спросилъ его, имѣетъ-ли онъ еще другія дѣла?

Имѣю, отвѣчалъ посолъ, но до рѣшенія важнѣйшаго, мною объявленнаго вопроса, я предлагать ихъ не буду. Тогда бояринъ отвѣчалъ, что объявленное имъ дѣло, уже извѣстно Царю, —тоже предлагали и послы другихъ державъ. Объявивъ ему данный имъ царскій отвѣтъ, онъ прибавилъ, что другаго и для Голландіи быть не можетъ. Излагая однакоже отношенія Россіи къ Швеціи, онъ далъ и ему замѣтить нерасположеніе къ сей державѣ и потому нѣкоторую надежду получить болѣе удовлетворительный отвѣтъ, нежели получили послы другихъ державъ. Кленкъ полагалъ, что Россія не согласится начать военныя дѣйствія съ Швеціею; но рѣшится однакоже придвинуть свои войска къ границамъ Лифляндіи. Движеніе Русскихъ войскъ заставитъ Шведовъ вызвать свои войска изъ Бранденбурга, дастъ силу Россіи въ мирныхъ переговорахъ на съѣздѣ съ Шведскими уполномоченными и будетъ, можетъ-быть, полезнѣе для заключенія общаго Европейскаго мира, чѣмъ открытая война съ Шведами.

Въ наставленіи Голландскому послу отнюдь не велѣно было обѣщать Россіи, что она можетъ оставить за собою тѣ области, которыя завоюетъ у Шведовъ, если рѣшится начать войну съ ними. По этому Кленкъ, выслушавъ рѣчь боярина Матвѣева о томъ, что Россія вопреки договорамъ до окончанія переговоровъ на съѣздѣ съ Шведами, войны не объявитъ, просилъ чтобы придвинули Русскія войска къ Шлиссельбургу и Лиф-

ландіи. Но потомъ замѣтилъ: «конечно хорошо исполнять договоры, но въ Европѣ таковъ уже обычай, что всякой Государь изыскиваетъ удобнаго времени, чтобы увеличить свои владѣнія, а если случай представится, то отнюдь его не пропускаютъ, не смотря на мирные договоры. Отмстить Шведамъ обиды, нанесенные Россіи, кажется, никогда не можетъ быть лучшаго времени, какъ теперь».

Распросивъ объ условіяхъ союза посла, который требовалъ, чтобы Датскаго и Императорскихъ пословъ прислали на общее совѣщаніе и заключили союзъ со всѣми, б. Матвѣевъ замѣтилъ: «странно, что Швеція такъ неблагодарно поступаетъ съ Голландіею, которая всегда стояла за нее, даже препятствовала Царю наказать какъ слѣдовало Швецію и дала ей торговыя права ко вреду Россіи». Но когда посолъ, смутясь, старался доказать, что Голландія не за Швецію собственно заступалась, но вообще желала только Европейскаго мира, и не давала ей торговыхъ выгодъ, вредныхъ для Россіи, бояринъ прибавилъ: «Впрочемъ это дѣло прошлое; о прошломъ Царь не станетъ помнить теперь» — и обѣщалъ донести его послѣднія предложенія Царю и объявить ему, какой послѣдуетъ отвѣтъ[15]. Но отвѣтъ послѣдовалъ уже отъ новаго Государя.

Въ Субботу 30 Генваря (1767 г.) въ четыре часа по нополудни скончался Царь Алексѣй Михайловичъ, внезапно и неожиданно на 48 году своей жизни. Онъ былъ здоровъ и бодръ, его сложеніе обѣщало долголѣтнюю жизнь, какъ вдругъ послѣ осмидневной болѣзни его нестало «къ глубокой горести и печали всѣхъ его подданныхъ, которые въ немъ лишились милостиваго и добраго Государя, одареннаго высокимъ умомъ и рѣдкими душевными качествами», говоритъ свидѣтель событія

---

[15] Книга Посол. Сношеній съ Голландіею № 9-й 1675 года. Klenk: Historich Verh. и проч. гл. 9, 11—15.

Клепкъ. Его свидѣтельство подтверждаютъ и другіе иностранные писатели о Россіи того времени, единогласно называя Царя Алексѣя Михайловича добрымъ, высокимъ христіаниномъ, человѣкомъ чистыхъ нравовъ и глубокимъ политикомъ[16].

Передъ кончиною Царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ своимъ преемникомъ и Патріархъ благословилъ на царство, въ присутствіи всѣхъ чиновъ государственныхъ, Царевича Өеодора Алексѣевича. Только за годъ предъ тѣмъ въ новый годъ (1-го Сентября) онъ всенародно былъ объявленъ наслѣдникомъ въ день своего совершеннолѣтія[17]. На 16 году, онъ вступилъ на престолъ, слабый здоровьемъ, но умный и образованный.

Въ день кончины, рано утромъ, по совершеніи присяги новому Государю, стольники вынесли гробъ покойнаго Царя на носилкахъ подъ серебрянымъ объяринныхъ покровомъ. Впереди шелъ Патріархъ со всѣмъ духовенствомъ. За гробомъ несли на носилкахъ, обитыхъ чернымъ сукномъ, молодаго Государя; онъ страдалъ болѣзнію ногъ и не могъ идти пѣшкомъ. За нимъ шли чины государственные, за которыми также на носилкахъ несли овдовѣвшую Царицу, сопровождаемую боярынями. Гробъ поставленъ и на третій день было торжественное погребеніе въ Архангельскомъ соборѣ. Кремль былъ наполненъ народомъ, который «отъ великіе неутѣшные печали зѣло многослезно плакалъ и рыдалъ»[18].

Въ трудное время вошелъ на престолъ Московскій юный и болѣзненный Царь. Вѣнчаніе на царство, по случаю его нездоровья, было отложено до весны. Внутри государства хотя все казалось спокойнымъ, но при дворѣ волновались партіи и гото-

---

[16] Б. Мейербергъ, Коллинсъ. Неизвѣстный Англич. (Туманскаго Собр. Записокъ 1. 2. 3)—ritratto di Moscovia (Hist Russ. monumenta N. CXVIII) и другіе.

[17] 14-ти лѣтъ. Дворц. Разр. III. 973 и др.

[18] Дворц. Разр. III. стр. 1644.

вили поревороты, отношенія къ державамъ сосѣднимъ запутывались и грозили войнами.

Бояринъ Матвѣевъ, принимая, по случаю кончины Царя и возшествія на престолъ новаго, посѣщенія пословъ иностранныхъ державъ, объявилъ имъ, что Царь утвердилъ всѣхъ сановниковъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ и онъ надѣется, что посольскія дѣла пойдутъ прежнимъ порядкомъ. Однако уже носился слухъ, что войдетъ въ силу бояринъ Кн. Долгорукой, а значеніе въ дѣлахъ государственныхъ б. Матвѣева упадетъ въ сравненіи съ прежнимъ.

Въ то время когда въ Москвѣ происходило погребеніе почившаго Государя, Король Польскій торжественно въѣзжалъ (20 Генваря) въ Краковъ для коронованія. Городъ былъ украшенъ тріумфальными воротами. Изъ замка Промника, находящагося въ пол-мили отъ Кракова, съ полудни началось шествіе и продолжалось до вечера. Длиннымъ строемъ шли хоругви различныхъ полковъ Польскихъ и Литовскихъ, за ними шелъ ксензъ и раздавалъ деньги бѣднымъ, потомъ паны Польскіе, сенаторы и наконецъ подъ балдахиномъ, роскошно украшенномъ, на темно-сѣромъ аргамакѣ, въ дорогихъ одеждахъ, обшитыхъ соболями, ѣхалъ Собѣскій, окруженный свитою. За нимъ вели его 12 коней, стройныхъ и богато украшенныхъ, за ними снова ѣхало нѣсколько хоругвей конныхъ войскъ, потомъ везли роскошную королевскую карету, запряженную шестернею соловыхъ коней, за ней ѣхала карета Французскаго посла и длинная вереница другихъ каретъ панскихъ. У костела Св. Станислава Король сошелъ съ коня. Въ храмѣ его встрѣтилъ епископъ Краковскій поздравительною рѣчью, благословилъ и далъ поцѣловать мощи Св. Станислава. Изъ церкви Король отправился въ замокъ[19].

[19] Письмо Тяпкина отъ 23-го Января. Стат. Списокъ X. 521. об. до 528.

На слѣдующій день были перенесены тѣла покойныхъ королей Польскихъ Казиміра и Михаила въ Соборъ Краковскій съ торжественною процессіею. Тѣло Казиміра, по распоряженію рѣчи посполитой, было только что привезено изъ Франціи. Впереди въ черныхъ платьяхъ шли всѣ цехи городскіе, за тѣмъ везли гробницы, передъ которыми шло духовенство. За ними съ государственными регаліями въ рукахъ шли сенаторы и вельможи Польскіе, сопровождаемые войсками. Окруженный сенаторами съ Архіепископомъ Гнезенскимъ и Французскимъ посломъ шелъ за тѣмъ Янъ Собѣсскій. По обычаямъ Польскимъ, похороны покойнаго Короля совершались въ одно время съ вѣнчаніемъ вновь избраннаго. Когда внесли въ церковь гробы, ихъ открыли и по принятому обычаю канцлеры положили въ нихъ государственныя печати, подскарбіи ключи, маршалы изломили свои жезлы и обломки положили въ гробы, знаменуя тѣмъ послѣднюю службу умершихъ Государямъ.

На другой день послѣ погребенія, также по древнему обычаю Польскому, вновь избранный Король ходилъ молиться въ другой костелъ Св. Станислава. Тамъ нѣкогда Болеславъ храбрый въ минуту гнѣва убилъ Краковскаго Епископа. Сознавая вину предшественника, каждый избранный Король Польскій долженъ былъ прежде коронованія входить въ этотъ костелъ и молиться долго и усердно, чтобъ Богъ простилъ Болеслава и потомъ присягнуть надъ Св. Евангеліемъ не подымать рукъ на служителей Божіихъ.

На другой день было коронованіе. Въ Соборѣ Св. Станислава на устроенномъ посреди храма возвышеніи поставлены были два кресла. Съ утра туда собралось духовенство; облекшись въ ризы, поставили на престолъ двѣ короны, два скипетра и державы. Устроивъ все въ храмѣ, Примасъ отправилъ Архіепископа Львовскаго съ тремя Епископами къ Королю пригласить его въ храмъ. Съ третьяго часу по полудни открылось шествіе

Короля и Королевы, окруженныхъ сенаторами, маршалами и свитою придворною. По вступленіи въ храмъ, Король снова подтвердилъ предъ алтаремъ присягу на pacta conventa за себя и за супругу. За тѣмъ Епископы подъ руки повели его въ капеллу, облачили въ одежды епископскія, въ которыхъ всегда короновались Короли Польскіе, и потомъ снова подъ руки привели къ алтарю. На голову Короля, стоявшаго на колѣнахъ предъ алтаремъ, Примасъ возложилъ корону, вручилъ ему скипетръ и державу. За тѣмъ взялъ съ престола обнаженный мечь и подалъ Королю.

Русскаго резидента, который присутствовалъ при короновании, поразило это дѣйствіе. Стоя рядомъ съ воеводами Кіевскимъ, Сандомирскимъ, Подольскимъ, Волынскимъ и Краковскимъ, онъ, обратясь къ нимъ, спросилъ что знаменуетъ мечь, вручаемый Королю?

Это мечь Болеслава храбраго, онъ завоевалъ имъ многія страны и въѣзжая побѣдителемъ въ Кіевъ, ударилъ имъ въ златыя ворота; съ тѣхъ поръ, отвѣчали ему воеводы, начался обычай вручать мечь Болеслава при корованіи каждому Королю Польскому въ знакъ побѣды надъ врагами. Король взялъ мечь и передалъ коронному мечнику Лещинскому, за тѣмъ передалъ также врученные ему Примасомъ хоругви королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго, хорунжимъ Польскому и Литовскому. По совершеніи вѣнчанія, Короля посадили на возвышенное мѣсто и всѣ предстоявшіе трижды воскликнули: виватъ Янъ III-й Король Польскій!

Спустя нѣсколько времени, Король всталъ съ престола, подошелъ къ алтарю и просилъ Примаса немедленно вѣнчать королевою его супругу. Неожидано было для Поляковъ коронованіе супруги Собѣсскаго и даже противъ ихъ желанія. Уступя обстоятельствамъ, они избрали Яна; но никогда не желали видѣть Француженку, Марію d'Arquin, Королевою Польско-

Послѣ объявленія Короля, настало мгновенно молчаніе въ храмѣ и среди этого молчанія, вдругъ раздались громкіе голоса подданныхъ Короля Польскаго, Православнаго исповѣданія: «Помни, Король, данную тобою сей часъ присягу не преслѣдовать вѣры Православной, не уничтожать церквей Божіихъ восточныхъ и правъ, имъ дарованныхъ, не нарушать!»

Трижды раздавался этотъ голосъ, «но отвѣта, какъ писалъ въ Москву нашъ резидентъ, имъ никакова отъ престола Королевскаго Величества не учинено».

За тѣмъ началось коронованіе супруги Собѣскаго. Легатъ папскій съ Архіепископомъ подъ руки подвели ея къ алтарю, сняли покровъ съ головы, панны расплели и расчесали ей волосы, «которые зѣло долгіе суть, даже до пояса и ниже и черны зѣло», писалъ Тяпкинъ. Прочтя молитвы надъ ея головою, Примасъ и Архіепископъ возложили на нее корону, подъ руки повели на возвышеніе и посадили на тронъ рядомъ съ Королемъ. Посолъ Французскій первый закричалъ: виватъ Марія Королева Польская! она, взглянувъ на него, весело улыбнулась и поклонилась низко. За нимъ прокричали трижды: виватъ! и всѣ присутствовавшіе въ церкви.

Отслушавъ литургію и пріобщившись Св. Таинъ, Король и Королева, окруженные дворомъ, отправились изъ собора въ замокъ.

На другой день (24 Генв.) былъ торжественный выходъ Короля на площадь передъ ратушею, чтобы принять поздравленія горожанъ.

Такимъ образомъ, пишетъ Тяпкинъ, «коронованіе зачалось и скончалось тихо и безмятежно, отнюдь гласовъ никакихъ противныхъ не показалось, яко же о томъ множество за очи грозили; а въ очахъ жадная особа устъ не смѣла отворити, только въ себѣ каждый дивится и ужасается, каковымъ способомъ и мирнымъ поступкомъ Его Королевское Величество такъ учи-

мана и уступки старостствъ. Къ послѣдней партіи присоединилась Королева, она хотѣла, чтобы Король назначилъ Великимъ Гетманомъ Ст. Яблоновскаго. Не желая раздражать противниковъ, Король предложилъ Гетманство Кн. Д. Вишневецкому, достойному новаго званія и по личнымъ заслугамъ и по важному значенію между панами Польскими. Располагая его въ свою пользу, Янъ III-й значительно усиливалъ свою партію. Яблоновскій назначенъ былъ просто Гетманомъ.

Послѣднія ссоры Паца съ Королемъ, взволновавшія всю Польшу, пробудили почти всеобщее желаніе усилить власть королевскую. На сеймѣ предложено было уничтожить пожизненныя должности и назначать только на три года. При вступленіи въ должность, кромѣ присяги на вѣрность рѣчи посполитой, каждый долженъ былъ присягать Королю. Временное назначеніе въ должности давало способъ Королю удалять тѣхъ, которые могли бы противиться его распоряженіямъ; присяга, ему произносимая, осуждала бы ихъ, какъ преступниковъ. Происки Королевы были первою причиною, почему не состоялось предложеніе; не доставивъ мѣста Великаго Гетмана своему любимцу, ей хотѣлось покрайней мѣрѣ на всю жизнь удержать за нимъ Гетманство. Долго возмущала сеймъ открытая вражда двухъ Гетмановъ Литовскихъ. Радзивилъ явно называлъ Паца измѣнникомъ, требовалъ его смѣны или покрайней мѣрѣ не хотѣлъ ему, какъ начальнику, повиноваться, считая это невозможнымъ и потому уже что онъ былъ зятемъ Короля.

При свиданіяхъ съ нашимъ резидентомъ[2] Пацъ жаловался, что нѣкоторые сенаторы оклеветали его предъ Королемъ. Они говорили, будто Россія чрезъ своего резидента прислала ему 300 т. червонныхъ, зашитыхъ въ волчью шкуру, а Марціану Огинскому 60 т. съ тѣмъ чтобы они княжество Литовское передали въ подданство Русское. Король негодуетъ на меня и за то, продол-

[2] Февраля 13 и Марта 1-го. Ст. Сп. лист. 563, 617 и др.

жалъ Пацъ, что постоянно я предлагаю на сеймѣ необходимость союза съ Россіею; говорю: Россія такъ сильна, что разрывъ съ Польшею не можетъ испугать ее, а повредитъ только одной Польшѣ. Между тѣмъ, желая выказать свою преданность Королю, онъ просилъ, чтобы резидентъ писалъ съ своей стороны въ Москву и уговаривалъ послать вспомогательное Польшѣ войско. «Не погнѣвайся на меня, Гетманъ, отвѣчалъ резидентъ, если скажу, что не стоите вы добраго слова царскаго, не только военной помощи, когда позволяете печатать такія злокозненные и укоризненные сочиненія, какъ книга, изданная здѣсь въ Краковѣ послѣ уже коронаціи въ типографіи Петрановича». Въ это время вышло сочиненіе подъ названіемъ «Муза», въ которомъ въ высокопарныхъ и плохихъ стихахъ воспѣвались побѣды Поляковъ надъ врагами и между прочимъ надъ Русскими. Въ прежнее время иностранныя сочиненія противъ Россіи возбуждали вниманіе правительства; на нихъ въ посольскихъ переговорахъ постоянно указывали Русскіе послы, какъ на одну изъ важныхъ причинъ, разрушавшихъ мирныя отношенія между государствами. Полякамъ это было уже извѣстно по прежнимъ переговорамъ, и потому Пацъ «просилъ съ великимъ прошеніемъ», чтобы резидентъ не посылалъ въ Москву этой книги и не увѣдомлялъ о ней. Тяпкинъ отвѣчалъ, что книга уже имъ отправлена чрезъ почту и возвратясь домой, дѣйствительно отправилъ ее въ тотъ же день.

Долго Король молча выслушивалъ споры Радзивила и Паца во время совѣщаній сейма, быть можетъ, желая отмстить Пацу за его дерзость; но когда эта вражда отвлекала сеймъ отъ рѣшенія главныхъ вопросовъ, онъ являлся посредникомъ въ спорѣ, помирилъ враговъ и Радзивила подчинилъ Пацу, по обычаю, какъ Великому Гетману Литовскому. Ссоры продляли сеймъ, приближалась пасха, а вопросъ объ войскахъ не былъ еще рѣшенъ. Когда предложили продолжить засѣданія послѣ

пасхи, Король рѣшительно воспротивился и объявилъ торжественно что не сойдетъ съ своего мѣста, пока сеймъ не рѣшитъ всѣхъ вопросовъ. Двое сутокъ онъ не сходилъ съ трона, пренія не прерывались и наконецъ въ самый день свѣтлаго воскресенія всѣ дѣла были рѣшены и Король со всѣми присутствовавшими прямо изъ сеймовой палаты отправились въ храмъ ($\frac{24 \text{ Марта}}{5 \text{ Апрѣля}}$). Рѣшено было отправить посольства ко всѣмъ дворамъ съ мирными предложеніями и просьбою о помощи противъ Турокъ; въ Россію назначены были послами отъ Польши Радзивилъ, отъ Литвы Сапѣга. Не надѣялись однакоже на чужую помощь. Еще въ наставленіяхъ данныхъ Королемъ во Львовѣ своимъ посламъ на областныя сеймики, онъ объявлялъ, что отъ Россіи нельзя надѣяться никакой помощи. Тоже повторилъ онъ на сеймѣ и требовалъ, чтобы устроено было 60 т. постояннаго войска и сверхъ того объявлено народное ополченіе (посполитое рушеніе). Сеймъ утвердилъ предложеніе; назначены были новые источники доходовъ для содержанія постоянныхъ войскъ. Даже духовенство рѣшилось ежегодно удѣлять часть доходовъ съ богатыхъ своихъ имуществъ. Такъ очевидно была необходима и полезна мѣра, предложенная Королемъ. По настоянію Франціи склоняясь къ миру съ Турціею, онъ предвидѣлъ однакоже невозможность заключить выгодный для Польши миръ, не имѣя въ распоряженіи достаточныхъ средствъ, чтобы въ случаѣ нужды завоевать миръ.

Переговоры съ Турками не прерывались, однакоже не предвѣщали успѣха. Во время сейма прибылъ гонецъ отъ Гижа и привезъ подлинное письмо Верховнаго Визиря къ Ракоци. Онъ писалъ, что Султанъ дозволяетъ ему вести переговоры съ Польшею, мирить ее съ Портою, на слѣдующихъ однакоже условіяхъ: Подолье съ Каменцемъ, Волынь и вся Украйна по обѣ стороны Днѣпра должны остаться во власти Турокъ; города

занятые Русскими они, постараются возвратить оружіемъ, Поляки не должны имъ препятствовать или помогать Русскимъ. Турки уступаютъ Польшѣ только дань, которую обязались они платить Портѣ по Буджановскому договору. Польшѣ слѣдуетъ скорѣе мириться, писалъ Визирь къ Ракоци, пока наши войска не вступили въ ея предѣлы,—тогда и на этихъ условіяхъ Порта не приметъ мирныхъ предложеній[3]. Такое извѣстіе не предвѣщало скораго мира, а между тѣмъ съ посломъ Молдавскимъ Конст. Кантакузеномъ, присутствовавшимъ при коронаціи, Король отправилъ къ Господарю своего резидента Карбовскаго, съ прошеніемъ точно также уговаривать Султана къ заключенію мира. Кантакузенъ, оставляя Польшу, передъ отъѣздомъ тайно видѣлся съ нашимъ резидентомъ, обѣщалъ его увѣдомить чрезъ Епископа Антонія Виницкаго обо всемъ, что будетъ дѣлать Карбовскій, и самъ полагалъ, что Поляки согласятся на миръ и уступятъ даже Каменецъ и всю Украйну. Но увѣрялъ однакоже, что Турки не пойдутъ войною на Россію; напротивъ по заключеніи съ Польшею мира обратятъ оружіе противъ Имперіи, помогая Венгерцамъ[4]. Персидскій посолъ, котораго задержали съ тѣмъ чтобы показать ему великолѣпіе Польскаго двора во время коронованія, а между тѣмъ испугать Турцію слухомъ о союзѣ съ Персами, послѣ угощеній и торжественнаго отпуска Королемъ (9 Апр.) былъ отправленъ Вислою изъ Кракова на Варшаву (Апр. 20). Дружескій союзъ, съ нимъ заключенный, однакоже не обязывалъ Персію къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турокъ[5]. Послу Шведскому не дозволено было присутствовать во время коронованія въ Краковѣ, дабы не возбудить подозрѣній со стороны Имперіи и Россіи. Однакоже въ слѣдствіе происковъ

[3] Письмо Тяпкина изъ Львова отъ 19 Декабря и Марта 19 изъ Кракова.

[4] Письмо Тяпкина отъ 11 Марта изъ Кракова.

[5] Письмо Тяпкина отъ 19 и 23 Апрѣля изъ Кракова.

Франціи его не лишали надежды заключить союзъ съ Польшею, противъ Имперіи и Бранденбурга. Онъ жилъ въ одной изъ ближайшихъ деревень къ городу и тайно сносился постоянно съ Поляками и посломъ Французскимъ. Его держали въ сторонѣ, пока продолжался сеймъ и потому, что опасались партіи Великополянъ, предводимой Опалинскимъ: его голосъ, постоянно противный мнѣніямъ Короля, имѣлъ важное значеніе на сеймѣ. Великая Польша требовала мира и союза съ Бранденбургомъ, между тѣмъ какъ союзъ съ Швеціею послужилъ бы явнымъ признакомъ нерасположенія къ Курфирсту. Только по окончаніи коронованія Графу Лиліенеку дозволено было явиться въ Краковъ и Король назначилъ ему торжественный у себя пріемъ (29 Февраля). Это смущало многихъ изъ Поляковъ и еще болѣе посла Императорскаго. Видя единодушное рѣшеніе сейма объ устройствѣ войска, предчувствуя скорое окончаніе войны Турецкой, Имперія опасалась, что послѣ мира съ Польшею пойдутъ противъ нее, и потому всѣми способами старалась продолжить войну Польскую и, поощряя внутренній безпорядокъ, противодѣйствовала всѣмъ намѣреніямъ Короля. Имперскій посолъ, посѣтивъ нашего резидента, просилъ его, чтобы уговаривалъ Царя весною послать войско къ Лифляндскимъ границамъ противъ Швеціи, говоря, что того желаютъ всѣ государства Германскія и что лучшаго не можетъ представиться для Царя случая возвратить всѣ завоеванные Швеціею города, какъ въ настоящее время[6].

Епископъ Марсельскій первенствовалъ надъ всѣми другими послами, его честили какъ друга и совѣтника Короля и особенно Королевы, что оскорбляло даже и самихъ Поляковъ. Во время сейма часто говорили противъ дѣйствій Франціи. Духовенство, оскорбленное тѣмъ, что Епископу Французскому Ко-

[6] Письмо Тяпкина отъ 6 Февраля.

роль безъ вѣдома рѣчи посполитой доставилъ кардинальскую шапку, говорило прямо, что на обѣщанія Франціи полагаться нельзя, тѣмъ болѣе что ея представитель въ Польшѣ, вмѣсто того чтобы дѣйствовать для пользы обѣихъ державъ, старается только о своихъ личныхъ выгодахъ. Сеймъ положилъ спросить Епископа, почему же до сихъ поръ, давно обѣщанная со стороны Франціи, денежная помощь Польшѣ, еще не исполнена[7]? Сильный расположеніемъ къ нему Короля и особенно Королевы, посолъ Французскій отдѣлывался отъ нападеній новыми обѣщаніями. Онъ поддерживалъ надежды Короля, что Людовикъ XIV признаетъ за нимъ титулъ Величества и желанье Королевы, что онъ будетъ воспріемникомъ только что родившейся у ней дочери. «Послу Французскому», писалъ нашъ резидентъ къ Б. Матвѣеву, «такова тутъ честь: кушаютъ съ Королевскимъ Величествомъ съ одного блюда и сидитъ о бокъ. Когдажъ Королевское Величество бываетъ въ костелѣ и станетъ на своемъ государскомъ мѣстѣ, подъ балдахиномъ, а послу Французскому по лѣвую руку легата Папежскаго въ лавкѣ вседа мѣсто устрояютъ. Стѣна бываетъ обита бархатнымъ ковромъ, и покровъ предъ нимъ на перилѣ лежитъ бархатный. Подушка такая жъ съ бахрамы и съ кистьми золотными, на чемъ ему локти свои положить. И въ радѣ потаенной и въ Сенатѣ и въ покояхъ безъ него ничтожъ состояться можетъ[8]». Герцогъ Курляндскій пріѣхалъ поздравить Короля съ вѣнчаніемъ и обѣщалъ помощь противъ Турокъ, обѣщалъ также Король Саксонскій и объявилъ даже, что возращаетъ Драгеймъ.

Хотя нашъ резидентъ и писалъ въ Москву: Поляки хвастались, что на коронацію соберутся послы государствъ всего міра, а пріѣхали немногіе; однакоже въ продолженіе коронованія

[7] Письмо Тяпкина отъ 11-го Марта изъ Кракова. Залусскій стр. 644.

[8] Письмо Тяпкина отъ 5-го Февр. изъ Кракова.

и сейма дѣйствительно почти всѣ значительныя государства Европы посылали своихъ полномочныхъ и вели переговоры съ Польшею. Не были только послы Русскіе, которыхъ пріѣзда такъ добивалась, ждала и надѣялась Польша. Союза Россіи съ Польшею страшились Турки; но въ послѣднее время они переставали уже вѣрить, чтобы войска обѣихъ державъ могли соединиться и совокупно противъ нихъ дѣйствовать. Войска не соединялись въ продолженіе двухъ лѣтъ и потому самый союзъ имъ казался подозрительнымъ. Для того чтобы увѣрить Султана въ дѣйствительномъ союзѣ съ Россіею Польша желала, чтобы посольство Царя Московскаго прибыло на коронацію и сеймъ. Не выражая однакоже прямо своей мысли Король просилъ прислать посольство, которое будто бы на послѣднемъ съѣздѣ Русскіе полномочные обѣщали Полякамъ для окончательнаго рѣшенія спорныхъ между обоими государствами вопросовъ, заключенія мира или перемирія и договора о взаимной помощи противъ Турокъ[9].

Россія, считая несовмѣстныхъ съ своимъ достоинствомъ отправленіе особаго посольства на коронацію, отвѣчала, что бояре Московскіе на послѣднемъ съѣздѣ не давали такого обѣщанія. Они отложили только рѣшеніе всѣхъ спорныхъ вопросовъ до будущихъ переговоровъ, не опредѣляя, когда и при какихъ условіяхъ они будутъ назначены. Слѣдуя неуклонно издавна принятымъ обычаямъ въ сношеніяхъ съ сосѣдними державами, дворъ царскій, ссылаясь и на то, что Россія никогда не отправляла особыхъ посольствъ на вѣнчанія Королей Польскихъ, и въ настоящемъ случаѣ поручала вести переговоры и заключить договоръ съ Польшею своему резиденту. Еще во Львовѣ Кн. М. Радзивилъ и Маршалъ Полубинскій (Ноябр. 12) при свиданіи съ Тяпкинымъ говорили ему: «если уже неизвѣстно, въ слѣдствіе какихъ препятствій въ нынѣшнемъ году войска Русскія

[9] Письмо Тяпкина изъ Кракова.

не соединились съ нашими; то необходимо покрайней мѣрѣ, чтобы на будущую весну, какъ можно ранѣе, они готовы были къ соединенію. Для того на коронацію слѣдовало бы послать Царю великихъ и полномочныхъ пословъ, которые бы съ Божіею помощію всѣ споры разрѣшили и заключили бы договоръ съ Польшею». Резидентъ отвѣчалъ, если Король желаетъ, чтобы Русское посольство прибыло на коронацію, то слѣдуетъ ему, не теряя времени писать и просить о томъ Царя. Воля Короля писать или не писать къ Царю, отвѣчали паны, но таковъ обычай: всѣ иностранные государства наряжаютъ къ намъ особыя посольства для коронацій[10]. При томъ посольство Русское уже обѣщано боярами на послѣднемъ съѣздѣ. Если же послы не пріѣдутъ, то это послужитъ явнымъ признакомъ недоброжелательства Россіи къ Польшѣ. При свиданіи резидента съ Королемъ въ Яворовѣ самъ Король спрашивалъ его пріѣдутъ-ли послы царскіе на коронацію? Резидентъ отвѣчалъ, что не имѣетъ никакихъ извѣстій. Король и рѣчь посполитая ожидали посольства и оскорбились, когда послы не пріѣхали. Съ того времени измѣнились отношенія къ Россіи[11].

Въ началѣ сейма Маршалъ Полубенскій объявилъ отъ имени Короля Тяпкину (Февраля 3), чтобы онъ безъ разрѣшенія королевскаго никуда не выходилъ изъ своего дому. Стражѣ, при немъ находившейся, предписано было никого къ нему не впускать, особенно же пословъ Императорскаго и Бранденбургскаго. На вопросъ резидента за что такая немилость къ нему Короля? К. Радзивилъ и Полубенскій отвѣчали, что и резиденту Польскому въ Москвѣ также никуда не велѣно выѣзжать изъ своего двора, кромѣ б. Матвѣева. На это резидентъ отвѣчалъ, что панъ Свидерскій «имѣетъ въ Москвѣ достойные вольности по договорамъ», и пишетъ неправду, если только пишетъ, будто

[10] Письмо отъ 5 и 13-го Ноября.
[11] Письмо изъ Кракова отъ 9 Генваря.

ему выѣзжать съ своего двора запрещается». Холодно ему отвѣчали паны: онъ можетъ надѣяться, что совершенно также съ нимъ поступать будутъ, какъ поступаютъ съ Польскимъ резидентомъ въ Москвѣ. При томъ на границахъ никого изъ Польши не пропускаютъ въ Россію. Дѣйствительно было распоряженіе съ осторожностію пропускать въ Россію выходцевъ изъ Польши, по случаю разнесшагося слуха о чумѣ, занесенной будто бы въ Польшу войсками Турецкими. Но это были простыя придирки; паны скоро высказали и настоящую причину неудовольствія къ резиденту. «Король ожидалъ пословъ Русскихъ, говорили они, на коронацію. Писать о томъ и просить Царя ему не слѣдовало по обычаямъ. Притомъ посольство было обѣщано на послѣднемъ съѣздѣ»[12]. Была и другая причина: резидентъ имѣлъ неосторожность сказать Пацу, что отправилъ въ Москву книгу, заключавшую обидныя для Россіи выраженія. Желая подслужиться Королю, онъ вѣроятно объявилъ ему о томъ. Письмо резидента дошло въ Москву безъ книги, о которой въ немъ говорилось, а въ послѣдствіи оказалось, что книга была задержена по приказанію Польскаго правительства[13].

Между тѣмъ Король получилъ царскую грамоту съ предложеніемъ новыхъ условій о заключеніи союза (Февр. 21). Въ то же время и резидентъ получилъ полномочіе войти въ переговоры и заключить договоръ по образцу, ему приложенному. Получивъ предписаніе, резидентъ объявилъ о томъ Полубенскому и просилъ извѣстить, кого назначитъ Король для переговоровъ съ нимъ (Февр. 23 и 25-го)[14].

Чрезъ нѣсколько дней (Марта 3-го) резидента пригласили для переговоровъ въ Краковской замокъ. Послѣ обычныхъ встрѣчь и привѣтствій, занявъ мѣста въ палатѣ, канцлеръ

---

[12] Ст, Списокъ лист. 558—563.

[13] Письма отъ 9-го Іюня и 16 Іюля.

[14] Ст. Списокъ лист. 565—618.

Пацъ просилъ резидента объявить предложенія Царя Московскаго. Шумно заговорили паны, выслушавъ предложенія. «Когда Кладницкій и Свидерскій просили Царя отъ лица рѣчи посполитой послать войска противъ Крымцевъ, тогда подвигалось къ Польшѣ одно войско Ибрагима паши. Противъ него, еслибъ только не помогли ему Татары, мы дѣйствительно могли устоять. Но теперь, когда наступаетъ самъ Султанъ съ Верховнымъ Визиремъ и огромными силами, когда около Бучага и Бѣлгорода уже стоитъ Нуррадинъ съ 40 тычячною ордою, въ Каменцѣ собралось уже 30 т. Турокъ, и въ Волынскую землю и въ Яссы вошло нѣсколько пашей,—Поляки не только не могутъ пойти къ Дунаю имъ на встрѣчу или за Дунай, но даже и въ своихъ предѣлахъ не въ состояніи защититься отъ нихъ безъ чужлой помощи». Когда затихъ говоръ, канцлеръ и другіе сенаторы спросили резидента: можетъ-ли онъ заключить съ ними договоръ на слѣдующемъ условіи: чтобы часть Русскаго войска, немедленно соединясь съ Польскимъ, пошла противъ Турокъ, а въ замѣнъ того часть Польскихъ войскъ соединится съ Русскими и двинется на Крымъ. Вы слышали предложенія царскія, отвѣчалъ резидентъ. На иныхъ условіяхъ я не имѣю полномочія вступить въ переговоры. Не начиная и рѣчи о продолженіи перемирія, паны закрыли засѣданіе, объявивъ, что передадутъ Королю слова резидента, и какъ онъ рѣшитъ вмѣстѣ съ рѣчью посполитою дѣло, объявятъ ему въ слѣдующихъ совѣщаніяхъ[15]. Впрочемъ дѣло было уже рѣшено. Польша не могла согласиться на предложенія Московскаго двора; напротивъ желала уговорить резидента заключить договоръ на своихъ условіяхъ.

На другой же день послѣ переговоровъ Христофоръ Пацъ, пригласивъ къ себѣ резидента, говорилъ, что они еще не докладывали Королю о послѣдствіяхъ совѣщанія. Но прежде доклада онъ откровенно и въ тайнѣ желаетъ переговорить съ

---

[15] Письмо отъ 4-го Марта. Ст. Списокъ л. 620—631.

нимъ и спрашивалъ не согласится ли онъ на условія, ему предложенныя? Надо скорѣе заключить договоръ, говорилъ онъ, ибо Турки вступаютъ въ наши предѣлы. Вспомогательное Русское войско должно находится подъ начальствомъ Польскихъ воеводъ, а Польское подъ начальствомъ Русскихъ, чтобы во время самыхъ дѣйствій не могло произойти разногласія и ссоръ мы согласимся продлить и перемиріе, хотя не на 13 лѣтъ а нѣсколько менѣе. Русскій резидентъ конечно не могъ согласиться на условія новыя. Тогда Пацъ просилъ его написать въ Москву и просить царскаго разрѣшенія[16].

Между тѣмъ разнесся слухъ, что миръ съ Турціею предположено заключить на какихъ бы то ни было условіяхъ; войска Польскія соединить съ Шведскими и дѣйствовать противъ Курфюрста Бранденбургскаго. Нашъ резидентъ писалъ въ Москву «нынѣ совершенное намѣреніе имѣютъ, чтобъ съ Турецкимъ Салтаномъ учиня перемиріе, войну обратить Полякомъ на Пруссы купно съ Свѣйскими войски, отвращаючи Прусскаго Князя отъ войны Французской и Шведской и отъ соединенія съ Цесарскими Нѣмцы. А Салтана Турскаго и Хана Крымскаго всѣми силами устремить въ тужъ пору чрезъ Украйну на Государство Московское, для того чтобъ войска Царскаго Величества не мыслили отвращенія чинить Польскимъ и Свѣйскимъ войскамъ. И сіе намереніе истинною правдою объявляю и предостерегаю». Многіе изъ пановъ, узнавъ о содержаніи царскихъ грамотъ, прямо говорили резиденту, что намъ за выгода заключать союзъ съ Россіею, когда она не хочетъ возвращать намъ завоеванныхъ городовъ». Лучше намъ съ Турскимъ Султаномъ взять миръ, и тогда чрезъ сабли у Царя свои завоеванные мѣста споспобнѣе отберемъ. А теперь де знатно, что Царскаго Величества государство тревожится отъ Турчина, который нынѣ свои войска хочетъ обратить на Кіевъ и проситъ у насъ по-

[16] Письмо 5-го Апрѣля и Ст. Списокъ л. 631—34.

ылковъ, мы де ему такіежъ посылки дадимъ какіе намъ отъ Москвы обѣщано и даваны». Сообщая Б. Матвѣеву сіи извѣстія; Тяпкинъ писалъ къ нему: «Теперь, государь, подобаетъ немедленно Калмыковъ и прочихъ ордъ побудити ко всякой готовности скораго собранія на войну противъ бусурманъ, удоволивши ихъ государскимъ жалованьемъ; зѣло, зѣло скоро то учинить надобно, по первой травы сея весны. Еще же я смотрю по здѣшнимъ поступкамъ и готовности ихъ, объявляю тебѣ, государю моему, страшно бы то было зѣло всѣмъ непріятелямъ государства Московскаго, когда бы подлинно услышали о походѣ Государя Его Царскаго Величества въ Кіевъ. Задрожалъ-бы Турчинъ съ воими силами не токмо иные страны». Русскій дипломатъ этого времени, простой буквальной исполнитель предписаній Посольскаго приказа, давая совѣты, какъ бы слѣдовало дѣйствовать при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ будто сознавалъ, что превышаетъ свои права и считалъ долгомъ извиниться: «я объявляю сіе не въ указъ и не въ приговоръ свой, токмо съ повинности службы и вѣрнаго сердечнаго желанія моего ему В. Государю Его Царскому Величеству; а ей, зѣло потребна суть и приспѣ тому самое время»[17].

Сообщивъ въ Москву извѣстія о мирѣ съ Турками, Тяпкинъ немедленно (9-го Марта) отправился къ Пацамъ и Бростовскому узнать, справедливы-ли эти извѣстія и точно-ли Польша безъ вѣдома Россіи ведетъ переговоры съ Татарами и Турками, вопреки постановленіямъ Андрусовскаго договора? «Въ послѣднихъ переговорахъ я объявилъ вамъ условія союза, предлагаемыя Государемъ Московскимъ, до сей поры не получаю однакоже отвѣта. Это молчаніе заставляетъ меня вѣрить слухамъ, что сношенія о мирѣ съ Турками вамъ препятствуютъ отвѣчать мнѣ рѣшительно». Паны увѣряли, что слухи несправедливы. Посольства въ Мутьянскую и Седмиградскую землю отправлены

[17] Письма отъ 13 февр. и 4 марта.

для того только, чтобы переговорами задержать походъ Турецкихъ войскъ, и между тѣмъ соединить войска съ Русскими. Изъявляя желаніе, чтобы скорѣе Царь извѣстилъ, соглашается ли на условія, Польшею предлагаемыя, требовали, чтобы резидентъ объявилъ, отъ кого узналъ онъ о переговорахъ съ Турками? «Что я слышалъ, то вамъ и объявилъ, отвѣчалъ резидентъ, а отъ кого слышалъ, тѣхъ людей мнѣ объявлять не годится». Въ слѣдъ за тѣмъ (Марта 10) назначены были новые съ нимъ переговоры, въ которыхъ уже отъ лица Короля ему объявили снова прежнія условія союза. Еще до начала переговоровъ резидентъ писалъ въ Москву что Поляки не пошлютъ войскъ къ Дунаю и послать не могутъ, потому что оставили бы въ тылѣ у себя Каменецъ съ 30 т Турецкаго войска и могли быть отрѣзаны отъ Днѣстра войсками Турецкими, находящимися въ Молдавіи и Валахіи, которымъ такимъ образомъ открылся бы свободный путь въ самую средину Польши[18]. Тоже говорили ему въ послѣдствіи Паны Польскіе и въ послѣднихъ переговорахъ повторилъ канцлеръ Пацъ, прибавивъ: «противно есть разуму людскому, чтобъ такой договоръ постановить». При томъ наши войска не могутъ къ 8 Апр. выступить въ походъ, какъ этого требуетъ Царь: къ тому времени едва сеймъ окончится. Резидентъ предполагалъ, что Поляки не примутъ предложенныхъ условій о военныхъ дѣйствіяхъ, но согласятся однакоже на продолженіе перемирія; но его предположенія не оправдались. Не отказываяся прямо отъ перемирія, они предложили новый способъ заключенія. Когда войска Русскія соединятся съ Польскими, тогда слѣдуетъ, говорили они, составить коммиссію, которая тамъ же на мѣстѣ рѣшитъ вопросъ какъ объ условіяхъ соединенія войскъ, такъ и о продолженіи перемирія. Очевидно, Поляки желали продлить перемиріе только въ томъ случаѣ,

[18] Письма отъ 4-го и 11-го Марта.

да Русскіе окажутъ имъ дѣйствительную помощь[19]. Король осить тебя написать Царю, говорили Паны, чтобы онъ не дозрѣвалъ сношеній нашихъ съ Турками. Если бы они склоились къ миру, тогда немедленно увѣдомили бы тебя, резидента, по договорамъ заключили-бы миръ совокупно съ Россіею. На просъ резидента, на какихъ условіяхъ согласились бы они заючить миръ? отвѣчали: мы хотимъ, чтобы Турки уступили Каиецъ и всѣ завоеванныя мѣста; если же не уступятъ, то идется принять всякія условія, чтобы только «не до конца убить Польшу». Увѣряя резидента въ искренности своихъ въ, они предложили отъ имени Короля, что для большей ы въ его предложеніе, онъ согласенъ даже дать Царю, кладъ, каковъ Великому Государю Его Царскому Величеству енъ, и не токмо закладъ, хотя и сына своего единороднаго Его Царскаго Величества въ заставу пошлетъ, только бы юлилъ Великій Государь совершенно и безъ всякаго подонія и опасенія вѣрить и войска соединить». Начиная убѣжься въ искренности намѣреній Короля и не совсѣмъ довѣ въ тоже время словамъ Поляковъ, резидентъ спросилъ: же значитъ союзъ вашъ съ Швеціею? Мы въ дружбѣ съ веціею, отвѣчали Паны, но въ ней ничего нѣтъ враждебнаго ссіи. Шведы просили у насъ помощи противъ Бранденбурга Имперіи, а не противъ Россіи. Да и куда теперь Шведамъ инать войну, когда ихъ самихъ почти завоевали, примолъ Пацъ[20].

Переговоры, начатые нашимъ резидентомъ были прерваны поченными имъ извѣстіями (11 Марта) изъ Москвы о кончинѣ

[19] Залусскій стр. 644. Примасъ Ольшевскій отъ 6-го Октября салъ къ Королю, и совѣтовалъ до тѣхъ поръ не заключать доюра съ Русскими, пока ихъ войска не соединятся съ Польскими йсками. Онъ совѣтовалъ заключить миръ съ Турками даже съ гупкою Каменца.

[20] Письмо отъ 11 Марта. Ст. Спис. л. 634—57.

Царя Алексѣя Михайловича и восшествіи на престолъ Өедора Алексѣевича. Предписывая ему «служить вѣрно и во всемъ радѣть и добра хотѣть» новому Государю, также какъ служилъ покойному, царская грамота извѣщала резидента о скоромъ прибытіи нарочно гонца къ Королю, *обвѣстить* кончину и восшествіе на престолъ[21].

Чрезъ нѣсколько дней прибылъ объявленный гонецъ (Василій Тимоѳеевъ, (Марта 26), который изъ Польши съ тѣмъ же порученіемъ долженъ былъ ѣхать и къ Римскому Императору.

Между тѣмъ сеймъ окончился (24 Марта), нашъ резидентъ, узнавъ, что по окончаніи сейма, Король немедленно отправится изъ Кракова въ Ченстохово и оттуда въ Варшаву, послалъ пристава къ маршалу Полубенскому сказать, чтобы Король дозволилъ и ему выѣхать и находиться при немъ, гдѣ онъ ни будетъ. Вызвавъ къ себѣ Тяпкина, Полубенской ему объявилъ, что Король его не считаетъ уже болѣе резидентомъ; ибо Царь, отъ котораго онъ былъ присланъ, скончался, а новый еще не утвердилъ его въ этомъ званіи. Если такъ, отвѣчалъ Тяпкинъ, то прошу Короля выдать мнѣ подорожную грамоту для выѣзда изъ Польши. Однако выслать прямо его не желали, боясь оскорбить Россію, Король хотѣлъ только показать ему свое неудовольствіе, которое обнаружилъ еще яснѣе во время пріема гонца съ царскою грамотою.

Въ назначенный для пріема день (Марта 30), «какъ здѣсь въ государствѣ обычай», писалъ Тяпкинъ, «онъ прибылъ въ замокъ до пріѣзда гонца, со всею свитою въ черномъ жалобномъ платьѣ». Король изъявилъ удивленіе, когда вошелъ въ пріемную палату и потрясая жезломъ, который держалъ въ правой рукѣ своей, съ гнѣвомъ говорилъ ему: «ты писалъ ссорныя и затѣйныя письма къ покойному Царю, отъ которыхъ до сихъ

---

[21] Ст. Сп. л. 657—72, грамота царская отъ 2-го Февр., на которую Тяпкинъ отвѣчалъ Марта 18.

мöръ войска наши не соединились и взаимная между нами дружба не могла утвердиться». Вижу, что меня оклеветали предъ Вашимъ Величествомъ, но гнѣвъ вашъ государской принимаю за милость, потому что не считаю себя ни въ чемъ виноватымъ. Я исполнялъ свою обязаноость, сообщая моему Государю что слѣдовало къ поддержанію взаимнаго между Польшею и Россіею союза, никогда я не возбуждалъ ссоры ложными извѣстіями, отвѣчалъ Тяпкинъ.

«Мы имѣемъ ясные доказательства, что ты писалъ ссорные письма», возразилъ сухо Король. Упрекая резидента, онъ крайне увлекся гнѣвомъ. При свиданіи съ Полубенскимъ резидентъ говорилъ: «если то въ Польшѣ каждаго государства резидентамъ таковая милость и слова такіе острые Его Королевскаго Величества: то не вѣдаю кто бы хотѣлъ такихъ даровъ принять и впредь на резиденціи пребывати при его дворѣ, какіе мнѣ изволилъ обѣщать». Донося о семъ въ Посольской приказъ, онъ писалъ: на меня сердится Король за то, что я постоянно упрекаю сенаторовъ въ поступкахъ, противныхъ Андрусовскому договору. Безпрерывно пересылаются они и съ Турками и съ Крымцами тайными и явными посольствами, не только безъ вѣдома Царя, но даже и не сообщаютъ мнѣ о своихъ сношеніяхъ. Послѣ свиданія съ Королемъ, резидентъ повторилъ тѣже слова маршалу Полубенскому, говоря: о вашихъ сношеніяхъ знаетъ весь свѣтъ: какъ же вы хотите, чтобы одинъ я, царскій резидентъ, былъ слѣпымъ, глухимъ и нѣмымъ? что слышу и вижу, то и пишу къ моему Государю и впредь буду писать всякую правду, не стыдяся, о всемъ, что мнѣ слѣдуетъ, «и тѣ всѣ мои слова», писалъ онъ къ Б. Матвѣеву, «сенаторы, отъ меня слыша, доносятъ Его Королевскому Величеству, за что вельми на меня суровъ и кручиноватъ».

По обычаямъ посольскимъ, принявъ отъ гонца грамоту, Король взглянулъ на резидента, который послѣ удаленія посла

еще оставался въ палатѣ по «надлежащему посольскому чину», подозвалъ къ себѣ канцлера Паца и поручилъ ему сказать резиденту: Король дозволяетъ тебѣ жить въ Варшавѣ до тѣхъ поръ, пока не получилъ отъ новаго Царя подтвердительной грамоты. Снова повторилъ ему причины королевскаго гнѣва, на что резидентъ громко отвѣчалъ, что не считаетъ себя виноватымъ, ибо желалъ и содѣйствовалъ союзу обоихъ державъ. Я не писывалъ, прибавилъ онъ, раздорныхъ писемъ, «однакожъ вящая моя повинность искати милости и трепетати и странитися гнѣва прежде у своего Государя, а не у чужаго». Не смотря на то, что Тяпкину объявлено было, что не считаютъ его болѣе лицомъ посольскимъ, онъ присутствовалъ однакоже во время отпуска Королемъ гонца съ отвѣтною къ Царю грамотою, и по окончаніи обряда остался нѣсколько времени, ожидая, что Король заговоритъ съ нимъ; какъ прежде сего бывало.—Король однакоже не говорилъ съ нимъ; не замѣтивъ его присутствія, послалъ къ нему канцлера Литовскаго и поручилъ написать въ Москву, что по случаю кончины Царя онъ приказалъ носить, жалобное черное платье» [22].

Резидентъ, въ присутствіи гонца присягнувъ новому Государю, отправился въ Варшаву (Апр. 29), а гонецъ къ Римскому Императору [23]. Король также выѣхалъ изъ Кракова въ Честохово въ Студягской Монастырь (Апр. 23),—«тамъ тѣмъ святымъ образомъ поклонившися, имѣетъ намѣреніе», увѣдомлялъ Тяпкинъ боярина Матвѣева, «возвратиться ко Львову въ Яворовъ для сближенія воинскихъ способовъ, а наипаче для скорые ссылки съ Турки и Татары. Мнѣ указалъ ѣхать изъ Кракова въ Варшаву, и то нарочно изволилъ чинить, чтобъ я при дворѣ Его Королевскаго Величества близко не былъ и ни о чемъ не вѣдалъ». Съ этого времени измѣняется направленіе

[22] Письма отъ 2-го и 8-го Апр. Ст. Сп. л. 679—96, 700—705.
[23] Ст. Сп. л. 696—700.

писемъ нашего резидента. По прiѣздѣ онъ еще надѣялся на возможность союза съ Польшею: замыслы враждебные Россiи считалъ дѣломъ одной партiи, которой однакоже противодѣйствовала сильнѣйшая, расположенная къ Россiи. Потерявъ потомъ довѣрiе къ Гетману Пацу, который дѣйствительно послѣ ссоры съ Королемъ, измѣнилъ свои дѣйствiя, не говорилъ откровенно, какъ прежде, съ резидентомъ и вовсе не дѣйствовалъ въ видахъ Россiи, опасаясь подозрѣнiй со стороны Короля, резидентъ уже не довѣрялъ словамъ и обѣщанiямъ Поляковъ. Наконецъ послѣ укоризнъ и упрековъ, которыми лично самъ Король его оскорбилъ, онъ уже рѣшительно потерялъ всякое довѣрiе и убѣдился въ томъ, что Польша, изъявляя желанiе союза съ Россiею, хочетъ только воспользоваться ея помощiю въ обстоятельствахъ затруднительныхъ и потомъ дѣйствовать противъ нея. Подозрѣвая только прежде Польскiй дворъ въ нѣкоторой склонности къ Францiи, въ это время онъ уже утвердительно писалъ: «дивныя здѣсь намѣренiя и способы и замыслы чрезъ факцiи Французскiя съ дворомъ Польскимъ произносятся». Король Французскiй убѣдилъ Польскаго Короля, что по его содѣйствiю Турки готовы заключить съ нимъ миръ, уступить Каменецъ и всю Украйну. По заключенiи мира Францiя желаетъ обратить Польское оружiе противъ Императора и Бранденбурга. Разгромивъ оба государства, Французы, Шведы и Поляки соединенными силами предполагаютъ напасть на Россiю. «А Московскому бъ государству учинивъ преодолѣнiе, паки совокупясь Римскiе вѣры помянутые Государи, иттить на Турковъ, не припускаючи къ себѣ въ помощь Православнаго государства, для того, чтобъ восточные святые церкви народы Греческаго Православiя до конца искоренить и превратить до костела Римскаго. А если бы де силы Московскiе допустить на Турскiя земли, тогда де всѣ Греки, къ нимъ и Волохи, и Сербы, и Мутьяне и Козаки украинскiе съ ними соединятся и

Римскимъ государствамъ противны и сильны будутъ». Шведскій посланникъ распускаетъ въ Польшѣ слухъ, что Царь заключилъ вѣчный съ Швеціею миръ и даже посылаетъ 15 т. войска противъ Бранденбурга. А между тѣмъ, писалъ Тяпкинъ, Шведовъ бьютъ, Штетинъ находится въ осадѣ и «Курфирстъ великіе способы гранатные имѣетъ, отъ нихъ же Шведы никакими штуками мудрыми не могутъ сохраниться». Совѣту непремѣнно послать войска Русскіе на Крымъ, онъ увѣрялъ, что тогда Турки не осмѣлятся пойти не только на Кіевъ, но даже и въ Польшу. Если же съ Поляками они заключатъ миръ, то безъ сомнѣнія обратятся на Русскую Украйну и Кіевъ. «Ей, истинную правду объявляю и пишу, говоритъ Тяпкинъ, обращаясь къ боярину Матвѣеву, умилосердися, яко вѣрный рабъ Божій и его, Государской, донеси о семъ ему, Великому Государю, и его всѣмъ ближнимъ людямъ и прилежи усердно, чтобъ конечно, безъ всякаго прекословія, пошли на Крымъ, не мѣшкавъ: самый тому пришелъ нынѣ случай и часъ: ей всѣ факціи непріятельскіе помрачены будутъ и погаснутъ. А если не пойдутъ Великаго Государя Его Царскаго Величества ратные люди на Крымъ сего лѣта войною, ей, великую неславу и поношеніе, но наипаче оскорбленіе государству Московскому учинится, отъ чего Господи Боже сохрани и помилуй». Предвидя, что въ Варшавѣ въ далекѣ отъ двора Королевскаго ему нельзя уже будетъ получать извѣстій о ходѣ дѣлъ, онъ воспользовался послѣднимъ случаемъ откровенно сказать свое мнѣніе и предостеречь Россію. «Отъ меня зѣло скрываются и подъ смертію заказываютъ чтобъ, никто со мною не видился», говорилъ онъ, заключая письмо: «смилуйся, государь мой, не зазри моимъ грубымъ словамъ, пишу отъ говорливости сердца моего, яко вѣрный рабъ Царя Государя моего, иже желаю не только здѣ вѣренъ ему до смерти быти, но того ради и предъ судилищемъ страшнымъ Христовымъ не осужденъ явится хощу.

И сіе мое послѣднее объявленіе правдою доношу такъ, поелику возмогъ здѣ таковыя вышеупомянутыя намѣренія выразумѣть»[24].

Въ первомъ письмѣ изъ Варшавы резидентъ повторяетъ тѣже извѣстія, присовокупляя однакоже, что до истеченія срока перемирія Поляки не рѣшаться воевать съ Россіею; но послѣ срока непремѣнно съ помощію Французовъ и Шведовъ пойдутъ на Россію. «Сего ради, прибавляетъ онъ, подобаетъ конечно Шведу отъ Лифляндтовъ заиграть трубными и рыцерскими гласы. И не трудно, Господь поможетъ первымъ счастіемъ помазанника своего благословити, и не точію Лифлянты или Ригою, но и самымъ Варяжскимъ моремъ обдарити. Теперь тому часъ и время, не яко ближняго сосѣда но яко внутренняго врага и ласкателя до основанія разорить и отъ лукавыхъ его намѣреній съ дворомъ Польскимъ отвести. Понеже Нѣмецкіе Государи его зѣло изрядно подчиваютъ и даже якоже заяцъ по островамъ бѣгаючи, скрывается и отбываетъ лисьими штуками. А здѣ его посолъ гласы похвальные производитъ: хотя де лихи были на насъ зѣло ближніе совѣтники Царскаго Величества, а наипаче Артамонъ Сергѣевичь, котораго отвращали отъ покою бывшаго Великаго Государя, однакожь, помилуй Боже святѣйшаго патріарха Московскаго, нынѣшняго молодаго Государя своими духовными бесѣдами склонилъ къ покою съ Шведами и великихъ и полномочныхъ пословъ Царь на коммисію выслалъ, которая все нынѣ по волѣ ихъ Шведской учинила. Не гнѣвайтесь, прибавляетъ Тяпкинъ, что слышу, то и пишу; ей, если Шведу теперь тѣсноты какіе не учинимъ, на будущее время, чего Боже сохрани, тяжко намъ самимъ будетъ отъ Шведа»[25].

Въ четырехлѣтнее пребываніе въ Польшѣ, средоточіи въ то время политической дѣятельности всѣхъ державъ Европей-

[24] Письмо отъ 23 Апрѣля.
[25] Письмо изъ Варшавы отъ 27 Мая.

три части: Великопольская земля хочетъ поддаться Цесарю Римскому; Мазовія, Подляхія и малая Польша желаютъ приединиться къ Бранденбургу; великое Княжество Литовское совѣщается о томъ, какъ бы вступить въ подданство нашему Государю. Дай то Богъ, чтобъ это случилось дѣйствительно, доношу о такихъ всеобщихъ здѣсь слухахъ для вѣдома, а что въ самомъ дѣлѣ будетъ, то Богъ вѣсть, прибавляетъ Тяпкинъ; но то правда что шляхта не любитъ Короля и надо ожидать Рокоша. Слухъ, сообщаемый резидентомъ, не могъ не имѣть основанія, онъ доказываетъ, что мысль о раздѣлѣ Польши явилась гораздо прежде, нежели вообще полагаютъ, и имѣла защитниковъ въ самой Польшѣ. Приверженцы Короля приписывали всѣ безпорядки вліянію Имперской партіи. Будто бы она распустила слухи, что Король еще до вѣнчанія на царство заключилъ миръ съ Портою, а собираетъ войска для собственной безопасности, страшась враждебной ему партіи, и для войны съ Бранденбургомъ. Король находился въ Яворовѣ, ожидая, пока соберутся войска; но между тѣмъ они собирались медленно. Гетманы, не думая о предстоявшей опасности, спокойно проживали въ своихъ помѣстьяхъ. Одно за другимъ Король посылалъ предписанія о немедленномъ движеніи войскъ; но ни что не дѣйствовало. Онъ сердился, негодовалъ, его здоровье разстроивалось и онъ часто дѣлался больнымъ. Выступивъ изъ зимнихъ помѣщеній, войска шли медленно и дорогою грабили и опустошали села и деревни. Движеніе Польскихъ войскъ по своимъ же областямъ для мирныхъ жителей не было лучше опустошительныхъ походовъ непріятеля. Не смотря на Королевскія предписанія, пишетъ Тяпкинъ, воинскіе люди поступаютъ по обычному своевольству, гдѣ нужно пройти съ хоругвью пять верстъ, идетъ 15, занимая окрестныя села и деревни и имущество бѣдныхъ крестьянъ; часть награбленныхъ запасовъ возметъ съ собою, а половину отправляетъ домой къ женѣ.

Применяясь къ прошлому году, я не думаю, чтобы войска собрались ко Львову ближе Августа. Но войска собрались еще позднѣе, притомъ въ незначительномъ количествѣ. Между тѣмъ Ибрагимъ-Паша, прозванный Шайтаномъ, назначенный послѣ своего соименника Дамасскаго, на его мѣсто, съ значительными силами перешелъ Дунай и стоялъ близь Хотина, а Татары воевали близь Львова, Злочева, Замостья и Ярославля, грабили и уводили въ плѣнъ беззащитныхъ жителей, а Поляки смотрѣли равнодушно говоря: «пусть гибнутъ, шизматики».

Пользуясь несчастнымъ положеніемъ Польши, Французы и Шведы совѣтовали на какихъ бы то ни было условіяхъ заключить съ Турками перемиріе на 10 лѣтъ; но Примасъ увѣщевалъ Короля объявить посполитое рушенье, дать надлежащій отпоръ непріятелю и потомъ приступить къ мирнымъ переговорамъ [5]. Но и это предложеніе не утѣшало Короля, Турки приближались къ Каменцу, а онъ безъ войскъ находился въ Яворовѣ. Пока соберется народное ополченіе, Турки успѣютъ разграбить большую часть Польши [6].

Честолюбивые замыслы Королевы еще болѣе волновали народъ и огорчали Короля. Она ожидала пріѣзда своего брата Маркиза де Бетюня въ качествѣ чрезвычайнаго посла отъ Людовика XIV, надѣялась что, отъ его имени онъ будетъ воспреемникомъ ея сына; собиралась сама ѣхать во Францію. Ея будто бы растроенное здоровье могло поправится по совѣту докторовъ воздухомъ и водами родной стороны; но ей хотѣлось явиться Королевою при томъ дворѣ, гдѣ прежде занимала незамѣтное мѣсто. Долго не пріѣзжалъ Маркизъ, задержанный на Балтійскомъ морѣ враждебными Франціи флотами Сѣверныхъ державъ. Не дождавшись его, Королева окрестила сына и отправилась во Францію. Паны негодовали, говоря, что безпо-

[5] Письмо изъ Варшавы 9-го Іюня.
[6] Залусскій, стр. 644.

лезно вывозить деньги изъ Польши, хотѣли даже не пускать безъ воли сейма. Но близъ Торна, въ мѣстечкѣ Аньвѣ Маркизъ встрѣтилъ Королеву [7] и она возвратилась назадъ, потому, говорила, что нельзя безопасно проѣхать во Францію. Настоящая причина заключалась однакоже въ томъ, что Людовикъ XIV, не смотря на всѣ старанія вовлечь Польшу въ свои виды, не хотѣлъ считать себя равнымъ ея Королю и тѣмъ болѣе оказывать почести Королевскія Маріи d'Arquin. Онъ ограничился только тѣмъ, что прислалъ Собѣсскому Орденъ Св. Духа. Но не съ этою только цѣлію пріѣхалъ въ Польшу М. де Бетюнь съ 70 Французскими офицерами. Ему поручено было набрать въ Польшѣ отрядъ войскъ и отправиться на помощь Венгріи. Собѣсскій провожалъ Королеву и встрѣтивъ его близъ Торна, вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Данцигъ. Хотя Королю и удалось усмирить тамъ возстанія, однакоже вѣсти объ успѣхахъ Татаръ принудили его скорѣе возвратиться къ Львову. Объѣхавъ Варшаву, онъ занялся устройствомъ той части войскъ, которая успѣла собраться.

Между тѣмъ намъ резидентъ жилъ въ Варшавѣ. Въ письмахъ къ б. Матвѣеву онъ жаловался, что не можетъ сообщить ничего положительно вѣрнаго, находясь въ отдаленіи отъ двора, принужденъ извѣщать объ однихъ слухахъ. «Въ Варшавѣ никого нѣтъ изъ сенаторовъ, говорилъ онъ, но и тѣмъ, которые сюда пріѣзжаютъ запрещено со мною видѣться и говорить». Больной, помѣщенный въ плохомъ домѣ, лишенный половины прежняго содержанія и охранной стражи, онъ находится въ постоянномъ страхѣ, отъ разбоевъ и грабежей, распростанившихся въ Польшѣ и даже въ самой Варшавѣ [8]. Но болѣе всего смущали его слухи о состояніи дѣлъ въ Россіи. Онъ не получалъ никакихъ извѣстій изъ Посольскаго приказа и ниче-

[7] Письмо изъ Варшавы, Іюля 28 и Августа 5.
[8] Письмо отъ 23 Апрѣля и Мая 27.

го не зналъ, что дѣлается въ Россіи, а между тѣмъ Польскій резидентъ писалъ изъ Москвы худыя вѣсти, которыя быстро разносила молва: «резидентъ Королевскаго Величества», писалъ Тяпкинъ къ б. Матвѣеву, «такія сообщаетъ странныя сплетни, что неприлично и слушать: будто въ Московскомъ народѣ бунты безпрестанные, будто Государь недоволенъ ближними и думными людьми, а болѣе всѣхъ тобою; умалили будто честь твою и славу, отняли многіе приказы изъ твоего завѣдыванія, отъ которыхъ будто получалъ ты великія пожитки и доходы. Много и другихъ сообщаетъ басенъ, которыхъ нельзя даже ввѣрять бумагѣ и черниламъ»*. Но во многихъ сплетняхъ, сообщенныхъ Свидерскимъ, заключалась и правда.

Въ первое время послѣ вступленія на престолъ Ѳедора Алексѣевича дѣла посольскіе продолжались по прежнему. Ихъ ходъ замедлялся почти постоянною болѣзнью Царя. Бояринъ Матвѣевъ по прежнему управлялъ приказомъ и въ это время еще пользовался довѣренностію царскою. Ко всѣмъ дворамъ Европейскимъ были отправлены нарочные гонцы съ извѣщеніемъ о кончинѣ Царя и возшествіи на престолъ новаго Государя. Находившійся въ Москвѣ Голландскій посолъ, опасаясь чтобы его дѣла, такъ хорошо направленные, не измѣнились, всѣми способами старался снова начать прерванные переговоры. Желая угодить Русскому двору, онъ надѣлъ трауръ какъ на себя, такъ и на всю свиту, а между тѣмъ старался всего болѣе преклонить на свою сторону б. Матвѣева и потомъ Князя Долгорукаго. Первому чрезъ переводчика Виніуса онъ предложилъ даже значительные подарки, если онъ побудитъ Царя воевать съ Швеціею. Но Матвѣевъ поручилъ отвѣчать послу что весьма удивляется его предложенію: онъ никогда не принималъ и не будетъ принимать подарковъ по дѣламъ, касающимся царской службы; но употребитъ однакоже свое стараніе, чтобы

* Письмо изъ Кракова отъ 12 Апрѣля.

посолъ успѣшно окончилъ возложенное на него порученіе. По кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича онъ поручилъ сказать фонъ-Кленку, что онъ будетъ имѣть дѣло съ тою же коммисіею, которая была назначена покойнымъ Государемъ для переговоровъ съ нимъ, и два раза повторивъ, что Голландскій посолъ не оставитъ Москвы, не окончивъ дѣлъ согласно своему желанію, поручалъ ему даже довести свои слова до свѣдѣнія Соединенныхъ Штатовъ. Б. Матвѣевъ дѣйствительно принималъ сильное участіе въ дѣлахъ Голландскаго посла: онъ желалъ чтобы на границы Шведскія послано было Русское войско, хотя и не съ тѣмъ чтобы воевать съ Шведами, но чтобы получить большую силу въ мирныхъ переговорахъ съ ними. Но особенно занимало его предположеніе фонъ-Кленка о торговлѣ чрезъ Россію съ Востокомъ.

Февраля 15-го послу назначено было явиться для переговоровъ. Въ палатѣ, обитой чернымъ сукномъ, въ траурныхъ платьяхъ бояре встрѣтили посла и Князь Михайло Юрьевичъ Долгорукій отъ лица всѣхъ подалъ ему письменный отвѣтъ на его предложеніе. Въ немъ слово въ слово повторялось то, что во вторыхъ переговорахъ бояре отвѣчали словесно послу, о причинахъ, по которымъ Россія не можетъ объявить войну Швеціи. Въ концѣ было прибавлено, что Царь увѣдомитъ Голландію объ успѣхахъ предположенныхъ на границахъ переговоровъ съ Шведскими уполномоченными и съ своей стороны проситъ Соединенные Штаты извѣстить его, какой примутъ оборотъ дѣла союзныхъ державъ въ отношеніи къ Швеціи. Хотя отвѣтъ не соотвѣтствовалъ желаніямъ Кленка, однакоже онъ не терялъ надежды, потому что замѣчалъ вообще нерасположеніе Московскаго двора къ Швеціи и получилъ извѣстіе о сдѣланныхъ уже распоряженіяхъ, чтобы часть Русскихъ войскъ приблизилась къ Шведскимъ границамъ.

Гонецъ, отправленный въ Стокгольмъ, еще Царю Алексѣю

Михайловичу привезъ отвѣтную грамату (1675 Сент. 17), въ которой Король оправдывалъ вторженіе своихъ войскъ въ Бранденбургскія владѣнія. «Курфюрстъ Бранденбургскій, писалъ онъ, нарушилъ условія Вестфальскаго мира: взялъ деньги у Голландцевъ и началъ воевать съ Франціею». Пока войскъ, дѣйствующихъ на Рейнѣ, онъ не отзоветъ назадъ и не употребитъ ихъ въ помощь Польшѣ въ войнѣ противъ Турокъ, до тѣхъ поръ и войска Шведскіе не выступятъ изъ Помераніи. Благодаря Царя за назначеніе съѣзда, Король увѣдомлялъ, что къ Ноябрю мѣсяцу прибудутъ и его уполномоченные къ границамъ на рѣку Мяузицу. Въ отвѣтной граматѣ Царь Алексѣй Михайловичь назначилъ съѣздъ въ Мартѣ мѣсяцѣ будущаго года и объявилъ Королю имена назначенныхъ имъ уполномоченныхъ[10]. Такой отвѣтъ обрадовалъ Шведовъ: они опасались, что Русскій Царь будетъ защищать своего союзника вооруженною рукою. Изъявляя благодарность Царю за то, что онъ не повѣрилъ Бранденбургскому Курфюрсту, который желалъ ихъ поссорить, съ своей стороны увѣдомлялъ о назначенныхъ полномочныхъ на съѣздъ[11]. Но въ Москвѣ вовсе не думали обнадеживать Шведскаго Короля мирными расположеніями и оправдывать его дѣйствій. Грамата царская произвела совсѣмъ не то впечатлѣніе, котораго желали. Назначая мирные переговоры въ то время, когда Швеція вела войну съ Бранденбургомъ и Даніею, враждовала съ Голландіею и со всѣми ея союзниками, Россія надѣялась, что Шведы въ мирныхъ переговорахъ по необходимости будутъ уступчивы, чтобы не вооружить противъ себя и Россіи. Военныя дѣйствія со стороны Россіи привели бы ее къ окончательной погибели.

[10] Б. Кн. Петръ Прозоровскій, дум. двор. Ив. Прончищевъ и дум. дьякъ Лукьянъ Голосовъ. Въ послѣдствіи, при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, вмѣсто Прозоровскаго былъ назначенъ окольничій И. Вас. Бутурлинъ. Пос. Кн. снош. съ Швеціею 156 и 86 годовъ.

[11] Крейцъ, Тизенгаузенъ и Клинштетъ. Тамъ же.

Въ то время когда Русскій гонецъ ѣхалъ въ Стокгольмъ, войскамъ, стоявшимъ около Великихъ Лукъ подъ предводительствомъ Князя Хованскаго, велѣно приготовляться къ походу. Въ слѣдъ за тѣмъ, еще до полученія отвѣта отъ Шведскаго Короля, Хованскому предписано было идти въ Псковъ, присоединить къ своимъ отрядамъ полки Новгородскій и Псковскій и ожидать царскаго указа о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Въ тоже время отправлено было предписаніе въ Невль къ стольнику Князю Андрею Ивановичу Хованскому собрать часть войскъ и быть на готовѣ къ походу[12]. Его отряды предполагалось двинуть въ Новгородскую область къ Шведскимъ границамъ въ замѣнъ тѣхъ, которые выступили къ Пскову.

Съ возшествіемъ на престолъ Ѳедора Алексѣевича виды Россіи въ отношеніи къ Швеціи не измѣнились, хотя вѣсти изъ Польши, предвѣщая опасность со стороны Татаръ и Турокъ, замедлили распоряженія. Гонецъ, посланный въ Стокгольмъ обвѣстить возшествіе на престолъ новаго Царя, вручилъ Королю грамату, въ которой Царь отлагалъ посольскій съѣздъ до 30 Мая и назначалъ его на рѣкѣ Плюсѣ, на рубежѣ Псковскомъ, между Печерскимъ монастыремъ и Новымъ городкомъ Шведскимъ[13].

Мая 18 отправились изъ Москвы полномочные послы для переговоровъ съ слѣдующимъ наказомъ. Имъ поручалось склонять Шведовъ къ союзу съ Россіею и Польшею противъ Турокъ и Татаръ; укоряя Шведовъ въ нарушеніи договоровъ, требовать чтобы они уступили Россіи Ивангородъ, Орѣшекъ, Ямы и Копорье. Къ числу нарушеній Кардисскаго договора,

[12] Дворц. Разр. III стр, 1569.

[13] Подъячій Семенъ Протопоповъ отправленъ 14 Февраля. 24 Марта прибылъ въ Стокгольмъ, 31 имѣлъ аудіенцію у Короля; оттуда 16 Апрѣля отправился въ Данію, 27-го прибылъ въ Копенгагенъ и 8 Іюля возвратился въ Москву. Пос. Кн. снош. съ Швец. № 102.

Россія причислила во первыхъ то, что Шведы неправильно писали въ своихъ грамотахъ царскій титулъ, дозволили своему подданному издать книгу съ укоризнами противъ Россіи, оказывали притѣсненія, Русскимъ купцамъ особенно въ Лифляндіи. Тамъ не позволяли Русскимъ торговать съ иностранными купцами, но требовали непремѣнно, чтобы они свои товары сначала продавали Лифляндскимъ Нѣмцамъ; обманывали ихъ въ вѣсахъ и мѣрахъ, не позволяли своими людьми выгружать кораблей и наконецъ просто грабили. Въ Псковѣ и Новгородѣ нарочно были собраны сказки отъ торговыхъ людей о понесенныхъ ими оскорбленіяхъ и убыткахъ въ Лифляндіи и цѣлыя книги были вручены посламъ отправлявшимся на съѣздъ[14].

Требуя городовъ, завоеванныхъ Шведами, очевидно Россія расчитывала на слабость въ это время Швеціи, и расчетъ былъ вѣренъ. Возвратившійся изъ Швеціи гонецъ подтвердилъ извѣстія о томъ, что Шведовъ постоянно бьютъ Датчане съ помощію Голландцевъ на морѣ, а Курфюрстъ Бранденбургскій въ Помераніи. Но съ перемѣною обстоятельствъ политическихъ не могло осуществиться желаніе Московскаго двора въ это время и при томъ путемъ мирнымъ. Король Шведскій, испуганный участіемъ, которое оказала Россія Бранденбургскому Курфюрсту, отправилъ было 12-ти тысячный отрядъ въ Финляндію и Лифляндію; но потомъ, когда назначенъ былъ съѣздъ для мирныхъ переговоровъ, отозвалъ его назадъ съ намѣреніемъ отправить въ Померанію.

Между тѣмъ продолжая переговоры съ Голландскимъ посломъ о торговлѣ съ Востокомъ, бояре не давали ему положительныхъ отвѣтовъ о намѣреніи Россіи въ отношеніи къ Швеціи[15]. Одну за другою онъ подавалъ записки въ Посольскій

---

[14] Пос. Кн. Снош. съ Швец. этого года № 103.
[15] Переговоры 3 и 16 Марта. Посол. Кн. Сн. съ Голл.

Въ то время когда Русскій гонецъ ѣхалъ въ Стокгольмъ, войскамъ, стоявшимъ около Великихъ Лукъ подъ предводительствомъ Князя Хованскаго, велѣно приготовляться къ походу. Въ слѣдъ за тѣмъ, еще до полученія отвѣта отъ Шведскаго Короля, Хованскому предписано было идти въ Псковъ, присоединить къ своимъ отрядамъ полки Новгородскій и Псковскій и ожидать царскаго указа о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Въ тоже время отправлено было предписаніе въ Невль къ стольнику Князю Андрею Ивановичу Хованскому собрать часть войскъ и быть на готовѣ къ походу[12]. Его отряды предполагалось двинуть въ Новгородскую область къ Шведскимъ границамъ въ замѣнъ тѣхъ, которые выступили къ Пскову.

Съ возшествіемъ на престолъ Ѳедора Алексѣевича виды Россіи въ отношеніи къ Швеціи не измѣнились, хотя вѣсти изъ Польши, предвѣщая опасность со стороны Татаръ и Турокъ, замедлили распоряженія. Гонецъ, посланный въ Стокгольмъ обвѣстить возшествіе на престолъ новаго Царя, вручилъ Королю грамату, въ которой Царь отлагалъ посольскій съѣздъ до 30 Мая и назначалъ его на рѣкѣ Плюсѣ, на рубежѣ Псковскомъ, между Печерскимъ монастыремъ и Новымъ городкомъ Шведскимъ[13].

Мая 18 отправились изъ Москвы полномочные послы для переговоровъ съ слѣдующимъ наказомъ. Имъ поручалось склонять Шведовъ къ союзу съ Россіею и Польшею противъ Турокъ и Татаръ; укоряя Шведовъ въ нарушеніи договоровъ, требовать чтобы они уступили Россіи Иваньгородъ, Орѣшевъ, Ямы и Копорье. Къ числу нарушеній Кардисскаго договора,

[12] Дворц. Разр. III стр, 1569.

[13] Подъячій Семенъ Протопоповъ отправленъ 14 Февраля. 24 Марта прибылъ въ Стокгольмъ, 31 имѣлъ аудіенцію у Короля; оттуда 16 Апрѣля отправился въ Данію, 27-го прибылъ въ Копенгагенъ и 8 Іюля возвратился въ Москву. Пос. Кн. снош. съ Швец. № 102.

Россія причислила во первыхъ то, что Шведы неправильно писали въ своихъ грамотахъ царскій титулъ, дозволили своему подданному издать книгу съ укоризнами противъ Россіи, оказывали притѣсненія, Русскимъ купцамъ особенно въ Лифляндіи. Тамъ не позволяли Русскимъ торговать съ иностранными купцами, но требовали непремѣнно, чтобы они свои товары сначала продавали Лифляндскимъ Нѣмцамъ; обманывали ихъ въ вѣсахъ и мѣрахъ, не позволяли своими людьми выгружать кораблей и наконецъ просто грабили. Въ Псковѣ и Новгородѣ нарочно были собраны сказки отъ торговыхъ людей о понесенныхъ ими оскорбленіяхъ и убыткахъ въ Лифляндіи и цѣлыя книги были вручены посламъ отправлявшимся на съѣздъ[14].

Требуя городовъ, завоеванныхъ Шведами, очевидно Россія расчитывала на слабость въ это время Швеціи, и расчетъ былъ вѣренъ. Возвратившійся изъ Швеціи гонецъ подтвердилъ извѣстія о томъ, что Шведовъ постоянно бьютъ Датчане съ помощію Голландцевъ на морѣ, а Курфюрстъ Бранденбургскій въ Помераніи. Но съ перемѣною обстоятельствъ политическихъ не могло осуществиться желаніе Московскаго двора въ это время и при томъ путемъ мирнымъ. Король Шведскій, испуганный участіемъ, которое оказала Россія Бранденбургскому Курфюрсту, отправилъ было 12-ти тысячный отрядъ въ Финляндію и Лифляндію; но потомъ, когда назначенъ былъ съѣздъ для мирныхъ переговоровъ, отозвалъ его назадъ съ намѣреніемъ отправить въ Померанію.

Между тѣмъ продолжая переговоры съ Голландскимъ посломъ о торговлѣ съ Востокомъ, бояре не давали ему положительныхъ отвѣтовъ о намѣреніи Россіи въ отношеніи къ Швеціи[15]. Одну за другою онъ подавалъ записки въ Посольскій

---

[14] Пос. Кн. Снош. съ Швец. этого года № 103.
[15] Переговоры 3 и 16 Марта. Посол. Кн. Сн. съ Голл.

Въ то время когда Русскій гонецъ ѣхалъ въ Стокгольмъ, войскамъ, стоявшимъ около Великихъ Лукъ подъ предводительствомъ Князя Хованскаго, велѣно приготовляться къ походу. Въ слѣдъ за тѣмъ, еще до полученія отвѣта отъ Шведскаго Короля, Хованскому предписано было идти въ Псковъ, присоединить къ своимъ отрядамъ полки Новгородскій и Псковскій и ожидать царскаго указа о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Въ тоже время отправлено было предписаніе въ Невль къ стольнику Князю Андрею Ивановичу Хованскому собрать часть войскъ и быть на готовѣ къ походу[12]. Его отряды предполагалось двинуть въ Новгородскую область къ Шведскимъ границамъ въ замѣнъ тѣхъ, которые выступили къ Пскову.

Съ возшествіемъ на престолъ Ѳедора Алексѣевича виды Россіи въ отношеніи къ Швеціи не измѣнились, хотя вѣсти изъ Польши, предвѣщая опасность со стороны Татаръ и Турокъ, замедлили распоряженія. Гонецъ, посланный въ Стокгольмъ обвѣстить возшествіе на престолъ новаго Царя, вручилъ Королю грамату, въ которой Царь отлагалъ посольскій съѣздъ до 30 Мая и назначалъ его на рѣкѣ Плюсѣ, на рубежѣ Псковскомъ, между Печерскимъ монастыремъ и Новымъ городкомъ Шведскимъ[13].

Мая 18 отправились изъ Москвы полномочные послы для переговоровъ съ слѣдующимъ наказомъ. Имъ поручалось склонять Шведовъ къ союзу съ Россіею и Польшею противъ Турокъ и Татаръ; укоряя Шведовъ въ нарушеніи договоровъ, требовать чтобы они уступили Россіи Иваньгородъ, Орѣшекъ, Ямы и Копорье. Къ числу нарушеній Кардисскаго договора,

---

[12] Дворц. Разр. III стр, 1569.

[13] Подьячій Семенъ Протопоповъ отправленъ 14 Февраля. 24 Марта прибылъ въ Стокгольмъ, 31 имѣлъ аудіенцію у Короля; оттуда 16 Апрѣля отправился въ Данію, 27-го прибылъ въ Копенгагенъ и 8 Іюля возвратился въ Москву. Пос. Кн. снош. съ Швец. № 102.

Россія причислила во первыхъ то, что Шведы неправильно писали въ своихъ грамотахъ царскій титулъ, дозволяли своему подданному издать книгу съ укоризнами противъ Россіи, оказывали притѣсненія, Русскимъ купцамъ особенно въ Лифляндіи. Тамъ не позволяли Русскимъ торговать съ иностранными купцами, но требовали непремѣнно, чтобы они свои товары сначала продавали Лифляндскимъ Нѣмцамъ; обманывали ихъ въ вѣсахъ и мѣрахъ, не позволяли своими людьми выгружать кораблей и наконецъ просто грабили. Въ Псковѣ и Новгородѣ нарочно были собраны сказки отъ торговыхъ людей о понесенныхъ ими оскорбленіяхъ и убыткахъ въ Лифляндіи и цѣлыя книги были вручены посламъ отправлявшимся на съѣздъ[14].

Требуя городовъ, завоеванныхъ Шведами, очевидно Россія расчитывала на слабость въ это время Швеціи, и расчетъ былъ вѣренъ. Возвратившійся изъ Швеціи гонецъ подтвердилъ извѣстія о томъ, что Шведовъ постоянно бьютъ Датчане съ помощію Голландцевъ на морѣ, а Курфюрстъ Бранденбургскій въ Помераніи. Но съ перемѣною обстоятельствъ политическихъ не могло осуществиться желаніе Московскаго двора въ это время и при томъ путемъ мирнымъ. Король Шведскій, испуганный участіемъ, которое оказала Россія Бранденбургскому Курфюрсту, отправилъ было 12-ти тысячный отрядъ въ Финляндію и Лифляндію; но потомъ, когда назначенъ былъ съѣздъ для мирныхъ переговоровъ, отозвалъ его назадъ съ намѣреніемъ отправить въ Померанію.

Между тѣмъ продолжая переговоры съ Голландскимъ посломъ о торговлѣ съ Востокомъ, бояре не давали ему положительныхъ отвѣтовъ о намѣреніи Россіи въ отношеніи къ Швеціи[15]. Одну за другою онъ подавалъ записки въ Посольскій

---

[14] Пос. Кн. Снош. съ Швец. этого года № 103.
[15] Переговоры 3 и 16 Марта. Посол. Кн. Сн. съ Голл.

приказъ, убѣждая для пользы Россіи отправить часть войскъ къ Шведскимъ границамъ; но Посольскій приказъ, отвѣчая письменно на всѣ предложенія Кленка, умалчивалъ о Швеціи[16]. Недовольный отвѣтомъ, онъ послалъ своего секретаря и переводчика къ Князю Долгорукову и б. Матвѣеву съ просьбою объ отвѣтѣ болѣе положительномъ. Б. Матвѣевъ извѣстилъ Кленка, что ему будетъ объявленъ отвѣтъ словесно при слѣдующихъ переговорахъ, «а писать о такомъ дѣлѣ не годится».

Страстная недѣля и Святая замедлили переговоры, которыхъ усильно домогался посланникъ, желая скорѣе покончить дѣла и возвратиться въ отечество. Много препятствовалъ ему и резидентъ Датскій. Онъ имѣлъ одно и тоже порученіе въ отношеніи къ Шведскимъ дѣламъ, какъ и Голландскій посолъ; но личный его характеръ и поведеніе не соотвѣтствовали его званію. Всѣми силами онъ хотѣлъ вступить въ переговоры вмѣстѣ съ Кленкомъ; но Русскій дворъ не позволялъ ему вмѣшиваться. Кленкъ сначала желалъ совокупныхъ съ нимъ переговоровъ, какъ было поручено ему правительствомъ Голландскимъ; но убѣдившись въ дурныхъ качествахъ Гея, и нерасположеніи къ нему Русскихъ, самъ уже старался отклонить его. Гей сердился особенно на б. Матвѣева, предполагая, что его нерасположеніе поставило его въ такое положеніе къ Московскому двору. Онъ отправился къ нему въ домъ, наговорилъ ему грубостей такъ, что бояринъ выгналъ его изъ дому и пожаловался Царю. Резидента объявили частнымъ лицемъ, посадили подъ стражу въ его домѣ и хотѣли писать къ Датскому Королю, чтобы онъ отозвалъ его. Гей обратился къ Кленку съ просьбою вступиться за него, доказывая, что въ его лицѣ оскорблено званіе дипломатическаго агента. Но Кленкъ отвѣчалъ, что это дѣло не публичное, а частное; въ дѣла же частныя

[16] Отвѣтъ 18 Марта. Тамъ же.

онъ вмѣшиваться не можетъ. Донося своему правительству объ этомъ происшествіи, онъ просилъ не вѣрить извѣстіямъ о Россіи, которыя можетъ сообщать Голландіи Датскій посланникъ, находящійся въ Гагѣ, его извѣстія будутъ основаны на донесеніяхъ своему двору Гея, которому вѣрить нельзя. «Онъ озлобленъ на Русскихъ и ровно ничего не знаетъ», писалъ Кленкъ, «какъ я успѣлъ убѣдиться собственнымъ опытомъ». Князю Долгорукому удалось помирить Датскаго резидента съ бояриномъ Матвѣевымъ; но вѣроятно слухи о его поведеніи достигли до Копенгагена и онъ вскорѣ былъ отозванъ изъ Москвы[17].

Наконецъ Кленку назначенъ былъ день послѣднихъ переговоровъ (29 Апрѣля). Вручивъ ему письменный отвѣтъ на всѣ его предложенія, бояре спросили: нѣтъ-ли у него иныхъ дѣлъ? Посолъ отвѣчалъ, что желаютъ знать, сколько пошлется войска на Шведскія границы и просилъ дозволенія оставить своего секретаря фонъ-Келлера постояннымъ резидентомъ въ Москвѣ, для того чтобы онъ увѣдомлялъ Соединенные Штаты о послѣдствіяхъ переговоровъ Русскихъ уполномоченныхъ съ Шведскими. Послѣ доклада Царю, ему дозволили оставить въ Москвѣ Келлера, и на первый вопросъ отвѣчали, что къ Шведскимъ границамъ посланъ будетъ воевода, окольничій Иванъ Борисовичь Троекуровъ и стольникъ Князь Ѳедоръ Ивановичь Шаховской съ 20 полками регулярныхъ войскъ и 30 тыс. земской дружины[18]. Но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавили, чтобы

---

[17] 23 Мая онъ получилъ отзывъ отъ Короля, 3-го Іюня былъ на отпускѣ у Царя и въ слѣдъ за тѣмъ выѣхалъ изъ Россіи. Пос. Кн. сн. съ Дан.

[18] 4 полка пѣхоты по 1200 чел., 8 полковъ стрѣльцовъ по 500 чел., 10 полковъ казачьихъ по 400 чел., 6 гусарскихъ и уланскихъ по 500 чел., 5 полковъ Калмыковъ по 500 чел. по запискѣ, которую удалось достать частнымъ образомъ Кленку изъ Посольскаго приказа.

Голландія однакоже не надѣялась слишкомъ: Россія подвигаетъ войско не для войны съ Швеціею, но для того, чтобы придать силу мирнымъ переговорамъ. Не желая усиливать войну между Государями Христіанскими, Россія хочетъ единственно содѣйствовать возстановленію всеобщаго мира, для того чтобы въ послѣдствіи склонить всѣ государства содѣйствовать общими силами противъ врага всего Христіанства—Турецкаго Султана.

Довольный успѣхомъ своего посольства, Кленкъ былъ отпущенъ изъ Москвы съ такими же почестями, какъ былъ принятъ. Прощаясь (1-го Мая) съ Царемъ по всѣмъ обычаямъ посольскимъ, посолъ нашелъ тоже великолѣпіе при Дворѣ какъ и прежде, только Царь не имѣлъ на головѣ короны и не было при немъ державы и скипетра: онъ еще не былъ вѣнчанъ на царство. Когда посолъ, сказавъ прощальную рѣчь, принялъ грамоту царскую и долженъ былъ удалиться, Князь Ю. А. Долгорукій спросилъ его: почему ты съ нами не говорилъ по Русски?

Когда посолъ въ первый разъ представлялся Царю Ѳеодору Алексѣевичу, поздравлялъ его со вступленіемъ на престолъ (Апр. 14), Князь Долгорукій сдѣлалъ ему тотъ же самый вопросъ, на который Кленкъ отвѣчалъ: «ни время, ни мѣсто не дозволяютъ мнѣ говорить иначе, какъ на языкѣ родномъ». Въ то время посламъ вмѣнялось въ обязанность говорить не иначе какъ на своемъ языкѣ; представитель своей земли унизилъ бы се въ глазахъ современниковъ, еслибъ заговорилъ на языкѣ чуждомъ. Однако желая угодить Царю, Кленкъ услышавъ при отпускѣ, во вторый разъ тотъ же самый вопросъ отъ Князя Долгорукаго, всталъ съ своего мѣста и сказалъ: «Великій Государь, да сохранитъ Богъ Ваше Царское Величество, на многія лѣта во всегдашнемъ благополучіи и здоровьи».

Въ то время когда Кленкъ оставлялъ Москву съ полной

надеждой, что движеніе Русскихъ войскъ къ границамъ Шведскимъ произведетъ значительное вліяніе на дѣла сѣверныхъ государствъ Европейскихъ, Московскій дворъ встревоженъ былъ новыми извѣстіями изъ Польши. Хотя нашъ резидентъ, по увѣреніямъ Поляковъ, писалъ, что Король не думаетъ заключать мира съ Портою; однако самъ недовѣрялъ ихъ словамъ. Недовѣрялъ и дворъ Московскій, старался отклонить миръ или по крайней мѣрѣ требовалъ, чтобы онъ былъ заключенъ не одною Польшею, но вмѣстѣ съ Россіею.

После переговоровъ съ Тяпкинымъ въ Краковѣ, не соглашаясь на предположенія Россіи о новомъ способѣ продолжить войну съ Турками, Король отправилъ еще на имя Царя Алексѣя Михайловича грамоту (отъ 20 Марта)[19], полученную уже его преемникомъ. Излагая подробно ходъ дѣлъ, упрекая Русскихъ воеводъ въ томъ, что вопреки обѣщаніямъ не соединили своихъ войскъ съ Польскими, онъ требовалъ снова, чтобы Россія послала войска на Крымъ; а 30 или 40 т. за Днѣпръ для соединенья съ войсками Польскими. Просилъ однако не назначать напередъ мѣсто соединенья; но предоставить договориться о томъ воеводамъ и соединиться, гдѣ бы случилось удобнѣе, смотря по обстоятельствамъ войны. Въ заключеніе грамоты прибавилъ: если Россія не согласится на предлагаемыя условія, то Польша немедленно заключитъ миръ съ Портою; Султанъ уже оказываетъ расположеніе къ миру. Вѣсть о мирѣ, сообщенная самимъ Королемъ, смутила Московскій дворъ особенно потому, что въ тоже время Гетманъ Самойловичь, воевода Кіевскій и комендантъ Бѣлой церкви увѣдомляли, что Турки намѣреваются ударить на заднѣпровскую Украйну и Кіевъ. Царь Өедоръ Алексѣевичь въ отвѣтъ Польскому Королю увѣ-

[19] Получена Апрѣля 14. Пос. Кн. Сн. съ Польш. 1676 г № 179.

домлялъ, что войска Русскія, отправленныя его покойнымъ родителемъ въ походъ въ Малороссію и на Донъ уже пришли въ назначенныя имъ мѣста, и что Россія намѣрена продолжать войну съ Турками. Если же Польша рѣшилась заключить миръ, то Царь требовалъ, чтобы на основаніи договоровъ, Русскому резиденту дозволено было участвовать въ переговорахъ и миръ заключенъ былъ и за Россію, на основаніи условій, прежде сообщенныхъ[20].

Въ слѣдъ за тѣмъ прибылъ въ Москву нарочный гонецъ Польскій Александръ Чихровскій[21]. Тяпкинъ, увѣдомляя б. Матвѣева о назначеніи сеймомъ полномочныхъ пословъ въ Россію, писалъ, что они нескоро выѣдутъ: слишкомъ долги сборы польскихъ пановъ. Съ ними навязывается ѣхать въ Россію нѣкто шляхтичь Чихровскій, человѣкъ весьма неблагонадежный, съ которымъ совѣтывалъ быть осторожнымъ[22]. Прежде выѣзда пословъ онъ былъ отправленъ въ Москву, чтобъ объявить о ихъ прибытіи, поздравить Царя со вступленіемъ на престолъ и заключить договоръ о помощи. Съ осторожностію его приняли въ Москвѣ, слѣдили за всѣми его дѣйствіями, не позволяли оставлять своего подворья и никому видѣться съ нимъ; какія бы онъ ни дѣлалъ предложенія, требовали, чтобы излагалъ ихъ письменно. Основательность подозрѣній Чихровскій доказалъ своимъ поведеньемъ дипломатическимъ: предлагалъ многое, отказывался излагать предложенія на письмѣ, или, подавъ записку, говорилъ, что писалъ частнымъ образомъ, а не въ качествѣ полномочнаго. На всѣ требованія отвѣчалъ наконецъ, что

---

[20] Тамъ-же Грам. отъ 14 Апр. отдана Свидерскому.

[21] Кн. Пос. Снош. съ Пол. № — 180 Мая 27 выѣхалъ изъ Смоленска, Іюня 6-го прибылъ въ Москву, Іюня 14-го пріемъ у Царя; Іюня 16-го, Іюля 6 и 15-го переговоры; отпущенъ былъ 24.

[22] Письмо къ б. Матвѣеву отъ 2 Апрѣля изъ Кракова.

ему запрещено входить въ переписки и переговоры о другихъ дѣлахъ; его полномочіе простирается только на заключеніе договора и помощи Польши Русскими войсками. Въ этомъ отношеніи предлагалъ тоже, что писалъ уже Король въ своей грамотѣ; но получилъ въ отвѣтъ, что Россія до тѣхъ поръ не обяжетъ себя непремѣнно помогать войсками, пока не будетъ поставлено положительно когда и гдѣ Русскія войска должны соединиться съ Польскими. Предложеніе совершенно противоположное желанію Короля, которому очевидно хотѣлось потребовать войска Русскія когда понадобится и распоряжаться ими безусловно. Идти за Днѣпръ въ страны опустошенныя, гдѣ нельзя найти достаточнаго продовольствія Русскимъ войскамъ, невозможно, отвѣчали Чихровскому бояре, не зная ни времени ни мѣста соединенья съ Поляками. Онъ просилъ наконецъ, чтобы хотя одинъ отрядъ отправили для соединенья, а остальныя войска Русскія оставались бы у Чигирина и дѣйствовали противъ Дорошенка. Послѣднее предположеніе замѣтили бояре и въ послѣдствіи имъ воспользовались; а Чихровскій отперся отъ него передъ своимъ правительствомъ.

Бояринъ Матвѣевъ началъ переговоры съ Польскимъ гонцемъ, но они окончились уже безъ него; его положеніе внезапно измѣнилось. По видимому пользуясь довѣріемъ юнаго Царя, онъ по прежнему завѣдывалъ дѣлами государственными, какъ вдругъ получилъ предписаніе и немедленно былъ отправленъ воеводою на Верхотурье.

Дѣло Матвѣева, до сихъ поръ еще не разобранное критически, требуетъ подробныхъ изслѣдованій, которые отвлекли бы далеко отъ предмета, нами излагаемаго. Потому, оставляя ихъ до другаго времени, скажемъ только, что внезапная перемѣна въ судьбѣ боярина давно была подготовлена.

Въ Московскомъ государствѣ основаніемъ придворныхъ пар-

тій, постоянно волновавшихъ стройное теченіе жизни государственной, служили семьи родные Царицамъ. По близости къ Царскому семейству, съ незначительныхъ степеней службы часто восходили они на степени высшія или, даже не опережая другихъ, имѣли большее противъ нихъ вліяніе. По общему человѣческому честолюбію и понятіямъ о мѣстничествѣ, которымъ заражено было все боярство Московское, они возбуждали зависть. Возвышеніе Матвѣева изъ людей не родословныхъ на высшую степень, значеніе въ дѣлахъ государственныхъ и наконецъ его положеніе общественное, какъ представителя партіи Нарышкиныхъ, возбудили къ нему ненависть Милославскихъ съ ихъ клевретами. Ихъ ненависть молчала при расположеніи и довѣренности Царя Алексѣя Михайловича къ боярину. Но когда вошелъ на престолъ юноша, сынъ Милославской, ея родня болѣе приблизилась къ трону и только искала предлога оклеветать и удалить ненавистнаго ей Матвѣева. Предлогъ не замедлилъ представиться. Еще въ Фяврралѣ мѣсяцѣ изъ подъ его управленія былъ взятъ Аптекарскій приказъ.

Мы не имѣемъ подлиннаго дѣла о судѣ Матвѣева, но это дѣйствіе уже подтверждаетъ главнѣйшее обвиненіе, противъ котораго онъ возражалъ въ своихъ челобитныхъ. Его вмѣстѣ съ Нарышкинымъ обвиняли въ томъ, что онъ хотѣлъ извести Царя съ тѣмъ, чтобъ на престолъ возвести меньшаго его брата Петра. Но Царь, принимая предосторожности, поручая Аптеку управленію другаго, однако же долго медлилъ рѣшить дѣло и недовѣрялъ доносамъ. Онъ любилъ своего меньшаго брата и Нарышкиныхъ, зналъ заслуги Матвѣева и довѣріе къ нему Царя Алексѣя Михайловича. Датскій резидентъ Монсъ Гей, не менѣе Милославскихъ ненавидившій Матвѣева, только что выѣхалъ изъ Москвы, съ дороги послалъ на него доносъ Царю. Неизвѣстно содержаніе доноса; но въ слѣдъ за тѣмъ Матвѣевъ былъ удаленъ изъ Москвы. Вѣроятно онъ подтверждалъ

тѣ же обвиненія, которыя уже были извѣстны Царю, однакожъ Царь еще медлилъ осуждать боярина и отправилъ его воеводою на Верхотурье. Но удаленія Матвѣева только и ожидали его враги. Онъ выѣхалъ изъ Москвы воеводою, на дорогѣ былъ объявленъ подсудимымъ и какъ преступникъ потомъ, лишенный сана и имущества, былъ сосланъ въ Пустозерскъ. Тамъ и потомъ въ Мезени и Лухѣ томился въ бѣдности, въ продолженіи шести лѣтъ, первый по дѣятельности государственный сановникъ послѣдней половины царствованія Алексѣя Михайловича.

Между тѣмъ дѣла Малороссіи, начатыя и такъ послѣдовательно веденныя Матвѣевымъ, начинали приближаться къ рѣшенію. Съ возшествіемъ на престолъ новаго Царя измѣнились отношенія къ Дорошенку. Царь Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ его принять въ подданство поддерживая съ одной сторины данныя имъ обѣщанія Польшѣ, съ другой онъ желалъ, чтобы Дорошенко сложилъ Гетманство и предался Россіи безусловно. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, не обязанный личными обѣщаніями, недовольный поступками Польскаго Короля, могъ дѣйствовать рѣшительнѣе.

Князь Гр. Г. Ромодановскій не прерывалъ сношеній съ Дорошенкомъ и постоянно призывалъ его къ подданству. Но хитрый Гетманъ, ласкалъ надеждою Русскаго воеводу, приглашалъ къ себѣ на помощь Татаръ, предлагалъ вновь свои услуги Султану и подкупами и письмами волновалъ Украйну. По кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича онъ надѣялся, что дѣйствія правительства въ отношеніи къ Малороссіи сдѣлаются слабѣе, предлагалъ своимъ соотечественникамъ составить раду для избранія одного Гетмана для всей Малороссіи, который бы соединилъ подъ своею властію ея раздѣленныя части. Но его внушеній не слушали Малороссіяне. Велерѣчивымъ посланіемъ онъ уговаривалъ Сѣрка и Запорожцевъ соединиться съ нимъ и защищать Украйну, на которую собираетя войною Гетманъ Са-

мойловичь. Сравнивая его съ Сарданапаломъ, онъ писалъ, что, распуская слухъ, будто бы дѣйствуетъ противъ меня одного, желаетъ разрушить всѣ города заднѣпровскіе. Осторожный Сѣрко отвѣчалъ Гетману сожалѣніемъ, что Малороссія страдаетъ отъ взаимной вражды между своими Гетманами. Давно извѣстны намъ, говорилъ онъ, эти причины несчастій заднѣпровской Украйны. Не желая впрочемъ явно ссорится съ Гетманомъ, обѣщалъ ему помощь въ случаѣ нужды. Но Дорошенко не могъ на нее полагаться[23]. Татары, опасаясь Запорожцевъ, воюя вмѣстѣ съ Турками Польшу, не слушали приглашеній Дорошенка. Султанъ съ гнѣвомъ и угрозами принялъ его письма. Оставленный всѣми, Гетманъ еще надѣлся испугать Россію и принудить согласиться на условія, имъ предлагаемыя, извѣщая Кн. Ромодановскаго, что Турки и Татары идутъ войною на Кіевъ[24]. Но воевода съ своей стороны поддерживалъ прежнія предложенія. Едва Малороссія по сю сторону Днѣпра присягнула Царю Ѳеодору Алексѣевичу, какъ онъ отправилъ къ Дорощенку «рейтарскаго строю Адъютанта» Горяинова съ грамотою, въ которой писалъ къ нему, обнадеживая царскою милостію, чтобъ онъ, по прежнему своему обѣщанію былъ въ подданствѣ у Великаго Государя, пріѣхалъ бы со всѣми старшинами по эту сторону Днѣпра къ Гетману Самойловичу и произнесъ присягу[25]. Получивъ письмо Кн. Ромодановскаго, Дорошенко немедленно отвѣчалъ (отъ 26 Мая), что охотно соглашается на его предложеніе и подписался въ письмѣ Гетманомъ войска его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго; но

---

[23] Лѣтопись Величкн II 390—96.

[24] Кн. Пос. Снош. съ Пол. № 179. Письма Дорошенки къ К. Ромодановскому отъ 23 Генв. 2-го Мая.

[25] Отписки къ Царю Кн. Ромодановскаго отъ 6 Іюня. Малор. ..ла № 7. 1676. Горяиновъ пріѣхалъ въ Чигиринъ 16 Мая,

въ то же время держалъ подъ стражею Русскаго гонца. Онъ извѣщалъ однакоже, что отпуститъ его съ честію и окончательнымъ отвѣтомъ тогда, какъ получитъ нѣкоторыя извѣстія, которыхъ еще ожидаетъ. Горяиновъ съ своей стороны увѣдомлялъ, что не знаетъ, чтд въ мысли у Дорошенка, который впрочемъ самъ ему объявилъ, что въ скоромъ времени ожидаетъ Татаръ въ Чигиринъ. Возвратившись чрезъ нѣсколько недѣль (Іюня 12) въ Курскъ, онъ привезъ отвѣтъ Кн. Ромодановскому, въ которомъ Гетманъ извѣщалъ его, что онъ съ войсковыми клейнотами на ту сторону Днѣпра не поѣдетъ безъ вѣдома всего войска Запорожскаго. Изъ его листа знатно, увѣдомлялъ Ромодановскій Царя, что отъ него впредь ни какого добра не чаять[26].

Между тѣмъ возвратившіеся изъ Запорожья казаки, которыхъ посылалъ къ Сѣрку воевода, донесли, что онъ съ клятвою цѣловалъ при нихъ образъ и обѣщался вѣрно служить Царю до конца жизни и вообще въ Запорожьѣ они «никакой шатости не видали[27]. Но храброму Кошевому приходилось трудно держаться съ горстью казаковъ, окруженному отовсюду врагами. Посланнымъ отъ Кн. Ромодановскаго онъ поручилъ просить боярина, «чтобъ его изъ Запорожья взяли и жить бы ему съ женою и дѣтьми въ прежнемъ дому своемъ въ Мерефѣ».

Между тѣмъ къ Гетману Самойловичу и воеводамъ Русскимъ приходили извѣстія, что Дорошенко и Сѣрко ждутъ Татаръ, чтобъ заключить съ ними отдѣльный миръ. Сообщая извѣстія въ Москву, они увѣряли, что не только Татары, но и Турки собираются идти войною на Малороссію. Извѣстія изъ Польши подтверждали опасенія и въ Москвѣ приступлено было къ дѣя-

[26] Отписка отъ 26-го Іюня. Тамъ же.

[27] Сѣрко писалъ къ Ромодановскому отъ 25 Мая; Ромодановскій доносилъ Царю отъ 6 Іюня. Посланы были въ Запорожье Сумскаго полка казакъ Климъ Ткачь съ товарищи. Тамъ же.

тельнымъ мѣрамъ защиты. Предположенный еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ походъ Князя Василья Васильевича Голицына въ Малороссію былъ подтвержденъ Царемъ Өеодоромъ Алексѣевичемъ. Воевода весною отправился изъ Москвы въ Путивль, гдѣ назначено было сбираться войскамъ. Въ то же время Кн. Ромодановскому предписано было выступить изъ Курска, а Гетману Самойловичу изъ Батурина и приближаться къ Днѣпру. Соединившись на пути, они должны были совокупно дѣйствовать противъ Дорошенка, увѣдомляя какъ о дѣйствіяхъ, такъ и о вѣстяхъ Кн. Голицына, которому нѣкоторымъ образомъ ввѣрялось главное начальство надъ войсками въ Малороссіи. Онъ долженъ былъ занять всѣ города, въ которыхъ прежде находились отряды изъ Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ, состоявшихъ въ распоряженіи Кн. Ромодановскаго. Въ случаѣ нужды Князь Голицынъ долженъ былъ подкрѣпить его и Гетманскія войска Но существенная цѣль его похода заключалась не столько въ военныхъ дѣйствіяхъ, сколько въ томъ, чтобы удержать спокойствіе внутри самой Малороссіи. Народъ былъ недоволенъ Самойловичемъ столько же, какъ и Дорошенкомъ, и волновался. Предлогомъ къ неудовольстіямъ служили нѣкоторыя подати, вновь учрежденныя Гетманомъ; но существенныя, какъ кажется, причины были иныя. Нѣсколько лѣтъ сряду продолжавшаяся война въ Украйнѣ, переходы жителей изъ Заднѣпровья, усилившіеся въ послѣднее время, набѣги Татаръ и шаекъ Дорошенка, его письма и подговоры, равно какъ и вліяніе Польши чрезъ казаковъ, ей подвластныхъ, все это въ совокупности взволновало народъ. Слагая причину своихъ бѣдствій на ссоры между Гетманами, онъ обвинялъ Дорошенка и Гоголя, столько же, какъ и Самойловича. Только сила Россіи поддерживала значеніе послѣдняго, но не смотря на то, недовольные уходили въ Чигиринъ или Польшу, замышляли возстанія. Полковникъ Стародубскій Петръ Рославецъ, Переясла-

скій Раичъ, оказавшій столько заслугъ Россіи въ послѣднихъ войнахъ, Прилуцкій Горленко съ Нѣжинскимъ полковникомъ Ярёмою и протопопомъ Адамовичемъ составили заговоръ противъ Гетмана, хотѣли собрать раду въ Черневѣ и тамъ убить его со всѣми старшинами. Неудачная попытка составить раду вѣроятно принудила Раича бѣжать въ Польшу и вступить въ службу Польскаго Короля, а Рославца ѣхать въ Москву съ жалобою на Гетмана и предложеніемъ отдѣлить его полкъ отъ Малороссіи и взять въ непосредственное вѣденіе царское, наравнѣ съ Великороссійскими Украинскими городами. Но Гетманъ, разрѣшивъ на мѣсто Рославца выбрать другаго полковника, предупредилъ Царя о заговорѣ и просилъ суда и защиты. Рославца съ его сообщниками задержали въ Москвѣ.

Въ то время какъ Кн. В. В. Голицынъ старался поддержать спокойствіе въ Малороссіи, въ Кіевѣ Кн. Андрей Голицынъ дѣятельно устроивалъ городовыя укрѣпленія, получивъ новые отряды, усилившіе его войска, а Гетманъ Самойловичъ и Князь Ромодановскій приближались къ Днѣпру. Недоходя ста верстъ первый отрядилъ главнаго бунчужнаго Леонтія Полуботка съ 4-мя полками, а второй полковника Григ. Косогова съ 7 т. ратныхъ людей къ Чигирину и небольшіе разъѣзды къ Жаботину, Медвѣдовкѣ и Черкасамъ. Въ слѣдъ за ними двинулись и главныя войска Гетмана и Воеводы, и стали выше Крылова у мѣстечка Городища противъ Вороновки. Жители мѣстечка еще за пять верстъ встрѣтили войска и присягнули на вѣрное подданство Русскому Царю. Услышавъ о приближеніи передрвыхъ отрядовъ къ Чигирину, которые не замедлили обложить его со всѣхъ сторонъ, Дорошенко выѣхалъ за три версты отъ города и предложилъ вновь принять подданство и даже присягнулъ Царю Московскому. Остановивъ наступленіе, Косоговъ и Полуботокъ дозволили ему отправить своихъ полномочныхъ къ Князю Ромодановскому и Гетману Самойловичу.

Получивъ проѣзжій листъ отъ К. Ромодановскаго, Дорошенко отправился къ нему въ станъ вмѣстѣ съ Косоговымъ, двумя тысячами« всякого чину людей» и войсковыми клейнотами. Онъ передалъ ему булаву, знамя, бунчукъ и пушки, сложилъ съ себя Гетманство и снова произнесъ присягу на подданство Россіи съ жителями всѣхъ ему подвластныхъ городовъ и мѣстечекъ. Увѣдомляя о семъ Царя, Воевода и Гетманъ писали: «и то учинилось безъ кровопролитія, чего ничему иному, только милостивому Божію прозрѣнію и Великаго Государя счастію, въ началѣ царствованія его, приписать должно[28]».

Такъ сошелъ съ поприща дѣйствія Дорошенко; остальное время жизни онъ уже провелъ въ Москвѣ. Окончивъ походъ, Воевода и Гетманъ просили дозволенія оставить гарнизоны въ городахъ, возвратиться на прежнія свои мѣста, не имѣя способовъ за недостаткомъ продовольствія стоять съ войсками у Чигирина.

Въ то же время когда Русскія войска готовились отступить отъ Чигирина, окончивъ походъ этого года, Король Польскій только что двинулся изъ Львова противъ непріятеля, опустошившаго большую часть южной Галиціи и Покутье. Станиславовъ, Баръ, Межибожье, Язловецъ и Теренбовль были взяты, Татары приблизились къ Войнилову. Въ виду опасности великіе Гетманы, Пацъ и Вишневецкій, не спорили за свои права, единодушно предоставили главное начальство надъ войсками Королю. Едва оправившись послѣ болѣзни, Собѣсскій раздѣлилъ на три отряда незначительное войско, простиравшееся только до 15 тысячъ; правое крыло отдалъ Яблоновскому, лѣвое Пацу, а центръ Вишневецкому и двинулся изъ Львова къ Днѣстру. Дѣйствительно 15 тысячамъ Поляковъ трудно было противустоять 80 тысячному Турецкому войску, не считая Та-

[28] Малор. дѣла 1676 г. № 16.

таръ. Всѣ мѣры, предпринятыя Королемъ, всѣ рѣшенія сейма остались напрасны: предположенное число войскъ не собралось.

Поляки подозрѣвали Короля, что онъ заключилъ уже миръ съ Турками и собираетъ войско для иныхъ цѣлей. Только что получивъ извѣстіе о его движеніи на Турокъ, вдругъ поняли въ какое поставили опасное положеніе своего Короля. Въ Варшавѣ во всѣхъ костелахъ молились; наложенъ былъ постъ; закрыта продажа крѣпкихъ напитковъ. Но въ то же время негодовали на Короля; «великое въ Польшѣ негодованіе на Королевское Величество», писалъ Тяпкинъ, за то что не согласился собрать посполитое рушенье, по предложенію Примаса и за то что лично пошелъ противъ непріятеля. Изстари того не бывало, чтобы Короля безъ посполитаго рушенья ходили въ поле. Такимъ ничтожнымъ войскомъ могли предводительствовать одни Гетманы. Непріятель получилъ извѣстія, что самъ Король со всѣми войсками идетъ противъ него, сильно наступаетъ впередъ. Такъ Поляки собственныя вины слагали на Короля и порицали его дѣйствія въ виду грозившей опасности. Еслибъ Король, продолжаетъ Тяпкинъ, передавая Варшавскіе слухи, вмѣсто того чтобъ идти самому, послалъ впередъ Гетмановъ, а самъ хотя бы съ незначительными силами остался подъ Львовымъ, то непріятелю было бы страшнѣе. Поступки Короля такъ объясняетъ рѣчь посполитая: посполитаго рушенья онъ не хочетъ потому, чтобы не возникли возмущенья и не свергли его съ престола; такъ дерзновенно самъ пошелъ на непріятеля изъ зависти,—для того чтобы Гетманы не прерывали его счастія и не составили бы противъ него связки (рокоша) такой, какъ была при Янѣ Казимирѣ. Такъ объясняютъ это не только Поляки но и находящіеся здѣсь иностранцы. Вообще — «зѣло въ печаляхъ и въ унылости здѣсь не токмо панство и шляхта, но и все народное множество сѣтуютъ, и иные плачутъ о томъ, что такъ дерзновенно съ малыми войсками пошелъ Королевское

Величество противъ недруга. А если, чего Боже сохрани, будетъ разбито Польское войско, то ужь всюду будетъ вольно непріятелю воевать сію землю, потому что нѣтъ согласія между ними и никакихъ военныхъ силъ въ готовности[29]». Но передъ походомъ Король съ богатыми дарами отправилъ посольство, Константина Вишневецкаго съ шестью панами, къ Шайтану Пашѣ договариваться о мирѣ. Движеніемъ войскъ онъ только желалъ, какъ кажется постращать Турокъ и придать большую силу и своимъ мирнымъ предложеніямъ[30]. До похода Короля уже рѣшено было заключить миръ. Канцлеръ Литовскій при свиданіи съ Тяпкинымъ (Сент. 8), укоряя по обычаю Русскихъ въ томъ, что не йдутъ на помощь Полякамъ, объявилъ, что по неволѣ Король и рѣчь посполитая должны будутъ заключить миръ съ Турками и Ханомъ, хотя бы пришлось уступить все, чего они ни потребуютъ. «Государство наше, говорилъ онъ, разорено въ конецъ, и помощи ни откуда нѣтъ». Тяпкину поручалъ быть готовымъ по первому съ его стороны извѣстію ѣхать въ станъ военный для участія въ переговорахъ. Но дѣла случайно приняли иной оборотъ[31].

Войско Короля продолжало движеніе къ Войнилову, не зная, гдѣ находятся главныя силы Турокъ. Въ своей собственной землѣ Король не могъ найти лазутчиковъ: народонаселеніе православное, постоянно преслѣдуемое Поляками, не видало различія въ ихъ или Турецкомъ владычествѣ и ни сколько не желало помогать Полякамъ. Нечаянно перейдя Днѣстръ, передовые отряды Короля подъ предводительствомъ Любомирскаго наткнулись на Татаръ и разбили ихъ на голову близь Войнилова, въ тотъ день когда посольство Польское въѣхало въ станъ

---

[29] Письма отъ 15 и 29 Сентября изъ Варшавы.
[30] Письмо отъ 23 Сентября.
[31] Письмо отъ 8 Сент. Ст. Сп.

Ибрагима Паши[32]. Получивъ извѣстіе о пораженіи Татаръ, Ибрагимъ двинулся на Короля. Татары и часть Турецкаго войска вновь напали на Поляковъ у деревни Долгой, но были поражены Мящинскимъ и Яблоновскимъ. За тѣмъ показались всѣ Турецкія силы. Пока Ибрагимъ Паша избиралъ мѣсто, устроивалъ войско, Король, сколько могъ, укрѣпилъ станъ, примкнувъ его лѣвымъ крыломъ къ мѣстечку Журавну, правымъ къ лѣсамъ и болотамъ, а тылъ защищалъ Днѣстръ. Рѣчка Свица отдѣляла Польскій станъ отъ Турецкаго; Татары расположились на лѣвомъ берегу Днѣстра. Двадцать дней продолжалась осада ничтожнаго Польскаго стана, огромными силами Турокъ, которыя, казалось, разомъ могли снести его своимъ потокомъ. Огонь многочисленныхъ батарей дѣйствовалъ безпрерывно, подкопы неутомимо продолжались, почти ежедневно завязывались схватки между Турками и Поляками и каждый разъ долго оспариваемую многочисленнымъ непріятелемъ побѣду рѣшала личная храбрость Короля въ свою пользу; правильныя осады цѣлымъ войскомъ равно не удавались Туркамъ. Дѣйствовало-ли на враговъ Польское золото[33], устрашала-ли ихъ слава Собѣсскаго и храбрость предводимыхъ имъ войскъ, суровость ли приближавшейся зимы заставила Турокъ заключить миръ; но во всякомъ случаѣ осада Журавна составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій историческихъ. Собственно говоря, одинъ человѣкъ противустоялъ всѣмъ силамъ Турокъ и Татаръ[34]. Хотя миръ, заключенный

---

[32] 24 Сент. нов. стил. Залусскій Epist XXXIV стр. 606 Theatrum Europ. 27 Сент. стр. 1013.

[34] Залусскій Гр. XXXIV стр. 601.

[35] Заллусскій называетъ Короля Юпитеромъ и его побѣды Jove Statore opus. . . Ep. XXXIV стр. 610. 613.

подъ Журавномъ[35], и не былъ выгоденъ для Польши, но по крайней мѣрѣ на время онъ спасъ ея существованіе. Въ Европѣ по справедливости дѣйствія Собѣсскаго представлялись сказачно-чудесными[36]. Крымскій Ханъ, отчасти подкупленный Поляками, отчасти смущаемый извѣстіями о занятіи Русскими Чигирина и другихъ городовъ заднѣпровскихъ, склонилъ Ибрагима къ заключенію мира. Часть войскъ Литовскихъ подъ предводительствомъ Мих. Радзивила пришла, когда уже Турки отступали къ Дунаю. Чрезъ десять дней послѣ[37] заключенія мира нашъ резидентъ былъ у Примаса, который ему сказалъ, что вчера получилъ письмо отъ Королевы изъ Яворова. Она увѣдомила его о заключеніи мира. Содержаніе самаго договора ему не было еще извѣстно, а между тѣмъ онъ объявилъ, что остановилъ предписанія о посполитомъ рушеніи, что по возвращеніи Короля будетъ сеймъ и послѣ сейма отправятся въ Россію полномочные Польскіе послы[38]. Увѣдомляя о семъ Царя, Тяпкинъ подозрѣвалъ, что условія нарочно отъ него скрываютъ, а кажется, «согласились вмѣстѣ съ Турками идти на государство Московское». Впрочемъ, прибавляетъ онъ, я такъ предполагаю только и пишу «для остереженія». Чрезъ нѣсколько дней (19 Октябр.) онъ отправился къ Христофору Пацу и просилъ его сообщить статьи Журавенскаго мира. Пацъ также отвѣчалъ, что самъ не знаетъ, на какихъ условіяхъ заключенъ миръ; а между тѣмъ «въ пріятельскихъ

[35] Журавенскій миръ заключенъ 17 Окт. Залусскій. Тамъ же стр. 617 Theatr Europ. Тамъ же, 16 Окт. стр. 1065.

[36] La paix de la Pologne est faite, mais romanesquement. Ce héros, à la tête de quinse milles hommes, entouré de de deux cent mille, les à forcés l'epée a la main à signer le traité. Il s'était campé si avantageusement, que depuis *La Calprenède* on n'avait rien vu de pareil. Lettres de M—me de Sevigné Nov. 18. 1676.

[37] 13 Окт. стар. стиля.

[38] Письмо отъ 14 Окт.

листахъ» изъ Львова Тяпкину сообщили списокъ самаго договора. Первая статья Журавенскаго договора льстила самолюбію Поляковъ, уничтожая отнынѣ и навсегда Буджановскій договоръ, заключенный Королемъ Михаиломъ. Но слѣдующими за тѣмъ статьями Поляки уступали навсегда Портѣ Каменецъ съ его окрестностями и всю заднѣпровскую Украйну, исключая Бѣлой Церкви и Повалоги; за это обязывались взаимно помогать въ войнахъ. Какъ Татары, такъ и Турки обѣщались идти съ Королемъ за Днѣпръ, если онъ захочетъ, и даже просили немедленно объявить войну Россіи. Но Король не рѣшался заключить союзъ о взаимной помощи и воевать Россію, говоря, что не можетъ согласится безъ воли рѣчи посполитой и отложилъ утвержденіе до сейма. Равно онъ отложилъ и окончательное утвержденіе всего договора, обѣщаясь представить его сейму, который уже нарядитъ торжественное посольство къ Султану.

Франція не оказала ни малѣйшаго содѣйствія Польшѣ въ заключеніи мира. Ея послы хотѣли было пробраться въ станъ Короля, чтобы участвовать въ переговорахъ; но Турки отклонили ихъ участіе, и съ дороги они возвратились назадъ. Но вліяніе Франціи замѣтно между прочимъ въ одной изъ статей договора, по которой Порта обязалась въ Іерусалимѣ отдать гробъ Господень Бернардинамъ, отнявъ у Грековъ.

Французскій посланникъ въ Константинополѣ Нуантель нѣсколько разъ требовалъ того же отъ Турецкаго правительства; но получилъ въ отвѣтъ, что Франція требуетъ невозможнаго. Онъ испросилъ дозволеніе и самъ отправился въ Іерусалимъ. Узнавъ о его путешествіи, въ тотъ день, какъ онъ вышелъ на берегъ въ Яффѣ, Францисканскіе монахи ворвались въ церковь Воскресенія, убили одного Греческаго монаха, избили двухъ другихъ и завладѣли храмомъ. Нуантель, прибывъ въ Іерусалимъ, помогъ имъ силою захватить и другія Святыя мѣ-

ста. Турецкое правительство, узнавъ о поведеніи Французскаго посланника, немедленно отозвало его въ Константинополь. Патріархъ принесъ жалобу Дивану. Разсмотрѣвъ права Грековъ, Диванъ рѣшилъ отдать имъ снова всѣ отнятыя Францисканами Святыя мѣста. Рѣшеніе было исполнено (въ Генварѣ 1676 г.), не смотря на происки Франціи и Имперіи[39].

Статьи Журавенскаго договора, возобновляя несправедливыя требованія Латинскихъ монаховъ, также мало имѣли успѣха как и дѣйствія Французскаго посла.

---

[39] Гаммеръ XI стр. 425.

ГЛАВА XII.

Во все продолженіе лѣта дворъ Московскій находился въ постоянной тревогѣ. Переговоры съ Швеціею продолжались безуспѣшно, а между тѣмъ опасность, грозившая со стороны Турокъ и Татаръ, препятствовала принять рѣшительныя мѣры противъ Шведовъ. Дѣла внутреннія запутывались болѣе и болѣе; удаленіе Матвѣева хотя не измѣнило общаго направленія нашей политики, но Посольскій приказъ, оставшійся подъ управленіемъ дьяковъ, дѣйствовалъ медленно и нерѣшительно. Вліяніе Милославскихъ на дѣла государственныя съ самаго начала оказалось вреднымъ. Между тѣмъ иностранныя державы настаивали, чтобы Россія приняла болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ Европейскихъ; ожидали новыхъ посольствъ изъ Бранденбурга, Имперіи, Даніи и Англіи.

Въ это время стольникъ Ржевскій отъ Князя Ромодановскаго и канцеляристъ Радичь отъ Гетмана Самойловича привезли извѣстіе о покорности Дорошенка со всѣмъ Заднѣпровьемъ. Оно обрадовало дворъ Московскій, воеводамъ объявлена милость царская[1]. Оставивъ гарнизоны въ городахъ, имъ велѣно отступить на зимнія квартиры, а Кн. В. В. Голицыну возвратиться въ Москву. Но въ слѣдъ за тѣмъ слухи о бѣдственномъ положеніи Польши встревожили царскій дворъ.

[1] Сент. 27 Малор. дѣла 1676 № 15.

Россія вовсе не желала, чтобы Турки завоевали Польшу и такимъ образомъ приблизились къ ея границамъ. Слухи одни другихъ страннѣе достигали до Москвы: говорили, что Польскій Король принужденъ былъ бѣжать отъ враговъ, занявшихъ почти всю Польшу, что даже онъ умеръ внезапно отъ горя. Уже собирались отправить войска къ границамъ Украйны, когда Свидерскій объявилъ о побѣдѣ, одержанной близь Войнилова, какъ о совершенномъ пораженіи Турокъ. Опасеніе едва миновалось, пришли новыя вѣсти отъ Русскаго резидента изъ Варшавы объ осадѣ Короля близь Журавно и наконецъ о мирѣ, заключенномъ Польшею. На слѣдующую весну очевидно Россія должно была готовиться къ войнѣ въ предѣлахъ Украйны, что совершено измѣнило ходъ ея политики въ отношеніи къ Швеціи.

Датскій чрезвычайный посолъ Фридрихъ фонъ-Габель на пути въ Россію изъ Данцига, Вильны и Смоленска, поспѣшая исполнить возложенныя на него порученія, отправлялъ къ Князю Юрію Алексѣевичу Долгорукову письма, прося доложить Царю о его предложеніяхъ. Изъ Данцига онъ писалъ, что Шведскій посолъ въ Польшѣ, Лиліенекъ, хвастается, будто бы успѣлъ склонить Россію къ доброму расположенію къ Швеціи. Сообщая о побѣдахъ своего Короля и Курфирста Бранденбургскаго надъ Шведами, о взятіи Рюгена, Ландскроны и Христіанштадта, извѣщалъ, что Датскій флотъ идетъ къ Эзелю и на весну намѣренъ блокировать Балтійскіе порты; сообщенія Шведскаго Королевства съ Лифляндіею будутъ прерваны, и потому для Россіи не можетъ представиться болѣе удобнаго случая завоевать не только Карельскую и Ижорскую области, но даже Финляндію и Лифляндію[2]. Изъ Вильны онъ писалъ,

[2] Письмо отъ 21 Августа. Швед. дѣла въ Моск. Арх. Мин Иностр Дѣлъ, 1676 г. книга № 16.

что Французскій посолъ въ Польшѣ вмѣстѣ съ Шведскимъ стараются всѣми силами уговорить Польскаго Короля оказать помощь Швеціи противъ Даніи и Бранденбурга, обѣщая съ своей стороны заключить съ ними союзъ и помогать вооруженною рукою въ войнѣ противъ Россіи по истеченіи перемирныхъ лѣтъ по Андрусовскому договору. Совѣтуя предупредить союзъ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, онъ хотѣлъ принудить къ немедленному рѣшенью Русскій дворъ, извѣщая, что Швеція весьма склонна къ заключенію мира съ Даніею. Тогда конечно безъ помощи уже съ моря Россіи труднѣе будетъ воевать Шведовъ[3]. Изъ Смоленска онъ увѣдомлялъ Князя Долгорукаго, что Шведы и Французы стараются возбудить Польскаго Короля и противъ Имперіи, но это трудно, ибо Имперія участвуетъ въ предположенныхъ въ Нимвегенѣ мирныхъ переговорахъ; Россія не принимаетъ въ нихъ участія, и потому удобнѣе возбудить Польшу къ войнѣ противъ Россіи. Онъ совѣтовалъ нынѣшнею же зимою вторгнуться въ Финляндію. Данія, прибавлялъ Габель, желаетъ Россіи того, чего не желаютъ ни Голандія ни Бранденбургъ: она соглашается на то, чтобы Россія завладѣла берегами Балтійскаго моря. Сообщая эту мысль своего правительства, просилъ содержать ее въ тайнѣ отъ Прусаковъ и Голландцевъ, какъ союзниковъ его отечества[4]. Извѣстія и совѣты Датскаго посла подтверждалъ и Русскій резидентъ въ письмахъ изъ Варшавы своими извѣстіями и совѣтами. «Свѣйской Король», писалъ Тяпкинъ, «зѣло упадаетъ и нищаетъ и на морѣ уже ни одного своего корабля не имѣетъ, всѣ его караваны воинские и Гетмановъ на морѣ побили до конца Датскіе и Голландскіе Нѣмцы и моремъ всѣмъ завладѣли. Не токмо отъ Курфюр-

[3] Письмо отъ 17 Октября. Тамъ же.
[4] Письмо отъ 3 Ноября. Тамъ же.

ста Бранденбургскаго и отъ иныхъ Нѣмецкихъ войскъ оборонить ему свои поморскія пристани и города невозможно, но и Риги ужъ съ моря ему отнюдь выручить будетъ не возможно, если бы за соглашеніемъ съ Датскимъ Государемъ и съ Голландскими Штаты изволилъ Великій Государь, Его Царское Величество, подъ Ригу послать, способнѣе было бы нынѣ ее одержать, нежели въ прежнихъ годѣхъ, потому что не только бы съ моря, но и съ сухаго берега оборонить Риги ему будетъ нечѣмъ». Подробно доказывая, что настоящее время весьма удобно для того, чтобы начать войну съ Шведами, сообщаетъ благодарность Царю отъ Бранденбургскаго Курфюрста, объявленную ему посломъ его въ Польшѣ Овербеномъ, за то что часть Русскихъ войскъ, стоявшая на границахъ Шведскихъ, не дозволила Шведскому Королю вызвать всѣхъ своихъ войскъ изъ Финляндіи и Лифляндіи и употребить въ дѣло въ войнѣ съ Бранденбургомъ и Даніею[5].

Между тѣмъ съ границъ Шведскихъ приходили въ Москву отъ Русскихъ полномочныхъ неутѣшительныя извѣстія о переговорахъ. Шведы высокомѣрно отвѣчали на требованія Русскихъ и не оказывали ни малѣйшей уступки. Въ Іюнѣ (15) мѣсяцѣ начались переговоры и продолжались до Октября (5). Русскіе упрекали Шведовъ въ нарушеніи Кардисскаго договора тѣмъ, что во многихъ грамотахъ титулъ царскій писанъ неправильно, что границы за ихъ спорами до сихъ поръ не размежеваны, что Шведы дозволяютъ своимъ подданнымъ издавать укорительныя Россіи книги и писать лживыя извѣстія въ вѣдомостяхъ и наконецъ притѣсняютъ торговыхъ людей.

Русскимъ полномочнымъ особенно поручено было выговаривать, что въ Лифляндскихъ городахъ не дозволяютъ граждане торговать Русскимъ купцамъ непосредственно съ пріѣзжи-

---

[5] Письмо изъ Варшавы отъ 20 Октября.

ми купцами, а требуютъ, чтобы у нихъ вся торговля производилась чрезъ ихъ руки, и въ этомъ случаѣ притѣсняютъ Русскихъ. Шведскіе полномочные отвѣчали, что это основано на привилегіяхъ Лифляндскихъ гражданъ. Но Русскимъ полномочнымъ на это возраженіе поручено было требовать, чтобъ такія привиллегіи, какъ вредныя для торговли, были уничтожены. Переговоры продолжались тихо до тѣхъ поръ, пока Русскіе не потребовали уступки городовъ. Тогда Шведы рѣзко отказали; потомъ просили четырехъ-недѣльнаго срока, чтобъ испросить повелѣній у Короля; а наконецъ тайно уѣхали въ Швецію. Въ Финляндію вошло Шведское войско 12 т. подъ предводительствомъ Горна, которому сверхъ того поручено было составить ополченіе въ Финляндіи и Лифляндіи. Русскіе полномочные были отозваны въ Москву. Казалось война должна была возгорѣться, какъ пришла вѣсть о заключеніи мира между Польшею и Турціею не только безъ участія Россіи, но, какъ гласила молва, ко вреду Россіи. Русскій резидентъ писалъ изъ Варшавы, что Французскіе послы хвастаются, будто ихъ посолъ въ Константинополѣ склонилъ Польшу, особенно указывая Туркамъ на то, что Россія приняла въ свое подданство Дорошенка, со всѣмъ Заднѣпровьемъ. Они распускали даже слухъ, что Россія уже сама заключила тайно отъ Польши союзъ съ Портою. Россія нарушила договоры съ нами, говорили Паны, державшіеся ихъ партіи, и тѣмъ заставила Короля заключить миръ съ Турками. Говорили также, что Царь не оказалъ обѣщанной помощи Польшѣ и не соединилъ своихъ войскъ съ королевскими[6]. При свиданіи Подскарбій коронный Морштинъ съ удивленіемъ говорилъ Тяпкину, что Царь принимаетъ въ свое подданство Дорошенка, не объявивъ о томъ и не обослався съ Королемъ. Гораздо болѣе удивится нашъ

[6] Письмо Тяпкина отъ 20 Октября.

Государь, когда узнаетъ, что Король, забывъ договоры, не обослався напередъ съ нимъ, чинитъ договоры съ непріятели святаго креста, къ Турецкимъ Султаномъ и Ханомъ Крымскимъ[7],—«чего было Государю вашему его Королевскому Величеству отнюдь чинить негодилось», отвѣчалъ Тяпкинъ, «и не только съ Великимъ Государемъ его Королевское Величество обослаться не изволилъ, но и резиденту его при той Комиссіи съ Турки и Татары быти объявить не велѣлъ».

Правда, отвѣчалъ Подскарбій, что миръ заключенъ безъ вѣдома Царя; но къ тому принудила необходимость: съ ничтожными силами Король не могъ бороться съ многочисленными врагами.

Вамъ нельзя считать за нарушеніе договоровъ, прибавилъ Тяпкинъ подданство Дорошенка: не у Польши отбираетъ нашъ Государь Заднѣпровье, но у Турокъ, которымъ вы его сами уступили по Журавинскому договору.

И то правда, говорилъ Морштинъ, но миръ еще не утвержденъ рѣчью посполитою; какъ разсудитъ о немъ сеймъ,—еще неизвѣстно.

Король опасался сейма; онъ предвидѣлъ, что миръ съ Турціею многихъ найдетъ противниковъ, особенно со стороны Литовцевъ, которые постоянно настаивали на томъ, чтобы поддерживать союзъ съ Имперіею и Россіею и воевать съ Турками. По этому въ универсалѣ, разосланномъ на сеймики, онъ складывалъ всю вину на Россію, говоря, что принужденъ былъ заключить миръ потому только, что Русскія войска, какъ было обѣщано, не соединились съ войсками Польскими. Но резидентъ нашъ, извѣщая Посольскій приказъ о назначеніи сейма, предвидѣлъ, что онъ согласится признать заключенный Королемъ договоръ, хотя конечно договоръ не будетъ ему по сердцу

[7] Переговоры Октября 26 Ст. Сп. л. 647 и слѣд.

ду. Литовцы и Великополяне стали бы говорить противъ договора, но Король испугаетъ ихъ нашествіемъ Татаръ, съ которыми онъ теперь въ большихъ ладахъ и заставитъ молчать. Но кромѣ Литовцевъ въ Польшѣ нашлись и другіе противники заключеннаго Королемъ мира съ Турками—большая часть духовенства[8].

Во время войны Польской съ Турками умеръ папа Климентъ X и на его мѣсто былъ избранъ кардиналъ Одескальки подъ именемъ Иннокентія XI. Хотя онъ лично зналъ и любилъ Собѣсскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ одобрить мира съ невѣрными. Онъ только что надѣлъ тіару, какъ отправилъ въ Польшу легата съ 30 тысячами скудъ на помощь войскамъ Польскимъ, дѣйствовавшимъ противъ Турокъ[9]. Легатъ прибылъ уже по заключеніи мира и сильно возставалъ противъ него. Духовенство Польское, зная необходимость мира, въ первое время не раздѣляло мнѣній Римскаго Двора; но слухи, распущенные Императоромъ и Курфюрстомъ Бранденбургскимъ, неосторожныя слова и дѣйствія Французскаго и Шведскаго пословъ, перемѣнили его мнѣнія. Говорили, что Король намѣренъ воевать съ Императоромъ, помогая Венгерцамъ и съ Бранденбургомъ, помогая Швеціи. Опасаясь еще Турокъ, Король не распускалъ войскъ, но поставилъ ихъ на зимнія квартиры и даже въ имѣніяхъ принадлежавшихъ духовенству. Послѣдняя мѣра болѣе всего возбудила негодованіе, и духовенство Польское заговорило противъ мира съ Турками. Очевидно, что Король хочетъ помогать протестантамъ, поднявшимъ возстаніе въ Венгріи противъ державы католической, говорили они, зачѣмъ бы иначе не распуститъ войска[10]?

Поступки Маркиза до Бетюня подтверждали слухи; онъ вер-

[8] Письмо отъ 20 Октября.

[9] Письмо отъ 14 Октября.

[10] Письмо отъ 25 Ноября.

бовалъ войска, изъ коихъ одна часть предназначалась дѣйствовать въ Венгріи, другая въ помощь Шведамъ, предполагавшимъ вторгнуться въ Померанію. Онъ велъ переговоры съ Крымскимъ Ханомъ и побуждалъ его вторгнуться въ предѣлы Имперіи. Король нисколько не препятствовалъ дѣйствіямъ Французскаго посла; напротивъ ласково и дружелюбно совѣтуясь съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ, онъ торжественно принялъ изъ его рукъ орденъ Св. Духа, присланный ему Людовикомъ XIV, и тѣмъ доказалъ свое согласіе съ видами его политики. Королева постоянно вела сношенія съ Франціею, домогаяся имѣній и почестей для своихъ родственниковъ. Ея вліяніе на мужа было извѣстно; онъ подчинялся ей вполнѣ; «обузданъ во всемъ властію сожительницы своей; что она похощетъ, то и творитъ» — писалъ Тяпкинъ[11], и еще Франціи, ласкавшей его надеждами пріобрѣсти корону Венгріи или присоединить сѣверныя провинціи Прусскія къ королевству. Послѣ заключенія мира съ Портою Король въ грамотѣ къ Царю не извинялъ своего поступка необходимостію, напротивъ вовсе умалчивалъ о договорѣ и въ то же время осыпалъ упреками Русскихъ, не оказавшихъ будто бы ему ни какой помощи. Лучше бы вмѣстѣ воевать Турокъ, говорилъ Король, чѣмъ занимать Чигиринъ. Извѣщая, что считаетъ невозможнымъ продолжать войну, говорилъ однакоже, что предоставляетъ это дѣло рѣшенію сейма[12].

Въ то время какъ отъ Польскаго Короля шло въ Москву извѣстіе о договорѣ съ Турками, изъ Россіи ѣхалъ нарочный гонецъ въ Варшаву съ извѣстіемъ о покорности Дорошенка. Двѣ равно непріятныя обѣимъ государствамъ вѣсти встрѣтились на дорогѣ. Хотя оба происшествія давно были извѣстны въ Москвѣ и Варшавѣ но увѣдомленій отъ правительствъ еще не было. Но Польскій Король еще не говорилъ прямо о за-

---

[11] Письмо отъ 16 Февраля 1677 г.

[12] Пос. Кн. № 179 гр. Пол. Кор. 1676 г. отъ 30 получ. Нояб. 26

ключенномъ договорѣ, впрочемъ потому что до одобренія сеймомъ договоръ и не могъ считаться окончательно утвержденнымъ. Онъ скрывалъ однакоже постановленія предварительныхъ переговоровъ и выражалъ только свое мнѣніе о необходимости заключенія мира. Царь напротивъ въ грамотѣ, отправленной съ Прокофіемъ Возницынымъ, извѣщалъ о присоединеніи Заднѣпровья къ Россіи, какъ о дѣлѣ оконченномъ[13]. «Въ вѣрющей грамотѣ, писалъ Царь, Чихровскому, сказано, чтобы мы вѣрили тому, что въ переговорахъ онъ будетъ предлогать. Онъ предлогалъ отправить часть войскъ для соединенія съ Польскими, а остальныхъ подъ Чигиринъ воевать Дорошенка, для того чтобы онъ не могъ соединиться съ Турками и совокупно съ ними дѣйствовать противъ Польши. Мы предписали воеводамъ нашимъ договориться съ вашими Гетманами о соединеніи войскъ и дѣйствовать противъ Дорошенка. Но Гетманы ни кого для переговоровъ не прислали, а между тѣмъ Богъ даровалъ побѣду воеводамъ нашимъ и все Заднѣпровье отторгнулось отъ Турціи и вступило въ подданнство Русское». На дорогѣ въ Польшѣ Возницына принимали повсюду дурно, не давали ни кормовъ ни подводъ[14]; въ Варшавѣ не отвели двора, не дозволили ѣхать къ Королю, который находился въ Яворовѣ, и цѣлый мѣсяцъ заставили дожидаться его прибытія въ Варшаву.

Торжественно въѣхалъ Король въ Варшаву (Генваря 3); «по древнему предковъ своихъ Королей Польскихъ обычаю», какъ увѣдомлялъ нашъ резидентъ, воздвигнуты были тріумфальныя ворота съ изображеніемъ его побѣдъ; граждане и духовенство встрѣчали его привѣтственными рѣчами. При Королѣ постоянно находились посолъ Французскій и Папскій легатъ. На дру-

[13] Пос. Кн. 1696 № 161. Отпущенъ 9 Октября, возвратился 22 Февраля.

[14] Письма Возницына изъ Минска отъ 6 Ноября, и 30 изъ Варшавы. Тамъ же, письмо Тяпкина отъ 1-го Декабря.

гой день послѣ его пріѣзда начался сеймъ; на третій Русскій гонецъ представилъ Королю царскую грамоту, чрезъ двѣ недѣли былъ отпущенъ съ отвѣтомъ[15]. Въ царской грамотѣ выражалось, что Россія дѣйствовала на основаніи требованій, самою Польшею предложенныхъ и слѣдствіемъ дѣйствій было отторженіе Заднѣпровья отъ Турецкой Имперіи. Въ отвѣтѣ Король Польскій говорилъ, что Чихровскому не было, поручено рѣчью посполитою просить Россію, чтобъ она отправила войска къ Чигирину и что онъ никогда и не предлагалъ объ этомъ Русскимъ полномочнымъ, съ которыми велъ переговоры. Дѣйствительно, когда потребовали Чихровскаго къ допросу, онъ отперся предъ Королемъ отъ своихъ словъ и распускалъ слухи, что въ Москвѣ съ нимъ обходились дурно и держали его подъ стражею. Что же касается до того, продолжаетъ Король въ своей грамотѣ, что войска Русскія не соединялись съ Польскими; то въ этомъ виновны воеводы Русскіе[16]. Въ слѣдъ за Возницынымъ была отправлена новая грамота царская къ Королю, въ которой спрашивали, почему не увѣдомилъ онъ Россію о переговорахъ съ Турками и не дозволилъ принять въ нихъ участіе Русскому резиденту, какъ это слѣдовало по договорамъ[17]? Съ ней встрѣтилась на дорогѣ королевская грамота, въ которой, мимоходомъ замѣчая, что въ мирномъ договорѣ съ Турками ничего не постановлено ко вреду Россіи, Король съ своей стороны жалуется на воеводу Кіевскаго и Гетмана Самойловича. Воевода, писалъ онъ, позволяетъ себѣ переступать пятиверстную черту, съ которой только Кіевъ остался за Россіею, а Самойловичь именуетъ себя «Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра.[18]» Дѣйствительно, отвѣчалъ Царь, по Андрусовскому договору Кіевъ уступленъ

[15] Ст. сп. л. 766—78.
[16] Грам. отъ 30 Генв Пос. Кн. № 181.
[17] Грам. отъ 6 Дек. Пос. Кн. № 179.
[18] Грам. отъ 15 Декабря. Тамъ же.

временно Россіи съ пятиверстною чертою; но ту сторону Днѣпра, на которой онъ находится, Поляки уступили Туркамъ. Послѣ взятія Чигирина она присоединилась къ Россіи, и потому какъ воевода Кіевскій дѣйствуетъ правильно, такъ и Самойловичъ, именуясь Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра[19].

Переписка Московскаго двора съ Польскимъ показываетъ, что окончилось, даже желаніе скрывать взаимную вражду и поддерживать мирныя отношенія. Между обоими государствами послѣдовалъ окончательный разрывъ. Со стороны Польши Король былъ причиною разрыва. Увлекаемый Французами, онъ дѣйствовалъ въ ихъ видахъ, ссорился съ Императоромъ, Бранденбургомъ и Россіею, мирволилъ Шведамъ и надѣялся, какъ увѣряли его Маркизъ де Бетюнъ и Епископъ Марсельскій, что диванъ не только утвердитъ Журавенскій миръ, но Французскій посолъ въ Константинополѣ выхлопочетъ у Порты новыя уступки для Польши. Возбуждая Турокъ противъ Россіи, требуя помощи Венгріи и Шведамъ, Французы льстили надеждою Короля, что помогутъ ему по истеченіи перемирія съ Россіею завоевать у ней Кіевъ, Смоленскъ и другіе города: Россія ослабѣетъ отъ войны съ Турками; тогда соединясь съ ними и Шведами, Польша удобно возвратитъ всѣ свои города и земли.

Но рѣчь посполитая иначе смотрѣла на дѣло, нежели Король. Хотя сеймики приняли безпрекословно извѣстіе о мирѣ съ Турками, но сеймъ возставалъ противъ него. Оскорбляясь вліяніемъ иностранцевъ и особенно Французовъ на дѣла Польши, многіе требовали, чтобы до начала сейма каждый членъ далъ присягу дѣйствовать честно и не мирволить ни одной изъ иностранныхъ державъ. Предложеніе не прошло только потому, что его объявили нововведеніемъ, обиднымъ для чести Поляковъ. Но не смотря на то, партія, которая желала мира съ Имперіею,

---

[19] Грам. послан. Февраля 10. Тамъ же.

Бранденбургомъ и особенно съ Россіею, одержала верхъ[20]. Давно обѣщанное посольство въ Москву сеймъ назначилъ немедленно отправить. Назначено было и посольство къ Султану для утвержденія договора, но Королю дозволено только имѣть 12 тысячь готоваго войска въ Барѣ и Теремборлѣ. Поляки опасались, чтобы онъ не началъ враждебныхъ дѣйствій противъ сосѣдей. Литва вовсе отказала въ войскѣ, говоря, что желаетъ находиться въ мирѣ со всѣми[21]. Подольская шляхта шумѣла на сеймѣ, требуя вознагражденія за свои имѣнія въ Подолѣ, уступленныя Турціи, или дозволенія служить другимъ государствамъ[22]. Съ Возницынымъ тайно они отправили прошеніе къ Царю, прося принять ихъ въ свою службу, съ тѣмъ однакоже, чтобы воевать противъ Турокъ. «Воистину реку, писалъ Тяпкинъ, извѣщая о совѣщаніяхъ сейма, что можно похвалу приписать цѣлой рѣчи посполитой, которая и нынѣ на сеймѣ на томъ стоитъ и ходатайства свои вносятъ до престола Государя своего, что конечно имѣть вѣчный покой и союзъ общихъ силъ съ Великимъ Государемъ нашимъ противъ Бусурмановъ; однакожъ повѣтріе злое Французское и Шведское и двора Польскаго факціи зѣло тѣ рѣчи посполитой ходатайства задуваетъ различными хитростями и вертоглавными способами[23].» Сеймъ поколебалъ надежды Короля; безъ войскъ онъ не могъ предпринять военныхъ дѣйствій ни противъ кого изъ сосѣдей и принужденъ былъ поддерживать мирныя отношенія вопреки желанію Французовъ.

Въ то время какъ въ Польшѣ продолжался сеймъ, въ Москвѣ вели переговоры съ посланниками Датскимъ и Англійскимъ.

Прибывъ въ Москву, Габель подалъ записку въ Посольскій

---

[20] Письмо отъ 12 Генваря.

[21] Письма Генв. 26, Февр. 10, 25 и Марта 29.

[22] Письма Февр. 16 и Марта 11.

[23] Письмо отъ 3 Марта.

приказъ, въ которой просилъ, назначить Коммиссаровъ для переговоровъ съ нимъ и желалъ, чтобы они прочли предварительно его письма къ Кн. Долгорукову. Въ добавленіе къ письмамъ сообщалъ: если Россія допуститъ Данію заключить съ Швеціею миръ, то безъ сомнѣнія Шведы сосредоточатъ всѣ свои войка въ Финляндіи и Лифляндіи, и тогда Россія не можетъ уже ожидать никакихъ уступокъ съ ихъ стороны въ мирныхъ переговорахъ. Будучи самъ человѣкомъ военнымъ, онъ предлагалъ доставить подробный планъ дѣйствій противъ Швеціи, самъ вызывался идти съ войсками и вызвать изъ Даніи инженеровъ и генераловъ. Король Французскій, писалъ Габель, желаетъ напугать Имперію, возбуждая противъ нее и Турокъ и Поляковъ, для того чтобы принудить ее къ уступкамъ на переговорахъ Нимвегенскихъ. Въ переговорахъ съ боярами онъ объявилъ, что Король Датскій приблизитъ флотъ къ Лифляндскимъ берегамъ, если только Россія начнетъ военныя дѣйствія, и просилъ, не упуская времени, отвѣчать немедленно на его предложенія. Чрезъ нѣсколько времени (Дек. 4) Габель представилъ и самый проектъ договора между Россіею и Даніею. Онъ предполагалъ составить оборопительный и наступательный союзъ обѣихъ державъ на слѣдующихъ основаніяхъ: Россія пошлетъ 50 тыс. войска въ Лифляндію и Финдляндію противъ Шведовъ, Данія отрядъ въ 5 тыс. сухимъ путемъ и выставитъ флотъ отъ 40 до 50 кораблей. Если Царь начнетъ осаду приморскихъ городовъ, то Датскій флотъ будетъ помогать Русскимъ. Ни одна держава не должна отступать отъ союза и не можетъ порознь заключать мира. Не дождавшись отвѣта, нетерпѣливый посолъ на другой же день прислалъ въ Посольскій приказъ новое предложеніе и просилъ въ свое распоряженіе 12 тыс. пѣхоты и 10 конницы, обѣщаясь по льду перейти заливъ и взять Стокгольмъ. Зимою легко взять городъ, писалъ онъ, войска же Шведскія всѣ выведены и защищать его некому.

Къ Февралю мѣсяцу онъ обѣщалъ окончить кампанію и заключить миръ; но въ тожъ время совѣтовалъ, чтобы войска Русскія зимою же вошли въ Лифляндію и устроили два укрѣпленныхъ стана, одинъ близъ Ругодива, на рѣкѣ Наровѣ и поставить тамъ 2 тыс. пѣхоты, другой въ Перновѣ, куда моремъ могутъ подойдти Датскіе корабли.

Предложенія Датскаго посла были доложены въ Царской Думѣ (19 Дек.) и въ слѣдъ за тѣмъ дьяки Посольскаго приказа письменно сообщили ему отвѣтъ, что Царь, слѣдуя примѣру предковъ, желаетъ продолжать мирныя отношенія къ Даніи, предполагаетъ послать туда особое посольство; а ему, послу, поручаетъ приготовиться къ отъѣзду.

Такой отвѣтъ оскорбилъ Габеля, онъ просилъ позволенія остаться въ Москвѣ, говоря, что не можетъ выѣхать не окончивъ порученій своего Двора.

Долго оставаясь еще въ Россіи, онъ постоянно подавалъ записки въ Посольскій приказъ и просилъ объявить войну Швеціи; но безуспѣшно, не смотря на то, что Голландскій резидентъ Келлеръ и Бранденбургскій Гуссенъ поддерживали его предложенія[24].

Англія предлагала свое посредство къ заключенію мира съ Швеціею; но существенная цѣль чрезвычайнаго посольства Гебдона заключалась въ томъ, чтобы поздравить Царя со вступленіемъ на престолъ и просить новыхъ привиллегій для Англійскихъ купцовъ[25].

Швеція съ своей стороны не оказывала ни малѣйшихъ уступокъ Россіи. Послѣ съѣзда пришла королевская грамота, въ которой подробно изчислены были всѣ предложенія Русскихъ полномочныхъ и опровергнуты. Въ заключеніе, обвиняя ихъ въ

[24] Пріѣхалъ Ав. 4. 1677.

[25] Пріѣхалъ 4 Генв. съ грамотою отъ 16 Сент., въ которой Ѳедоръ Алексѣевичъ именуется Императоромъ. Пос. Кн. снош. съ Англ. 1676.

дерзости, что осмѣлились даже требовать уступки многихъ завоеванныхъ Шведами городовъ, Король говорилъ, что послѣ этого, не смотря на желаніе мира, онъ принужденъ будетъ начать войну[26]. Такимъ образомъ уже не Россія, но сама Швеція вызывала на войну Россію. Не смотря на то, въ отвѣтной грамотѣ Царя также подробно опровергаются всѣ притязанія Швеціи; но вслѣдъ за тѣмъ дозволено было назначить новый съѣздъ на границахъ для продолженія мирныхъ переговоровъ[27]. Тщетно увѣрялъ Габель, что Шведы желаютъ только продлить время, что Россіи нечего опасаться войны со стороны Турціи, что это пустой слухъ, распускаемый Поляками: Турки, если пойдутъ войною, то противъ Имперіи. Россія дѣйствительно опасалась войны съ Турціею; это не былъ пустой слухъ: до нее постоянно доходили извѣстія о приготовленіяхъ Султана. Смерть Верховнаго Визиря Ахмета Кёприлю и назначеніе Кара-Мустафы на его мѣсто не обѣщали мира. Новому Визирю хотѣлось военной славы.

Но кромѣ опасеній Турецкой войны были и другія причины нерѣшительности въ дѣйствіяхъ Московскаго Двора. Почти цѣлый годъ безполезно простояло Русское войско близъ Шведскихъ границъ. Въ продолженіе этого времени оно успѣло бы вытѣснить Шведовъ изъ Лифляндіи и принудить къ заключенію мира; но Посольскій приказъ канцелярскимъ порядкомъ рѣшалъ дѣла государственныя; послѣ удаленія боярина Матвѣева изчезла сила и рѣшительность въ его дѣйствіяхъ. Между тѣмъ Поляки помогали Шведамъ. Полковникъ Рыбинскій съ шестью хоругвями панцерныхъ и ротою гусаръ прошелъ въ Лифляндію[28]. Хотя не правительство его послало, но оно дозволило дѣйствовать Французскому послу. Маркизъ де-Бетюнь, нанимая войска

[26] Грам. отъ 15 Сент.
[27] Грам. отъ Генв. 7 и Окт. 2.
[28] Письмо Тяпкина отъ Генваря 12.

для Шведовъ, въ тоже время собирался самъ идти съ толпою набранныхъ имъ охотниковъ въ Венгрію. Но передъ тѣмъ онъ отправилъ Аббата Реверана и Форваля заключить договоръ съ Текели. Польскій Король далъ имъ паспорты и потомъ, когда заключенъ былъ договоръ, дозволилъ охотникамъ Полякамъ идти въ Венгрію воевать противъ Имперіи[29].

Король преслѣдовалъ свои политическія виды, рѣчь посполитая другія. Противоположныя начала служили для нихъ основаніями и встрѣтясь враждебно въ дѣйствительной жизни, только ослабляли взаимно другъ друга и тѣмъ самымъ вели къ вѣрной погибели Польшу.

Еще въ Декабрѣ 1676 года Гетманъ Пацъ объявилъ Тяпкину, что Король отзываетъ своего резидента изъ Москвы, а его отпускаетъ изъ Варшавы[30]. Но въ слѣдъ за тѣмъ полученныя царскія грамоты и потомъ пріѣздъ Возницына остановили его отправленіе. Окончивъ наконецъ дѣла, резидентъ уже собирался ѣхать въ Россію, какъ однажды (Марта 21) вошелъ къ нему Панъ Галецкій и сказалъ, что Король прислалъ за нимъ свою карету и проситъ его немедленно къ нему пріѣхать; свиданіе должно происходить тайно; Король, никому о томъ не говоря, выѣхалъ изъ замка и ожидаетъ его въ загородной дачѣ Короннаго писаря Котовича. «Дворъ и хоромы того писаря, какъ писалъ въ послѣдствіи Тяпкинъ въ Посольскій приказъ, зѣло чюдны и крашены и обиты златописными предражайшими обитьями, еже именуются шпалеры».

Войдя въ домъ, Тяпкинъ нашелъ Короля въ обществѣ его супруги, сына и Епископа Марсельскаго; никого не было изъ пановъ Польскихъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій Король взялъ его за руку и вышелъ въ садъ, «который зѣло нарядно и благоразумно устроенъ и многими благоплодными деревьями и овощи

---

[29] Iassan. Hist. de la Diplomat. Fran. III. 402 и др.
[30] Декабр. 21. Ст. Сп. л. 761 об.

и цвѣтами благовонными насажденъ, и кладези и фонтаны дивными украшенъ». Рука объ руку съ посломъ прохаживаясь по дорожкамъ сада, Король говорилъ: «удивляюсь, отъчего въ продолженіе долгаго времени, не смотря на частыя сношенія не можетъ утвердиться дружба между мною и твоимъ Государемъ? Почему Царь и его ближніе бояре постоянно подозрѣваютъ меня въ какомъ то недоброжелательствѣ къ Россіи? Кажется мое доброе расположеніе я доказалъ еще будучи Гетманомъ. Это знаютъ бояре Московскіе; они должны помнить, когда воеводы Польскіе выдали Шереметева Татарамъ, какъ я противился такому поступку, отдѣлилъ свои войска и хотѣлъ даже соединиться съ полками Московскими, пришедшими съ Княземъ Барятинскимъ на помощь Шереметеву. Сдѣлавшись Королемъ, я не измѣнилъ моего образа мыслей, желаю дружбы и мира со всѣми христіанскими Государями, но болѣе всѣхъ съ Царемъ Московскимъ».

Желая показать на дѣлѣ особенное расположеніе къ Царю, Король, помолчавъ немного, продолжалъ говорить послу: «мнѣ извѣстно, какъ предки Царя Московскаго желали, чтобы Римскіе папы писали ихъ титулъ такъ, какъ они сами его пишутъ въ своихъ грамотахъ. Царь Алексѣй съ этою цѣлію посылалъ особое посольство къ Клименту XI, но папа однако же не согласился исполнить его желанія». Дѣйствительно дворъ Московскій, смотря на папу, какъ на одного изъ Государей христіанскихъ, постоянно требовалъ, чтобы онъ, какъ и всѣ прочіе, писалъ въ своихъ грамотахъ царскій титулъ точно такъ же, какъ писали его въ своихъ грамотахъ Цари Московскіе. Папы съ своей стороны желали внушить, что всѣ титулы Государямъ христіанскимъ жалуются только папою. Не отказываясь признать все возможные титулы за Царемъ Московскимъ, они однакоже хотѣли, чтобы Цари приняли ихъ отъ папы, какъ милость. Споръ Московскаго двора съ папою не былъ простымъ вопросомъ дипломатическимъ; въ немъ таился смыслъ болѣе

важный. Составляя отдѣльное, независимое отъ Западно-Европейскихъ Государство, Россія, войдя въ одинъ политическій съ ними союзъ со времени Царя Алексѣя Михайловича, сохраняла однакоже свою самостоятельность. Императоры домогались того же, хотѣли также жаловать титулами Царей Москвскихъ; но имъ также неудалось какъ и папамъ. Москва смотрѣла на Императоровъ и папъ точно такъ же, какъ на Королей Англійскихъ или Шведскихъ и ни сколько не признавала ихъ особенной власти, которою они пользовались въ отношеніи къ Западной Европѣ. Въ требованіяхъ въ этомъ случаѣ со стороны папъ скрывался и вопросъ о вѣрѣ, который еще болѣе заставилъ Царей отклонять всякое притязаніе со стороны Римскаго двора.

«Желая угодить Царю, продолжалъ Янъ Собѣсскій, тайно отъ Сенаторовъ и рѣчи Посполитой, я писалъ къ Его Святѣйшеству, чтобы онъ, ради добраго ко мнѣ расположенія, согласился признать титулъ Царя. Сегодня я получилъ увѣдомленіе отъ святаго отца, что онъ соглашается, съ тѣмъ чтобы и Царь въ своихъ къ нему грамотахъ вполнѣ писалъ титулъ папскій. Чтобъ объявить согласіе папы, я призвалъ тебя на тайное совѣщаніе». Поручая послу написать къ Царю все, что онъ слышалъ, Король прибавилъ; «надѣюсь, что Царь убѣдится теперь въ моей дружбѣ и не будетъ вѣрить врагамъ обѣихъ державъ; они распускаютъ ложные слухи, желая для своихъ выгодъ поссорить Польшу и Россію». Ударивъ себя въ грудь, онъ повторилъ съ жаромъ: «ради Бога, резидентъ, напиши своему Государю все, что я сказалъ, чтобъ онъ видѣлъ, что съ моей стороны нѣтъ ни малѣйшаго лукавства и лести, но искреннее желаніе союза и дружбы съ нимъ. Желаю и надѣюсь, что Царь заключитъ съ полномочными послами, которыхъ отправляю, миръ съ Польшею, составитъ взаимный союзъ противъ Турокъ и возвратитъ намъ завоеванные города». Хотя Польша и заключила миръ съ Портою, однакоже постыдный миръ не могъ удовле-

творить Собѣсскаго. Поляки, изнуренные войною, радовались, хотя и не долго; Франція превозносила успѣхи и храбрость Польскаго Короля, но самъ онъ понималъ, что положеніе его родины становилось болѣе затруднительнымъ. Уже подвигалось къ Днѣпру Турецкое войско; оно шло противъ Русскихъ, но съ цѣлію завоевать Малороссію, на которую Польша предъявляла такія же права, какъ и Россія. Какое бы ни было слѣдствіе войны, оно равно бы невыгодно было для Польши. Завладѣетъ-ли Турція Чигириномъ, Кіевомъ и Каменцемъ, по необходимости Польша, окруженная ея владѣніями, сдѣлалась бы государствомъ, зависимымъ отъ Порты, какъ Молдавія и Валахія; останется-ли побѣда на сторонѣ Россіи, Польша уже окончательно лишится всякой надежды владѣть Малороссіею и даже въ замѣнъ не пріобрѣтетъ добраго расположенія со стороны Россіи: она вовлекла ее въ войну съ Турками и не оказала съ своей стороны помощи. При такомъ положеніи дѣлъ Собѣсскій не могъ считать вновь заключенный договоръ съ Турціею иначе, какъ временною мѣрою, вынужденною обстоятельствами. Покорствуя видамъ Французской политики, въ то же время онъ желалъ и поддержать союзъ съ Россіею.

«Что касается до Журавинскаго договора», замѣтилъ Король, продолжая разговоръ съ Русскимъ посломъ, «то на него не слѣдуетъ обращать вниманія. Этотъ плачевный миръ, я заключилъ не по доброй волѣ, но по необходимости. У меня не было достаточныхъ способовъ сопротивляться Портѣ. Теперь Турецкое войско идетъ на Чигиринъ и Кіевъ и если только не устоятъ Русскіе войска, гордость враговъ христіанства возрастетъ еще болѣе и плохо придется отъ нихъ Россіи и Польшѣ».

Выслушавъ рѣчи Короля, посолъ говорилъ, что со всею подробностію передастъ ихъ въ первомъ своемъ письмѣ въ Москву.

«Напиши также къ Царю», продолжалъ Король, «чтобы онъ дозволилъ моимъ посламъ и резиденту являться къ нему запро-

сто и лично съ нимъ говорить, какъ ты со мною теперь, безъ посредства бояръ. Пышными пріемами пословъ Государства свидѣтельствуютъ о своемъ величіи, но мирныя соглашенія не зависятъ отъ нихъ. Я знаю, что это покажется новостью въ государствѣ Московскомъ; но теперь измѣнилось время въ сравненіи съ прежнимъ. Посольскія сношенія дѣлаются чаще и Государи болѣе имѣютъ нужды лично и тайно одинъ съ другимъ переговариваться, безъ посредства ближнихъ людей».

Постоянно встрѣчая противорѣчія и вражду со стороны рѣчи посполитой, Король желалъ избавиться отъ ея участія въ дѣлахъ по сношеніямъ съ другими державами. Въ отношеніи ко всѣмъ государствамъ ему удалось этого достигнуть, но Москва болѣе вѣрила рѣчи посполитой, нежели ему. Нѣсколько разъ повторивъ послу, чтобы онъ подробно написалъ къ Царю о всемъ, что отъ него слышалъ, Король сказалъ, что не посылаетъ грамоты именно потому, чтобы не знали паны рады. Потомъ прибавилъ: «пиши къ Царю, что слѣдуетъ ему немедленно послать болѣе войска въ Украинные города, въ Кіевъ и Чигиринъ и особенно инженеровъ и артиллерію. Турки сильны умѣньемъ дѣйствовать пушками и осаждать крѣпости[31]».

Это свиданіе Русскаго посла съ Яномъ Собѣсскимъ было послѣднее. На другой день послѣ его жаркихъ увѣреній въ дружбѣ къ Россіи, Императорскій резидентъ Зеровскій посѣтилъ Тяпкина. «До сихъ поръ, говорилъ онъ, между Цесаремъ и Царемъ не заключенъ давно желаемый союзъ; а между тѣмъ теперь настала крайняя необходимость союза на страхъ врагамъ, особенно тѣмъ, которые находятся въ срединѣ между обѣими державами, и обѣимъ равно замышляютъ зло, входя въ дружественныя сношенія даже съ врагами исконными всего Христіянства, Турками и Татарами». Заключеніе Поляками мира съ

[31] Письмо отъ 24 Апрѣля изъ Варшавы Ст. Сп. л 779—99.

Турціею грозило еще большею опасностію Имперіи, нежели Россіи. Она боялась, что Турки помогутъ бунтовавшимъ Венграмъ, опасалась, что поможетъ имъ и Польша; всѣми силами желала поссорить ее съ Россіею, въ то время, когда она заключила миръ съ Турціею. Имперія не желала паденія Польши въ то время когда она воевала съ Турками и тайно договаривалась съ нею: ей нужна была Польша, но только постоянно воюющая съ Турками.

На другой день послѣ переговоровъ съ Имперскимъ резидентомъ посолъ по приглашенію былъ у Гетмана Литовскаго. Михаилъ Пацъ объявилъ ему, что Турки идутъ на Московскую Украйну чрезъ Каменецъ, и прибавилъ: «намъ тоже слѣдуетъ быть осторожнымъ, у насъ есть на готовѣ войско; но мы опасаемся, чтобы Турки не увели его съ собою воевать противъ Русскихъ. По Журавинскому договору мы обѣщались имъ помогать противъ ихъ враговъ. На этомъ основаніи они могутъ потребовать, чтобы наши войска соединились съ ними, или въ случаѣ отказа обратятся снова на Польшу». Дѣйствительно-ли вражда къ Россіи со стороны Поляковъ доходила до такой степени, что они могли соединиться съ Турками или простое желаніе постращать заставило такъ говорить Литовскаго Гетмана? вѣроятно послѣднее. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ прибавилъ: «по этому слѣдуетъ Царю немедленно заключить договоръ съ Польшею и соединить свои войска съ нашими, чтобъ совокупно дѣйствовать противъ Турокъ[32]». Гетманъ уже говорилъ въ духѣ Короля, желая помириться съ нимъ. Яну Собѣсскому былъ тяжелъ послѣдній миръ, а побѣдить Турокъ, потерявъ довѣріе къ Польшѣ, онъ не видалъ возможности иначе, какъ силою Россіи.

Мирныя сношенія между Россіею и Польшею прекратились въ то время, когда вся Европа, утомленная войною, открывала

---

[32] Ст. Сп. л. 799.

переговоры о мирѣ въ Нимвегенѣ. Хотя они продолжались при громѣ оружія, не останавливая войны, но окончились однакоже общимъ миромъ. Для одной только Россіи послѣдствіемъ всѣхъ переговоровъ была война съ Турціею.

ГЛАВА XIII.

Такъ окончилось посольство Тяпкина, онъ исполнялъ его дѣятельно и добросовѣстно, какъ доказываютъ сохравшіяся до нашего времени его письма къ б. Матвѣеву и статейный списокъ. Кромѣ общей исторической важности, они любопытны и потому, что свидѣтельствуютъ, какъ постепенно развивался политическій взглядъ самаго посланника.

Хотя и прежде пребыванія въ Польшѣ онъ участвовалъ въ дѣлахъ посольскихъ; но судя по сохранившимся памятникамъ, только въ одномъ сношеніи съ Гетманомъ Дорошенко. Онъ посланъ былъ съ цѣлію уговорить его вступить въ подданстно Россіи[1]. Частный вопросъ не могъ приготовить его къ общему взгляду на ходъ современной политики и воспитать какъ самостоятельнаго дѣятеля на этомъ поприщѣ. Незначительный чинъ стряпчего не дозволяетъ предполагать, чтобы прежде своего посольства онъ могъ въ Москвѣ ознакомиться съ общимъ ходомъ дѣлъ посольскихъ. Онъ былъ извѣстенъ только дьякамъ, начальнику Посольскаго приказа и Царской думѣ, разрѣшавшей всѣ вопросы, касавшіеся до отношеній съ иными державами. Даже послы и посланники бывали простыми орудіями сего приказа и думы, дѣйствовали по ихъ повелѣнію, говорили словами данныхъ имъ наказовъ. Наизустъ заучивалъ посолъ ту рѣчь, которую онъ долженъ былъ произносить при торжественномъ пріемѣ и отпускѣ, по образцу, составленному въ Посольскомъ приказѣ, слово въ слово повторялъ изъ наказа усло-

[1] Въ 1668 году. Дѣло въ Арх. Мин. Ин. д. въ Москвѣ.

вія при переговорахъ; даже въ простыхъ частныхъ разговорахъ съ чужестранцами имѣлъ право говорить только о томъ, о чемъ упомянуто было въ его наказѣ и на каждый лишній вопросъ отзывался невѣденіемъ. Въ каждомъ словѣ посолъ долженъ былъ отдать отчетъ по возвращеніи и отвѣчать за каждое лишнее слово. Но условія, возможныя для пословъ, отправлявшихся въ иныя государства по частнымъ вопросамъ и на короткое время, оказывались невозможными для постоянныхъ резидентовъ, пребывавшихъ постоянно и долго въ одномъ государствѣ. Безпрерывно возникали новые вопросы, немедленно требовавшіе отвѣтовъ; посланникъ долженъ былъ отвѣчать, чтобъ поддержать свою честь и стало быть честь своего государства. Какъ бы часты ни были сношенія, какъ уже въ это время между Россіею и Польшею, невозможно было отлагать отвѣта на каждый вопросъ до тѣхъ поръ, пока не пришлютъ его готовый изъ Москвы Но для того чтобъ отвѣчать положительно и вѣрно, необходимо знать общій ходъ современной политики и степень того участія, которое принимаетъ въ ней его отечество. Тяпкинъ былъ первымъ постояннымъ резидентомъ Московскаго двора въ Польшѣ, его заставила необходимость самаго положенія измѣнить сообразно обстоятельствамъ тѣ условія, въ которыхъ постоянно находились всѣ послы и посланники Русскіе. Въ древней Россіи въ общемъ единствѣ общественной жизни постоянно изчезало значеніе отдѣльныхъ лицъ; это свойство столько же явное въ дѣлахъ посольскихъ какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни, въ первой разъ поколебалось на этомъ поприщѣ въ лицѣ Тяпкина. Въ этомъ заключается особенное значеніе его посольской дѣятельности, на которое какъ кажется нельзя не обратить вниманія. Не удивило бы насъ еслибъ Царская дума заговорила такъ, какъ говоритъ въ своихъ письмахъ Тяпкинъ, но удивило бы даже, еслибъ заговорилъ такъ начальникъ Посольскаго приказа, самъ знаменитый

бояринъ Матвѣевъ. И онъ хранилъ въ тайнѣ свой взглядъ, наводя на него только мысли царскія.

Простымъ орудіемъ Посольскаго приказа, вѣрнымъ и упорнымъ, въѣхалъ Тяпкинъ въ Варшаву; но въѣхалъ въ то время, когда Польша и по частному своему положенію, избранію новаго Короля, и по ходу дѣлъ всей Европы, была однимъ изъ средоточій всей Европейской политики того времени. Литовская партія, въ которой почти всегда находились лица расположенныя къ Россіи, находилась въ это время подъ предводительствомъ семьи Пацовъ, которой привязанность къ Россіи была уже извѣстна Московскому двору. Естественно, отправлявшемуся въ Польшу резиденту поручено было держаться этой партіи и слѣдовать внушеніямъ Пацовъ. Вѣрилъ-ли ихъ искренности Московскій дворъ или нѣтъ, но ему нужна была только опора въ самой Польшѣ, а въ этомъ отношеніи только одна Литовская партія и могла служить Россіи.

Въ первое время своего пребыванія Тяпкинъ видѣлся по преимуществу съ Пацами и людьми, имъ преданными; что узнавалъ отъ нихъ, то сообщалъ въ Москву; но довѣрялъ-ли вполнѣ ихъ словамъ и обѣщаніямъ, нельзя сказать утвердительно, ибо онъ ни разу не сообщаетъ своего личнаго мнѣнія, своего особеннаго взгляда на ходъ произшествій, въ его глазахъ совершавшихся. Онъ просто ихъ описываетъ, изрѣдка указывая на причины, которыя удавалось ему узнать по слухамъ, или письмамъ «отъ людей Государю Царю доброжелательныхъ». Письма имъ получаемыя онъ отправлялъ въ подлинникахъ въ Посольскій приказъ и получалъ за то «особенную милость» отъ имени Царя съ повелѣніемъ и впредь[2] «о всякихъ вѣдомостяхъ, гдѣ пристойно, провѣдывать подлинно и писать чрезъ почту по часту». Царская благодарность поощрила резидента и съ того времени чаще онъ пишетъ письма и подробнѣе сообщаетъ извѣ-

[2] Грам. отъ 15 Сент. Ст. Сп. л. 248—49.

стія. Но мало по малу онъ начинаетъ колебаться въ довѣріи къ Литовской партіи. Преданность Паца Россіи дѣйствительно не была искренна и происходила изъ личной ненависти, къ представителямъ другихъ партій и особенно къ Собѣскому. Во время сейма онъ присоединился къ Лотарингской партіи и въ послѣдствіи, помирившись, хотя и не искренно, съ Королемъ, началъ дѣйствовать не въ видахъ Россіи. Недовѣріе къ Пацамъ, свиданіе съ послами державъ иностранныхъ, находившихся въ Польшѣ, особенно съ Имперскимъ, свѣдѣнія, которыя сообщали Тяпкину нѣкоторые изъ Галичанъ православнаго исповѣданія и наконецъ собственный опытъ и наблюденіе за ходомъ дѣйствій Польскаго правительства, развили въ немъ самостоятельный взглядъ политическій, который постепенно начинаетъ выражаться въ его письмахъ. Наконецъ притѣсненія со стороны пановъ и личное оскорбленіе, нанесенное ему Королемъ, рѣзче и рѣзче заставляютъ его произносить сужденія и даже давать совѣты, какъ бы слѣдовало дѣйствовать Россіи не только въ отношеніи къ Польшѣ, но и ко всѣмъ государствамъ Европейскимъ, которыхъ выгоды такъ соединены были между собою въ это время. Изъ Львова Тяпкинъ уже писалъ къ Матвѣеву, что его резиденціи «зѣло не ради[3]» и просилъ смѣны. Дѣйствительно Король и паны, ему преданные, желали удалить Русскаго резидента и своего вызвать изъ Москвы[4]. Но опасаясь, чтобы Россія не сочла такого поступка за признакъ разрыва дружескихъ отношеній между обоими государствами, послѣ коронованія удалили Тяпкина въ Варшаву, запретили ему выходить изъ дому, отвели «худой и скудной дворишко въ глухой улицѣ, гдѣ не только челяди его, но и ему

[3] Письмо Декабря 10-го 1765 г.

[4] Письмо Примаса Ольшевскаго къ Королю 1 Февр. Залускій стр. 648. Residentem Swiderskу opto revocandum ex Moschua, Moscoviticum vicissim Warsavia licentiandum, cum hoc noviter inductae residentia, seminent potius discordias, quam pacem consilient.

вому покойнаго мѣста наснлу есть», отняли почетную стражу и половину мѣсячнаго корма. Когда резидентъ жаловался на такія дѣйствія, Канцлеръ Литовскій ему отвѣчалъ, что точно также поступаютъ въ Свидерскимъ. «Нынѣ мнѣ вѣдомости трудно пріобрѣтать[5]», писалъ въ Москву Тяпкинъ и снова просилъ отозвать его; «а то меня хотятъ Поляки до города Мальборка, иже есть морѣ, сослать и заключить и въ неволѣ морить». Хотя въ послѣдствіи его отношенія къ Польскому двору нѣсколько измѣнились, однакоже, потерявъ всякое довѣріе къ Полякамъ, во все остальное время своего пребыванія въ Польшѣ онъ постоянно проситъ отставки. «Какъ лисы лукавыми словами услаждаютъ, а правды трудно выразумѣть» онъ писалъ о Полякахъ[6]. «Не такіе тутъ порядки, что въ государствѣ Московскомъ, идѣже яко пресвѣтлое солнце на небеси, единъ Монархъ и Государь по вселеннѣй просвѣщается и своими Государскими повелѣніями, яко солнечными лучами всюду единъ сіяетъ. Единаго слушаемся, единаго боимся, единому служимъ всѣ, единъ даетъ и отъемлетъ по данной ему Господомъ выше благодати. А здѣсь что жбанъ, то панъ, не боится подобно сотворшаго самого, не токмо обраннаго Короля своего. Идѣже отнюдь не познаешь, какого постановленія и указу въ дѣлѣ одержать, токмо всѣ господа Польскіе до лакомства (подарковъ) души свои завѣсили, ихъ же напомни Господь Боже мой и до лучшаго сумнѣнія приведи[7]». Такъ выражался Тяпкинъ о Полякахъ, и опасался ихъ постоянно. Когда Царь поручалъ ему участвовать въ переговорахъ съ Турками, онъ просилъ не посылать его, увѣряя, что Поляки непремѣнно его выдадутъ Туркамъ «гдѣ онъ и умретъ въ неволѣ[8]». На та-

[5] Письмо отъ 27 Мая 1676 г.
[6] Письмо изъ Кракова Апр. 8.
[7] Письмо изъ Львова отъ 10 Декабря.
[8] Письмо изъ Варшавы 18 Мая.

кое же повелѣніе, полученное имъ уже отъ Царя Ѳедора Алексѣевича, онъ отвѣчалъ, что «съ радостнымъ желаніемъ и поспѣшеніемъ волю Царскаго Величества исполнить готовъ»; и однакоже всѣми способами старается отклонить порученіе. Я боленъ, говоритъ онъ, и не могу съ постели подняться, притомъ Турки не станутъ вести съ Поляками переговоры и за Россію. Если начнутся переговоры, то вѣроятно гдѣ нибудь около Каменца, я не имѣю средствъ туда доѣхать изъ Варшавы, и наконецъ прибавляетъ: «меня, холопа твоего, яко сира и безпомощна иноземца, Бусурманинъ совершенно задержитъ и заключитъ въ Турецкую неволю вѣчно, понеже не трудно Полякамъ и не въ мою сиротскую ровню и за присягами душевными насъ, холопей Вашего Царскаго Величества, въ неволю Турецкую отдавать». Намекая сими словами на плѣнъ Шереметева, прибавляетъ: «какъ Васъ, Государя моего, Богъ вразумитъ, чтобъ мнѣ бѣдному и безпомощному на той лицемѣрной коммисіи въ поганскую неволю не впасти и совсѣмъ не погинуть, Государь мой, смилуйся[9]»! Въ слѣдствіе просьбъ Тяпкина, нѣсколько разъ повторенныхъ, еще Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ его отозвать въ Москву. На его мѣсто уже назначался стольникъ Иванъ Семеновичъ Языковъ, которому поручалось писать и присылать гонцовъ изъ Польши ежемѣсячно къ б. Матвѣеву. Неизвѣстно, въ слѣдствіе какихъ причинъ, но это назначеніе не состоялось[10]. Но не смотря на страхъ и трудность добывать извѣстія, и частыя болѣзни отъ ранъ, Тяпкинъ исполняетъ всѣ возлагаемыя на него порученія и сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствіяхъ Поляковъ. «Но истинну скажу и Богомъ свидѣтельствуюсь, что всѣ эти извѣстія дорого мнѣ достаются, пишетъ Тяпкинъ, и я задол-

---

[9] Письмо 19-го Мая 1676 г.

[10] Дворц. Разр. III стр. 1551.

жалъ, покупая ихъ, ибо мнѣ не присылается денегъ никогда на такія «потребныя для государства дѣла, покупаю изъ своихъ убогихъ крохъ», надѣясь однакоже на царское жалованье; «долженъ всячески радѣть и служить Великому Государю даже и до смерти», но проситъ, чтобы прислали жалованье какъ ему, такъ и подьячимъ, находившимся при немъ. «Два года я на свои деньги нанимаю священника, пишетъ онъ, и одѣваю и кормлю съ собою, также и семь стрѣльцовъ, которые воистинну обносились и ободрались платьишкомъ, и совершенно наги и босы[11]». Спустя нѣсколько времени онъ уже увѣдомлялъ, что «отъ скудости всѣ стрѣльцы отъ него бѣжали», исключая двухъ, которые больны[21]. Еще изъ Львова онъ писалъ, испрашивая жалованья и говоря, что не имѣетъ возможности на свой счетъ ѣхать на коронацію, если Поляки откажутъ ему въ кормахъ и подводахъ. «Занять недобуду безъ заклада, говоритъ онъ, а заложить отнюдь нечего: была одна ферезеюшка соболья подъ золотомъ, та и до днесь у мѣщанина пропадаетъ въ Варшавѣ, а выкупить нечѣмъ. Великому Государю какъ Богъ извѣститъ, а мнѣ стало здѣсь ей жить и питаться нечѣмъ. Не знаю, что здѣсь буду дѣлать, а безъ указу возвратиться въ Москву не смѣю. Лошадь одна лучшая была, на которой ѣздилъ во дворъ Его Королевскаго Величества и къ панству, и та въ осадное время отъ смраду великаго въ городѣ заповѣтрилась и пала. Теперь и выбресть не на чѣмъ въ люди, въ такомъ знаменитомъ государствѣ будучи. А потомъ подобно я и самъ гнусный извергъ, отъ такихъ хлопотливыхъ недостатковъ и безпрестанные скудости, издохну. Бога свидѣтеля поставляю, что отъ старыхъ моихъ увѣчныхъ ранъ

---

[11] Письмо Август. 25. 1676 г.

[12] Письмо отъ 23 Сент.

кое же повелѣніе, полученное имъ уже отъ Царя Ѳеодора Алексѣевича, онъ отвѣчалъ, что «съ радостнымъ желаніемъ и поспѣшеніемъ волю Царскаго Величества исполнить готовъ»; но однакоже всѣми способами старается отклонить порученіе. Я боленъ, говоритъ онъ, и не могу съ постели подняться, при томъ Турки не станутъ вести съ Поляками переговоры и за Россію. Если начнутся переговоры, то вѣроятно гдѣ нибудь около Каменца, я не имѣю средствъ туда доѣхать изъ Варшавы, и наконецъ прибавляетъ: «меня, холопа твоего, яко сира и безпомощна иноземца, Бусурманинъ совершенно задержитъ и заключитъ въ Турецкую неволю вѣчно, понеже не трудно Полякамъ и не въ мою сиротскую ровню и за присягами душевными насъ, холопей Вашего Царскаго Величества, въ неволю Турецкую отдавать». Намекая сими словами на плѣнъ Шереметева, прибавляетъ: «какъ Васъ, Государя моего, Богъ вразумитъ, чтобъ мнѣ бѣдному и безпомощному на той лицемѣрной коммисіи въ поганскую неволю не впасти и совсѣмъ не погинуть, Государь мой, смилуйся[9]»! Въ слѣдствіе просьбъ Тяпкина, нѣсколько разъ повторенныхъ, еще Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ его отозвать въ Москву. На его мѣсто уже назначался стольникъ Иванъ Семеновичъ Языковъ, которому поручалось писать и присылать гонцовъ изъ Польши ежемѣсячно къ б. Матвѣеву. Неизвѣстно, въ слѣдствіе какихъ причинъ, но это назначеніе не состоялось[10]. Но не смотря на страхъ и трудность добывать извѣстія, и частыя болѣзни отъ ранъ, Тяпкинъ исполняетъ всѣ возлагаемыя на него порученія и сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствіяхъ Поляковъ. «Но истинну скажу и Богомъ свидѣтельствуюсь, что всѣ эти извѣстія дорого мнѣ достаются, пишетъ Тяпкинъ, и я задол-

---

[9] Письмо 19-го Мая 1676 г.
[10] Дворц. Разр. III стр. 1551.

жалъ, покупая ихъ, ибо мнѣ не присылается денегъ никогда на такія «потребныя для государства дѣла, покупаю изъ своихъ убогихъ крохъ», надѣясь однакоже на царское жалованье; «долженъ всячески радѣть и служить Великому Государю даже и до смерти», но проситъ, чтобы прислали жалованье какъ ему, такъ и подьячимъ, находившимся при немъ. «Два года я на свои деньги нанимаю священника, пишетъ онъ, и одѣваю и кормлю съ собою, также и семь стрѣльцовъ, которые воистинну обносились и ободрались платьишкомъ, и совершенно наги и босы[11]». Спустя нѣсколько времени онъ уже увѣдомлялъ, что «отъ скудости всѣ стрѣльцы отъ него бѣжали», исключая двухъ, которые больны[21]. Еще изъ Львова онъ писалъ, выпрашивая жалованья и говоря, что не имѣетъ возможности на свой счетъ ѣхать на коронацію, если Поляки откажутъ ему въ кормахъ и подводахъ. «Занять недобуду безъ заклада, говоритъ онъ, а заложить отнюдь нечего: была одна ферезеюшка соболья подъ золотомъ, та и до днесь у мѣщанина пропадаетъ въ Варшавѣ, а выкупить нечѣмъ. Великому Государю какъ Богъ извѣститъ, а мнѣ стало здѣсь ей жить и питаться нечѣмъ. Не знаю, что здѣсь буду дѣлать, а безъ указу возвратиться въ Москву не смѣю. Лошадь одна лучшая была, на которой ѣздилъ во дворъ Его Королевскаго Величества и къ панству, и та въ осадное время отъ смраду великаго въ городѣ заповѣтрилась и пала. Теперь и выбресть не на чѣмъ въ люди, въ такомъ знаменитомъ государствѣ будучи. А потомъ подобно я и самъ гнусный извергъ, отъ такихъ хлопотливыхъ недостатковъ и безпрестанные скудости, издохну. Бога свидѣтеля поставляю, что отъ старыхъ моихъ увѣчныхъ ранъ

---

[11] Письмо Август. 25. 1676 г.

[12] Письмо отъ 23 Сент.

великую скорбь имѣю, безпрестанно болѣзненъ пребываю[13]». Долго не получая жалованья, онъ составилъ расходныя книги всѣхъ своихъ издержекъ и отправилъ къ дьяку Ларіону Иванову, прося чтобы по нимъ выдали ему деньги «пока живъ есмь, чтобъ женѣ бѣдной безъ меня съ дѣтьми отъ долговъ въ конецъ не погибнуть». Но получивъ потомъ извѣстіе, что дьякъ отложилъ расходныя книги до его возвращенія и хочетъ его по нимъ допрашивать, писалъ, что это вовсе излишне, ибо въ самыхъ книгахъ все написано, кому за что и сколько дано. За меня могутъ свидѣтельствовать тѣ дѣла и письма, которыя я постоянно посылаю, не пустыя разсказывая басни, но «истинные дѣйства и образы всякихъ дѣйствъ и поступковъ», чего мнѣ никогда не удавалось узнать даромъ. И теперь во время сейма, каждую почту посылаю извѣстія, и еслибъ не платилъ за нихъ изъ своихъ собственныхъ денегъ, то ни о чемъ бы не зналъ, что дѣлается. «Почто же, Государь мой, меня распрашивать»? Вся моя служба въ приказѣ извѣстна, не знаю только извѣстна-ли она Государю? Ты самъ, хотя и на короткое время, бывалъ въ посольскихъ посылкахъ, и знаешь, что безъ денегъ дѣло не обходится. Не только всѣмъ посламъ и посланникамъ и гонцамъ, но и гончикамъ Государская милость издревле бывала и нынѣ бывало, что не токмо за раздачу своихъ животовъ, но и за обороны и подорожныя и за всякія убытки плачено. А я бѣдный, живучи по се число полъ четвертаго года, въ чужомъ государствѣ, въ странной, необыкновенной и новочинной службѣ пребывающе, которой отъ вѣка въ Московскомъ государствѣ не бывало, завѣдываючи такими превысокими государственными дѣлами и не имѣючи жадные государственные раздаточныя казны, роздалъ и нынѣ роздаю, что могу, свои животишки, не для какихъ своихъ лакомствъ и бо-

[13] Письма изъ Львова Декабря 10 и 19.

гатства, но только служа Государю вѣрно». Истощивъ всѣ доказательства, что слѣдуетъ ему заплатить истраченныя деньги, онъ съ горестью оканчиваетъ письмо: «сотвори со мною, рабомъ своимъ вѣчную милость, не посягай на мое сиротство и не разоряй меня убогаго вѣчно, ежели имѣешь Бога въ сердцѣ своемъ, если любишь родителей своихъ, ежели милуешь жену свою и чада, ежели пріемлешь странныхъ и питаешь убогихъ и сирыхъ, вдовицъ и бѣдныхъ заступаешь, тогда и меня негоднаго до услугъ твоихъ раба купно съ беззаступными сиротами женою моею и убогими дѣтьми моими пріими въ помощь и заступленіе свое». Послѣ удаленія боярина Матвѣева Посольскій приказъ не присылалъ необходимыхъ для издержекъ денегъ нашему резиденту.

Среди постоянной дѣятельности мысль о семействѣ, какъ видно, часто занимала посла. Одинъ изъ его сыновей находился при немъ до поѣздки во Львовъ, откуда онъ отправилъ его гонцемъ въ Москву. Съ тѣхъ поръ онъ не возвращался назадъ; но Тяпкинъ часто просилъ о немъ въ своихъ письмахъ Государя. Постоянно повторяя просьбу объ отставкѣ, онъ наконецъ писалъ, что если не хотятъ его отозвать, то чтобы прислали къ нему сына и потомъ оставили резидентомъ вмѣсто его и обѣщается научить его какъ надо дѣйствовать. «Какъ молодой дѣтина, онъ долженъ будетъ усердно послужить Государю, а я въ безпрестанныхъ скорбѣхъ пребываю и никогда столько здоровъ не бываю сколько болѣзную[14]. Ей то дѣло молодаго и холостаго человѣка, и хотя худъ собою, что и я (т. е. незначительнаго чина), только ручаюсь за него, что за помощію Божіею дѣлъ Государскихъ вразумиченъ будетъ управляти». Когда послѣ мира съ Турками Король предложилъ сейму отпустить иностранныхъ резидентовъ, говоря, что они слиш-

---

[14] Письмо изъ Варшавы, полученное Іюня 23 и отъ Іюля 6.

комъ дорого обходятся рѣчи посполитой, Тяпкинъ, сообщая объ этомъ въ Москву, снова проситъ отозвать его и говоритъ: «четыре года съ неусыпнымъ тщаніемъ Государю моему служу; а жена моя убогая съ дѣтьми безъ меня многое безпрестанное разоренье и нужду терпитъ. Что было убогихъ деревнишекъ моихъ въ Дорогобужскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ, всего дворишекъ съ 20 или мало чего больше, а тѣ всѣ крестьянишки отъ сосѣдскихъ обидъ до конца разорены и многіе разогнаны, а я убогой и увѣчной старецъ, будучи здѣсь 4 годъ, отъ многихъ трудовъ и болѣзней весьма одряхлѣлъ и отъ многіе скудости и недостатковъ одолжалъ до конца, потому что для всякаго потребнаго Государству Московскому дѣла и особливо на сеймѣ никогда не опущу, и провѣдываю, и вѣсти покупаю дорогою цѣною и подарки даю отъ своихъ убогихъ крохъ, закабаляясь, потому что не только на раздачу его Государскихъ дѣлъ имѣлъ бы что его Государевой казны, но и самому пропитаться со всѣми его Государевыми людьми не имѣю чѣмъ».

Однакоже ни заботы семейныя, ни болѣзнь не останавливали его дѣятельности, исполненной сознанія своей обязанности и стремившейся поддержать достоинство Россіи. Въ то время когда Посольскимъ приказомъ управлялъ бояринъ Матвѣевъ, онъ сообщалъ о своихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ Европейскимъ державамъ и особенно о распоряженіяхъ въ Малороссіи и Крыму. Резиденту, находившемуся постоянно въ сношеніяхъ какъ съ Польскимъ правительствомъ, такъ и послами иностранныхъ державъ, необходимо было знать о дѣйствіяхъ своего правительства, чтобъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Съ тѣхъ поръ какъ сосланъ былъ б. Матвѣевъ, а Посольскій приказъ остался въ управленіи дьяковъ, прекратилась и посылка «вѣдомостей» къ Тяпкину. Эта неизвѣстность наиболѣе его смущала; не зная какъ и что отвѣчать на вопросы пановъ и пословъ, онъ чувствовалъ, что теряетъ свое

прежнее значеніе въ ихъ глазахъ. Между тѣмъ панъ Свидерскій постоянно сообщалъ изъ Москвы ложныя извѣстія своему двору; они доходили и до нашего резидента. Не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалось въ Россіи, онъ не могъ и опровергать слуховъ. Часто онъ писалъ въ Москву, чтобъ по прежнему указу Государеву посылали ему извѣстія изъ Посольскаго приказа и особенно о распоряженіяхъ военныхъ противъ Турокъ и Татаръ, говоря, что къ резиденту Польскому изъ Королевской канцеляріи посылаются постоянно свѣдѣнія въ Москву. Король и сенаторы всякой разъ, какъ приходитъ почта, относятся ко мнѣ съ вопросами «и смѣхи и укоризны дѣютъ, что, резидентомъ будучи, ни о чемъ не вѣдаю; а я только стыдомъ и глупствомъ показуюся, невѣдомости ради своей». «Чтожъ моя за резиденція, прибавляетъ онъ далѣе, когда сижу яко безсловесенъ всегда?—о чемъ ни спросятъ, не вѣдаю, а лгать и затѣвать не умѣю. Рѣдко когда дождусь письма изъ Москвы и то съ извѣстіемъ, что мои письма дошли исправно; а надлежащихъ объявленій ничего не слышу, какъ преже сего бывало и писывали ко мнѣ». Это письмо послано было уже не за долго до выѣзда его изъ Варшавы; извѣстій, которыхъ желалъ, онъ не получилъ.

Поддерживая достоинство Россіи Тяпкинъ не хотѣлъ отставать отъ резидентовъ другихъ державъ и замѣчая особенности въ устройствѣ ихъ быта и учрежденіи ихъ канцеляріи, постоянно писалъ объ этомъ. Такъ онъ писалъ, что при всѣхъ резидентахъ есть секретари изъ «равныхъ имъ братьевъ», которые въ случаѣ нужды могутъ исправлять ихъ должность, а при немъ никого нѣтъ; они имѣютъ возможность посылать своихъ гонцевъ, а онъ едва можетъ прокармливаться. Описывая боярину Матвѣеву, что всѣ пріѣзжающіе послы въ Польшу имѣютъ портреты своихъ Государей, нѣсколько разъ просилъ прислать

ему портретъ Царя Өедора Алексѣевича[15]. «Всѣ резиденты, говоритъ онъ, персоны своихъ Государей поставляютъ на стѣнѣ подъ балдахинами, зѣло изрядно украшенными, и подъ ними кресла посольскія поставлены бываютъ, гдѣ онъ повиненъ засѣдать. А ежели гость отъ велеможныхъ особъ у посла бываетъ съ посѣщеніемъ, то тамъ гостя должны посадить[16]. А которые бы послы и резиденты не имѣли своихъ Государей персонъ, будучи въ посольствѣ своемъ, и тѣмъ великій зазоръ приписуется». По этому повторяя просьбу, чтобы прислали ему царскій портретъ, прибавляетъ «воистинну, государь, зѣло то честно и славно будетъ Государеву имени». Считая необходимымъ присутствіе резидента въ Варшавѣ, Русское правительство не рѣшалось его замѣнить другимъ, до тѣхъ поръ, пока сама Польша отказалась содержать постояннаго Русскаго резидента. Марта 10, 1677 года Канцлеръ Литовскій объявилъ Тяпкину, что Король отпускаетъ его въ Москву[17]. Чрезъ нѣсколько дней Король назначилъ ему прощальное свиданіе, принялъ его по всѣмъ обычаямъ посольскимъ и далъ вмѣсто подарка на дорогу 300 р. отъ Королевства Польскаго и 150 отъ Великаго Княжества Литовскаго. На послѣднюю сумму ему дали облигацію за подписаніемъ Короля, по которой онъ долженъ былъ получить уплату отъ подскарбія Литовскаго Сапѣги[18]. По дорогѣ ему поручено было заѣхать къ Сапѣгѣ въ мѣстечко Высокое для полученія денегъ. Заготовивъ все необходимое для дороги, «искупя лошади, и сѣдла, и оружіе и всякую служивую рухлядь на себя, и на подьячихъ, и на стрѣльцовъ и на дворовыхъ своихъ людей, и хлѣбной запасъ, и телѣги и хомоты, поѣхалъ изъ Варшавы къ подскарбію въ мѣст-

[15] Письмо 25 Февр. 1676 г.
[16] Письмо 25 Авг.
[17] Ст. Сп. л. 803 и слѣд.
[18] Ст. Сп. л. 806.

ность его въ Высокое». 20 числа того же мѣсяца Тяпкинъ выѣхалъ изъ Варшавы. Пріѣхавъ въ мѣстечко Высокое (22 Мая), онъ не засталъ тамъ однакоже подскарбія, находившагося въ это время въ Брестѣ на сеймикѣ. Въ ожиданіи его скораго возвращенія, онъ пробылъ нѣсколько дней въ Высокомъ; но узнавъ наконецъ, что Брестскій сеймикъ уже окончился и Сапѣга отправился въ дальнія свои деревни на охоту, онъ послалъ къ нему съ векселемъ своего подьячего. Сапѣга объявилъ подьячему, что съ нимъ нѣтъ денегъ, чтобы онъ и резидентъ ѣхали въ Вильну, куда онъ скоро пріѣдетъ.

Узнавъ о пріѣздѣ нашего резидента въ Вильну (6 Іюня) Гетманъ Литовскій Михаилъ Пацъ пригласилъ его къ себѣ, далъ обѣдъ роскошный, пилъ за здоровье царское и вообще въ обхожденіи съ Тяпкинымъ, какъ онъ самъ выражается, «былъ зѣло прохладенъ и веселъ[19]». Получивъ деньги, посолъ выѣхалъ изъ Вильны (13 Іюня) и 10-го Іюля прибылъ въ Москву. На другой день послѣ пріѣзда Царь назначилъ ему представленіе и принялъ его ласково и «милостиво службу его похвалилъ».

Московскій дворъ былъ доволенъ дѣйствіями своего посла въ Польшѣ, между тѣмъ какъ цѣль, съ которою онъ былъ посланъ, не только не была достигнута, но казалось, ея достиженіе отдалилось гораздо болѣе, нежели когда либо. Онъ возвратился въ Москву въ то время, когда слухи о намѣреніи Турціи начать военныя дѣйствія противъ Россіи повторяли новыя извѣстія, одно за другимъ приходившія съ границъ Украйны; говорили даже о движеніи самаго войска и нѣкоторыхъ уже набѣгахъ передовыхъ Татарскихъ отрядовъ. Польша не только не обѣщалась помогать Россіи, но въ послѣднихъ переговорахъ съ нашимъ посломъ Гетмана Литовскаго, давала даже замѣтить,

---

[19] Ст. Сп. л. 808—10

что по видимому противъ воли, не можетъ соединить свои войска съ Турецкими. Во всякомъ случаѣ она давала полную свободу дѣйствовать находившимся въ Варшавѣ посламъ Французскому и Шведскому, враждебно расположеннымъ къ Россіи. Но союза съ Польшею не могъ и ожидать Московскій дворъ: не только Малороссію, но и Литву Россія считала своею собственностію, которая рано или поздно должна присоединиться къ Московскому Государству. Войну съ Турціею и Татарами, кто бы ни возбудилъ ее, онъ считалъ неизбѣжною: Москва никогда не заключала мира «съ врагами всего Христіанства», но только перемирія, временно прерывавшія войну, которую считала единственно возможнымъ выраженіемъ своихъ отношеній къ Турціи. Московскій дворъ былъ доволенъ присоединенію Заднѣпровской Украйны, которая въ свой чередъ окончила длинный рядъ неловкихъ отношеній къ Польшѣ, начавшихся въ слѣдствіе заключенія Андрусовскаго договора.

Государствованіе Царя Алексѣя Михаиловича завѣщало своему преемнику двѣ политическихъ цѣли, выражавшіяся въ отношеніяхъ Россіи его времени къ иностраннымъ державамъ. Два политическихъ воззрѣнія выразились и въ двухъ знаменитыхъ представителяхъ его времени, двухъ первыхъ Канцлерахъ Московскихъ, въ боярахъ Ордынѣ-Нащокинѣ и Матвѣевѣ.

Уроженецъ Псковскій Аѳанасій Лаврентьевичь Ордынъ-Нащокинъ смотрѣлъ постоянно на Сѣверъ. Его молодость прошла въ военной и дипломатической службѣ на границахъ Шведскихъ. Облеченный полномочіемъ Царя, онъ дѣйствовалъ постоянно съ одною цѣлію, завоевать Ингерманландію и Карелію, удержать Кокенгаузенъ и пріобрѣсти порты для Россіи на Балтійскомъ морѣ. Мысль Іоанна Грознаго ревностно продолжалъ Ордынъ-Нащокинъ, хотя осуществить ее суждено было Петру Великому. Увлекаемый мыслію о Балтійскихъ пор-

такъ, онъ кажется не замѣчалъ, что на Югѣ Россіи предстоятъ выгоды важнѣйшія. Заключенный имъ Андрусовскій договоръ былъ однимъ изъ блистательныхъ подвиговъ, но мысль изъ простаго перемирья сдѣлать «вѣчный миръ», на долго остановила бы успѣхи Россіи. Андрусовскій договоръ только на время присоединилъ къ Россіи Кіевъ, столицу древней Руси; онъ раздроблялъ Малороссію на три части: области по сю сторону Днѣпра присоединились къ Россіи, Заднѣпровье оставалось за Польшею, Запорожье явилось какимъ-то полусамостоятельнымъ, полузависимымъ отъ Россіи и Польши владѣніемъ. Онъ послужилъ поводомъ къ образованью трехъ враждебныхъ между собою Гетманствъ—Русскаго, Польскаго и Турецкаго, наводнявшихъ кровью Украйну.

Важную ошибку Московской дипломатіи во время замѣтила сама Малороссія, она негодовала на договоръ, не хотѣла уступать Кіевъ Польшѣ. Во время предупредилъ послѣдствія ошибки представитель Малороссіи въ Москвѣ окольничій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, начальникъ въ то время Малороссійскаго приказа. Такъ же незнатнаго происхожденія какъ и Нащокинъ, уроженецъ Московскій, Матвѣевъ провелъ всю молодость въ военной и дипломатической службѣ въ Малороссіи и на границахъ Польскихъ. Онъ смотрѣлъ не на Сѣверъ, а на Югъ; присоединить всю Малороссію, завладѣть всѣмъ теченіемъ Днѣпра, войти въ Черное море—вотъ постоянная цѣль его дѣйствій. И онъ не достигъ своей цѣли, такъ же какъ его предшественникъ; вражда родословныхъ бояръ Московскихъ заставила перваго удалиться въ монастырь; та же вражда отправила въ ссылку втораго—обоихъ достойныхъ любимцевъ Московскаго Царя. Когда полномочные Польскіе послы прибыли въ Москву, съ тѣмъ чтобъ выслушать присягу Царя для подтвержденія втораго Андрусовскаго договора, «учало быть въ великимъ тѣснотамъ», писалъ изъ ссылки Матвѣевъ въ одной

изъ своихъ челобитныхъ къ Царю; «а въ Посольскомъ приказѣ ничего не сыскано, чѣмъ бы ту запись остановить и договоры не утвердить[20]». Зная, «неопасливые нравы Поляковъ», онъ отправилъ нарочныхъ гонцовъ въ Малороссію, чтобы собрать какія нибудь свѣдѣнія о поступкахъ Поляковъ, къ которымъ бы можно было придраться и отложить утвержденіе договора до тѣхъ поръ, пока «не исправятъ предъ Государствомъ Московскимъ; листовъ королевскихъ и сенаторскихъ и книгъ укоризненныхъ», противъ Россіи, изданныхъ въ Польшѣ. Матвѣеву удалось; утвержденіе договора было отложено. Въ слѣдъ за тѣмъ послѣдовавшій миръ Буджановскій далъ ему прямой поводъ предложить Царю, что уже «дошло время призывать Дорошенка съ тою стороною Днѣпра, въ вѣчное подданство Россіи, для того что Король Польскій поступилъ Дорошенка съ тою стороною Турецкому Султану[21]».

Время отъ Буджановскаго договора до присоединенія Заднѣпровья къ Россіи и было проведено въ Польшѣ резидентомъ Тяпкинымъ. Онъ былъ поставленъ въ слѣдствіе обстоятельствъ въ положеніе трудное; истинная цѣль Россіи должна была оставаться тайною для Польши; она желала уничтожить Андрусовскій договоръ, между тѣмъ какъ на основаніи сего договора только и посланъ былъ Тяпкинъ въ Варшаву постояннымъ резидентомъ. Онъ по возможности исполнилъ свое порученіе и потому естественно, что Московскій дворъ былъ доволенъ его посольствомъ. Между тѣмъ какъ Москва, пользуясь положеніемъ Польши, преслѣдовала свои политическіе виды на расширеніе границъ со стороны Юга, вліяніемъ политики союзныхъ съ нею дворовъ иностранныхъ вновь возбудился

---

[20] Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева изд. 2. 1785 г. стр. 60 и 61.

[21] Тамъ же стр. 69.

вопросъ о Сѣверѣ, точно также занимавшій постоянно Московскій дворъ.

Вся Европа, раздѣляясь въ это время на два воевавшихъ между собою стана, раздѣлилась также на два политическихъ союза, враждебныхъ одинъ другому. Въ главѣ одного находилась Франція; но онъ разрушился мгновенно, лишь только обнаружились властолюбивые замыслы Людовика XIV. Одна Швеція дѣйствовала съ ней за одно, сочуствовали возмутившіеся Венгры и не обнаруживали нерасположенія, не оказывая съ тѣмъ вмѣстѣ особенной дружбы Турціи. Другимъ союзомъ предводительствовала Голландія, за одно съ нею дѣйствовала Имперія съ воими подручниками, Испанія, Бранденбургъ и Данія. Одна Англія колебалась изъ стороны въ сторону: еще не выработалась ея будущая сила политическая; продолжалась борьба Королевской власти съ Парламентомъ. Карлъ желалъ мира и союза съ Франціею; въ началѣ военныхъ дѣйствій Французовъ противъ Голландіи онъ дѣйствовалъ вооруженною рукою въ союзѣ съ Людовикомъ XIV. Но мало по малу Парламентъ бралъ верхъ: сочувствуя съ Голландіею, сначала онъ принудилъ Короля заключить съ нею миръ, а наконецъ полный союзъ и объявить войну Франціи.

Колебанье Англіи, которая одна могла придать рѣшительную силу тому или другому союзу Европейскихъ державъ, обратило взоры всѣхъ на Востокъ Европы. Политика Франціи устремилась на Польшу, Голландіи на Россію. Бережливая, нуждавшаяся въ это время въ деньгахъ Голландія, не смотря па многія возраженія, снарядила великолѣпное посольство въ Москву. Ея виды ревностно поддерживала Данія и Бранденбургъ, Имперія по неволѣ обстоятельствъ вошла въ одинъ союзъ съ соединенными штатами; но въ сущности не раздѣляла ея политики. Не противясь желанію союзныхъ съ ней въ это время державъ, чтобы Россія вооруженною рукою дѣйство-

вала противъ Швеціи; она однакоже въ прямыхъ сношеніяхъ съ Россіею не входила въ переговоры объ этомъ вопросѣ. Имперія опасалась и не безъ основанія, что Лифляндію и часть Финляндіи Россія удержитъ за собою. Даже Голландія усердно стараясь, чтобы возбудить Россію къ войнѣ противъ Швеціи, поручала своему послу не давать обѣщаній, что по заключеніи мира Россія можетъ удержать за собою завоеванныя области. Онъ охотно согласился, когда Россія, не желая объявить войны Швеціи, обѣщалась только придвинуть свои войска къ границамъ Шведскимъ. Одна Данія прямо и рѣшительно предлагала союзъ Московскому двору съ тѣмъ, чтобъ въ пользу Россіи соединенными силами завоевать Шведскія порты и Балтійскомъ морѣ. Мысль, давно занимавшая дворъ Московскій, еще недавно такъ упорно преслѣдуемая Ордынымъ-Нащокинымъ, никогда, дѣйствительно не могла осуществиться удобнѣе, какъ въ это время. Сосѣднія державы враждовали съ Швеціею, одна Польша по заключеніи мира съ Турками, могла бы оказать ей помощь, по требованію Франціи, но не имѣла средствъ. Рѣчь посполитая противилась въ этомъ случаѣ желаніямъ Короля. Но гроза Турецкаго нашествія на Украйну, бездѣйствіе Посольскаго приказа послѣ удаленія Матвѣева, броженіе внутренней жизни Московскаго Государства, послужили препятствіемъ и отдалили на время осуществленіе давнишнихъ намѣреній.

Въ то время какъ Голландія съ своими союзниками призывала къ дѣятельнѣйшему участію въ дѣлахъ Западной Европы Россію, Людовику XIV удалось совершенно опутать въ сѣти своей политики Польскій дворъ.

Внутреннее разстройство Государственной жизни въ слѣдствіе междуусобной борьбы партій; нравственное влеченіе большей части пановъ Польскихъ, образованныхъ на Французскій ладъ, ко Франціи; вліяніе Француженки Королевы, искавшей

личныхъ выгодъ въ расположеніи къ Польшѣ Людовика XIV; ни власть надъ Яномъ Собѣсскимъ,—всѣ сіи обстоятельства въ совокупности дали полную возможность Французскому Королю распоряжаться дѣлами Польши въ отношеніяхъ ея съ сосѣдними державами.

Если Андрусовскій договоръ и не былъ выгоденъ для Россіи, то во всякомъ случаѣ онъ былъ выгоденъ для Польши. Истощивъ всѣ возможныя средства гоненій на православіе, она не могла уже думать о томъ, чтобы возвратить въ свою власть Малороссію. Достаточно было и одного Заднѣпровья и нѣкоторой степени подданства Запорожья, которое могло бы защищать ея границы отъ набѣговъ Татарскихъ соединенно съ казаками, оставшимися въ ея власти. Андрусовскій договоръ дарилъ Польшѣ союзъ съ сильною державою Московской и полную возможность вмѣстѣ съ нею воевать Турокъ—дѣло которое Польша считала своимъ предназначеніемъ, равно какъ и Король, ею избранный послѣ Михаила, Янъ Собѣсскій. Партія Литовская съ этой точки зрѣнія и смотрѣла на дѣло. Но такой взлядъ не могли раздѣлять другія партіи, онъ отрывалъ Польшу отъ союза съ западными державами, къ которымъ влекло ихъ сочувствіе къ просвѣщенію и единство исповѣданія, и сблизилъ бы съ Россіею. Особый взглядъ Литовской партіи только отдѣлялъ ее отъ остальной Польши, возбуждалъ взаимныя между ними негодованія, подозрѣнія, вражду и часто вражду кровавую. Независимо отъ Литвы и остальная Польша дѣлилась на двѣ партіи, протестантскую и латинскую; одна сочувствовала въ это время съ Бранденбургомъ, другая съ Имперіею Римскою. Взаимныя отношенія между послѣдними двумя партіями были точно такія же, какъ и съ Литовскою.

Такимъ образомъ рѣчь посполитая въ это время, и при томъ по преимуществу въ это время, разложилась на три враждебныя между собою части. И прежде бывали тѣ же партіи, и

прежде враждовали между собою, хотя не съ тою силою и ожесточеніемъ; но прежде существовала въ большей силѣ власть королевская. Хотя никогда не возвышалась она надъ всѣми партіями, но постоянно держалась одной, усиливала ея значеніе своимъ вліяніемъ и съ нею вмѣстѣ противодѣйствовала другимъ. Въ это время дворъ находился подъ вліяніемъ Франціи, неприятнымъ, хотя и въ разной степени, всѣмъ партіямъ.— Власть Королевская обезсилѣла до послѣдней степени и служила только внѣшнимъ признакомъ не существовавшаго болѣе единства государственнаго. Великая личность Собѣсскаго не могла спасти государства; напротивъ внутренніе безпорядки общественные набросили тѣнь на него самаго; отдавая должную справедливость его геройскимъ подвигамъ, исторія не безъ основанія укоряетъ его въ слабости характера. Отдѣлившаяся отъ восточной Европы, Польша примкнула къ западной, которой вліяніе разложило ея жизнь общественную на части и приготовило дальнѣйшую, необходимую историческую судьбу сего народа.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

къ стр. 22.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ТАЙНОПИСЬ,

ВРЕМЕНЪ

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

—

Въ письменности древней Россіи встрѣчаются особые условные знаки, употреблявшіеся иногда вмѣсто обычныхъ Кирилловскихъ буквъ. Знаки бывали двухъ родовъ:

Цыфры, которыя выражались буквами и стало-быть наоборотъ могли быть переводимы въ буквы. Но этотъ способъ, слишкомъ простой, не много бы доставилъ труда для прочтенія. Для того, чтобы скрыть смыслъ, написанной цыфрами рѣчи, изобрѣтались особые способы. Въ видѣ загадокъ, образцы которыхъ представлены въ запискахъ Императорскаго Русскаго Археолегическаго Общества*, предлагались числа, составлявшія въ слѣдствіе различныхъ соединеній такое число, которое, будучи переведено въ буквы, выражало извѣстную рѣчь. Большею частію подобнымъ образомъ скрывали свои имена переписчики или писатели книгъ, въ слѣдствіе общаго въ древней Россіи скромнаго обычая вовсе умалчивать о своемъ имени или по возможности скрывать его.

Нарочно вымышленные знаки, выражавшіе буквы, которыми замѣняли обычную Кирилловскую азбуку. Такого рода знаки были разнообразны и встрѣчаются довольно часто въ припискахъ къ древнимъ рукописямъ; ихъ употреблялъ Царь Алексѣй Михайловичъ въ частной перепискѣ** и Петръ Великій.*** Они употреблялись однакоже не въ однихъ частныхъ, но и въ правительственныхъ дѣйствіяхъ, а именно: въ посольскихъ перепискахъ. Первое

* Томъ III, перечень зас. стр. 147, и д.

** Востокова Опис. Рукоп. Рум. Музея. — 167, 255, 462, 545, 470 781.

*** Сборникъ Муханова, стр. 219.

**** Тромонина, Достоп. Моск. тетр. 1. стр. 128, письмо Петра В. къ бригадиру Яковлеву, 1711 г. Апр. 17.

извѣстіе о такомъ письмѣ въ посольскихъ сношеніяхъ встрѣчается при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Въ 1589 году пріѣхалъ въ Москву Императорскій посолъ Николай Воркачъ, которому изъ Москвы къ Цесарю поручено было писать «письмомъ, мудрою азбукою, которую азбуку отъ себя въ науку далъ, чтобъ опричь Цес. Величества никто не разумѣлъ». Этою азбукою которую въ Москвѣ переняли отъ Имперіи, въ 1590 году писалъ къ Царю изъ Литвы и нашъ гонецъ, Ивановъ. Она называлась у насъ новою «азбукою и литореею».*

Со временъ Іоанновъ, когда сношенія Москвы съ иностранными дворами сдѣлались чаще и постояннѣе, обыкновенно отправляли пословъ, посланниковъ или гонцевъ, смотря по важности дѣла. Они лично получали наставленія, какъ дѣйствовать и вести переговоры, и грамоты изъ Посольскаго приказа, лично привозили, возвращаясь назадъ, отвѣтныя записки о своихъ дѣйствіяхъ или статейные списки. Когда встрѣчалась нужда, во время пребыванія ихъ въ государствѣ иностранномъ, сообщить въ Москву какія либо извѣстія, въ такихъ случаяхъ послы наряжали особыхъ гонцевъ и съ ними посылали свои письма. При такомъ положеніи дѣлъ не было и нужды въ дипломатической тайнописи.

Но во времена Царя Михаила Ѳеодоровича уже выказалось желаніе что бы тайнопись служила постояннымъ способомъ писанья въ сношеніяхъ посольскихъ съ иностранными державами, въ отношеніи, по крайнѣй мѣрѣ, къ тайнымъ порученіямъ. Лучшимъ этому доказательствомъ служитъ слѣдующій документъ, хранящійся въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (**):

«141 (1633) Августа въ 8 день, Великій Государь Святѣйшій Патріахъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Руссіи далъ такую азбуку и складъ затейнымъ письмомъ думному дьяку Ивану Грязеву (***), написалъ своею государевою святительскою рукою, для своихъ государствеенызъ и посольскихъ тайныхъ дѣлъ: любо лучится въ которыхъ государствахъ ихъ Государскимъ посломъ и посланникомъ или такъже ихъ агентомъ писати о какихъ великихъ ихъ государскихъ дѣлѣхъ, и имъ писати къ нимъ государемъ такимъ затейнымъ письмомъ, чтобъ было въ тѣхъ земляхъ не знатно».

---

* Памяти: Диплом. Снош. 1 стр. 1137, Истор. Гос. Рос. Карам. X гл. IV 148 и примѣч. 438.

** Приказныя дѣла, связка 62, № 23.

*** Онъ былъ пожалованъ въ думные дьяки того же года, 1 Октября т. е. 1634; Дворц. Разряд. т. II, стр. 294.

дѣлѣ, вслѣдъ за этою запискою, находится и самая азбука:

За этою азбукой находится другая:

И потомъ слѣдующая въ концѣ приписка:

«160 года Генваря 19 такова, да и другая Государевы съ Патріарховы Филарета Никитича письма, взнесены къ Государю въ Верхъ».

Первая азбука, можно предполагать, есть авторографъ самого Патріарха Филарета. Вѣроятно эта азбука была дана, отправленному въ Швецію агентомъ, дворянину Дмитрію Андрееву сыну Франсбекову и подъячему Исакову, спустя два года послѣ ея составленія. Въ наказѣ, ему данномъ изъ Посольскаго приказа, сказано:

«Лѣта 7143 (1635) г. Декабря въ 15 день, Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, велѣлъ Дмитрею Ондрѣевичу Франсбекову ѣхати къ Свѣйской Королевѣ Христинѣ въ агентахъ для своихъ Государственныхъ дѣлъ, а о какихъ дѣлѣхъ писать и о томъ данъ ему Дмитрею да подъячему Ивану Исакову наказъ. А сей Государевъ наказъ данъ ему Дмитрѣю одному, и ему Дмитрѣю сей наказъ держати у себя тайно, чтобъ про него подъячей Иванъ Исаковъ и иной ни кто онтнюдь не вѣдалъ; для того: по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу послано съ нимъ съ Дмитреемъ затейное писмо для тайныхъ дѣлъ и то писмо ему Дмитрею на Москвѣ въ Посольскомъ Приказѣ вытвержено гораздо памятно и наученъ онъ Дмитрей тому затейному писму будучи на Москвѣ достаточно.

«И какъ Дмитрею лучитца изъ Свѣи писать къ Государю о какихъ о ихъ Государственныхъ о тайныхъ дѣлахъ, и Дмитрею о тѣхъ о тайныхъ дѣлѣхъ писати ко Государю. А про тѣ тайные дѣла и про затейное писмо подъячей Иванъ Исаковъ и иной никто отнюдь невѣдалъ, и черные отписки о тѣхъ тайныхъ дѣлѣхъ тѣмъже затейнымъ писмомъ держати у себя бережно, чтобъ о тѣхъ о тайныхъ дѣлѣхъ и про то затейное писмо опричь его Дмитрея подъячей Иванъ Исаковъ и иной никто одноличню не провѣдалъ. Тако же бы и посылати то писмо ко Государю съ гонцы, съ тѣми дѣтьми боярскими, которые для тѣхъ посылокъ съ нимъ посланы съ великимъ же береженьемъ и приказывати имъ накрѣпко, чтобы они то тайное письмо довозили до Москвы бережно и никому бъ въ Свѣйскихъ городѣхъ и въ государевѣ землѣ про то писмо одноличню необъявляли. А на Москвѣ то тайное письмо подавали боярину Князю Ивану Борисовичу Черкаскому».

За симъ слѣдуютъ подробныя наставленія Дмитрію Ѳрансбекову—о какихъ дѣлахъ писать ему въ Москву этимъ закрытымъ письмомъ. Въ особенности ему велѣно было провѣдать: утвердилась ли Христина на Шведскомъ престолѣ и любятъ ли ее под-

данные, кого она думаетъ назначить себѣ наслѣдникомъ, имѣетъ ли сношенія съ Польскимъ Королемъ Владиславомъ и какія, нѣтъ ли у нихъ злаго умысла на Россію; далѣе: ссылаются ли между собою Польскій Король и Цесарь Римскій и о чемъ, не помогаетъ ли Польшѣ Французскій или Англійской Короли или Голландскіе Штаты, гдѣ будетъ жить мать Христины Королева Марія Элеонора—въ Стокгольмѣ или въ какомъ нибудь другомъ городѣ и будетъ ли имя ея писаться во всѣхъ дѣлахъ Государства вмѣстѣ съ именемъ дочери или нѣтъ; а также—кто въ Швеціи изъ думныхъ людей въ силѣ и славѣ и ближе къ Королевѣ. Наконецъ этотъ наказъ оканчивается такого рода заключеніемъ:

«Да что онъ Дмитрей, будучи въ Свѣѣ по сему тайному наказу о тѣхъ и о иныхъ о какихъ тайныхъ дѣлехъ и какихъ тайныхъ вѣстей провѣдаетъ, и ему о всемъ писати ко Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи къ Москвѣ,— по сему Государеву тайному наказу *закрытымъ писмомъ*»(*).

Въ отпускѣ сего наказа, сохранившемся въ дѣлахъ Посольскаго приказа, слово *затѣйное* вездѣ зачеркнуто и сверху поставлено *закрытое* письмо.

Приведенная записка Посольскаго Приказа и наказъ Франсбекову могутъ служить яснымъ доказательствомъ, что Московская дипломатія со временъ первыхъ Царей Дома Романовыхъ считала необходимымъ употребленіе тайнописи въ посольскихъ сношеніяхъ. Причину этой мѣры можно полагать въ томъ, что съ этого времени начались постоянные резиденты иностранныхъ державъ при дворѣ Московскомъ. Послѣ водворенія мира и порядка въ Россіи, вслѣдъ за эпохою самозванцевъ и междуцарствія, торговыя сношенія иностранныхъ державъ съ Россіею усилились. Они повлекли за собою и усиленіе сношеній политическихъ. Съ первыхъ временъ Государствованія Царя Михаила Ѳедоровича, Голландскіе резиденты почти постоянно жили въ Москвѣ, Голландія, какъ кажется, первая получила это право; въ послѣдніе годы Государствованія Царя Алексѣя Михайловича и при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ находимъ постоянныхъ въ Москвѣ резидентовъ Польскихъ и Датскихъ. Инымъ государствамъ, какъ Бранденбургу, отказывалось въ этомъ правѣ.

Присутствіе въ Москвѣ постоянныхъ резидентовъ иностранныхъ державъ естественнымъ образомъ послужило поводомъ и къ отправленію Русскихъ, также постоянныхъ, резидентовъ въ ино-

* Отпускъ наказа Дворянину Дмитрію Андрееву сыну Франсбекову хранится между Шведскихъ дѣлъ 1624 года, № 8.

встранныя государства. Нѣсколько было попытокъ въ этомъ родѣ, прежде нежели утвердилось наконецъ учрежденіе постоянныхъ посольствъ. Постоянные резиденты Русскіе появились въ Польшѣ и притомъ въ послѣднюю половину государствованія Алексѣя Михайловича.

Кромѣ того учрежденіе постоянныхъ почтъ имѣло вліяніе на употребленіе тайнописи.

Въ 1665 г. была первая попытка учрежденія въ Россіи почтъ въ теперешнемъ смыслѣ. Въ Московскомъ договорѣ съ Польшею 1668 г. Русскую ямскую гоньбу упрекаютъ въ медленности и полагаютъ, вмѣсто гонцевъ, учредить постоянную почту между Москвою и Варшавою. Съ этого времени въ первый разъ учреждена почта для сношеній съ другими государствами, а первоначально съ Польшею, и ввѣрена управленію боярина Ордына—Нащокина, завѣдававшаго Посольскимъ приказомъ (*). Онъ въ частной перепискѣ уже прежде этого времени употреблялъ особую тайнопись, какъ доказываютъ сохранившіеся въ посольскихъ дѣлахъ(**) его письма. Прилагаетъ ключъ къ его тайнописи (А).

Образцы тайнописи въ дѣлахъ посольскихъ сношеній встрѣчаются чаще при его преемникѣ, по должности начальника Посольскаго приказа, бояринѣ А. С. Матвѣевѣ. Въ 1673 году въ первый разъ назначенъ ко двору Польскаго Короля Михаила Корибута Вишневецкаго постоянный отъ Московскаго Государства резидентъ, стольникъ и полковникъ В. М. Тяпкинъ. Онъ отправился уже въ путь, когда въ Москву пришло извѣстіе о смерти Польскаго Короля и стало-быть о предстоявшемъ избирательномъ сеймѣ. Естественно это придало особую важность сношеніямъ нашимъ съ Польшею; поэтому гонецъ изъ Москвы догналъ Тяпкина на дорогѣ въ Вильно и вручилъ ему знаки, тайнописи съ повелѣніемъ царскимъ пользоваться ею въ своихъ донесеніяхъ, которыя поручалось ему писать, какъ можно чаще, въ Посольскій приказъ, на имя боярина Матвѣева. Съ учрежденіемъ постоянныхъ Русскихъ резидентовъ при дворахъ иностранныхъ, собственно говоря, потребовалась тайнопись въ сношеніяхъ посольскихъ и притомъ съ Польшею, куда и былъ назначенъ, въ первый разъ, постояннымъ резидентомъ отъ Московскаго двора стольникъ Тяпкинъ.

Даже дипломатическихъ писемъ, посылаемыхъ по почтѣ, со времени ея учрежденія, не было нужды писать тайнописью, ибо

---

* Собр. Гос. Гр. и Дог. Гр. Румянцова, т. IV, № 64 и 210. Полн. Собр. Зак. I, № 420. п. 6.

** Въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Иностр. дѣлъ.

	А	Б
х		
ц		
ч		
ш		
ъ		
ь		
ы		
ѣ		
ю		
я		

Этотъ ключъ можетъ послужить для тѣхъ, которые захот бы пользоваться, сохранившимися въ рукописяхъ, посольск письмами; а образцы самой таiнописи временъ Московскихъ, ставятъ новыя данныя для Русской Палеографiи.

II.

къ стр. 188.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ТЯПКИНА,

КЪ ЦАРЮ ѲЕОДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ

СЪ ВОЗШЕСТВІЕМЪ НА ПРЕСТОЛЪ.

—

Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, холопъ твой Васка Тяпкинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ Государь во 184 году, Марта въ 11 день, въ твоей, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, грамотѣ написано ко мнѣ холопу твоему объявленіе, что Всемогущій Господь Богъ изволилъ отца Вашего Великаго Государя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца отъ сего земнаго царствія преселити въ вѣчное блаженство небеснаго царствія своего, нынѣшняго же 194 году Генваря 30 дня. А при отшествіи съ сего свѣта въ вѣчное царствіе Божіе, отецъ Вашъ, Великій Государь Царь и великій Князь Алексѣй Михайловичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, Его Царское пресвѣтлое Величество, благословилъ и вручилъ Вамъ Великому Государю, Вашему Царскому Величеству, преславнаго Россійскаго царства престолъ, и самодержавный скипетръ и державу и предъ святымъ Евангеліемъ обѣщаніе Вамъ Великому Государю, Вашего Царскаго Величества подданные, Сибирскіе и Касимовской Царевичи, и ближніе бояре, и окольничіе, и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и гости, и жилцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, и подъячіе, и

начальные люди; иноземцы и стрельцы, и чернослободцы и иныхъ чиновъ Вашего Величества Россійскаго царствія люди учинили на томъ еже служити Вамъ Великому Государю, Вашему Царскому Величеству, и во всемъ радѣти и добра хотѣти такожъ, какъ они служили отцу Вашему Великому Государю, блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, а я бы тматысячный и послѣдній холопъ вашъ Великаго Государя, Вашего Царскаго Величества, такъ же служилъ вѣрно и радѣлъ и добра хотѣлъ Вамъ Великому Государю, Вашему Царскому Величеству, Государю моему Царю примилосердному, какъ отцу Вашему Великаго Государя Его Царскаго, блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу. Азъ же убогій и недостойный и послѣдній холопъ Вашъ Государевъ грамоту Вашу государскую съ почты пріемше отверзыпи же печать, писанное выразумѣвши, великимъ страхомъ и ужасомъ и трепетомъ одержимъ быхъ и не утѣшнымъ плачемъ, и горкими сироцкими моими слезами залившися, сѣтующи ми горше душею моею грѣшною и сердцемъ моимъ убогимъ, слыша о святомъ представленіи предражайшаго и прелюбезнѣйшаго отца Вашего, а нашего Великаго Государя, Его Царскаго пресвѣтлаго Величества, Государя нашего Царя примилосердаго, котораго не утолимая смерть исполняющи несытость суровости своей, чрезъ такъ многими стражниками обстоимыхъ пресвѣтлѣйшихъ палатъ принасвѣтлѣйшаго монарха въ свѣтѣ, вниде и животъ пресвѣтлому родителю Вашему Царскому отъемлетъ, которая пріодѣла всю Великороссійскую Монархію ризою жалостнаго плача и такъ вѣрно желательныхъ слугъ и подданныхъ, царевичевъ и ближнихъ вельможъ всего Вашего Царскаго Величества синклита и всякаго чина и возраста. По сихъ же и мене малѣйшаго и худѣйшаго въ послѣднихъ рабѣхъ Вашего Царскаго пресвѣтлаго Величества, неначаемымъ и зѣло плачевнымъ жалемъ сердца связала, кольмиже паче Вашего Царскаго пресвѣтлаго Величества, Государя нашего Царя премилосердаго, въ вѣчную память жалости обратила сердце. По многомъ же сѣтованіи и горькаго плача моего сироцкаго ошутился и едва пріидохъ въ себѣ обрѣтохъ же нижеписаное въ грамотѣ Вашей Великаго Государя Вашего Царскаго Величества, еже при отшествіи всего свѣта отецъ Вашъ Великій Государь, блаженные и преовѣчные памяти Его Царское Величество, благословилъ и вручилъ, яко премилѣйшему сыну и наслѣднику своему, Вамъ Великому Государю, Вашему Царскому Величеству, преславнаго Россійскаго Царствія престолъ и самодер-

жавный скипетръ и державу; тогда возрадовался душею и утѣшился сердцемъ, умывши печальными купно же и радостными слезами смрадное лице мое. веліе благодареніе Богу, единому въ троицѣ славимому, воздахъ, который животъ вѣчнаго монарха и святаго помазанника своего взялъ до превышнія своея монархіи небеснаго и вѣчнаго Царствія, а въ особѣ его оставилъ пресладчайшаго наслѣдника, Васъ Великаго Государя Вашего Царскаго пресвѣтлаго Величество, Государя и Царя намъ примилосердаго, который чистотою и добродѣтельми Богу и человѣкомъ пріемнымъ еси вообразитъ и покажетъ то на себѣ, яко и малѣйшаго степени пресвѣтлѣйшихъ дѣлъ и изящества монархіи рождшаго тя, не уступишъ; но вся о Бозѣ еже видѣлъ и слышалъ еси отъ него же и научился еси по вседневнымъ освидѣтельствованіемъ, по рѣченному Господню словеси, иже ничтоже творитъ сынъ, аще не видитъ отца творяще и паки отецъ мой дѣлаетъ до селѣ и азъ дѣлаю. Тойже паки рѣче: вся мне предана суть отцемъ моимъ, иже благороднѣйшій наслѣдникъ Вы, Великій Государь Ваше Царское пресвѣтлое Величество, отъ благословенные руки тебѣ преданное Царство и Державу отца своего пріимше, вся та на себѣ вобразити за помощію Божіею благоволиши. Азъ же тматысящный и худѣйшій и негодный рабъ и холопъ вашъ Государской, яко прежде по обѣщанію предъ свѣтлымъ Христовымъ Евангеліемъ отцу Вашему Государеву, блаженныя памяти Великому Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, Его Царскому Величеству вѣрно и непрестанно служа даже до тридесяти лѣтъ, такъ и нынѣ предъ тѣмъ же Святымъ Евангеліемъ обѣщаюся Вамъ Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, Вашему Царскому пресвѣтлому Величеству Государю моему Царю премилосердому, вѣрно и непрестанно о Вашемъ Государскомъ здравіи радоватися со страхомъ и работати и служити со трепетомъ, даже до послѣдняго издыханія моего содержати въ сердцѣ моемъ убогомъ не отмѣнну въ Бозѣ надежду и Вашей Государской милости полагающи твердое мое упованіе; еже службишка моя и многіе увѣчные раны и безпрестанно нынѣ будучи наризиденцы, въ Польшѣ работа, забвенна не будетъ. Съ таковымъ же убо намѣреніемъ и вѣрнымъ служеніемъ къ Вамъ Великому Государю, къ Вашему Царскому пресвѣтлому Величеству Государю Царю, присѣгающи предъ пресвѣтлѣйшимъ престоломъ Вашимъ Государскимъ падше, яко вѣрный рабъ до лица земли челомъ бью; а сію отписку къ Вамъ Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Рос-

сія Самодержцу къ Вашему Царскому Пресвѣтлому Величеству, а холопъ твой послалъ съ подъячимъ Посольскаго Приказу съ Никитою Алексѣевымъ и велѣлъ подать въ Посольскомъ Приказѣ ближнему боярину и намѣстнику Серпуховскому Артемону Сергѣевичу Матвѣеву да дьякомъ: думному Григорію Богданову, Василію Бобынину, Емельяну Украйнцову.

(Стат. Списокъ лист. 662 — 671.)

III.

къ стр. 204 и слѣд.

ПИСЬМО ТЯПКИНА КЪ А. С. МАТВѢЕВУ 1677 ГОДА 27 МАРТА.

Марта въ 21 день, во 2-мъ часу дня прiѣзжалъ Царскаго Величества къ посланнику и резиденту отъ Королевскаго Величества на дворъ ближней Королевскаго Величества покоевой дворянинъ, староста Битгожскiй, господинъ Галецкiй, генералъ и адьютантъ надворныхъ Королевскаго Величества рейтаръ и пѣхоты и драгунъ.

А вшедъ въ покой къ резиденту Царскаго Величества привитался, и именемъ Государя своего Королевскаго Величества, резиденту Царскаго Величества поздравлялъ и говорилъ, что Великiй Государь ихъ, Его Королевское Величество, указалъ резиденту его Царскаго Величества быть у себя Государя. И ожидаетъ де Государь ихъ, Его Королевское Величество, резидента Царскаго Величества въ саду въ дому скарбного писаря Господина Катовскаго, гдѣ нарочно Его Королевское величество одинъ, утаясь отъ сенаторовъ своихъ изъ замку выѣхалъ, и чтобъ Царскаго Величества резидентъ немедленно ѣхалъ къ Королевскому Величеству съ нимъ генераломъ, въ его же корѣтѣ.

А какъ Царскаго Величества резидентъ прiѣхалъ съ генераломъ въ корѣтѣ на дворъ, и по обвѣщанiю указалъ Королевское Величество резиденту Царскаго Величества итти къ себѣ въ полаты. Дворъ и полаты помянутаго писаря зѣло чудны и крашены и обиты злато-ткаными предражайшими обитьями, иже называются шпалеры, Пришедше же предъ лице Королевскаго Величества и покло-

* Какъ образецъ дипломатическихъ писемъ Тяпкина, прилагаемъ это письмо вполнѣ.

нился обычно, тогда и его Королевское Величество, шапку съ себя Государя снявъ, резиденту Его Царскаго Величества взаемнѣ уклонился, и спрашивалъ о здоровьѣ Великаго Государя, Его Царскаго Величества, а молылъ: Великаго Государя, Его Царскаго Величества, брата нашего яко Господь Богъ хранитъ на здравіи?

И резидентъ Царскаго Величества отвѣтствовалъ а молылъ: Милостію Божіею Великій Государь, Его Царское пресвѣтлое Величество, Государь мой Царь премилосердый, здравствуетъ. А съ Королевскимъ Величествомъ въ то время въ полатѣ были супруга Его Марія Казимера Королева съ сыномъ своимъ Якубомъ Королевичемъ, посолъ Французской бискупъ Марсилинскій да помянутой генералъ, а иныхъ сенаторовъ и урядниковъ надворныхъ никого небыло.

Потомъ же спросилъ о здоровьѣ резидента Царскаго Величества: какъ вашей милости на здравьѣ поводится?

И царскаго Величества резидентъ говорилъ: На услуги обоимъ Вамъ Великимъ Государямъ, такъ Великому Государю Его Царскому Величеству, Государю Царю премилосердому, яко и Вамъ Великому Государю Вашему Королевскому Величеству, милостію Божіею здравъ есмъ.

Тогда Королевское Величество взявъ за руку Царскаго Величества резидента пошелъ на огородъ, а Королевѣ и сыну своему и послу Французскому и помянутому генералу велѣлъ остатца въ покоѣ.

Огородъ которой зѣло изрядно и благоразумно устроенъ и многими благоплодными древесы, и овощи, и цвѣтами благовонными насажденъ, и кладези и фонтны дивными украшенъ; идѣже Его Королевское Величество, держащи за руку резидента Царскаго Величества, прехождая между кватерами по огородамъ говорилъ: Господине резидентъ Его Царскаго Величества, дивуюся зѣло, чего ради чрезъ такое долгое время и чрезъ множественные ссылки съ Великимъ Государемъ, Его Царскимъ Величествомъ, не могу прійтить въ вѣрной союзъ братства и вѣчные дружбы. И немогу вѣдать откуды, что Великій Государь, Его Царское Величество, и весь Его государской синклитъ имѣютъ на Его Королевскаго Величества подозрѣніе и недовѣрство, чего кромѣ самаго съклоннаго доброхотнаго желанія Его Королевскаго Величества ко Государству Московскому и жадныхъ противностей нечинивалъ. Еще же о томъ могутъ вѣдати многіе ближніе Его Царскаго Величества бояра и воеводы, когда наши Поляки не добре учинили и ближняго Его Царскаго Величества боярина и воеводу

Василія Борисовича Шереметева въ Крымъ отдали, гдѣ Его Королевское Величество крѣпко стоялъ и съ Гетманы своими за таковые ихъ злые поступки бронился, и съ частью войскъ своихъ имѣлъ итти на посилокъ боярину и воеводѣ Князю Юрью Никитичу Борятинскому, когдажбъ онъ бывъ пришелъ къ Чюдному на выручку бояринужъ и воеводѣ Висилію Борисовичу Шереметеву.

А нынѣ де, за помощію Всесильнаго Бога, будучи Государемъ на Коронѣ Польской и на великомъ Княжествѣ Литовскомъ стараюсь на ипаки сердечно со всѣми окрестными Великими Государи Христіанскими быти въ покоѣ и во братской и сосѣдственной дружбѣ, а наипаче съ Великимъ Государемъ, съ Его Царскимъ Величествомъ, Ему же Великому Государю всяческими способы и доброхотственнымъ желаніемъ всякаго благополучія яко самъ себѣ пріятствую.

Еще же, вѣдая отъ давнихъ лѣтъ яко предки Великаго Государя Его Царскаго Величества старались, а наипаче отецъ Его Великаго Государя, святыя и славныя памяти Великій Государь Его Царское пресвѣтлое величество, у отца нашего папежа Римскаго нарочнаго посланника, нѣкоего нашіе котолицкіе Римскіе вѣры, чтобъ папежъ въ надежду любви Христіянскіе и доброго ради дружества склонился, и учинилъ Великому Государю, Его Царскому Величеству, достойную честь Царствія въ именованіи и въ титлахъ Его Государскихъ, и описывалъ бы въ грамотахъ своихъ папѣжскихъ съполна, яко же и прочіе всѣ окрѣстные Великіе Государи Христіанскіе въ грамотахъ своихъ имянованье и титло Его Государское описуютъ, до чего славные памяти Климентъ 11-й папежъ и предки того папежа отнюдь не хотѣли склонитися.

А я нынѣ, утаясь отъ сенаторовъ и отъ всей рѣчи посполитой, писалъ до нынѣшняго отца папежа Инокентія съ великимъ и многимъ прошеніемъ, чтобъ онъ, брату нашему Великому Государю, Его Царскому Величеству, показалъ знаменитое свое дружелюбіе и въ любительныхъ грамотахъ и посольскихъ ссылкахъ своихъ описывалъ Великаго Государя, Его Царскаго Величества, имянованіе и титло Царствія по достоинству и по желанію Его Царскаго Величества, а особливо по прошенію нашему; для того чтобъ братъ нашъ Великій Государь, Его Царское Величество, видя къ дружбѣ своей Государской папежское склоненіе имѣлъ къ нынѣшнему Королевскому Величеству вѣрную свою братскую дружбу и любовъ и надѣюся, что Великому Государю, Его Царскому Величеству, то мое заочное доброхотѣніе и ходатайство, объ Его Государской чести, благодарно и пріемно; зачѣмъ и къ самой вѣрной братской дружбѣ и къ любви нашей Государской теплѣйшее склоненіе будетъ имѣти.

левскимъ Величествомъ и съ рѣчью посполитою вѣчной покой и завоеванные городы, которые належатъ до Государства Польскаго возвратить и союзъ истинной противъ непріятелей креста Святаго, Турецкаго Солтана и Крымскаго Хана, постановить и вѣрою изволилъ утвердить.

А хотя наше Королевское Величество учинилъ нынѣ подъ Журувномъ съ Турскимъ Солтаномъ покой, и на тотъ покой Великому Государю Его Царскому Величеству нечего смотрѣть и за покой его вмѣнять, которой покой не надолго будетъ, и не съ охоты нашей тотъ покой стался, но воистинну плачевной зело и принужденной отъ странныхъ и многихъ силъ поганскихъ, противъ которыхъ силъ трудно было Королевскому Величеству додержать и устоять безъ посилковъ.

А нынѣ де Солтанъ Турской со множественными силами своими поганскими устремился на Украйну подъ Чигиринъ и подъ Кіевъ, и на самое Государство Московское, и естьли де отъ чего Боже сохрани, какое преткновеніе войскамъ Великаго Государя, Его Царскаго Величества, учинитца, или непріятель Чигиринъ взявъ силами своими поганскими осадитъ; тогда тотъ непріятель въ гордость свою поганскую пуще вступитъ и обоимъ намъ Великимъ Государемъ и Государствамъ нашимъ зело тяжекъ будетъ, и того ради нынѣ прилежно и въскорѣ подобаетъ чинить войскамъ Его Царскаго Величества первѣе и ранѣе.

И резидентъ Царскаго Величества выслушавъ, говорилъ: вся мнѣ повелѣнная, яже слышалъ изоустъ отъ Васъ Великаго Государя, Вашего Королевскаго Величества, все то учинить и обо всемъ подлинно о благомъ Его Королевскаго Величества намѣреніи къ братцкой дружбѣ и любви Великому Государю Его Царскому Величеству Государю Царю премилосердому объявить готовъ.

Паки Королевское Величество говорилъ: Господине резиденте еще же и отомъ отъпиши къ Великому Государю, Его Царскому Вели честву, чтобъ Его Царское Величество въ надежду съ Его Королевскимъ Величествомъ нерозорванные братцкіе дружбы и любви и для вѣрнѣйшаго постановленія въ дѣлѣхъ государственныхъ, укалалъ бы Великій Государь, Его Царское Величество, Его Королевскаго Величества великимъ и полномочнымъ посломъ и резиденту бывати имъ у Его Царскаго Величества по назначенному времени за просто, безъ посольскихъ чиновъ и безъ многолюдныхъ строеній, также яко ты резидентъ Его Царскаго Величества теперьво со мною Королемъ одинъ на одинъ чинишъ розговоръ и

и домогался у ближнихъ Царскаго Величества людей, чтобъ на Его Королевскаго Величества съ резидентомъ Царскаго Величества разговоры, Великій Гесударь. Его Царское Величество, указалъ резиденту Его Царское Величества свой Царскаго Величества указъ учинить и изволеніе Великаго Государя, Его Царскаго Величества, чрезъ резидента Его Царскаго Величества Королевскому Величеству соотвѣтствованіе учинить безъ мотчанія.

А грамоты Его Королевское Величество любительные къ Великому Государю, Его Царскому Величеству, о таковой заочной дружбѣ и любви непосылаетъ для того, что сенаторы Его Королевскаго Величества и рѣчь посполитая не вѣдаютъ. А въспомнивши о войнѣ Турецкой паки увѣряю и желаю, чтобъ конечно безъ замедленія войскамъ своимъ Его Царское Величество указалъ на Крымъ наступить, а на Черномъ морѣ даже до Константинаполя всякой воинской промыселъ Донскимъ и Запорожскимъ Казакомъ потомужъ указалъ Его Царское Величество чинить.

А въ Чигиринъ и Кіевъ и прочіе городы подобаетъ многими войсками и полковыми запасы и пушки осадить, а всего наипаче надобно въ тѣхъ городахъ имѣти мудрыхъ инженеровъ и артиллерійстовъ, которые бы знали подлинно на градцкихъ и подъкопныхъ и пинардныхъ ученій и дѣлѣхъ, для того, что Салтанъ Турской, непріятель Креста Святаго, ни чѣмъ такъ городовъ скоро недобываетъ, токмо скорыми подкопы и гранатами чрезъ мудрыхъ инженеровъ и артиллерійстовъ. И съкончивши Его Королевское Величество рѣчь сію Царскаго Величества резиденту указалъ ѣхать на подъворье.

И Царскаго Величества Резидентъ, поклонясь Королевскому Величеству, пошелъ изъ огорода на подворье чрезъ полаты гдѣ была Королевино Величество съ сыномъ своимъ, имъ же резидентъ Царскаго Величества обоимъ поклонился, Королеважъ и Королевичь взаимно ему уклонились и спрашивала сама его о здоровьѣ, ей же соотвѣтствовалъ резидентъ Царскаго Величества тѣмъ же словы, какъ и самому Королевскому Величеству, о чемъ писано выше сего.

А изъ полатъ его проводилъ даже до кареты помянутой генералъ и седчи въ карету у крыльца поѣхалъ къ себѣ наподворье.

(Стат. Списокъ л. 779 — 798.)

Saluo Tl mjnu

Jf maduaba Caondepa

Jhz y Ko pna

